

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
«ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ: ФАКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗ

Том 17, № 3, 2024

Журнал издается
с 2008 года

Периодичность выхода
журнала – 6 раз в год

Издание посвящается
300-летию РАН

Решением Минобрнауки РФ журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям:

- 5.2.1. Экономическая теория
- 5.2.2. Математические, статистические и инструментальные методы в экономике
- 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика
- 5.2.4. Финансы
- 5.2.5. Мировая экономика
- 5.4.1. Теория, методология и история социологии
- 5.4.2. Экономическая социология
- 5.4.3. Демография
- 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы
- 5.4.5. Политическая социология
- 5.4.6. Социология культуры
- 5.4.7. Социология управления

Журнал размещается в следующих реферативных и полнотекстовых базах данных: Web of Science (ESCI), ProQuest, EBSCOhost, Directory of Open Access Journals (DOAJ), RePEc, Ulrich's Periodicals Directory, ВИНТИ РАН, Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Все статьи проходят обязательное рецензирование. Высказанные в статьях мнения и суждения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Ответственность за подбор и изложение материалов несут авторы публикаций.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЫ: ФАКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗ

Рецензируемый научно-практический журнал, охватывающий вопросы анализа и прогноза изменений в экономике и социальной сфере различных стран и регионов, локальных территорий.

Основная цель издания журнала – предоставление широким слоям мировой научной общественности и практическим работникам возможности публиковать результаты изысканий в сфере исследования социально-экономических процессов, знакомиться с различными точками зрения на актуальные проблемы развития экономики и социума, принимать участие в дискуссиях по обсуждаемым темам. В числе основных тем – стратегии развития территорий, региональная и отраслевая экономика, социальное развитие, вопросы формирования доходов бюджетов и рационализации расходов, инновационная экономика, вопросы экономической теории.

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ильин В.А., член-корреспондент РАН (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Байджан Тюзин, кандидат наук, проф. (Стамбульский технический университет, Стамбул, Турция)

Ка Лин, д-р, проф. (Центр европейских исследований Чжецзянского университета, Ханчжоу, Китай)

Тетсуо Мисуками, д-р, проф. (Социологический колледж Университета Риккио, Токио, Япония)

Дайширо Номия, к. с. н., проф. (Университет Чуо, Токио, Япония)

Оуй Пейтер, д-р (Нидерландская организация прикладных научных исследований, Делфт, Нидерланды)

Сапир Жак, проф. (Высшая школа социальных наук (EHESS), Центр исследований индустриализации (SEMI), Париж, Франция)

Хохгернер Йозеф, д-р, проф. (Центр социальных инноваций, Вена, Австрия)

Штопка Пётр, проф. (Ягеллонский университет, Краков, Польша)

Кишиштоф Т. Конек, проф. (Лодзинский университет, Лодзь, Польша)

Артамонова А.С., ответственный секретарь (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Багирова А.П., д. э. н., проф. (Уральский федеральный университет им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия)

Губанова Е.С., д. э. н., проф. (Вологодский государственный университет, Вологда, Россия)

Гулин К.А., заместитель главного редактора, д. э. н., доцент (Вологда, Россия)

Калачикова О.Н., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Лаженицев В.Н., член-корреспондент РАН (Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УрО РАН, Сыктывкар, Россия)

Морев М.В., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Третьякова О.В., заместитель главного редактора, к. ф. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Ускова Т.В., д. э. н., профессор (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Шабунцова А.А., д. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

Веркей Жюльен, проф. (Национальный институт восточных языков и цивилизаций INALCO, Париж, Франция)

Витязь П.А., академик НАН Беларуси (НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Дайнеко А.Е., д. э. н., проф. (Институт экономики НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Кивинен М., проф. (Александровский институт Хельсинского университета, Хельсинки, Финляндия)

Котляров И.В., д. с. н., проф. (Институт социологии НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Чжан Шухуа, д-р, проф. (Китайская академия общественных наук, Пекин, Китай)

Афанасьев Д.В., к. с. н., доцент (Министерство науки и высшего образования РФ, Москва, Россия)

Балацкий Е.В., д. э. н., проф. (Центр макроэкономических исследований Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия)

Валентей С.Д., д. э. н., проф. (Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия)

Гайнанов Д.А., д. э. н., проф. (Институт социально-экономических исследований Уфимского научного центра РАН, Уфа, Россия)

Горшков М.К., академик РАН (Институт социологии РАН, Москва, Россия)

Ленчук Е.Б., д. э. н., проф. (Институт экономики РАН, Москва, Россия)

Леонидова Г.В., к. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Некипелов А.Д., академик РАН (Московская школа экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия)

Полтерович В.М., академик РАН (Центральный экономико-математический институт РАН, Московская школа экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия)

Чурреев Ю.Я., д. т. н. (Институт социальноэкономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УрО РАН, Сыктывкар, Россия)

ISSN 1998-0698 (Print)
ISSN 2312-9816 (Online)

Адрес в Интернете: <http://esc.volinc.ru>

© ФГБУН ВолНЦ РАН, 2024

FEDERAL STATE BUDGETARY INSTITUTION OF SCIENCE
VOLOGDA RESEARCH CENTER OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

**ECONOMIC
AND SOCIAL
CHANGES:
FACTS, TRENDS, FORECAST**

Vol. 17, no. 3, 2024

**The journal
was founded in 2008**

Publication frequency:
six times a year

**The publication is
dedicated to the 300th
anniversary of RAS**

According to the Decision of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, the journal *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast* is on the List of peer-reviewed scientific journals and editions that are authorized to publish principal research findings of doctoral (Ph.D., candidate's) dissertations in scientific specialties:

- 5.2.1. Economic theory
- 5.2.2. Mathematical, statistical and instrumental methods in economics
- 5.2.3. Regional and sectoral economy
- 5.2.4. Finance
- 5.2.5. World economy
- 5.4.1. Theory, methodology and history of sociology
- 5.4.2. Economic sociology
- 5.4.3. Demography
- 5.4.4. Social structure, social institutions and processes
- 5.4.5. Political sociology
- 5.4.6. Sociology of culture
- 5.4.7. Sociology of management

The journal is included in the following abstract and full text databases:

Web of Science (ESCI), ProQuest, EBSCOhost, Directory of Open Access Journals (DOAJ), RePEc, Ulrich's Periodicals Directory, VINITI RAS, Russian Science Citation Index (RSCI).

All research articles submitted to the journal are subject to mandatory peer-review. Opinions presented in the articles can differ from those of the editor. Authors of the articles are responsible for the material selected and stated.

ISSN 1998-0698 (Print)
ISSN 2312-9816 (Online)

Internet address: <http://esc.volnc.ru>

ECONOMIC AND SOCIAL CHANGES: FACTS, TRENDS, FORECAST

A peer-reviewed scientific journal that covers issues of analysis and forecast of changes in the economy and social spheres in various countries, regions, and local territories.

The main purpose of the journal is to provide the scientific community and practitioners with an opportunity to publish socio-economic research findings, review different viewpoints on the topical issues of economic and social development, and participate in the discussion of these issues. The remit of the journal comprises development strategies of the territories, regional and sectoral economy, social development, budget revenues, streamlining expenditures, innovative economy, and economic theory.

Founder: Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences

EDITOR-IN-CHIEF

V.A. Iylin, RAS corresponding member (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

EDITORIAL BOARD

- Tüzün Baycan*, Ph.D., professor (Istanbul Technical University, Istanbul, Turkey)
Ka Lin, doctor, professor (Center of European Studies at Zhejiang University, Hangzhou, China)
Tetsuo Mizukami, Ph.D., professor (College of Sociology, Rikkyo University, Tokyo, Japan)
Daishiro Nomiya, Ph.D. in Sociology, Prof. (Chuo University, Tokyo, Japan)
P.R. A. Oeij (TNO, Netherlands Organisation for Applied Scientific Research, Delft, The Netherlands)
Jacques Sapir, professor (Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales (EHESS), Centre d'Etude des Modes d'Industrialisation (CEMIEHES), Paris, France)
Josef Hochgerner, doctor, professor (Centre for Social Innovation, Vienna, Austria)
Piotr Sztompka, professor (Jagiellonian University, Krakow, Poland)
Krzysztof T. Konecki, professor (Lodz University, Lodz, Poland)
A.S. Artamonova, executive secretary (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)
A.P. Bagirova, Doc. Sci. (Econ.), professor (Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia)
E.S. Gubanova, Doc. Sci. (Econ.), professor (Vologda State University, Vologda, Russia)
K.A. Gulin, deputy editor-in-chief, Doc. Sci. (Econ.), associate professor (Vologda, Russia)
O.N. Kalachikova, Cand. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)
V.N. Lazhentsev, RAS corresponding member (Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of RAS, Syktyvkar, Russia)
M.V. Morev, Cand. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)
O.V. Tret'yakova, deputy editor-in-chief, Cand. Sci. (Philol.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)
T.V. Uskova, Doc. Sci. (Econ.), professor (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)
A.A. Shabunova, Doc. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

EDITORIAL COUNCIL

- Julien Vercueil*, professor (National Institute for Oriental Languages and Civilizations INALCO, Paris, France)
P.A. Vityaz, academician of NAS of Belarus (NAS of Belarus, Minsk, Belarus)
A.E. Dayneko, Doc. Sci. (Econ.), professor (Institute of Economics of NAS of Belarus, Minsk, Belarus)
Markku Kivinen, professor (Aleksanteri Institute of the University of Helsinki, Helsinki, Finland)
I.V. Kotlyarov, Doc. Sci. (Sociol.), professor (Institute of Sociology of NAS of Belarus, Minsk, Belarus)
Zhang Shuhua, doctor, professor (Chinese Academy of Social Sciences, Beijing, China)
D.V. Afanasyev, Cand. Sci. (Sociol.), associate professor (Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Moscow, Russia)
E.V. Balatsky, Doc. Sci. (Econ.), professor (Center for Macroeconomic Research, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia)
S.D. Valentey, Doc. Sci. (Econ.), professor (Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia)
D.A. Gaynanov, Doc. Sci. (Econ.), professor, (Institute for Social and Economic Research, Ufa Scientific Center of RAS, Ufa, Russia)
M.K. Gorshkov, RAS academician (RAS Institute of Sociology, Moscow, Russia)
E.B. Len'chuk, Doc. Sci. (Econ.), professor (RAS Institute of Economics, Moscow, Russia)
G.V. Leonidova, Cand. Sci. (Econ.), associate professor (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)
A.D. Nekipelov, RAS academician (Moscow School of Economics at Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)
V.M. Polterovich, RAS academician (Central Economics and Mathematics Institute, Moscow School of Economics at Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)
Yu.Ya. Chukreev, Doc. Sci. (Engin.) (Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of RAS, Syktyvkar, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

- Ильин В.А., Морев М.В. V политический цикл Президента РФ В. Путина:
«косметический ремонт» капитализма для своих
или
переход к «социальному капитализму»? 9

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

- Дементьев В.Е. О способности регионов адаптироваться к разным внешним шокам ... 36
Костяев А.И. Цифровое неравенство между городским и сельским населением 50

НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ И ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ

- Ленчук Е.Б., Филатов В.И. Проекты технологического суверенитета как инструмент
инновационного развития российской экономики 68
Якушев Н.О., Устинова К.А., Кочнев А.А. Импортзамещение как фактор развития
отечественных цифровых технологий 82

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

- Бывшев В.И., Королева С.А., Пантелеева И.А., Писарев И.В. Прогнозирование
показателей научно-технологического и инновационного развития
региона при помощи рекуррентных нейронных сетей 102

ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА

- Сидоров М.А. О влиянии экспорта на численность и профессиональную структуру
занятости в России: межотраслевой подход 118

СОЦИАЛЬНОЕ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

- Багирова А.П., Вавилова А.С., Бледнова Н.Д. Корпоративная демографическая
политика как инструмент реализации стратегических интересов
государства, бизнеса и персонала 137

Золотарева О.А., Накисбаев Д.В. Демографическая безопасность России: тенденции и прогнозы	154
Назарова И.Б., Карпова В.М., Ляликова С.В. Потенциал здоровья населения: состояние и взаимосвязь с характеристиками российских регионов	174
Шичкин И.А., Кожевникова М.О. Влияние прекаризации на качество занятости и уровень жизни домохозяйств работников среднего поколения	190
Короленко А.В., Калачикова О.Н. Современная территориальная и социально-демографическая специфика вахтовой трудовой миграции в России	206
Мухин М.А., Урасова А.А. Оценка взаимодействия некоммерческих организаций с системой муниципального управления	226
Мыслякова Ю.Г., Неклюдова Н.П. Тренды развития национальной экономики в фокусе ведущих научных журналов	242

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ

Леонов С.Н., Заостровских Е.А. Развитие внутреннего водного транспорта России и опыт Китая	258
---	-----

МОНИТОРИНГ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества	275
Правила приёма статей	287
Информация о подписке	288

CONTENT

EDITORIAL

- Ilyin V.A., Morev M.V. The Fifth Political Cycle of Russian President Vladimir Putin:
“Cosmetic Repairs” for Crony Capitalism
or
a Transition to “Social Capitalism”? 9

REGIONAL ECONOMICS

- Dementiev V.E. On the Ability of Regions to Adapt to Various External Shocks 36
Kostyaev A.I. Digital Inequality between Urban and Rural Population 50

SCIENTIFIC, TECHNOLOGICAL AND INNOVATION DEVELOPMENT

- Lenchuk E.B., Filatov V.I. Technological Sovereignty Projects as a Tool for Innovative
Development of the Russian Economy 68
Yakushev N.O., Ustinova K.A., Kochnev A.A. Import Substitution as a Factor in the
Development of Domestic Digital Technology 82

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ISSUES

- Byvshev V.I., Koroleva S.A., Panteleeva I.A., Pisarev I.V. Forecasting the Indicators
of Scientific, Technological and Innovative Development of the Region Using
Recurrent Neural Networks 102

BRANCH-WISE ECONOMICS

- Sidorov M.A. On the Impact of Exports on the Number of Employed Population and
on the Professional Structure of Employment in Russia: An Input –
Output Approach 118

SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT

- Bagirova A.P., Vavilova A.S., Blednova N.D. Corporate Demographic Policy as a Tool
for Implementing the Strategic Interests of the State, Business and Employees ... 137

Zolotareva O.A., Nakisbaev D.V. Demographic Security of Russia: Trends and Forecasts	154
Nazarova I.B., Karpova V.M., Lyalikova S.V. Public Health Potential: Current State and Relation to Russian Regions' Features	174
Shichkin I.A., Kozhevnikova M.O. The Impact of Precarity on Quality of Employment and Living Standards of Households of the Middle Generation Workers	190
Korolenko A.V., Kalachikova O.N. Modern Territorial and Socio-Demographic Specifics of Long-Distance Commuting in Russia	206
Mukhin M.A., Urasova A.A. Assessing the Interaction between Non-Profit Organizations and the Municipal Management System	226
Myslyakova Yu.G., Neklyudova N.P. National Economy Development Trends Highlighted by Leading Scholarly Journals.....	242

GLOBAL EXPERIENCE

Leonov S.N., Zaostrovskikh E.A. Development of Inland Waterway Transport in Russia and the Experience of China	258
---	-----

MONITORING OF PUBLIC OPINION

Public Opinion Monitoring of the State of the Russian Society.....	275
Manuscript Submission Guidelines	287
Subscription Information.....	288

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

DOI: 10.15838/esc.2024.3.93.1

УДК 354, ББК 66.03

© Ильин В.А., Морев М.В.

У политический цикл Президента РФ В. Путина: «косметический ремонт» капитализма для своих или переход к «социальному капитализму»?

**Владимир Александрович
ИЛЬИН**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация

E-mail: ilin@vscc.ac.ru

ORCID: 0000-0003-4536-6287; ResearcherID: N-4615-2017

**Михаил Владимирович
МОРЕВ**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация

E-mail: 379post@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1396-8195; ResearcherID: I-9815-2016

Аннотация. Новый политический цикл и V президентский срок В.В. Путина начинаются в достаточно сложных и противоречивых условиях для России. С одной стороны, появляется всё больше признаков того, что страны НАТО готовятся к прямому военному конфликту с нашей страной, что приводит к эскалации и без того напряженной международной обстановки. С другой стороны, на внутренней политической арене по-прежнему не прослеживается каких-либо признаков того, что элиты (прежде всего в системе государственного управления, представители крупного бизнеса) начинают чувствовать суть исторического момента и в соответствии с этим менять мотивацию и свои ценностные установки с личных интересов на интересы нацио-

Для цитирования: Ильин В.А., Морев М.В. (2024). У политический цикл Президента РФ В. Путина: «косметический ремонт» капитализма для своих или переход к «социальному капитализму»? // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 3. С. 9–35. DOI: 10.15838/esc.2024.3.93.1

For citation: Ilyin V.A., Morev M.V. (2024). The fifth political cycle of Russian President Vladimir Putin: “Cosmetic repairs” for crony capitalism or a transition to “social capitalism”? *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 17(3), 9–35. DOI: 10.15838/esc.2024.3.93.1

нальной безопасности. Причина этого в том, что, несмотря на принятие важных, необходимых для начала нового политического цикла решений со стороны Президента (формулировка целей национального развития до 2030, 2036 г., назначение ответственных исполнителей по их реализации), им так и не сформулирован ответ на вопрос, какое государство мы строим? Государство «социального капитализма» или «капитализма для своих»? Потребность в ответе на этот вопрос (причем именно со стороны Президента) зреет в обществе уже много лет и сегодня достигла такой степени актуальности, что стала предметом пленарной дискуссии с участием главы государства на Петербургском международном экономическом форуме, прошедшем в России 5–8 июня 2024 г. Однако и на этой площадке ответ со стороны Президента так и не прозвучал, что вынуждает многих экспертов (в основном отражающих мнение большинства населения страны) пребывать в состоянии тревожного ожидания по поводу того, куда идёт Россия; есть ли у неё четкое понимание образа будущего, необходимого и для успешного достижения всех целей специальной военной операции, и для выстраивания контуров нового Общественного договора, который должен прийти на смену тому, что можно назвать парадигмой полуколониальной зависимости от Запада... В статье используется обширная база данных в виде экспертных мнений, фактов, результатов мониторинговых социологических исследований. Научная новизна подхода состоит, прежде всего, в сочетании различных сторон общественной и политической жизни страны, которые становятся предметом авторского анализа. Среди них конкретные управленческие решения главы государства, оценки общественного мнения, реакция представителей крупного бизнеса, мнения депутатов Государственной Думы, политических и общественных деятелей, историков, экономистов и т. д. В частности, в статье представлены результаты голосования в нижней палате Парламента по поводу утверждения кандидатур новых членов Правительства РФ, а также данные открытой отчетности ряда крупных металлургических корпораций, указывающие на несоответствие приоритетов их деятельности тем вызовам, перед которыми оказалась Россия после начала специальной военной операции.

Ключевые слова: новый политический цикл, социальный капитализм, олигархический капитализм, новый Общественный договор, «майский указ» 2024 г.

В мае 2024 г. в России начался новый политический цикл – V президентский срок В.В. Путина. Этот период в жизни страны вполне закономерно актуализирует вопросы о будущем. Причем связанным не только с ходом СВО (за которой, безусловно, стоят главные вызовы национальной безопасности), а шире – о будущем до 2030, 2036 г.: удастся ли стране преодолеть комплекс проблем, накопившихся за постсоветский период? Сможет ли она в тяжелейших политических и экономических условиях сделать разворот на 180 градусов, создать условия для развития многополярного мира и выйти из состояния полуколониальной зависимости от США, в котором пребывала все предыдущие 30 лет? Будут ли реально достигнуты цели и задачи национального развития наступившего политического цикла, и если да, то насколько это позволит России приблизиться к достижению главной цели – обретению полного национального суверенитета?

Колганов А. (д.э.н., проф., зав. лабораторией МГУ имени М.В. Ломоносова): «Мы находимся в той ситуации, которая сложилась в 90 годы. Темпы роста невелики, темпы роста благосостояния мизерны... **Проблема в той экономической модели, которая сложилась в России. Необходима смена модели. Речь должна идти о мерах чрезвычайного характера. Потому что проблемы носят чрезвычайный характер...**

Но шаги, чтобы исправить модель, не принимаются. Многие установки, которые вели к крайне негативным социально-экономическим последствиям, продолжают работать. Это видно в финансах.

Почему же так и что нужно сделать, чтобы исправить ситуацию? А что хромает? **Меня не устраивает, что эта модель капиталистическая, но перескочить капитализм – задача крайне сложная.**

Почему наша модель капитализма неэффективна?... Почему российская экономическая модель зависла в таком состоянии? **Её стихийное формирование в 90-е, когда были интересы бюрократии, когда думали о своих частных корыстных интересах, они остаются...**¹

Вопросов много, и ответы на них придется находить в крайне сложных и неоднозначных условиях как внутри страны (в системе государственного управления, обществе, бизнесе, культуре), так и, прежде всего, на внешней политической арене – вокруг России и в мире в целом.

По крайней мере, именно так выглядит ситуация сегодня, в период начала нового политического цикла. В частности, на фоне укрепления

«Президент РФ рассматривает свою государственную деятельность **именно в историческом контексте**, а это время достаточно большой длительности. Казалось бы, никаких смут и внутренних потрясений в России давно не было. **Но если мыслить длительными отрезками, то все уроки, конечно, можно считать недавними и точно актуальными.** Речь прежде всего идет об опыте политической неопределенности, безвластия. Или опыте потери власти ответственной элитой, которой доверили управление страной.

Действующий президент, очевидно, не хочет повторения, воспроизводства этого опыта. Для него ближайшие шесть лет – важный отрезок»².

ния формата БРИКС, подписания договора о всеобъемлющем стратегическом партнерстве³ между Россией и КНДР, имеющего «далеко идущие последствия для отношений Москвы и Пхеньяна, для обстановки в Северо-Восточной Азии, для безопасности в глобальном измерении»⁴, а также на фоне продолжающейся специальной военной операции⁵, когда в конфликт на Украине всё больше втягиваются европейские страны – члены НАТО.

В. Путин: «Доля в мировом ВВП по паритету покупательной способности «большой семёрки» в 1992 году была 45,7%, а БРИКС даже без учёта расширения... только 16,5, а в 2022-м уже «семёрка» – 30,3%, а БРИКС – 31,5%. К 2028 году ситуация ещё больше поменяется в сторону БРИКС: будет 36,6%, для «семёрки» прогноз на 2028 год – 27,8»⁶.

С. Лавров: за 2023 г. объединение БРИКС расширилось вдвое (с 5 до 10 членов); «около 30 государств подали заявки на сближение с БРИКС в той или иной форме»⁷.

18–19 июня 2024 г. состоялся государственный визит В. Путина в Корейскую Народную Демократическую Республику, в ходе которого главами государств был подписан договор о всеобъемлющем стратегическом партнерстве, что является «геополитическим прорывом, радикально меняющим расклады в Восточной Азии и мире»⁸.

¹ Россия «застряла» в неэффективной модели капитализма 1990-х // Новый день (российское информационное агентство). 17.02.2024. URL: <https://newdaynews.ru/moscow/819535.html> (материалы Пятого Всероссийского Социального форума, проходившего в рамках Всемирного социального форума WSF-2024 16–18 февраля 2024 г.).

² Как обеспечить устойчивость системы в России // Независимая газета. 08.05.2024. URL: https://www.ng.ru/editorial/2024-05-08/100_08052024_red.html

³ О подписании Договора о всеобъемлющем стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Корейской Народно-Демократической Республикой: Распоряжение Президента РФ от 17.06.2024 № 182.

⁴ Тавровский Ю. Корейский ответ на украинский и тайваньский кризисы // Независимая газета. 19.06.2024. URL: https://www.ng.ru/kartblansh/2024-06-19/3_9031_kb.html

⁵ «ВС РФ сохраняют инициативу на фронтах уже больше полугодия: обходится без крупных кампаний с прорывом многочисленных соединений на глубину фронта, но и без серьезных пауз с разделением на сезонные операции. Сохраняется давление почти на всех направлениях» (Источник: Смирнов А. На пороге неуправляемой эскалации // Монокл. 10.06.2024. URL: <https://monocle.ru/monocle/2024/24/na-poroge-neupravlyayemoy-eskalatsii/>).

⁶ Послание Президента РФ Федеральному Собранию 29 февраля 2024 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73585>

⁷ Выступление Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова в ходе заседания Делового совета по тематике БРИКС, Москва, 31 мая 2024 года. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1953913/

⁸ Школьников А. Русский бильярд, два шара в одну лузу... // Завтра. 20.06.2024. URL: https://zavtra.ru/blogs/russkij_bil_yard_dva_shara_v_odnu_luzu

Их действия⁹ и публичные высказывания¹⁰ повышают градус международной напряженности и провоцируют эскалацию конфликта. Как подчеркнул один из экспертов, **«ощущение такое, что мир сошёл с ума, что кто-то сознательно толкает его к катастрофе»¹¹.**

«Эгоизм и высокомерие западных государств привели к нынешнему крайне опасному состоянию дел. **Мы подошли недопустимо близко к точке невозврата.** Призывы нанести стратегическое поражение России, обладающей крупнейшим арсеналом ядерного оружия, демонстрируют **запредельный авантюризм западных политиков. Они либо не понимают масштабы угрозы, которую сами поражают, либо одержимы верой в собственную безнаказанность и в собственную исключительность»¹².**

«Прирост военных расходов... стран, которые прямо или скрыто ведут войну против России, составил в прошлом [2023] году 90,9 млрд долл. И если сравнить этот суммарный прирост с приростом военных расходов России, то последний оказывается **более чем в четыре раза меньше. В этой военной гонке Запад (включая его сателлита в лице Украины) Россию обыгрывает с разгромным счетом»¹³.**

Причем нельзя не признать две вещи.

✓ Во-первых, с самого начала специальной военной операции государства так называемого «коллективного Запада», объединенные военным блоком НАТО, действуют слаженно, целенаправленно и именно против России. В то время как дружественные Российской Федерации государства, выступающие за становление многополярного мира, не объединены ни в какой военный блок, таким образом, наша страна де-факто остается «один на один» с противником, кратно превосходящим её по военному потенциалу...

✓ Во-вторых, «коллективный Запад» действует вполне открыто и последовательно. Цель нанесения «стратегического поражения» России была озвучена представителями НАТО с самого начала СВО (об этом публично заявила заместитель госсекретаря США В. Нуланд 9 марта 2022 г.¹⁴), и с тех пор эта цель не измени-

К. Сивков: «Западные элиты, в частности американские, **поставили слишком много на поражение России в зоне СВО...** Поэтому Вашингтону не остается ничего другого, кроме как начать **борьбу за собственное выживание.** Достичь этого они попытаются за счет постепенного расширения зоны боевых действий... **Таким образом, мы будем иметь дело с медленным и постепенным втягиванием в противостояние с Россией отдельных европейских государств»¹⁵.**

⁹ В частности, тот факт, что США и еще, как минимум, 11 европейских стран НАТО (Великобритания, Латвия, Литва, Канада, Нидерланды, Польша, Финляндия, Франция, Чехия, Швеция, Эстония) разрешили Украине использовать дальнобойное оружие для нанесения ударов вглубь территорий России.

¹⁰ Прежде всего речь идет о заявлениях Президента Франции Э. Макрона отправить военный контингент в зону СВО. Кроме того, по мнению полковника в отставке А. Кошкина, «своих военных в зону проведения специальной военной операции на Украину могут отправить страны Балтии и Польша» (Информационный портал News.ru. URL: <https://dzen.ru/a/Zjnetp50uRIjaaBy?ysclid=lxg1gyonk6568011656>).

¹¹ Встреча В. Путина с руководителями международных информагентств 5 июня 2024 г. (цитата А. Кондрашова) // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/74223>

¹² Встреча В. Путина с руководством МИД России 14 июня 2024 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/74285>

¹³ Катасонов В. Начинается новый раунд гонки вооружений // Завтра. 30.05.2024. URL: https://zavtra.ru/blogs/o_voennih_rashodah_v_mire_nachinaetsya_novij_raund_gonki_vooruzhenij?ysclid=lxmtwzitlm698795933

¹⁴ Нуланд назвала цель США на Украине // РИА-новости. 09.03.2022. URL: <https://ria.ru/20220309/tse1-1777205074.html?ysclid=lxmufvwhc157188618>

¹⁵ Военный эксперт: США пытаются втянуть Россию в конфликт европейского масштаба // Взгляд. 07.03.2024. URL: <https://vz.ru/news/2024/3/7/1256953.html>

лась. Тактическая задача «ослабления» России путем ведения боевых действий «до последнего украинца» также никогда не скрывалась, и по этой логике, как отмечают многие эксперты, продолжать воевать с Россией «до последнего европейца»¹⁶ вполне устраивает Соединенные Штаты Америки – истинных разжигателей украинского конфликта.

В итоге ситуация вокруг России на внешней политической арене и в мире в целом складывается пока что очень тревожно: «дальнейшее повышение ставок уже практически невозможно без выхода военного конфликта за пределы Украины и без применения ядерного оружия»¹⁷. **И как разрешится данная ситуация, пожалуй, сегодня с уверенностью не возьмется сказать ни один политический или военный обозреватель...**

Однако, несмотря на то что главные вопросы, от которых зависит достижение целей СВО и исход украинского конфликта, решаются в первую очередь на поле боя, «**победить в этом противостоянии только военным путём, – как отмечает А. Дугин, – не получится**»¹⁸. Многое для будущего России решается именно во внутренней жизни страны; в способности общества в целом и, прежде всего, его элитарных групп (в политике, культуре, бизнесе, системе государственного управления и т. д.) «выйти» из парадигмы западного мышления, ценностей и образа жизни; ментально перестроиться на те цели, которые наша страна отстаивает во внешней политике: достижение полного национального суверенитета, опора на традиционные ценности, социальное (а не капиталистическое) государство.

Дугин А.: «Сейчас Россия находится в периоде сражения с идеологическим противником, и это битва не только армии, но и государств, идей и цивилизаций... И потому нам надо очень быстро, стремительно, определяться с этим русским мировоззрением, основы которого заложены в документах президента, в речах, в его постановлениях, в наших доктринах»¹⁹.

И, к сожалению, в этом смысле реальная ситуация внутри страны складывается не менее противоречиво, чем на внешней политической арене.

Следует отметить, что в целом государство предпринимает много важных системных шагов по обеспечению курса национального развития страны на период ближайшего политического цикла и на более дальнюю перспективу. Так:

✓ 29 февраля 2024 г. в ходе ежегодного Послания Федеральному Собранию РФ В.В. Путин публично озвучил цели и задачи национального развития **на период до 2030 года**, в том числе с учетом перспектив развития, обозначенных в докладе Агентства стратегических инициатив (АСИ) «Горизонт 2040»²⁰;

✓ 17 марта 2024 г. состоялись выборы Президента РФ, на которых «программа действий»²¹ В.В. Путина была **безоговорочно поддержана россиянами**: он получил рекордное число голосов избирателей; в два раза больше, чем во время своих первых президентских выборов

¹⁶ Они совсем страх потеряли? // Российская газета 27.03.2023 (цитата Н. Патрушева). URL: <https://rg.ru/2023/03/27/oni-sovsem-strah-poteriali.html>

¹⁷ Смирнов А. На пороге неуправляемой эскалации // Монокль. 10.06.2024. URL: <https://monocle.ru/monocle/2024/24/na-poroge-neupravlyayemoy-eskalatsii/>

¹⁸ Дугин А. Поле битвы – Украина, для победы есть главное оружие // Царьград. 28.10.2022. URL: https://tsargrad.tv/articles/aleksandr-dugin-pole-bitvy-ukraina-dlja-pobedy-est-glavnoe-oruzhie_653555?ysclid=lxmv2d79n1647799129

¹⁹ Дугин призвал скорее сформировать суверенное русское мировоззрение // РЕН-ТВ. 10.02.2024. URL: <https://ren.tv/news/v-rossii/1189235-dugin-prizval-skoree-sformirovat-suverennoe-russkoe-mirovozzrenie>

²⁰ Доклад «Горизонт 2040» был подготовлен в ноябре 2023 г. Агентством стратегических инициатив, наблюдательный Совет которого возглавляет сам Президент РФ В. Путин. Проект объединил «более 130 ведущих российских экспертов в областях демографии, экологии, климата, энергетики, технологий, космоса, здравоохранения, продовольствия, социокультуры и экономики». Представлено «видение ключевых вызовов и трендов, которые с разной степенью вероятности могут произойти в ключевых сферах социально-экономической жизни как российского, так и мирового сообщества, а также определены ключевые возможности и угрозы развитию на горизонте 2040 года» (Источник: Горизонт 2040. 14.11.2023. С. 3, 7 // Официальный сайт Агентства стратегических инициатив. 29.12.2023. URL: <https://asi.ru/library/main/198226/>).

²¹ Послание Президента РФ Федеральному Собранию 29 февраля 2024 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73585>

(26 марта 2000 г. на президентских выборах в России В.В. Путина поддержали 39,7 млн избирателей, 17 марта 2024 г. — 76,3 млн);

✓ 7 мая 2024 г. первым же своим указом после инаугурации (по аналогии с «майскими

указами» 2012 и 2018 гг.²²) глава государства законодательно закрепил озвученные в ходе Послания планы и впервые установил среднесрочные показатели национального развития — на период до 2036 года.

Некоторые ключевые ориентиры национального развития, обозначенные в «майском указе» 2024 г.²³:

- ✓ повышение суммарного коэффициента рождаемости до 1,6 к 2030 году и до 1,8 к 2036 году, в том числе ежегодный рост суммарного коэффициента рождаемости третьих и последующих детей;
- ✓ увеличение ожидаемой продолжительности жизни до 78 лет к 2030 году и до 81 года к 2036 году, в том числе опережающий рост показателей ожидаемой продолжительности здоровой жизни;
- ✓ снижение смертности в результате дорожно-транспортных происшествий в полтора раза к 2030 году и в два раза к 2036 году по сравнению с показателем 2023 года;
- ✓ снижение уровня бедности ниже 7 процентов к 2030 году и ниже 5 процентов к 2036 году, в том числе уровня бедности многодетных семей до 12 процентов к 2030 году и до 8 процентов к 2036 году;
- ✓ обеспечение продвижения и защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей в рамках не менее 70 процентов проектов в сфере культуры, искусства и народного творчества, финансируемых государственными институтами развития, к 2030 году и не менее 80 процентов таких проектов к 2036 году;
- ✓ снижение коэффициента Джини (индекс концентрации доходов) до 0,37 к 2030 году и до 0,33 к 2036 году;
- ✓ обеспечение граждан жильем общей площадью не менее 33 кв. метров на человека к 2030 году и не менее 38 кв. метров к 2036 году.

²² 7 мая 2012 г. в день вступления в должность Президента РФ В. Путиным были подписаны 11 указов, содержащих поручения Правительству РФ для выполнения в период до 2020 г.:

Указ № 596 «О долгосрочной государственной экономической политике»;

Указ № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики»;

Указ № 598 «О совершенствовании государственной политики в сфере здравоохранения»;

Указ № 599 «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки»;

Указ № 600 «О мерах по обеспечению граждан Российской Федерации доступным и комфортным жильём и повышению качества жилищно-коммунальных услуг»;

Указ № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления»;

Указ № 602 «Об обеспечении межнационального согласия»;

Указ № 603 «О реализации планов (программ) строительства и развития Вооружённых Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов и модернизации оборонно-промышленного комплекса»;

Указ № 604 «О дальнейшем совершенствовании военной службы в Российской Федерации»;

Указ № 605 «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации»;

Указ № 606 «О мерах по реализации демографической политики в Российской Федерации».

7 мая 2018 г. (также в день инаугурации) Президентом РФ был подписан Указ № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года».

²³ О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: Указ Президента РФ № 309 от 7 мая 2024 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73986>

✓ 14 мая 2024 г. Президент РФ подписал указы о назначении членов правительства Российской Федерации. Таким образом, были определены конкретные исполнители – **лица, ответственные за практическую реализацию поручений главы государства** и, что важно подчеркнуть, в основном ими стали люди, которые проявили себя и получили положительную оценку за свою предыдущую работу как от большинства экспертов, так и от депутатов Государственной Думы. Между вице-премьерами были распределены обязанности по кураторству федеральных проектов, что **«существенно повышает исполнительскую дисциплину и в целом качество государственного управления»²⁴**.

В. Володин: «Времена появления в кабинете министров **неожиданных** людей ушли; М. Мишустин предложил кандидатуры людей, **которым не надо учиться и не надо начинать все сначала»²⁵**.

Одновременно с этими системными, последовательными шагами, касающимися организации самых основ реализации курса национального развития на ближайшие 12 лет (до 2036 г.), государство не забывает и о текущем положении дел, продолжая активно принимать управленческие решения по улучшению материального положения населения, регулированию информационного пространства, реализации приоритетных задач, требуемых для успешного ведения боевых действий в ходе СВО, а также по укреплению культурного суверенитета и национальной идентичности российского общества (*вкладка 1*).

Здесь, в частности, следует отдельно сказать об одном из первых указов, принятых главой государства после инаугурации – Указе № 314 от 8 мая 2024 г. «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения»²⁶. Можно согласиться с мнением А. Дугина, который отметил «колоссальное значение» данного указа, охарактеризовав его как «радикальный прорыв в нашей исторической науке, в историческом образовании, в которых до последнего момента доминировало западничество»²⁷.

«Указ, подписанный сегодня Президентом, – это **фундаментальный сдвиг**. То есть мы фактически заявляем от лица Президента, от лица высшей государственной власти, что в центре нашего исторического самосознания должен лежать наш русский народ...

Это радикальный прорыв в нашей исторической науке, в историческом образовании, в которых до последнего момента доминировало западничество... Указ Путина о государственной политике в историческом просвещении ставит точку в этих разрушительных процессах и начинает **новую эпоху, эпоху всенародного исторического просвещения...**

Этот указ имеет колоссальное значение. Начинается совершенно новый этап нашего исторического пути... Сегодняшний Указ в сочетании с Указом 809 «О традиционных ценностях» от 2022 года фактически формируют **новую идеологию**, если угодно, **новую государственную идею, новое русское мировоззрение**, которое теперь подкреплено документально высшей инстанцией власти»²⁸.

²⁴ Делягин М. Персональная ответственность за реализацию федеральных проектов // Завтра. 20.06.2024. URL: https://zavtra.ru/blogs/personal_naya_otvetstvennost_za_realizatsiyu_federal_nih_proektov

²⁵ Парламентская газета. 13.05.2024. URL: <https://www.pnp.ru/politics/volodin-vse-kandidatury-na-dolzhnosti-vice-premerov-deputatam-khorosho-izvestny.html>

²⁶ Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения: Указ Президента Российской Федерации от 08.05.2024 № 314 // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50534>

²⁷ Дугин А. Просвещение общества русской историей // Официальный сайт Изборского клуба. 14.05.2024. URL: <https://izborsk-club.ru/25700?ysclid=ixsz182bqx89409709>

²⁸ Там же.

**Мониторинг нормативно-правовых актов (законов, указов), подписанных Президентом РФ
в период с 22 апреля по 18 июня 2024 г.²⁹**

МЕРЫ ПО ПОДДЕРЖКЕ УЧАСТНИКОВ СВО И ЧЛЕНОВ ИХ СЕМЕЙ, ПО РАЗВИТИЮ ВПК, МОБИЛИЗАЦИИ, ОРГАНИЗАЦИИ ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ, ПОВЫШЕНИЮ АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ЗАЩИЩЕННОСТИ ОБЪЕКТОВ Федерации и полных кавалеров ордена Славы³⁰». Закон предусматривает расширение льгот для членов семей умерших (погибших) Героев Советского Союза, Героев Российской Федерации, О статусе Героев Советского Союза, Героев Российской Федерации и полных кавалеров ордена Славы.

29 мая – ФЗ № 118 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Внесены изменения в отдельные законодательные акты, касающиеся дополнительных выплат кавалерам ордена Святого Георгия и Георгиевского креста, а также гарантий пенсионного обеспечения супругов погибших (умерших) военнослужащих.

29 мая – ФЗ № 125 «О внесении изменений в Федеральный закон „О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера“ и статьи 16 и 18 Федерального закона „О пожарной безопасности“». Вносятся изменения, предусматривающие наделение органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления полномочиями по проведению мероприятий по предупреждению чрезвычайных ситуаций межмуниципального и регионального характера и ликвидации их последствий, реализации мероприятий, направленных на спасение жизни и сохранение здоровья людей при чрезвычайных ситуациях.

МЕРЫ ПО ЗАЩИТЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ, РЕГУЛИРОВАНИЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНОСТРАННЫХ АГЕНТОВ, ОБРАЗОВАНИЮ И ВОСПИТАНИЮ ПОДРАСТАЮЩИХ ПОКОЛЕНИЙ

22 апреля – ФЗ № 93 «О внесении изменений в Федеральный закон „О государственном языке Российской Федерации“». Учреждается Национальный словарный фонд, который является федеральной государственной информационной системой, создаваемой в целях обеспечения доступа граждан, организаций, органов государственной власти, иных государственных органов и органов местного самоуправления к информации о нормах современного русского литературного языка с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет на безвозмездной основе. Оператором Национального словарного фонда является Минобрнауки России.

8 мая – Указ № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения». Указом определяются цели, основные принципы, задачи и механизмы реализации государственной политики в области исторического просвещения. К целям государственной политики в указанной области отнесены формирование общероссийской гражданской идентичности и укрепление общности Русского мира на основе традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей путем сохранения памяти о значимых событиях истории России; популяризации достижений отечественной науки и культуры; патриотического воспитания, сохранения памяти о защитниках Отечества и недопущения умаления значения подвига народа при защите Отечества; формирования активной гражданской позиции в отношении важности исторического просвещения и сохранения исторической памяти и др.

²⁹ Данная вкладка представляет собой продолжение мониторинга наиболее важных нормативно-правовых актов, подписанных Президентом РФ, который мы ведем с июня 2022 г. Таким образом, данный мониторинг продолжается уже 19 месяцев, его результаты опубликованы в 10 статьях (первый выпуск мониторинга представлен в статье: Ильин В.А., Морев М.В. (2022). Трудная дорога после рубикона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 3. С. 9–41).

Продолжение вкладки 1

16 мая — ФЗ № 99 «О внесении изменений в Федеральный закон „Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации” и отдельные законодательные акты Российской Федерации». Федеральный закон направлен на совершенствование положений избирательного законодательства и предусматривает, в частности, закрепление дополнительных гарантий, направленных на недопущение иностранного вмешательства в избирательный процесс в Российской Федерации. Устанавливается направленность кандидата прекрытия статуса иностранного агента, что должно быть подтверждено документом, который представляется в обязанности кандидата избирательной комиссии вместе с иными документами, необходимыми для регистрации кандидата, списка кандидатов. При этом зарегистрированный кандидат не может быть включён в реестр иностранных агентов. Предусматривается проведение проверки в отношении лиц, назначаемых членами избирательных комиссий, комиссий референдума, на предмет включения сведений о них в единый реестр сведений о лицах, причастных к деятельности экстремистской или террористической организации.

МЕРЫ ПО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОДДЕРЖКЕ ШИРОКИХ СЛОЕВ НАСЕЛЕНИЯ, УКРЕПЛЕНИЮ ЭКОНОМИКИ СТРАНЫ, В ТОМ ЧИСЛЕ НА МЕЖДУНАРОДНОЙ АРЕНЕ

23 апреля — ФЗ № 97 «О внесении изменений в Федеральный закон „О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)”». Предусматривается внесение изменений в отдельные положения Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», касающиеся полномочий Банка России по регулированию и надзору за деятельностью кредитных организаций и банковских групп в области соблюдения показателей кредитного риска. На системно значимые кредитные организации возлагается обязанность по применению банковских методов управления кредитным риском и моделей количественной оценки кредитного риска в целях оценки активов, расчёта нормативов достаточности собственных средств (капитала) и иных обязательных нормативов.

7 мая — Указ № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». Указ определяет национальные цели и показатели развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года. К основным национальным целям отнесены: а) сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей, поддержка семьи; б) реализация потенциала каждого человека, развитие его талантов, воспитание патриотичной и социально ответственной личности; в) комфортная и безопасная среда для жизни; г) экологическое благополучие; д) устойчивая и динамичная экономика; е) технологическое лидерство; ж) цифровая трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы.

29 мая — ФЗ № 100 «О внесении изменений в часть первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации». Устанавливается механизм взимания налога на добавленную стоимость по стране назначения товара при реализации товаров организациями и индивидуальными предпринимателями из государств — членов Евразийского экономического союза через электронные торговые площадки российских покупателей — физическим лицам, не являющимся индивидуальными предпринимателями. Согласно закону местом реализации таких товаров признаётся территория Российской Федерации, если товар в момент получения его указанным российским покупателем находится на территории Российской Федерации. Организации и индивидуальные предприниматели из государств — членов Евразийского экономического союза, реализующие товары через принадлежащие им электронные торговые площадки, владельцы электронных торговых площадок, реализующие товары в качестве посредников, подлежат постановке на учёт в российском налоговом органе в целях исполнения обязанностей по исчислению и уплате в бюджет налога на добавленную стоимость.

29 мая — ФЗ № 122 «О внесении изменений в статью 7 Федерального закона „О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма” и статью 10 Федерального закона „О национальной платёжной системе”». Предусматривается установление максимального порога проведения упрощённой идентификации при осуществлении перевода денежных средств по поручению клиента — физического лица без открытия банковского счёта, в том числе электронных денежных средств, в размере 100 000 рублей либо аналогичной суммы в иностранной валюте.

29 мая — ФЗ № 123 «О внесении изменений в статью 251 части второй Налогового кодекса Российской Федерации». К доходам, не учитываемым при определении налоговой базы по налогу на прибыль организаций, относятся доходы в виде грантов, предоставляемых институтами инновационного развития и другими организациями, осуществляющими поддержку государственных программ и проектов за счёт субсидий, выделенных уполномоченными Правительством Российской Федерации федеральными органами исполнительной власти.

12 июня — ФЗ № 132 «О ратификации Соглашения о свободной торговле услугами, учреждении, деятельности и осуществлении инвестиций». Соглашение направлено на обеспечение благоприятных условий роста экономики государств — участников СНГ, расширения взаимной торговли услугами, повышения уровня ее либерализации и на осуществление инвестиций лицами одной Стороны на территориях других Сторон, а также будет стимулировать повышение уровня жизни населения Сторон.

12 июня — ФЗ № 137 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившим силу пункта 33 части 4 статьи 2 Федерального закона „О содействии развитию и повышению эффективности управления в жилищной сфере и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации”». Продлевается действие норм Федерального закона «О мерах государственной поддержки семей, имеющих детей, в части погашения обязательств по ипотечным жилищным кредитам (займам) и о внесении изменений в статью 132 Федерального закона «Об актах гражданского состояния». Право на получение мер государственной поддержки в виде полного или частичного погашения за счёт государства (не более 450 тысяч рублей) имеющихся у граждан обязательств по ипотечному жилищному кредиту (займу) приобретут заёмщики, у которых в период с 1 января 2019 г. по 31 декабря 2030 г. родились третий ребёнок или последующие дети. Указанная мера поддержки будет предоставляться в отношении кредитных договоров (договоров займа), заключённых заёмщиками до 1 июля 2031 г.

12 июня — ФЗ № 142 «О внесении изменений в статью 2 Федерального закона «О внесении изменения в статью 241 Федерального закона „О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации”». Срок действия положения, предусматривающего отнесение к социальным предприятиям субъектов малого и среднего предпринимательства, осуществляющих деятельность по реализации книжной продукции для детей и юношества, учебной, просветительской и справочной литературы, продлевается до 31 декабря 2027 г.

13 июня — Указ № 498 «О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 18 ноября 2019 г. № 565 „О дополнительных мерах государственной поддержки лиц, проявивших выдающиеся способности”». Установлено, что начиная с 2024/25 учебного года получателям грантов Президента РФ, обучающимся по программам бакалавриата и программам специалитета (начиная с третьего года обучения), программам магистратуры и имеющим научные, инженерные, технологические, творческие достижения по приоритетам научно-технологического развития РФ, на основании результатов индивидуального отбора гранты Президента РФ предоставляются в повышенном размере 40 000 рублей каждый ежегодно до завершения установленного срока обучения по программам бакалавриата, программам специалитета и программам магистратуры при условии ежегодного подтверждения ими права на получение гранта.

Таким образом, государство активно реализует ключевые направления внутреннего развития: разработаны цели и задачи национального развития до 2030 и 2036 гг., назначены ответственные исполнители... Но в то же время намеченные для реализации планы носят настолько амбициозный характер, что **в стране (по мнению некоторых экспертов) произойдет «экономическое чудо», если они будут выполнены.**

При этом ключевые риски реализации нацпроектов сохраняются, кроме того, существует как

Глава Фонда развития гражданского общества К. Костин: «... то, что было озвучено, это такая **формула экономического чуда**. Если все это будет сделано, мы увидим и **очень впечатляющие показатели роста ВВП, и решение задач, связанных с доходами граждан, и задач, связанных с развитием инфраструктуры страны!** Несмотря на то, что все планы, которые были вчера обозначены, должны быть реализованы до 2030 года, все понимают: результат того, что должно быть сделано, **определит жизнь, политику в России на всю первую половину XXI века**»³⁰.

«... предлагаемые в нацпроектах комплексные преобразования могут заложить фундамент развития страны, в т. ч. и за рамками 2030 года. Однако реализация столь значимых для страны проектов требует комплексного, системного анализа и эффективного управления возникающими рисками, **существенная часть из которых являются общими для всех нацпроектов и сохраняются еще с начала их реализации в 2019 году...**

Проблемы и риски реализации нацпроектов **в значительной мере обусловлены недостатком высоким качеством государственного управления**»³¹.

минимум два условия, которые серьезно усложняют реализацию «майских указов» 2024 г., и оба они связаны с кругом лиц, которым поручено практическое выполнение поручений Президента.

Во-первых, в ближайшие годы каких-либо улучшений внешней ситуации вокруг России ждать не приходится, а это значит, что «**майские указы**» 2024 г. придется реализовывать в куда более сложных условиях, чем «майские указы» 2018 г. Об этом свидетельствует одно из наиболее существенных кадровых изменений в Правительстве, а именно – **назначение на пост министра обороны РФ экономиста А. Белоусова**. Это решение, принятое главой государства, для многих стало неожиданным, но в целом было поддержано экспертами и расценено ими как «игра вдолгую»; «перевод экономики на военные рельсы», подготовка страны к долгосрочному, затяжному конфликту с Западом.

Дугин А.: «Я полагаю, что этот человек в каком-то смысле **судьбоносный для нашей экономической, может быть, или даже социально-экономической стратегии**. Потому очень важно, что такое назначение состоялось. **Оно фактически меняет все остальное...** назначение Белоусова, это, на мой взгляд, то, что по большому счёту и составляло интригу всех этих назначений, потому что это действительно **вектор к тому Правительству Победы, о котором мы мечтали, на которое мы надеялись**»³².

«Решение о назначении Белоусова доказывает, что **Россия готовится „вести долгую игру“** на Украине... России необходимо использовать ограниченные экономические ресурсы для оплаты военной операции, которая неизвестно когда закончится, и, похоже, в Кремле считают, что конфликт вряд ли завершится в этом году»³³.

³⁰ Ответственные за постпродакшен // Коммерсантъ. 02.03.2024. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6550983>

³¹ Национальные проекты России: особенности, эффективность реализации: монография / В.А. Ильин [и др.]; под научным руководством В.А. Ильина, А.А. Шабуновой, Т.В. Усковой; Вологодский научный центр РАН. Вологда: ВолНЦ РАН, 2024. С. 410.

³² Дугин о назначении Белоусова: «Это грандиозное решение меняет принципиально всё» // Царьград. 13.05.2024. URL: <https://dzen.ru/a/ZkE83HyQ2AoRExHs>

³³ РИА-новости. 14.05.2024. URL: <https://ria.ru/20240514/belousov-1945838345.html?ysclid=lxefl72z1m149112794>

Миронов С.: «Мы ждали более решительных кадровых назначений и предложений. Но пока увидели то, что увидели»³⁴.

Дугин А.: «не могло не радовать фундаментальное, принципиальное назначение Антона Алиханова, самого выдающегося, пожалуй, нашего губернатора на должность руководителя Министерства промышленности и торговли. Это очень серьезно. **Но практически все остальные перемены были относительно техническими»³⁵.**

Во-вторых, большинство кадровых изменений, произошедших в системе государственного управления в мае 2024 г., носят «относительно технический» характер, в то время как многие ожидали куда более значительных кадровых перестановок, исходя из системных, исторических вызовов, перед которыми оказалась страна после 24 февраля 2022 г.

При этом напомним, что уже после начала проведения СВО в России произошло как минимум два громких, символических события, вызвавших большую тревогу в экспертном сообществе относительно положения дел в системе государственного управления. Речь идет о мятеже ЧВК «Вагнер» 23–24 июня 2023 г. (который А. Дугин назвал «аварией российской государственности», которую надо «правильно понять для того, чтобы не ошибаться больше»³⁶), а также об аресте заместителя министра обороны РФ

Т. Иванова (в апреле 2024 г.) и, следом, о задержании начальника Главного управления кадров Министерства обороны РФ Ю. Кузнецова (в мае 2024 г.)... **и это, подчеркнем, в стране, которая уже два года ведет войну.**

Советов Ю. (политолог): «Задержание заместителя министра обороны – это серьезный удар по „элитам“. Человек, которому было доверено такое важнейшее дело, как восстановление Мариуполя, строительство госпиталей и прочее, не стеснялся при этом воровать. И, простите, **но это же происходило во многом на глазах тех, кто обязан контролировать это...** Он же на глазах у всех покупал себе особняки на Рублёвке. Ведь это же на глазах у всех. Его жена ездила за границу, принимала гражданство Израиля с детьми. Все же это видели. **Почему это ему прощалось? Почему спускалось с рук? Считалось, что он эффективный менеджер, как в своё время говорили об Анатолии Чубайсе. Вот этот вопрос попустительства привёл к такого рода скандалу»³⁷.**

Многие эксперты в связи с задержанием замминистра обороны РФ вполне резонно акцентируют внимание на **«попустительстве тех, кто был обязан контролировать»** его деятельность, но, пожалуй, наиболее обобщающую оценку проблемы коррупции в стране дал А. Проханов: **за этим «точечным арестом» скрывается целая «преисподняя российской коррупции».**

³⁴ Миронов честно сказал, как выбирали новых министров: «не нужно питать иллюзий» // Царьград. 16.05.2024. URL: https://tsargrad.tv/articles/mironov-chestno-skazal-kak-vybirali-novyh-ministrov-ne-nuzhno-pitat-illuzij_1000468?ysclid=lxscqkm57600928220

³⁵ Дугин о назначении Белоусова: «Это грандиозное решение меняет принципиально всё» // Царьград. 13.05.2024. URL: <https://dzen.ru/a/ZkE83HyQ2AoRExHs>

³⁶ Дугин А. Путин – Пригожин: акцентные расставлены // Завтра. 12.07.2023. URL: https://zavtra.ru/blogs/putin-prigozhin_aktcenti_rasstavleni?ysclid=lxszgeo4x3164181437

³⁷ Как связаны арест замминистра Иванова и послание Путина: Эксперты заговорили про красную линию // Царьград. 30.04.2024. URL: https://tsargrad.tv/news/kak-svjazany-arest-zamministra-ivanova-i-poslanie-putina-jeksperty-zagovorili-pro-krasnuju-liniju_994120?ysclid=lxshly2b8970336897

«Попался на взятке заместитель министра обороны Тимур Иванов... И охватывает ужас от этого точечного ареста.

Точечный арест Тимура Иванова ведёт в преисподнюю российской коррупционной системы... Тимур Иванов – это клюв, исследуя который можно выявить и нарисовать **всю гигантскую таинственную птицу российской коррупции. Имена коррупционеров, коррупционные связи, все отрасли российской экономики, отдельные министерства и предприятия, российские и зарубежные банки, офшоры, денежные суммы, сравнимые с государственным бюджетом...** Птица российской коррупции ужасна. Её клюв – из нержавеющей стали. Этим клювом она выклёвывает у России глаза, терзает печень, рвёт русское сердце.

Русский рывок в грядущее, русский путь от великих потрясений к величию будет включать в себя **великий план „Очищение”... Народ ждёт этого очищения.** Россия в Донбассе проходит омовение слезами и кровью. **Народ взирает на власть и ждёт очищения. Это великое ожидание»³⁸.**

Необходимо также отметить, что «майские указы» 2024 г. носят преимущественно социально-экономический характер. Как отметил В.В. Путин, «главное – это оценка людей, то, как меняется к лучшему их жизнь»³⁹.

Однако именно социально-экономический блок Правительства, который фактически не изменился после всех кадровых назначений, проведенных в мае 2024 г., вызвал наибольшие сомнения в экспертном сообществе (вкладка 2). И это подтверждают результаты голосования депутатов Государственной Думы в ходе утверждения кандидатур членов Правительства: Т. Голикова, А. Силуанов, М. Решетников, А. Котьяков, С. Кравцов – это те люди, которые получили наименьшую поддержку в нижней палате парламента (вкладка 3).

Минимальные (за некоторыми исключениями) изменения в Правительстве вполне резонно актуализируют вопрос о том, где проходит грань между обеспечением стабильности развития

и консервацией ошибок, накопленных в предыдущие годы...?

Не является ли отсутствие ожидаемых многими экспертами изменений в Правительстве (прежде всего в его социально-экономическом блоке) следствием неразработанности «механизма обновления элит», что когда-то привело к распаду СССР?

«Мы знаем, что гибель нашей Родины – Советского Союза, чудовищные последствия которой не изжиты до сих пор, была вызвана в первую очередь **политическими, а отнюдь не экономическими причинами.** Однако, как ни странно, мы очень мало знаем о самих этих причинах. Наиболее часто среди них – и справедливо – называют **отсутствие механизма обновления элит... И понимание ошибок прошлого для их избежания в будущем – необходимо»⁴⁰.**

³⁸ Проханов А. Великое ожидание // Завтра. 28.04.2024. URL: https://zavtra.ru/blogs/velikoe_ozhidanie?ysclid=lx4fuap3bl928027715

³⁹ Послание Президента РФ Федеральному Собранию 29 февраля 2024 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73585>

⁴⁰ Делягин М. Знать и помнить политические уроки краха СССР! // Изборский клуб. 13.05.2024. URL: <https://izborsk-club.ru/25693?ysclid=lx4fiaia7u8963308>

Экспертные мнения о новом составе Правительства РФ

Миронов С.: «Нас абсолютно не устраивает, что остаётся финансово-экономический блок. Нас не устраивает социальная политика. И здесь, естественно, при голосовании за министров наша фракция свою позицию высказала... не нужно питать никаких иллюзий. Но у нас были и остаются очень большие претензии, например к [вице-премьеру Татьяне] Голиковой. Потому что мы не верим, что она справится с теми задачами, которые поставил Президент... Против Силуанова, против [министра экономического развития Максима] Решетникова, конечно, против [министра труда и социальной защиты Антона] Котякова. Дай им всем, конечно, Бог здоровья, но эти кадры не справятся»⁴¹.

Делягин М.: «Нынешний состав правительства означает, что его политика признана правильной и не нуждающейся в кардинальных изменениях. Однако негодование в народе растёт, а для комплексной модернизации потребуются системные перемены...

Социальный блок по-прежнему вотчина либералов. Впрочем, под руководством Татьяны Голиковой, сохранившей свой вице-премьерский пост, ничего другого быть и не может. Отраслевой блок – технократы, а экономический – все те же либералы. Недаром министерство экономического развития иногда называют министерством экономической деградации.

Наверное, можно говорить о том, что глава минкульта Ольга Любимова не либерал, но, с моей точки зрения, Ольга Борисовна превратила курируемое ведомство в своего рода министерство искусств, что вряд ли является осмысленным подходом.

Я понимал, что Антон Германович Силуанов остаётся на прежних позициях, но надеялся на некоторое оздоровление социального и экономического блоков. В частности, рассчитывал, что в минэкономки придет на работу хоть один настоящий экономист. Но, вероятно, экономистов во власти больше не осталось, кроме Андрея Белоусова»⁴².

«Обычные граждане и аналитики особенно ждали отставки руководителя Минфина Антона Силуанова. Он уже 13 лет занимает эту должность, но его всё равно оставили. Причём несмотря на его участие в разработке пенсионной реформы, его вклад в уплату 300 млрд долларов из валютных резервов, которые были заморожены на Западе...»⁴³

⁴¹ Миронов честно сказал, как выбрали новых министров: «не нужно питать иллюзий» // Царьград. 16.05.2024. URL: https://tsargrad.tv/articles/mironov-chestno-skazal-kak-vybrali-novyh-ministrov-ne-nuzhno-pitat-illuzij_1000468?ysclid=ixszcqm57600928220

⁴² Делягин М. Смёна министра обороны – реакция на негодование людей // БизнесOnline. 19.05.2024. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/633476>

⁴³ Миронов честно сказал, как выбрали новых министров: «не нужно питать иллюзий» // Царьград. 16.05.2024. URL: https://tsargrad.tv/articles/mironov-chestno-skazal-kak-vybrali-novyh-ministrov-ne-nuzhno-pitat-illuzij_1000468?ysclid=ixszcqm57600928220

Окончание вкладки 2

Чадаев А. (журналист, политолог): «Прорисовываются какие-то контуры стратегии в национальных целях, заявленных в указе по случаю переназначения. Будем надеяться, что там появится осмысленный вектор... Потому что всё это время у меня было ощущение, например, что всему социальному блоку либо задачи не ставили должным образом, либо ставили как-то непонятно как»⁴⁴.

Романов Р. (социолог, политический консультант): «Нынешний социальный блок напоминает некое „осьминога”, который всеми шупальцами уцепился за разные камни, а когда какой-то выпадает из-под них, то он пытается уцепиться за что-то ещё... Но, естественно, в таком раскоряченном положении двигаться куда-то невозможно... Наиболее всего требует внимания образовательная сфера, в частности среднее образование. По этому поводу есть ряд вопросов к министру науки и высшего образования В. Фалькову и министру просвещения С. Кравцову. Я понимаю, почему их не сменили. Это тот самый консервативный стиль Владимира Путина... Но если в течение лет десяти мы не произведём смену поколений учителей, научных кадров и так далее, то потом войны просто будет некому выигрывать»⁴⁵.

Хазин М.: «...все лица, которые не смогли организовать импортозамещение, остались на своих местах, Мантуров даже повышен. Сможет ли Мишустин продолжить свою работу по наращиванию бюджетных инвестиций — большой вопрос, в рамках текущей экономической политики ресурсов больше нет... Либеральное давление на российскую экономику вообще и на предпринимателей в частности будет продолжаться, скорее всего, им придётся тяжело.

Эффективность наших бюрократов, в том числе на внешнем контуре, далека от желаемой. Это, кстати, хорошо было видно и при старом составе правительства, когда что-то делалось в большинстве случаев только тогда, когда этим занимался непосредственно Мишустин... У всех из них [различных сил на Западе] есть свои группы поддержки в России. Отметим, кстати, что именно по этой причине неизбежны и серьёзные конфликты внутри властных группировок у нас, в том числе и тех, которые поддерживают тех или иных министров»⁴⁶.

⁴⁴ «Осьминог» в новом правительстве России: о слабых и сильных местах говорят эксперты // Царьград. 18.05.2024. URL: https://tsargrad.tv/articles/osminog-v-novom-pravitelstve-rossii-o-slabyh-i-silnyh-mestah-govorjat-eksperty_1001105

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Михаил Хазин: Мишустин должен продолжать свою работу, к которой особых претензий нет, а все остальные должны не слишком сильно вредить // «Спутник – новости». 12.05.2024. URL: <https://dzen.ru/a/ZkDuLCS4gXy74ohZ>

Вкладка 3

Итоги голосования депутатов Государственной Думы РФ 13, 15 мая 2024 г. по вопросу об утверждении кандидатур членов Правительства*

Фамилия / Утверждаемая должность	За		Против		Воздержались		Не голосовали	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Председатель Правительства РФ								
Мишустин М.В. / Председатель Правительства РФ	431	95,8	0	0,0	0	0,0	19	4,2
Заместители Председателя Правительства РФ								
Патрушев Д.Н. / Зам. Председателя Правительства РФ	433	96,2	0	0,0	0	0,0	17	3,8
Чернышенко Д.Н. / Зам. Председателя Правительства РФ	432	96,0	0	0,0	0	0,0	18	4,0
Мантуров Д.В. / Первый зам. Председателя Правительства РФ	431	95,8	0	0,0	0	0,0	19	4,2
Григоренко Д.Ю. / Зам. Председателя Правительства РФ – Руководитель Аппарата Правительства РФ	378	84,0	1	0,2	55	12,2	16	3,6
Новак А.В. / Зам. Председателя Правительства РФ	378	84,0	0	0,0	57	12,7	15	3,3
Оверчук А.Л. / Зам. Председателя Правительства РФ	378	84,0	0	0,0	57	12,7	15	3,3
Савельев В.Г. / Зам. Председателя Правительства РФ	378	84,0	0	0,0	57	12,7	15	3,3
Трутнев Ю.П. / Зам. Председателя Правительства РФ – полномочный представитель Президента РФ в Дальневосточном федеральном округе	376	83,6	0	0,0	58	12,9	16	3,5
Хуснуллин М.Ш. / Зам. Председателя Правительства РФ	374	83,1	0	0,0	61	13,6	15	3,3
Голикова Т.А. / Зам. Председателя Правительства РФ	362	80,4	1	0,2	66	14,7	21	4,7
Министры РФ								
Алиханов А.А. / Министр промышленности и торговли РФ	430	95,6	0	0,0	0	0,0	20	4,4
Лут О.Н. / Министр сельского хозяйства РФ	429	95,3	0	0,0	0	0,0	21	4,7
Старовойт Р.В. / Министр транспорта РФ	429	95,3	0	0,0	0	0,0	21	4,7
Чекунков А.О. / Министр РФ по развитию Дальнего Востока и Арктики	428	95,1	0	0,0	1	0,2	21	4,7
Цивилев С.Е. / Министр энергетики РФ	375	83,3	0	0,0	57	12,7	18	4,0
Мурашко М.А. / Министр здравоохранения РФ	374	83,1	3	0,7	54	12,0	19	4,2
Фальков В.Н. / Министр науки и высшего образования РФ	373	82,9	2	0,4	53	11,8	22	4,9
Шадаев М.И. / Министр цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ	373	82,9	1	0,2	57	12,7	19	4,2
Любимова О.Б. / Министр культуры РФ	357	79,3	61	13,6	13	2,9	19	4,2
Файзуллин И.З. / Министр строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ	353	78,4	0	0,0	80	17,8	17	3,8
Дегтярев М.В. / Министр спорта РФ	350	77,8	0	0,0	79	17,5	21	4,7
Козлов А.А. / Министр природных ресурсов и экологии РФ	349	77,5	27	6,0	53	11,8	21	4,7
Решетников М.Г. / Министр экономического развития РФ	348	77,4	82	18,2	1	0,2	19	4,2
Силуанов А.Г. / Министр финансов РФ	348	77,3	84	18,7	0	0,0	18	4,0
Котьяков А.О. / Министр труда и социальной защиты РФ	348	77,3	27	6,0	55	12,2	20	4,5
Кравцов С.С. / Министр просвещения РФ	345	76,7	9	2,0	71	15,8	25	5,5

* Ранжировано по убыванию доли голосов, отданных «за» (в %).

Источник: Официальный сайт Государственной Думы РФ. URL: http://vote.duma.gov.ru/?convocation=AAAAAA8&from=13.05.2024&to=13.05.2024&sort=date_desc

По большому счету причина неослабевающей актуальности этих вопросов состоит в том, что **главой государства пока так и не дан ответ на главный вопрос — какое государство мы строим: по-настоящему суверенное социальное государство или государство олигархического капитализма с «суверенным» лицом?**

Этот вопрос звучит в экспертной среде, в СМИ, в обществе уже много лет. Однако, даже несмотря, например, на появление за предыдущий президентский срок В.В. Путина (2018–2024 гг.) обновленной Конституции РФ⁴⁷,

Морозова Н. (2006 г.): «Когда же мы услышим от Президента ответ на вопрос: куда он ведет Россию? Выбор-то невелик. Это или окончательное скатывание страны в болото колониального капитализма, или построение социального (пусть пока и не социалистического) государства... Так не пора ли Президенту определиться со своей идеологией?»⁵⁰

Тощенко Ж.Т.: «...для большинства россиян до сих пор непонятно, какое общество строит Россия. Общих слов – социальное государство, модернизация, – недостаточно, ибо они слишком абстрактны, похожи на всеохватывающие обещания, присущие практически каждой современной стране... Иначе говоря, без программ, которые бы служили мощным импульсом для возвышения человека, невозможно представить дальнейшее развитие страны...»⁵¹

закона об укреплении традиционных ценностей⁴⁸, новой Концепции внешней политики⁴⁹ и многих других важных стратегических документов, способствующих укреплению национального суверенитета, его актуальность продолжает нарастать, и сегодня он звучит уже не только как поиск национальной идеи и цели развития, но и как необходимое условие выживания и достижения Победы.

Стариков Н. (2018 г.): «Какой у нас политический курс? Мы что строим? Здесь мы переходим в плоскость вопроса о национальной идее. И мы видим, к сожалению, отсутствие формулировки этой идеи, отсутствие постановки стратегической задачи. А пока стратегическая задача «какое государство, какое общество мы строим» не сформулирована, тогда можно нам рассказывать, что мы воспитываем качественных потребителей (как говорил один из министров)... Без формулировки политической задачи у нас не может быть четко сформулированной экономической стратегии»⁵².

Вопрос о том, какое государство мы строим, звучит сегодня уже настолько остро, что не мог дальше игнорироваться Президентом и поэтому стал одним из ключевых в ходе пленарной дискуссии на 27 Петербургском международном экономическом форуме, проходившем в России 5–8 июня 2024 года.

⁴⁷ Об официальном опубликовании Конституции Российской Федерации с внесенными в нее поправками: Указ Президента РФ от 03.07.2020. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/constitution>

⁴⁸ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502>

⁴⁹ Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации: Указ Президента РФ № 229 от 31.03.2023 // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70811>

⁵⁰ Морозова Н. Есть противоречия между Путиным и... Путиным // Официальный сайт КПРФ. 28.12.2006. URL: <https://kprf.ru/news/articles/politics/46592.html>

⁵¹ Тощенко Ж.Т. (2018). Прекариат: от протокласса к новому классу: монография / Институт социологии ФНИСЦ РАН, РГГУ. М. Наука. С. 269.

⁵² Интервью Н. Старикова на «Радио России» 02.09.2018 // Официальный блог Н. Старикова. URL: <https://nstarikov.ru/kakoe-gosudarstvo-my-stroim-96339?ysclid=lxrl1x2tvgl53584835>

Модератором данной дискуссии выступил д.и.н., политолог, экономист, общественный деятель С.А. Караганов, и здесь следует особенно подчеркнуть тот факт, что его выбор на эту роль был неслучайным, согласованным с Администрацией главы государства. Как сказал пресс-секретарь Президента Д. Песков, «он [С. Караганов] – человек широчайшего кругозора со своей точкой зрения, **очень авторитетный в экспертных кругах. С этим и был связан выбор**»⁵³.

«Мы что-то делаем, но еще не определились, что мы делаем...; мы застряли в старой модели и какую модель строим – не знаем», – такие вопросы-претензии были заданы В.В. Путину со стороны модератора. При этом сам же С. Караганов предложил название «идеальной модели для России» – **«авторитарный социальный капитализм»** (вкладка 4).

«Мы что-то делаем – явно, но совершенно понятно, что мы ещё не определились, что мы делаем... Мы ведь, по-моему, не имеем мастер-плана... учёные-экономисты, к сожалению, в большинстве своём – я их знаю, я сам бывший экономист, хотя бывших, конечно, не бывает, – застряли в старой модели... мы какую модель вообще строим – мы знаем? Я бы назвал идеальной моделью для России авторитарный социальный капитализм, чтобы всё было понятно, куда мы идём. Потому что мы идём якобы правым путём, якобы раньше шли либеральным – не понимаю...»⁵⁴

Пожалуй, можно согласиться с тем, что «социальный капитализм» как название общего курса национального развития выглядит вполне обоснованным. В подтверждение этому отметим, что многие по достоинству оценили важность и жесткость поставленных С. Карагановым вопросов, что действительно подтверждает их остроту...

Голубовский Д.: «Планово-социальный капитализм в чистом виде есть **прямая противоположность капитализму либеральному, практически – его диалектическое отражение**»⁵⁵.

Григорьев Д.: «Социальный капитализм – это совокупное название для тех моделей капиталистической экономики, которые включают в себя **развитую систему социальной защиты**. К примеру, доступное массовое образование, здравоохранение, контроль за рынком труда, возможности для горизонтальной и вертикальной мобильности и тому подобное. **Это тесно переплетается с понятием социального государства**»⁵⁶.

Макаркин А.: «В модели „авторитарный социальный капитализм“ **слово „капитализм“ не противоречит Конституции**, потому что в ней упоминается рыночная экономика. **Слово „социальный“ тоже не противоречит**, потому что в этом документе Россия охарактеризована как социальное государство. Но Конституция носит ярко выраженный демократический характер, и те права и свободы, которые там прописаны, **не соответствуют принципам авторитарного государства**»⁵⁷.

⁵³ Песков объяснил, почему Караганова выбрали модератором пленарной сессии с Путиным на ПМЭФ // Московский комсомолец. 07.06.2024. URL: <https://www.mk.ru/politics/2024/06/07/peskov-obyasnil-pochemu-karaganova-vybrali-moderatorom-plenarnoy-sessii-s-putinym-na-pmef.html>

⁵⁴ Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума (цитата С. Караганова) 7 июня 2024 г. // Официальный сайт Президента РФ. 07.06.2024. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/74234>

⁵⁵ Голубовский Д. Социал-капитализм – будущее мировой экономики (эксперт компании «Калита-финанс», аналитик finam.ru) // Финанс. 30.09.2009. URL: <https://www.finam.ru/publications/item/social-kapitalizm-budushee-mirovoiy-ekonomiki-20090930-1212/>

⁵⁶ Что такое социальный капитализм? (цитата эксперта по экономике, сотрудника центра экономических исследований Института глобализации и социальных движений Д. Григорьева) // Яндекс Кью. 04.09.2019. URL: https://yandex.ru/q/question/chto_takoe_sotsialnyi_kapitalizm_5eaa8c3d/

⁵⁷ Россиянам ждать авторитарный капитализм? Политолог объяснил, что не так с этой идеей (цитата политолога, вице-президента Центра политических технологий НИУ ВШЭ А. Макаркина) // News.ru. 07.06.2024. URL: <https://dzen.ru/a/ZmMxXBgmbQup5YmC?ysclid=1xt0fixz5x539818871>

Комментарии С. Караганова относительно ситуации в России (ПМЭФ 2024)⁵⁸

1. Мы что-то делаем — явно, но совершенно понятно, что мы ещё не определились, что мы делаем. Тем более мы начали сильно развивать военно-промышленный комплекс, и методом тыка у нас получается. Мы ведь, по-моему, не имеем мастер-плана... учёные-экономисты, к сожалению, в большинстве своём — я их знаю, я сам бывший экономист, хотя бывших, конечно, не бывает, — застряли в старой модели... мы какую модель вообще строим — мы знаем? Я бы назвал идеальной моделью для России авторитарный социальный капитализм, чтобы всё было понятно, куда мы идём. Потому что мы идём якобы правым путём, якобы раньше шли либеральным — не понимаю... Владимир Владимирович, я обращаюсь к восьмому пункту Вашей программы, хотя Вы не сказали, куда мы идём, тем не менее все пункты замечательные.

2. Мы, как я, и как Вы, «наелись» единой коммунистической идеологии, поэтому, конечно, не хочется нам коммунистической идеологии. Но государство, великое государство, без национальной идеологии, без великой идеи существовать не может. Государства, которые теряли национальную идею, национальную идеологию, неизбежно сыпались. Мир усыпан могилами или тенями таких государств. К стати говоря, мы дважды посыпались тоже: один раз, когда потеряли веру в царя и Отечество, а второй раз, когда потеряли веру в коммунизм. И мы сейчас сопротивляемся введению жёсткой государственной идеологии. Понятно, что такую идеологию очень легко сформулировать, Вы сами её частично уже сформулировали в своих речах. Понятно, что такая идеология, может быть, не должна быть обязательной, но она, может быть, должна быть обязательна для хотя бы тех людей, которые хотят быть лидерами страны, которые хотят быть элитой страны. Это кодекс чести... этот кодекс можно сформулировать.

Почему мы формулируем кодекс не для всех? Эти люди хотят жить обыденной жизнью — пускай они живут, и это хорошо. Но если Вы хотите лидировать, если Вы хотите добиваться успеха в обществе, Вы должны придерживаться абсолютно понятных правил, и эти правила должны быть сформулированы. Я сейчас не стану их формулировать, чтобы не занимать аудиторию, потому что это довольно легко сделать. Но почему мы до сих пор боимся? Не надо менять статью Конституции. Почему мы боимся ввести единую государственную идеологию, обязательную для всех тех, кто хочет и готов служить государству и обществу?...

Из-за смерти коммунистической идеологии и гибели та страна, потому что у нас образовался вакуум. Поэтому нам нужно этот вакуум заполнить достаточно определёнными вещами. Прикажете — сделаем. Но только это потом Вы должны предложить обществу, элите и сделать это более или менее обязательным. Тогда это будет работать. Так, кстати говоря, работала у нас коммунистическая идеология, которая была обязательной для всех и которая очень долгие годы, в ней было много прекрасного, двигала нашу страну вперёд, позволила нам выиграть страшную войну. Поэтому идеология нужна.

⁵⁸ Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума (цитата С. Караганова) 7 июня 2024 г. // Официальный сайт Президента РФ. 07.06.2024. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/74234>

Но проблема в том, что не С. Караганов должен формулировать курс национального развития России. А Президент в своих ответах (как заострил внимание модератор дискуссии) **в конечном итоге так и не сказал, куда мы идём** (дословно: «*Владимир Владимирович, я обращаюсь к восьмому пункту Вашей программы, хотя Вы не сказали, куда мы идём, тем не менее все пункты замечательные*»⁵⁹)...

Г. Зюганов: «На меня очень сильное впечатление произвела дискуссия между Путиным и Карагановым. Караганов во все времена был на авансцене. Он умеет вовремя приспособиться. Однако он задал Путину очень жесткие вопросы, которые звучат в обществе. Тем ли курсом идем? Где наша победа? Где национальная идея?»⁶⁰

Катасонов В.: «**То, что сегодня в России установился олигархический капитализм, никто не спорит.** Олигархический капитализм – это социально-экономическая модель развития общества и государства, основанная на тотальном контроле производства товаров и услуг **частными собственниками средств производства**, на узаконенной эксплуатации, то есть **несправедливом присвоении практически всех результатов наемного труда**»⁶¹.

Тем временем реальная ситуация в стране как раз и наводит многих экспертов на вывод о том, что не «социальный», а именно «олигархический» капитализм (или «капитализм для своих»), по крайней мере, на сегодняшний день, продолжает доминировать в нашей стране.

Не случайно А. Проханов пишет о том, что **«русское патриотическое сознание страшится либерального реванша... оно беспокойно, исполнено мнительности, подозрений, ожидает вероломства и предательства».**

«Патриотические философы, историки, литературоведы, метафизики создают идеальный образ России, созвучный чаяниям XXI века. Но русское патриотическое сознание сегодня **беспокойно, исполнено мнительности, подозрений, ожидает вероломства, предательства.** Русский человек, идя в историческое наступление, сжимает лопатки, опасается, что в спину ему ударит клинок предателя, и начавшийся в России процесс великих перемен, великого русского возрождения будет **остановлен, свёрнут, направлен вспять.** Русское патриотическое сознание страшится либерального реванша...»⁶²

⁵⁹ Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума (цитата С. Караганова) 7 июня 2024 г. // Официальный сайт Президента РФ. 07.06.2024. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/74234>

⁶⁰ Официальный сайт КППРФ. Новости. 11.06.2024. URL: <https://mkkprf.ru/29548-ga-zyuganov-s-tribunygosudarstvennoy-dumy-velikih-stran-i-narodov-ne-byvaet-bez-velikih-idey.html>

⁶¹ Катасонов В. «Олигархический коллективизм» из романа «1984» и сегодняшний мир // Официальный сайт Русского экономического общества им. С.Ф. Шарапова. 12.09.2023. URL: <https://teosh.ru/valentin-katasonov-oligarxicheskij-kollektivizm-iz-romana-1984-i-segodnyashnij-mir.html>

⁶² Проханов А. Третий тост // Официальный сайт Изборского клуба. 20.06.2024. URL: <https://izborsk-club.ru/25816?ysclid=lx0kx4v2h78042209>

О доминировании в стране «капитализма для своих» говорит, в первую очередь, качество российских элит; общность их ценностных установок и приоритетов, в которых преобладают **«богатство, власть и устойчивость пользования ими»**.

«Есть две разные по происхождению и сути части элиты. Одни – кто хапнул собственность в 1990-е, обладает наследуемыми активами и высоким уровнем пассивного дохода. Вторые, кто сидят „на кормлении“: чиновники разных уровней, руководители госкомпаний. Они (порой – на взятках и откатах) накопили огромные капиталы (зачастую – „чёрные” и „серые”) и пытаются влиять на политику государства. **Они тоже хотят устойчивого, прогнозируемого будущего для себя и своих потомков.** Один из вариантов решения – передача должности (места кормления) по наследству – похоже, уже начинает воплощаться. **Ценностные приоритеты у этих групп схожи: богатство, власть и устойчивость (безопасность) пользования ими»**⁶³.

И это вполне подтверждается конкретными фактами. Например, реакцией крупного бизнеса на некоторые невыгодные для него управленческие решения со стороны государства, во многом продиктованные вынужденной необходимостью в связи с растущими угрозами национальной безопасности. Это наглядно показала дискуссия, развернувшаяся на одном из мероприятий («деловой завтрак

Сбера») в рамках Петербургского международного экономического форума, в ходе которого Глава совета директоров и крупнейший акционер ПАО «Северсталь» А. Мордашов раскрыл налоговую политику в отношении условий, создаваемых для ведения крупного бизнеса. «Мы видим постоянное введение новых поборов... – отметил один из крупнейших олигархов страны. – Обратные налоги стало модным вводить – это совсем кошмар...»⁶⁴

Для справки: по данным Forbes, «А. Мордашов и семья» занимают **4 место в списке миллиардеров России.**

За период с 2022 по 2024 г. его состояние увеличилось почти в 2 раза: в 2022 г. – 13200 млн долл., в 2023 г. – 20900 млн, в 2024 г. – 25500 млн⁶⁵.

При этом примечателен тот факт, что в ответах официальных представителей профильных министерств на претензии со стороны олигарха (*вкладка 5*) было четко указано о том, что все действия органов власти по поводу изменений в системе налогообложения были предварительно обсуждены с бизнесом; что они «принимались с учетом финансово-экономического положения компаний»⁶⁶; более того – что государство пошло навстречу «Северстали» в 2022 году, когда **при доказанности ее вины** за завышение цен на металлургическую продукцию⁶⁷ «штрафы металлургам были уменьшены в десятки раз, став меньше меньшего»⁶⁸...

⁶³ Белкин С. Русское поле смыслов // Завтра. 14.06.2024. URL: https://zavtra.ru/blogs/russkoe_pole_smislov?ysclid=ixt0mbq2n184974512

⁶⁴ Мордашов предложил зафиксировать налоги и сборы на год // РБК. 07.06.2024. URL: <https://www.rbc.ru/finances/07/06/2024/6662a5509a79479ec2e5b22a?ysclid=ix8uvr8n1n551349961>

⁶⁵ 125 миллиардеров России. Рейтинг Forbes – 2024. URL: <https://www.forbes.ru/milliardery/510650-125-milliarderovrossii-rejting-forbes-2024>

⁶⁶ Минфин ответил на заявление Мордашова о налоговой стабильности (цитата зам. министра финансов РФ А. Сазанова) // Финанс. 07.06.2024. URL: <https://www.finam.ru/publications/item/minfin-otvetil-na-zayavlenie-mordashova-o-nalогоvoу-stabilnosti-20240607-2123/>

⁶⁷ ФАС признала металлургов виновными в завышении цен // Официальный сайт Федеральной антимонопольной службы. 11.02.2022. URL: <https://fas.gov.ru/publications/23531?ysclid=lxlepxzgf797200485>

⁶⁸ Минпромторг РФ считает странным заявление Мордашова о налоговой нагрузке на металлургов (цитата зам. главы Минпромторга РФ статс-секретарь В. Евтухова) // МФД-ИнфоЦентр. 08.06.2024. URL: <https://mfd.ru/news/view/?id=2636911>

К этому остается только добавить, что в тех условиях, в которых сегодня находится страна, и когда, прежде всего, от крупного бизнеса (даже без всяких законов) требуется понимание и реализация принципа «всё для фронта, всё для Победы», прибыль ПАО «Северсталь» распределяется преимущественно в интересах ключевых акционеров (дивиденды собственников) на фоне, например, сокращения удельного веса благотворительных и социальных расходов, а также более низких налоговых доходов самого региона пребывания — Вологодской области (что становится очевидным при анализе «открытых» данных отчетности компании;

вкладка б)... И отсюда вполне резонным представляется вопрос к Президенту, Правительству, Совету Федерации: кто создал такие условия и почему они продолжают сохраняться в принципе и особенно на фоне продолжающейся специальной военной операции?

Пожалуй, не менее резонансным и еще более показательным в плане характеристики реальной ситуации в стране стал скандал с участием Г. Грефа. Распространившееся в сети Интернет видео о «встрече» Председателя Сбера с таксистами Горно-Алтайска⁶⁹ в июне 2024 г. указало многим экспертам на **«даже не разрыв, а пропасть между элитами и простым человеком»...**

Д. Кобзев, главный редактор информационного портала «Новости Горного Алтая»: «Сказать, что Горный Алтай восстал против Грефа, будет очень большой натяжкой. Это совершенно неправда. Но я думаю, что после этой истории, конечно, порядок наведут. **Хотели таксисты того или нет, но теперь будет по-другому, и будет так, как хочет Греф»**⁷⁰.

Д. Дризе (эксперт газеты «Коммерсант»): «Сбербанк недавно стал единственным собственником воздушной гавани и намерен фактически создать не ее базе современный логистический центр... по его [Грефа] собственным словам, придется фактически ликвидировать нынешний аэропорт Горно-Алтайска, а на его месте возводить новый... **Но можно ли в отдельно взятом регионе России построить идеальный «Город Солнца» таким, как его видит Герман Греф? И можно ли перевоспитать народ российский, чтобы он мог бы должным образом всему этому соответствовать?** Воспримет ли население поголовную автоматизацию, цифровизацию, KPI, личные планы эффективности, корпоративное управление, безупречный внешний вид? Все то, что во многом пришло к нам с недружественного Запада... **Собственно, все происходящее научным языком называется разрывом между элитами и тем самым простым человеком, для которого все. Причем создается такое впечатление, что это уже не разрыв, а пропасть... Похоже, нужно эту пропасть между разными классами российского общества как-то сокращать. Пока что на протяжении многих лет этого сделать не удавалось. Попытки были, но все они как-то успехом не увенчались. Но можно попробовать навязать «Город Солнца» силой, хотя и такое тоже было, и эффект был, опять же, неоднозначный»**⁷¹.

⁶⁹ В Сеть попало видео, на котором Герман Греф в жесткой форме объясняет алтайским таксистам, что они должны прилично выглядеть и не собираться, как выразился Греф, «бандами» возле аэропорта. Водители в свою очередь потребовали от Грефа организовать для них парковку. Видео вызвало большой резонанс, в том числе далеко за пределами республики... из разговора слышно, что председатель правления Сбербанка, **которому с недавних пор принадлежит аэропорт Горно-Алтайска**, называет свою фамилию, требует разогнать эту банду и грозит, что никто из водителей тут работать больше не будет, потому что это его аэропорт: **«А ты здесь больше работать не будешь. Еще рот откроешь — и тебя здесь больше никогда не будет. Я собственник этого аэропорта. А ты кто? Фамилия твоя какая? Моя фамилия Греф, твоя фамилия какая?»**... После публикации этого видео в Сети появилось еще два ролика. На них жители Алтая демонстративно режут карты «Сбера»... (источник: Портал деловых новостей радиостанции Business FM. 10.06.2024. URL: <https://dzen.ru/a/ZmcXfxgmbQupq-yo?ysclid=lxfyss42mj756353268>)

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Вот такой у нас народ // Коммерсантъ. 10.06.2024. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6760853>

Ответы представителей министерств на претензии А. Мордашова по поводу введения новых налогов

Ответ Министерства финансов РФ (зам. министра финансов РФ А. Сазанов): «На протяжении последних 6 лет базовые параметры налогообложения корпоративного сектора не менялись». При этом был принят ряд решений по точечной донастройке налогообложения в связи с формированием у компаний сырьевой и экономической ренты, связанной **исключительно с изменениями конъюнктурных параметров** (котировка на сырьевой товар или курс валют). «Такие инструменты как курсовые экспортные пошлины, а также донстройка налогообложения рентных отраслей, в том числе в виде введения акциза на жидкую сталь, предусматривали перераспределение между бизнесом и государством **дополнительных доходов**, которые сформировались у компаний **только за счет резких колебаний курса валюты и скачков цен на сырье...**

Все предлагаемые ранее решения принимались с учетом финансово-экономического положения компаний, чтобы даже после увеличения уровня налогообложения рентабельность компаний превышала 25%, что больше чем в два раза выше средних показателей по экономике (10–12%)».

«Если говорить про курсовые экспортные пошлины, предложенная в прошлом году конструкция позволила сделать так, чтобы введение пошлин не отразилось на планах компаний, через них в бюджет перераспределялось лишь 25–30% от прироста рублевой выручки, **сверх ожидаемой компаниями в начале года. То есть компании получали примерно ту же величину рублевой выручки, какую они предполагали и на базе которой планировали операционную и инвестиционную деятельность**».

Введение всех налоговых изменений правительство обсуждало с бизнесом. В том числе, компаниям были предоставлены расчеты с анализом влияния корректировок на финансово-экономическое положение. Отдельно обращаем внимание, что введенный ранее акциз на жидкую сталь **изначально предусмотрен в Налоговом кодексе на бессрочной основе. Никаких ограничений по периоду его применения не предусматривалось.**

Предложенное сейчас изменение налогообложения корпоративного сектора «предусматривает замену экспортных пошлин на **более выгодные и понятные для бизнеса** фискальные инструменты в виде повышения налога на прибыль и корректировки рентных налогов, в частности НДС»⁷².

Ответ Министерства промышленности и торговли РФ (замглавы Минпромторга РФ стате-секретарь В. Евтухов): «Металлургия – отрасль, которая всегда пользовалась особым вниманием и поддержкой государства...» Два года назад цены на металлургическую продукцию выросли в разы, тогда было открыто расследование ФАС в отношении ряда компаний, в том числе, компании «Северсталь». **Была доказана вина компаний**, последовали полагающиеся за это крупные штрафные санкции. **«При этом государство пошло навстречу «Северстали» с учетом общей мировой ситуации, потери экспортных рынков, санкционного давления и необходимости поиска новых партнеров – штрафы металлургам были уменьшены в десятки раз, став меньше меньшего»...** Также на ПМЭФ-2024 «Северсталь» подписан СПИК [специальный инвестиционный контракт], по которому металлурги получают **свыше 40 миллиардов рублей налоговых льгот от государства...** После этого странно слышать заявления Алексея Мордашова о том, что государство не слышит бизнес, не идет навстречу бизнесу, а фискальной политике государства не хватает предсказуемости»⁷³.

⁷² Минфин ответил на заявление Мордашова о налоговой стабильности // Финанс. 07.06.2024. URL: <https://www.finam.ru/publications/item/minfin-otvetil-na-zayavlenie-mordashova-o-palogooy-stabilnosti-20240607-2123/>

⁷³ Минпромторг РФ считает странным заявление Мордашова о налоговой нагрузке на металлургов // МФД-ИнфоЦентр. 08.06.2024. URL: <https://mfd.ru/news/view/?id=2636911>

Некоторые финансовые итоги деятельности ПАО «Северсталь» за период 2009–2023 гг.⁷⁴

При оценке распределительной политики ПАО «Северсталь» видно, как благоприятный результат компании в большей степени направлен на удовлетворение интересов собственников на фоне сокращения удельного веса благотворительных и социальных расходов.

Так, среднегодовые дивидендные выплаты ПАО «Северсталь» в среднем за период 2009–2013 гг. по период 2019–2023 гг. выросли в 18,3 раза (с 7,3 до 133,5 млрд руб.), а доля расходов на благотворительность и социальные нужды увеличилась всего в 2 раза (с 0,8 до 2,2 млрд руб.; табл. 1).

Таким образом, в среднем за период 2019–2023 гг. размер дивидендов в 59 раз превысил размер благотворительных и социальных расходов. Доля дивидендов в чистой прибыли организации за этот период составила 92%, доля благотворительных и социальных расходов – 2%.

Таблица 1. Приоритеты распределительной политики ПАО «Северсталь» за 2009–2023 гг.

Период	Консолидированная чистая прибыль	Дивиденды	Доля дивидендов в чистой прибыли	Соотношение дивидендов к собственным доходам региона	Состояние ключевого акционера (А. Мордашов)	Расходы на благотворительность и социальные нужды	Доля благотворительных расходов в чистой прибыли	Вознаграждения Совету директоров	Доля вознаграждений в чистой прибыли
1	2	3 = 2/1	4	5	6	7 = 6/1	8	9 = 8/1	
В среднем за 2009–2013	22252	7308	79,5	18,6	12,2	893	10,7	1059	13,4
В среднем за 2014–2018	71599	74203	85,9	123,3	14,1	1538	2,0	680	0,3
В среднем за 2019–2023	158174	133454	92,1	141	20,7	2243	1,6	700	0,5

Источник: составлено по данным МСФО ПАО «Северсталь» и сайта Forbes.ru.

Объем дивидендных выплат ПАО «Северсталь» превышает налоговые доходы бюджета Вологодской области.

Так, за 2017–2022 гг. средний объем дивидендных выплат ПАО «Северсталь» составил 124 млрд руб. в год, что на 61% больше налоговых доходов Вологодской области (77 млрд руб.; табл. 2).

Для сравнения, в Иркутской области дивиденды МКПАО «ОК РУСАЛ» (20,2 млрд руб. в год) были значительно ниже налоговых доходов региона – около 11,2%, или 181 млрд руб. В Красноярском крае среднегодовые дивиденды ПАО «ГМК «Норильский никель» за аналогичный период составили 275 млрд руб. в год, что на 3,5% меньше налоговых доходов бюджета региона базирования (285 млрд руб.).

Таблица 2. Сравнительный анализ налоговых доходов и дивидендов металлургических корпораций РФ в среднем за 2017–2022 гг.

Показатель	Вологодская область (ПАО «Северсталь»)	Иркутская область (МКПАО «ОК РУСАЛ»)	Красноярский край (ПАО «ГМК «Норильский никель»)
1. Среднегодовые налоговые доходы бюджета региона базирования, млрд руб.	77	181	285
2. Среднегодовые дивиденды, млрд руб.	124	20,2	275
3. Соотношение 5 к 4, %	161	11,2	96,5

Источник: составлено по данным Федерального казначейства и финансовой отчетности корпораций.

⁷⁴ Цветная металлургия в России: 30 лет в поиске баланса частных и общественных интересов: монография / В.А. Ильин, М.А. Печенская-Полишук, М.К. Малышев, Д.С. Палкина; Вологодский научный центр РАН. Вологда: ВолНЦ РАН, 2024.

Причем этот вывод эксперта наглядно подтверждают результаты социологических исследований, свидетельствующие о том, что противоречия между «богатыми и бедными», «властью и народом», «чиновниками и гражданами» входят в «тройку» самых острых социальных противоречий по мнению населения (рисунок).

О сохранении «капитализма для своих», в каком-то смысле «скрывающегося» под маской

капитализма «социального», свидетельствует и противоречивость реализации одной из первых, действительно важных и долгожданных реформ налоговой системы, **но проведенной таким образом, что не затрагивает многие аспекты повседневной жизни именно олигархов и топ-менеджеров:** зарубежный туризм и банковские переводы; дорогие рестораны, ночные клубы, салоны красоты и бутики; ремонт дорогой недвижимости и автомобилей...

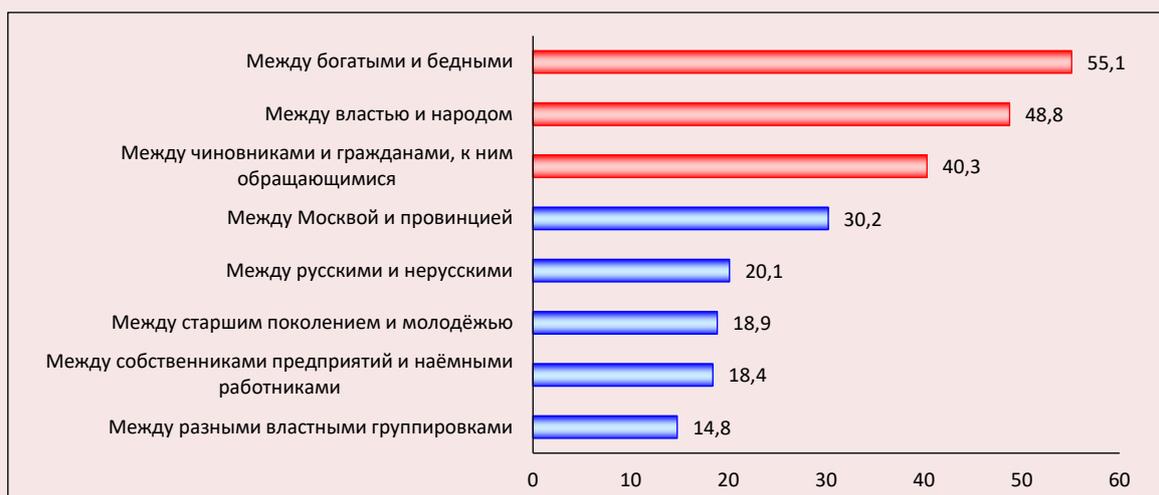
«Доступ налоговой к персональным данным следует расширить на **зарубежный туризм и переводы**, данные по которым собираются при пересечении границы, на покупки авиабилетов. В **страны дальнего зарубежья чаще всего ездят как раз средний класс и топ-менеджеры**, которые подпадают под прогрессию НДС, и одна поездка теперь стоит сотни тысяч рублей.

Ещё одно приличное направление трат среднего класса и особенно богатых – это **сфера развлечений**. Под налоговый контроль вполне следует подвести траты физлиц, скажем, от 5 тыс. руб. на счёт (с критериями дробления). Более того, следует ограничить расчёты наличными в подобных случаях, либо ввести существенные комиссии за такие расчёты...

Почему условная «Вкусно и точка» платит НДС, а рестораны на Рублёвке или Патриарших – нет?...

В дополнение к базам данных о покупках недвижимости и автомобилей, следует ли задуматься о потенциале сбора сведений **за ремонт этих объектов собственности?** Дорогой ремонт может исчисляться миллионами рублей за квартиру и сотнями тысяч – за машину. Пока сбор таких персональных данных выглядит нетривиальной задачей»⁷⁵.

«Между какими группами российского общества, по Вашему мнению, сегодня существуют наиболее острые противоречия?», % от числа опрошенных

Данные по Вологодской области в среднем за декабрь 2023 – июнь 2024 гг.
 Источник: мониторинг общественного мнения ВолНЦ РАН.

⁷⁵ Ануреев С. Налоговый контроль крупных расходов богатых, как декларации чиновников. Иначе ответом на прогрессию НДСЛ станет рост теневых доходов // Завтра. 01.06.2024. URL: https://zavtra.ru/blogs/nalogovij_kontrol_krupnih_rashodov_bogatih_kak_deklaracii_chinovnikov?ysclid=lx1dq62y5379479454

В целом указанные факты, экспертные оценки, данные опросов общественного мнения говорят о том, что ситуация не только вокруг, но и внутри России пока что складывается достаточно тревожно и противоречиво, **при том что угрозы национальной безопасности для нашей страны, напротив, вполне конкретны и предельно понятны...**

«Главным результатом СВО, – как отмечают эксперты, – главной задачей внутри России становится обновление элит, уход от клановости к служилому ее типу»⁷⁶... По большому счету, от решения этой задачи зависят и настоящее, и будущее России; и результат СВО, и характер нового Общественного договора, новых «правил игры», которые будут регулировать жизнь в стране уже после окончания специальной военной операции.

Тот факт, что Президент чувствует остроту в обществе вопроса «какое государство мы строим?» и не побоялся вынести его на пленарную дискуссию Международного экономического форума, вселяет надежду на то, что четкий и

«За что же мы сражаемся? Только ли за отторгнутые от Русского мира земли и унижаемых братьев? Конечно, не только за это. **Фронт СВО, пока он действует, порождает второй фронт внутри России, фронт самоочистки. И эта не менее важная для нашей судьбы битва идет в глубине России, в ее столицах... Главным результатом СВО, главной задачей внутри России становится обновление элит, уход от клановости к служилому ее типу»⁷⁷.**

определенный ответ на него со стороны именно главы государства будет все-таки дан. Но пока что он по-прежнему остается лишь предметом дискуссий в экспертном сообществе и предметом ожиданий широких слоев населения...

Так каким же станет для России V политический цикл В.В. Путина: продолжением «капитализма для своих» или все-таки началом строительства «социального капитализма»?

Сведения об авторах

Владимир Александрович Ильин – член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, научный руководитель организации, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: ilin@vscc.ac.ru)

Михаил Владимирович Морев – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: 379post@mail.ru)

Ilyin V.A., Morev M.V.

The Fifth Political Cycle of Russian President Vladimir Putin: “Cosmetic Repairs” for Crony Capitalism or a Transition to “Social Capitalism”?

Abstract. The new political cycle and Vladimir Putin’s fifth presidential term are beginning in rather difficult and contradictory conditions for Russia. On the one hand, there are more and more signs that NATO countries are preparing for a direct military conflict with our country; this fact leads to an escalation of the already tense international situation. On the other hand, there are still no signs in the domestic political arena that the elites (primarily in the public administration system, representatives of big business) are beginning to feel the essence of the historical moment and, accordingly, shift their motivation and

⁷⁶ Аверьянов А. За что сражаемся. К 10-летию русской весны // Изборский клуб. 15.05.2024. URL: <https://izborskclub.ru/25702?ysclid=lx4fa2xie1532116915>

⁷⁷ Там же.

their values from personal interests to the interests of national security. The reason lies in the fact that although the President is adopting important decisions necessary for the start of a new political cycle (formulation of national development goals until 2030, 2036, appointment of responsible executors for their implementation), he has not given an answer to the question of what kind of State we are building. The State of “social capitalism” or “crony capitalism”? The need for an answer to this question (and specifically from the President) has been maturing in society for many years and has now reached such a degree of relevance that it became the subject of a plenary discussion with the participation of the head of state at the Saint Petersburg International Economic Forum, held in Russia on June 5–8, 2024. However, at the Forum, there was still no response from the President to this question; so many experts (mostly reflecting the opinion of the majority of the country’s population) remain in a state of anxious expectation about where Russia is going; whether the country has a clear understanding of the image of the future, which is necessary for the successful achievement of all the goals of the special military operation and for building the contours of a new Social Contract that should replace what can be called the paradigm of semi-colonial dependence on the West... The article uses an extensive database in the form of expert opinions, facts, and monitoring sociological surveys results. Scientific novelty of the approach consists, first of all, in a combination of various aspects of the social and political life of the country, which become the subject of our analysis. Among them are specific administrative decisions of the head of state, assessments of public opinion, views of representatives of big business, opinions of State Duma deputies, political and public figures, historians, economists, etc. In particular, the article presents the results of the vote in the lower house of Parliament on the approval of candidates for new members of the Government of the Russian Federation, as well as data from the open accounts of a number of large metallurgical corporations, indicating that the priorities of their activities do not correspond to the challenges that Russia has faced after the beginning of the special military operation.

Key words: new political cycle, social capitalism, oligarchic capitalism, new Social Contract, 2024 “May decree”.

Information about the Authors

Vladimir A. Ilyin – RAS Corresponding Member, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, scientific director, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: ilin@vscc.ac.ru)

Mikhail V. Morev – Candidate of Sciences (Economics), Leading Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: 379post@mail.ru)

О способности регионов адаптироваться к разным внешним шокам

**Виктор Евгеньевич
ДЕМЕНТЬЕВ**

Центральный экономико-математический институт РАН
Москва, Российская Федерация
e-mail: vedementev@rambler.ru
ORCID: 0000-0001-5612-3999; ResearcherID: F-9252-2018

Аннотация. Для того чтобы Россия смогла успешно ответить на уже имеющиеся вызовы и для подготовки к новым испытаниям, важно проанализировать вклад регионов в решение этих задач. Основой для оценки устойчивости экономики российских регионов может служить их реакция на уже пережитые шоки. В статье рассматривается экономическое развитие регионов в условиях вызванного Великой рецессией кризиса 2009 года и кризиса 2020 года, связанного с пандемией COVID-19. Выбор именно этих весьма отличающихся по своему характеру кризисов определялся целью исследования – выяснить, насколько универсальной является способность регионов адаптироваться к разным внешним шокам. Устойчивость региона оценивается через сопоставление показателей его развития и данных по экономике в целом. Сравнение проводится по динамике валового продукта и по изменению инновационной активности за периоды, перекрывающие годы спада деловой активности. Выделены группы регионов с разными уровнями устойчивости и приведен ряд характеристик этих групп. В отличие от имеющейся в литературе точки зрения показано, что весьма успешное преодоление регионом одного кризиса часто не удается повторить при кризисе другого происхождения. Определена группа регионов, применительно к которой можно говорить об относительно универсальной динамической устойчивости в смысле роста валового регионального продукта. Что касается инновационной устойчивости, также только часть регионов смогла сохранить ее при разных типах кризисов. В целом для периода 2008–2021 гг. не обнаружена связь между ростом валового регионального продукта и инновационной активностью регионов, оцениваемой по росту объема инновационных товаров, работ, услуг.

Для цитирования: Дементьев В.Е. (2024). О способности регионов адаптироваться к разным внешним шокам // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 3. С. 36–49. DOI: 10.15838/esc.2024.3.93.2

For citation: Dementiev V.E. (2024). On the ability of regions to adapt to various external shocks. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 17(3), 36–49. DOI: 10.15838/esc.2024.3.93.2

Ключевые слова: динамическая устойчивость, резильентность, адаптивность, внешние шоки, валовой региональный продукт, инновационная активность.

Благодарность

Статья подготовлена в рамках проекта № 23-28-00358 «Институциональные и структурные условия адаптации к шокам экономического развития», поддержанного РНФ.

Введение

В XXI веке на долю российской экономики уже выпало четыре испытания: Великая рецессия (2009 г.), первая санкционная волна (2015 г.), пандемия COVID-19 (2020 г.), вторая санкционная волна (2022 г.)¹. Как известно, кризис — это и опасности, и возможности стать сильнее. В 2023 году российская экономика показала, что она способна расти быстрее, чем экономика многих стран, которые ввели против нее санкции. Вместе с тем за ростом ВВП России в 2023 году, за общими благополучными итогами предшествующих испытаний скрываются их разные результаты для отдельных регионов. Анализ этих результатов важен для подготовки к новым неизвестным кризисам, поэтому большее значение имеет выявление регионов, проявивших способность адаптации к испытаниям, вызванным весьма разными причинами. С этой точки зрения целесообразно обратиться к опыту развития российских регионов под влиянием Великой рецессии и пандемии COVID-19. Следует учитывать два аспекта адаптации.

С одной стороны, важна устойчивость динамики валового регионального продукта (ВРП). Более устойчивые в этом отношении регионы помогают пройти испытание всей стране. Однако насколько универсальный характер может иметь способность регионов справляться с разного рода вызовами? В (Михеева, 2021) вывод о том, что устойчивость регионов не зависит от характера кризиса, основывается на анализе развития регионов в условиях кризисов 2009 и 2015 гг. При этом для признания региона устойчивым достаточно было достижения его экономикой докризисного пикового уровня в течение периода, определенного как завершение кризиса. Такая трактовка устойчивости является дискуссионной с точки зрения экономического развития, поскольку

довольствуется восстановлением региональной экономики. В настоящей статье темпы роста ВРП регионов за перекрывающийся кризисный год период сопоставляются с темпами роста экономики России в целом и устойчивость регионов оценивается по результатам такого сопоставления. Обнаруживается, что результаты испытаний экономики региона разными кризисами могут радикально отличаться. Вместе с тем выявляется группа регионов, применительно к которой можно говорить об относительно универсальной устойчивости в смысле роста ВРП.

С другой стороны, кризис — это возможности для обновления экономики, поэтому адаптивность предстает уже как степень использования открывающихся возможностей. На первый план выходит сохранение и даже повышение инновационной активности регионов. Такая активность, как подсказывает экономическая теория, может сопровождаться временным снижением выпуска продукции (Helpman, Trajtenberg, 1998). Важно определить, способны ли одни и те же регионы поддерживать инновационную активность при кризисах разного характера. Наличие таких регионов повышает шансы на инновационное преодоление очередных кризисных ситуаций.

Для такой страны, как Россия, наличие регионов с разными типами устойчивости имеет большое значение в целях успешного ответа на отличающиеся по своему характеру вызовы. Одно дело шоки вроде пандемии, другое — внешнеэкономические ограничения, нацеленные на ослабление позиций страны в технологическом соперничестве. Проблема обеспечения регионами такой комбинированной устойчивости российской экономики в литературе пока не рассматривалась.

¹ Указаны годы снижения ВВП России.

В статье анализируется развитие российских регионов в 2008–2010 гг. (Великая рецессия) и в 2019–2021 гг. (пандемия COVID-19). Для каждого кризисного периода определены группы регионов, показавших по итогам периода темпы роста выше общероссийских или инновационную активность выше общероссийской. Выделены группы регионов со средними и более низкими показателями устойчивости. Определена группа регионов с относительно высокими темпами роста ВРП в течение обоих кризисных периодов, группа регионов с относительно высокой инновационной активностью в оба эти периода. В статье представлен ряд характеристик разных групп регионов.

Обзор литературы

Количество публикаций по проблемам устойчивости экономики при внешних шоках продолжает расти, но общепринятая терминология еще не утвердилась. В последние годы вопросы устойчивости часто обсуждаются в рамках концепции резильентности (economic resilience). В материалах ОЭСР резильентность фигурирует как способность справляться с потрясениями и восстанавливаться после них, в то же время позитивно адаптируя и преобразуя свои структуры и средства к существованию в условиях долгосрочных стрессов, перемен и неопределенности². Речь идет не просто о демпфировании возмущений, но о динамической устойчивости системы, сохранении потенциала ее развития. Краткий очерк истории самого понятия «резильентность» представлен в (Акбердина, 2021). Однако некоторые исследователи предпочитают пользоваться терминами «устойчивость» (Зубаревич, 2021), «шокоустойчивость» (Жихаревич и др., 2020; Песоцкий, 2021; Кузнецова, 2022), «региональная устойчивость к внешним шокам» (Михеева, 2021; Михеева, 2023).

По своей сути концепция резильентности близка к концепции динамических способностей, разработанной в начале 1990-х гг. Д. Тисом, Г. Пизано и Э. Шуен в их статье «Динамические возможности и стратегическое управление» (Теесе et al., 1997) как способность фирмы

заниматься адаптацией, интеграцией и реконфигурацией внутренних и внешних организационных навыков, ресурсов и функциональных компетенций в соответствии с требованиями меняющейся среды. В (Смородинская, Катуков, 2021) концепция экономической резильентности соотносится с экономической теорией сложности (Arthur, 2021). В соответствии с этой теорией устойчивое функционирование сложных нелинейных систем в условиях непрерывно меняющейся среды требует как постоянных внутренних трансформаций, так и рекомбинации внешних связей. Т. к. речь идет об устойчивости социально-экономических систем, важным ее ракурсом является социальная резильентность (Аквазба, Леонова, 2021; Романова и др., 2022).

В отечественной и зарубежной литературе значительное место занимает обсуждение индикаторов резильентности (Высоцкий, 2022). Выбор таких индикаторов тесно связан с тем, что понимается под устойчивостью. Если во главу угла ставится дошоковое состояние, характеристиками резильентности могут быть масштабы отклонения от этого состояния, скорость возвращения к нему после шока. Если ориентиром является исходная траектория развития, то наиболее успешным вариантом противостояния шокам предстает переход на траекторию более быстрого роста (Акбердина, 2021).

Для социально-экономических систем при анализе резильентности оправдана ориентация на их цели. Так, для участников инвестиционного проекта резильентность связана с возможностью продолжения его реализации. В условиях инновационной конкуренции важным аспектом резильентности становится способность использовать общий шок для отрыва от конкурентов. Так, нефтяные шоки 1970-х гг. фактически способствовали ускорению технологического развития США и Японии по сравнению с их европейскими конкурентами.

Как показывает анализ нескольких глобальных экономических кризисов, открывающиеся в это время возможности успешно используют те страны, которые совмещают меры по преодолению негативных последствий от снижения экономической активности и подготовку к последующему экономическому развитию, наце-

² OECD, SIDA. (2017). Resilience systems analysis: Learning and recommendations report. Paris: OECD Publishing.

ленную на усиление позиций страны в мировой экономике. Другими словами, важно не откладывать формирование новой траектории развития на послевосстановительный период. Это подтверждает и опыт корпоративного развития. Компании, не пренебрегающие инновациями в условиях кризиса, получают преимущество перед конкурентами во время восстановления экономики³.

В рамках концепции резильентности речь идет как об ответных, так и упреждающих мерах по отношению к возмущениям экономической среды (Martin, 2012). К упреждающим мерам можно отнести инвестиции в исследования и разработки, поскольку таким образом расширяется спектр доступных вариантов реагирования на кризис. В период радикального обновления технологической базы мировой экономики на повестке дня оказывается устойчивость к технологическим вызовам. Они — одна из составляющих санкционного давления на Россию. Политика по повышению технологического и финансового суверенитета — это не только вынужденная реакция на санкции, но и упреждающая подготовка к новым испытаниям. Технологический суверенитет предстает еще одним ракурсом анализа резильентности, обеспечения устойчивости экономики (Песков, 2022; Романова и др., 2022).

Устойчивость территориальной экономики, факторы устойчивости — ведущее направление в исследованиях по экономической резильентности. В этих исследованиях содержатся как межстрановые (Hafele et al., 2023), так и межрегиональные сопоставления устойчивости рассматриваемых объектов. При оценке влияния шоков на экономику регионов динамика валового регионального продукта — часто используемый индикатор резильентности этих экономических объектов. Такой подход учитывает, что от роста объема ВРП зависит реализация многих целей регионального развития, включая повышение благосостояния населения. Как отмечается в (Высоцкий, 2022), при межрегиональном анализе оценки резильентности регио-

нов могут формироваться путем сопоставления скорости их экономического развития по сравнению с хозяйственным комплексом в целом.

В публикациях фигурирует весьма широкий спектр ключевых факторов экономической резильентности территорий. В ряде исследований в качестве одного из ведущих факторов выделена роль городов (Wang, Li, 2022), отраслевой структуры экономики (Martin et al., 2016; Lazzeretti et al., 2019; Oprea et al., 2020; Акбердина, 2021), человеческого капитала, экономики знаний, региональной инновационной системы (Christopherson et al., 2010; Oprea et al., 2020; Акбердина, 2021; Wang, Li, 2022), высокий уровень доверия между экономическими субъектами (Christopherson et al., 2010).

В работе (Akberdina, 2022) наряду со значением отраслевой структуры показано влияние на устойчивость регионов таких факторов, как возможность осуществить докапитализацию региональных фондов развития промышленности, наличие потенциала импортозамещения. Отличающаяся точка зрения на импортозамещение представлена в (Смородинская, Катукон, 2021), где указывается, что распределенное производство и торговля добавленной стоимостью скорее амортизируют кризисные последствия внезапных глобальных шоков, чем усиливают их. В связи с этим для реализации шансов России улучшить позиции в распределенном производстве в условиях глобализации 2020-х гг. предлагается, в частности, отказаться от импортозамещения, наращивать промежуточный импорт для собственного экспорта.

В (Малкина, 2024) влияние пандемии и санкций на реальный сектор российских регионов оценено с помощью индекса стресса. Величина этого индекса тем больше, чем ниже темпы прироста регионального показателя и чем выше их разброс. Для оценки стресса реального сектора экономики использовались три частных показателя: индекс промышленного производства; индекс оборота розничной торговли в сопоставимых ценах; индекс объема платных услуг населению в сопоставимых ценах. Утверждается, что индексы стресса имеют ряд преимуществ перед интегральными оценками шоко- или стрессоустойчивости экономических систем. Они позволяют оценить

³ Bar Am J., Furstenthal L., Jorge F., Roth E. (2020). Innovation in a crisis: Why it is more critical than ever. McKinsey Global Institute.

нарастание и спад стресса в динамике, что делает их пригодными для прогнозирования кризисных явлений. В среднем наиболее уязвимыми к шокам оказались субъекты Северо-Кавказского федерального округа, а наибольшую устойчивость проявили регионы Сибирского федерального округа. Исследование показало, что важными факторами устойчивости реального сектора региональных экономик к пандемическому шоку являются отраслевая структура и уровень доходов в регионе, а к санкционным шокам — также его пространственное размещение.

Устойчивость экономики регионов к кризисным шокам 2009 и 2015 гг. анализировалась в (Михеева, 2021). В качестве устойчивых были выделены регионы, в которых не происходило падение ВРП, и регионы, в которых докризисный пиковый уровень восстановился в течение периода, определенного как завершение кризиса. На основании того, что большинство регионов, устойчивых к кризису 2009 года, оказались такими и в условиях кризиса 2015 года, сделан вывод, что устойчивость регионов не зависит от характера кризиса. Вместе с тем обращается внимание на то, что в зависимости от характера кризиса вклад региональных факторов меняется не только количественно, но и качественно. При кризисе 2009 года статистически значимыми для динамики устойчивых регионов являлись такие факторы, как доля городского населения, размер рынка, предкризисная динамика региона, темпы роста инвестиций. В период кризиса 2015 года статистически значимыми факторами устойчивости были доля рынка, наличие крупной агломерации, экспортная квота региона и образовательный состав рабочей силы. Регрессоры, характеризующие инновационность регионов, не оказались статистически значимыми для устойчивости российских регионов.

В исследовании 2023 года (Михеева, 2023) уже испытанный подход был применен для оценки устойчивости регионов к специфическим шокам 2020 и 2022 гг. На этот раз наряду с ВРП использовался новый для региональной статистики показатель — индекс выпуска базовых видов экономической деятельности (ИВБО). В качестве важного фактора устойчивости регионов выделена их специализация.

Устойчивыми оказались регионы с высокой долей в структуре производства сельского хозяйства и обрабатывающих производств, связанных с оборонной промышленностью. Из числа добывающих регионов в группу устойчивых вошли только некоторые дальневосточные регионы, где вводились новые мощности.

Однако использованный в (Михеева, 2021; Михеева, 2023) критерий устойчивости (сохранение или восстановление уровня ВРП) не исключает последующей стагнации региональной экономики. С этой точки зрения такой критерий не является свидетельством динамической устойчивости региона. О динамической устойчивости целесообразно судить по темповым характеристикам индикаторов (Третьякова, Осипова, 2016). В дальнейшем предлагается оценивать динамическую устойчивость региона, сопоставляя результаты прохождения кризисного периода (ВРП посткризисного года к ВРП предкризисного года) регионом и страной в целом.

Данные и методы

В (Пьянкова, Комбаров, 2023) о резильентности к санкционному давлению говорится в связи с анализом зависимости расходов на национальную экономику федерального бюджета и региональных бюджетов от объема их доходной части. Эта зависимость рассматривается в виде линейной регрессии $Y = a + bX$. Внимание фокусируется на коэффициенте при экзогенной переменной X . Однако о фактической чувствительности расходов на экономику при снижении доходной части бюджета можно судить не по абсолютному, а по относительному изменению величины расходов, т. е. по соотношению: $(Y_1 - Y_2)/Y_1 = b(X_1 - X_2)/Y_1$. Как следствие, если величина параметра a во много раз больше величины параметра b (такое соотношение между ними показали проведенные в (Пьянкова, Комбаров, 2023) расчеты), то для вывода о сильной чувствительности нет достаточных оснований.

При анализе резильентности экономических систем часто отдельно рассматриваются масштабы спада деятельности под влиянием шока и отдельно активность последующего «отскока». Уровень снижения деловой активности — это статическая оценка уязвимости рассматриваемых объектов. При сильном спаде

могут оказаться высокими темпы восстановительного роста, отскока. Как следствие, эти темпы не будут давать адекватного представления о динамической устойчивости экономической системы.

В последующих разделах статьи при анализе устойчивости субъектов Российской Федерации рассматривается рост их экономики в целом за период, охватывающий и спад деловой активности, и ее восстановление. Подобный подход использован и для определения инновационной устойчивости регионов.

В качестве источника данных взята региональная статистика Росстата (социально-экономические показатели по субъектам Российской Федерации). Субъекты РФ рассматриваются без выделения внутрирегиональных автономных округов.

Российские регионы: испытание Великой депрессией

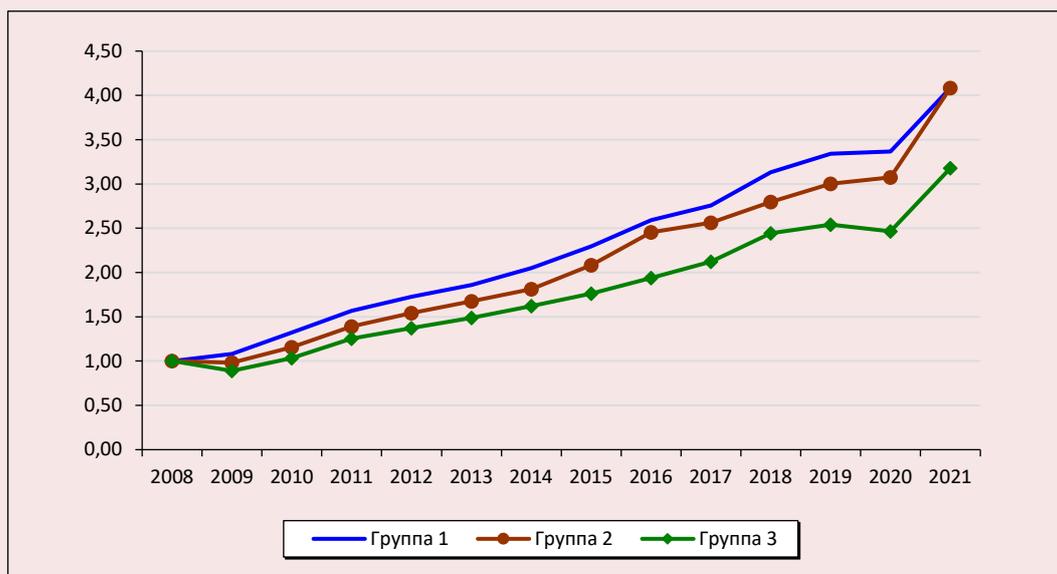
Валовой региональный продукт по всем субъектам Российской Федерации (валовая добавленная стоимость в текущих основных ценах) в 2010 году по сравнению с 2008 годом вырос в 1,11 раза. Рост ВРП 26 регионов составил за этот период от 124,4 до 148,7% (группа 1). Рост ВРП 27 регионов оказался в интервале

от 111,4 до 122,2% (группа 2). Эти две группы регионов проявили более высокую динамическую устойчивость по сравнению с экономикой в целом. Остальные 27 регионов показали рост от 89 до 111% (группа 3). Рост совокупного ВРП (валовой добавленной стоимости в текущих основных ценах) по трем группам регионов в период 2008–2021 гг. отражен на *рисунке 1*.

Как видим, группа 1 является лидером по динамической устойчивости (по росту ВРП) с точки зрения всего рассматриваемого периода. Вместе с тем в конце его, во время пандемии COVID-19, ситуация стала меняться. Ряд параметров выделенных групп регионов представлен в *таблице 1*.

Судя по данным таблицы 1, положительное влияние на динамику ВРП первой группы регионов мог оказать рост валового накопления капитала, с чем связан и низкий уровень доли полностью изношенных основных фондов. Рост производства товаров и услуг этой группы регионов поддерживался как внутренним, так и внешним спросом. Усредненные по группе 1 показатели свидетельствуют о ее лидерстве по объему платных услуг на душу населения, росту потребительских расходов населения, росту экспорта в дальнее зарубежье.

Рис. 1. Рост совокупного ВРП по группам регионов 1–3 в 2008–2021 гг.

Составлено по: данные Росстата.

Таблица 1. Характеристики групп регионов 1–3 с разной динамической устойчивостью по росту ВРП

Группа регионов	Средний размер ВРП по группе, 2008 г., млн руб.	Рост ВРП, 2010 г. к 2008 г.	Рост ВРП, 2021 г. к 2019 г.	Рост валового накопления капитала, 2010 г. к 2008 г.	Удельный вес полностью изношенных основных фондов, 2010 г., %	Инвестиции в основной капитал на душу населения, 2010 г.
Группа 1	214257,7	1,322	1,22	1,33	10,1	81441
Группа 2	310730,9	1,156	1,36	1,05	12,3	44664
Группа 3	738826,7	1,034	1,25	0,98	15,6	57531
				$R^2 = 0,187$	$R^2 = 0,111$	
Группа регионов	Удельный вес городского населения, 2008 г., %	Рост потребительских расходов на душу населения, 2010 г. к 2008 г.	Объем платных услуг на душу населения, 2010 г., руб.	Число малых предприятий на 10000 чел., 2010 г.	Рост объема инновационных товаров, 2010 г. к 2008 г.	Рост затрат на исследования и разработки, 2010 г. к 2008 г.
Группа 1	69	1,308	32454	99	0,8	1,16
Группа 2	67	1,221	25344	103	1,2	1,25
Группа 3	71	1,197	30001	110	1,1	1,22
Группа регионов	Доля обрабатывающей промышленности в ВРП, 2008 г., %	Доля обрабатывающей промышленности в ВРП, 2010 г., %	Рост экспорта в дальнее зарубежье, 2010 г. к 2008 г.	Рост импорта из дальнего зарубежья, 2010 г. к 2008 г.	Рост задолженности юрлиц по кредитам в иностранной валюте, 2010 г. к 2008 г.	
Группа 1	44,7	42,4	1,139	0,833	1,81	
Группа 2	57,7	61,3	0,699	0,979	1,74	
Группа 3	47,8	47,6	0,820	0,813	1,61	

Составлено по: данные Росстата.

По многим показателям не наблюдается линейной связи их значений с ростом группового ВРП. Так, у регионов группы 2 хуже динамика совокупного экспорта в дальнее зарубежье, чем у регионов группы 3. Подобная ситуация с подушевыми инвестициями в основной капитал, с объемом платных услуг населению наблюдалась на 2010 год. Как следствие, ограничены возможности регрессионного анализа факторов динамической устойчивости регионов. Обнаруживается, хотя и слабая, связь между ростом группового ВРП и ростом валового накопления капитала ($R^2 = 0,187$), удельным весом полностью изношенных основных фондов в 2010 году ($R^2 = 0,111$). Коэффициент детерминации определялся по всему множеству регионов.

Обращает на себя внимание то, что при несколько более высокой доле городского населения в целом по группе 3 она уступает остальным группам регионов по уровню устойчивости в рассматриваемый период. Структурные сдвиги в пользу обрабатывающей промыш-

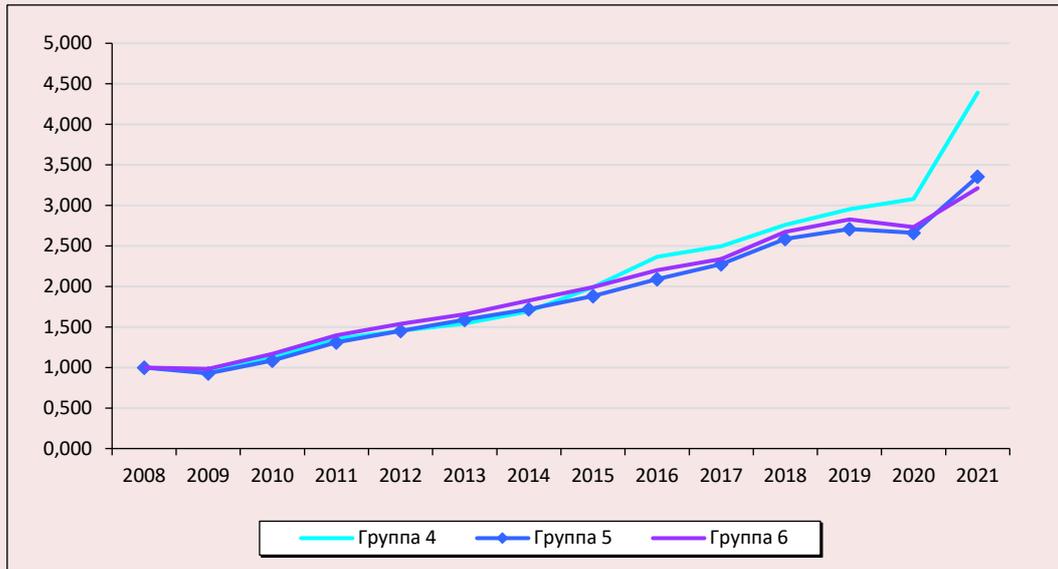
ленности не обеспечили группе 2 лидерства по темпам роста ВРП.

Как показывает представленная в таблице 1 описательная статистика, группа регионов 1, лучше других пережившая Великую рецессию, хуже остальных групп выдержала испытание пандемией COVID-19.

Российские регионы: испытание пандемией COVID-19

Для анализа динамической устойчивости в период 2019–2021 гг. используется новая группировка регионов. Ориентиром для распределения по группам служит рост ВРП (в текущих основных ценах) в 2021 году по отношению к 2019 году. В группу 4 включены 22 региона, являющиеся лидерами по увеличению ВРП (от 128,2 до 182%). В группу 5 объединены 30 регионов (рост от 119,6 до 126,8%). В группу 6 вошли 30 субъектов (рост от 104,7 до 119,3%). Рост совокупного ВРП по новым группам регионов в период 2008–2021 гг. представлен на рисунке 2. Ряд параметров этих групп приведен в таблице 2.

Рис. 2. Рост совокупного ВРП по группам регионов 4–6 в 2008–2021 гг.

Составлено по: данные Росстата.

Таблица 2. Характеристики групп регионов 4–6 с разной динамической устойчивостью по росту ВРП

Группа регионов	Средний размер ВРП по группе, 2019 г., млн руб.	Рост ВРП, 2010 г. к 2008 г.	Рост ВРП, 2021 г. к 2019 г.	Рост инвестиций в основной капитал, 2021 г. к 2019 г.	Удельный вес полностью изношенных основных фондов, 2021 г., %	Инвестиции в основной капитал на душу населения, 2021 г.	Больных с диагнозом COVID-19 на 1000 чел., 2020 г.	Врачей на 10000 чел., 2020 г.
Группа 4	993252	1,123	1,487	1,154	17,2	224384	35,3	50,2
Группа 5	1799199	1,087	1,238	1,241	18,8	140641	32,1	47,7
Группа 6	641105	1,167	1,136	1,152	23,6	99601	32,6	48,5
						$R^2 = 0,1$	$R^2 = 0,012$	$R^2 = 0,051$
Группа регионов	Удельный вес городского населения, 2019 г., %	Рост потребительских расходов на душу населения, 2021 г. к 2019 г.		Объем платных услуг на душу населения, 2021 г., руб.	Число малых предприятий на 10000 чел., 2020 г.	Рост объема инновационных товаров, 2021 г. к 2019 г.		Рост затрат на исследования и разработки, 2021 г. к 2019 г.
Группа 4	75	1,139		69234	126	1,36		1,139
Группа 5	70	1,124		69251	125	1,31		1,164
Группа 6	67	1,119		51167	99	0,96		1,112
	$R^2 = 0,128$	$R^2 = 0,011$		$R^2 = 0,113$	$R^2 = 0,086$			
Группа регионов	Доля обрабатывающей промышленности в ВРП, 2019 г., %	Доля обрабатывающей промышленности в ВРП, 2021 г., %		Рост экспорта в дальнее зарубежье, 2021 г. к 2019 г.	Рост импорта из дальнего зарубежья, 2021 г. к 2019 г.		Рост задолженности юрлиц по кредитам в иностранной валюте, 2021 г. к 2019 г.	
Группа 4	61,3	61,2		1,294	1,173		0,971	
Группа 5	42,4	46,4		1,118	1,246		1,065	
Группа 6	57,9	55,4		1,159	1,002		0,939	

Составлено по: данные Росстата.

Как и в предыдущем случае, лидерство в динамической устойчивости сочетается с ростом потребительских расходов на душу населения, с увеличением экспорта в дальнее зарубежье, с меньшим удельным весом полностью изношенных фондов, с превосходством в размере инвестиций в основной капитал на душу населения, с большим объемом платных услуг на душу населения.

В отличие от шока Великой рецессии в период пандемии группа регионов с наименьшим средним размером, с наименьшим числом малых предприятий на 10000 человек населения оказалась менее устойчивой к новому шоку. Несмотря на его эпидемический характер, проявилась положительная связь между динамической устойчивостью и долей городского населения. Наиболее резильентная к испытанию пандемией группа регионов теперь стала лидером и по росту объема инновационных товаров.

Как и раньше, по нескольким показателям отсутствует линейная связь их значений с ростом группового ВРП. Среди таких показателей – рост инвестиций в основной капитал, рост затрат на исследования и разработки, доля обрабатывающей промышленности в ВРП, рост импорта из дальнего зарубежья, рост задолженности юридических лиц по кредитам в иностранной валюте.

По данным Росстата, не обнаруживается значительной связи между динамикой ВРП и численностью врачей всех специальностей на 10000 человек населения, числом пациентов с впервые зарегистрированным диагнозом COVID-19. Слабая связь наблюдается также между ростом ВРП (2021 г. к 2019 г.) и мощностью амбулаторно-поликлинических

организаций на 10000 человек населения в 2020 году ($R^2 = 0,094$).

Когда лидеры устойчивости при одних испытаниях сдают свои позиции при шоках другого типа, важно выяснить особенности регионов, относительно успешно преодолевших оба испытания.

Характеристики регионов с универсальной устойчивостью относительно роста ВРП

В качестве регионов универсальной устойчивости по росту ВРП были выделены субъекты Российской Федерации, которые в двух рейтингах динамической устойчивости (для Великой рецессии и для пандемии COVID-19) не опускались ниже 40-й позиции. Таких регионов оказалось 18 (группа 7). Две трети из них являются приграничными. Почти половина регионов представляют Дальневосточный федеральный округ (табл. 3).

В таблице 4 дан ряд характеристик как этой группы регионов, так и всей совокупности субъектов Российской Федерации в целом.

Можно сделать вывод о том, что устойчивость регионов группы 7 к разным типам вызовов обеспечивалась не ценой медленных темпов роста, поскольку совокупный ВРП этой группы в период 2008–2021 гг. вырос в 4,8 раза (общий ВРП регионов увеличился лишь в 3,6 раза). Высокий уровень подушевых инвестиций в рассматриваемой группе помогал избежать затяжного спада производства. При этом ресурсы меньше, чем в других регионах, тратились на продление эксплуатации полностью изношенных фондов. Более заметную роль на фоне всех субъектов РФ играл в демпфировании шоков и рост внутреннего спроса, что особенно важно при снижении внешнего спроса.

Таблица 3. Список регионов универсальной устойчивости по росту ВРП

Республика Саха (Якутия)	Республика Алтай
Забайкальский край	Иркутская область
Приморский край	Саратовская область
Хабаровский край	Ставропольский край
Амурская область	Краснодарский край
Магаданская область	Республика Адыгея
Еврейская автономная область	Владимирская область
Чукотский автономный округ	Воронежская область
г. Санкт-Петербург	Белгородская область

Таблица 4. Характеристики группы регионов универсальной устойчивости по росту ВРП и регионов РФ в целом

Группа	Рост ВРП, 2021 г. к 2008 г.	Рост ВРП, 2010 г. к 2008 г.	Рост ВРП, 2021 г. к 2019 г.	Удельный вес полностью изношенных основных фондов, 2010 г., %	Удельный вес полностью изношенных основных фондов, 2021 г., %	Инвестиции в основной капитал на душу населения, 2010 г.	Инвестиции в основной капитал на душу населения, 2021 г.
Группа 7	4,775	1,249	1,436	10,6	14,9	75398	233568
Все регионы	3,574	1,111	1,274	13,5	21,7	64068	159323
Группа	Удельный вес городского населения, 2008 г., %	Удельный вес городского населения, 2019 г., %	Рост потребительских расходов на душу населения, 2010 г. к 2008 г.	Рост потребительских расходов на душу населения, 2021 г. к 2019 г.	Рост экспорта в дальнее зарубежье, 2010 г. к 2008 г.	Рост экспорта в дальнее зарубежье, 2021 г. к 2019 г.	
Группа 7	68,2	70,2	1,296	1,141	0,764	1,171	
Все регионы	73,5	74,7	1,197	1,126	0,855	1,194	

Составлено по: данные Росстата.

Динамическая устойчивость регионов: инновационный аспект

Реакцией на кризисное сокращение спроса может быть изменение структуры предложения, увеличение объема инновационных товаров и услуг. Можно выделить регионы, которые наиболее активно использовали такой вариант действий во время рассматриваемых кризисов. По российской экономике в целом объем инновационных товаров, работ, услуг в 2010 году по сравнению с 2008 годом вырос на 12,7% (здесь и далее в текущих ценах). Однако 37 регионов продемонстрировали более высокие темпы его роста. В 2021 году по сравнению с 2019 годом общий объем инновационных товаров, работ, услуг увеличился на 23,4%. Более высокие темпы роста этого показателя были у 35 субъектов

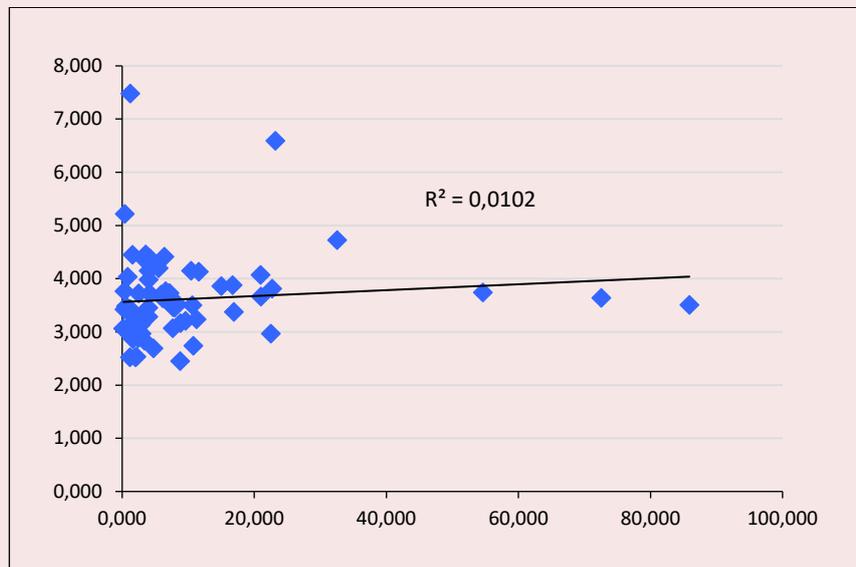
РФ. При этом 21 регион опережал общероссийское увеличение выпуска инновационной продукции в оба рассматриваемых периода. По отношению только к этим регионам можно говорить об их универсальной устойчивости по инновационной активности (табл. 5). Вместе с тем более трети регионов, продемонстрировавших инновационную устойчивость во время одного кризиса, не смогли сохранить ее при другом кризисе, поэтому нет оснований считать, что инновационная устойчивость регионов в общем случае имеет универсальный характер.

Другой вопрос, как инновационная активность регионов сочетается с динамикой их ВРП. Сопоставим увеличение ВРП регионов в 2008–2021 гг. и рост объема их инновационной продукции за тот же период (рис. 3).

Таблица 5. Список регионов универсальной устойчивости по инновационной активности

Республика Северная Осетия – Алания	Карачаево-Черкесская Республика
Камчатский край	Омская область
Архангельская область	Новосибирская область
г. Санкт-Петербург	Калужская область
Мурманская область	Республика Башкортостан
Тульская область	Саратовская область
Республика Алтай	г. Москва
Республика Дагестан	Хабаровский край
Ленинградская область	Республика Татарстан
Республика Мордовия	Ростовская область
Республика Карелия	

Рис. 3. Связь между ростом ВРП (ось Y) и увеличением объема инновационной продукции (ось X) в 2008–2021 гг. по данным о 72 регионах РФ

Составлено по: данные Росстата.

Объяснить фактическое отсутствие связи между рассматриваемыми переменными можно тем, что доля инновационной продукции в ВРП была и остается весьма низкой. В 2021 году лишь в 11 регионах она превышала 10%, а в 23 регионах была меньше 1%.

Заключение

Анализ динамики ВРП при внешних шоках разной природы (Великая рецессия и пандемия COVID-19) показывает, что регионы, лучше других справившиеся с одним вызовом, могут оказаться аутсайдерами при испытаниях другого характера. С этих позиций региональная устойчивость к внешним шокам не является универсальной, что расходится с содержащимся в литературе выводом (Михеева, 2021).

Вместе с тем заслуживают внимания регионы, которые, не будучи лидерами в адаптации ни к одному из шоков, довольно хорошо справились с обоими. Применительно к таким регионам допустимо говорить, что их относительная устойчивость имеет универсальный характер. Похожая ситуация складывается с инновационной активностью регионов. В общем случае она не является универсальной, однако отдельным

регионам удастся сохранить инновационную активность при разных шоках.

В рамках оценки динамических качеств не был проведен анализ устойчивости регионов по более полному кругу испытаний, выпавших на долю России в XXI веке (Великая рецессия, первая санкционная волна 2014–2015 гг., пандемия COVID-19, вторая санкционная волна в 2022 г.). Можно обратить внимание на то, что на рисунке 2 именно после 2014 года траектория наиболее устойчивой к пандемии группы регионов отклоняется от общей тенденции их развития. С другой стороны, тот факт, что группа регионов, лучше других прошедшая кризис 2009 года, сохранила лидерство в темпах роста и в период 2014–2015 гг., свидетельствует об ее успешной адаптации к санкциям первой волны.

При использовании весьма агрегированных характеристик вряд ли можно претендовать на раскрытие секрета адаптивности регионов к шокам. Однако таким образом удастся выделить регионы, на более детальном анализе которых есть смысл сосредоточиться для дальнейшего поиска факторов динамической устойчивости.

Регионы, проявившие адаптивность к нескольким типам шоков, весьма неоднородны. Уже это наводит на мысль, что универсальная резильентность конкретного региона достигается за счет сочетания как некоторых универсальных, так и уникальных для данного региона факторов. Выделение и специфических факторов устойчивости, и специфических факторов уязвимости требует развернутого анализа региональной экономики, ее отраслевой струк-

туры, предыстории развития, внутрироссийской и внешнеэкономической специализации, взаимодействия с другими регионами, места в глобальных цепочках создания стоимости, способности к оперативной локализации выпадающих звеньев этих цепочек. Необходимо учитывать роль органов государственной власти (федеральной и региональной) в обеспечении устойчивости региональной экономики в шоковых ситуациях.

Литература

- Акбердина В.В. (2021). Факторы резильентности в российской экономике: сравнительный анализ за период 2000–2020 гг. // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. Т. 17. № 8. С. 1412–1432. DOI: 10.18334/epp.10.12.111478
- Аквазба Е.О., Леонова Е.Ю. (2021). Феномен резильентности в современном российском обществе // Российский экономический вестник. № 4 (5). С. 55–60.
- Высоцкий С.Ю. (2022). Экономическая резильентность территорий: теоретическое обоснование и применение // Финансы и бизнес. Т. 18. № 2. С. 3–21.
- Жихаревич Б.С., Климанов В.В., Марача В.Г. (2022). Шокоустойчивость территориальных систем: концепция, измерение, управление // Региональные исследования. № 3. С. 4–15. DOI: 10.5922/1994-5280-2020-3-1
- Зубаревич Н.В. (2021). Регионы России в период пандемии: социально-экономическая динамика и доходы бюджетов // Журнал НЭА. № 3 (51). С. 208–218. DOI: 10.31737/2221-2264-2021-51-3-10
- Кузнецова О.В. (2022). Трансформация пространственной структуры экономики в кризисные и посткризисные периоды // Регион: экономика и социология. № 2 (114). С. 33–57. DOI: 10.15372/REG20220202
- Лаврикова Ю.Г., Суворова А.В. (2023). Неоднородность экономического развития российских макрорегионов // Экономика региона. № 4. С. 934–948. DOI: <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2023-4-11>
- Малкина М.Ю. (2024). Стресс реального сектора российских регионов в условиях пандемии и санкций // Экономика региона. № 1. С. 16–32. DOI: <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2024-1-2>
- Михеева Н.Н. (2021). Устойчивость российских регионов к экономическим шокам // Проблемы прогнозирования. № 1. С. 116–118. DOI: 10.47711/08686351-184-106-118
- Михеева Н.Н. (2023). Устойчивость экономики российских регионов к внешним шокам: оценка на основе оперативной информации // Научные труды. Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. № 1. С. 151–174. DOI: 10.47711/2076-3182-2023-1-151-174
- Песков Д. (2022). Условия технологического суверенитета // Экономист. № 6. С. 30–32.
- Песоцкий А.А. (2021). Экономический шок и шокоустойчивость (сопротивляемость): взаимосвязь понятий // Теория и практика общественного развития. № 8. С. 55–60. DOI: <https://doi.org/10.24158/tpor.2021.8.8>
- Пьянкова С.Г., Комбаров М.А. (2023). Усиление фискальной децентрализации как один из способов ослабления гетерогенности экономического пространства России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 2. С. 52–68. DOI: 10.15838/esc.2023.2.86.3
- Романова О.А., Сиротин Д.В., Пономарева А.О. (2022). От экономики сопротивления – к резильентной экономике (на примере промышленного региона) // AlterEconomics. № 4 С. 620–637. DOI: <https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2022.19-4.4>
- Смородинская Н.В., Катуков Д.Д. (2021). Распределенное производство в условиях шока пандемии: уязвимость, резильентность и новый этап глобализации Вопросы экономики. № 12. С. 21–47. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2021-12-21-47>
- Третьякова Е.А., Осипова М.Ю. (2016). Сочетание статического и динамического подходов в оценке устойчивого развития региональных социально-экономических систем // Вестник Пермского университета. Сер. «Экономика». № 2 (29). С. 79–92. DOI: 10.17072/1994-9960-2016-2-79-92

- Akberdina V.V. (2022). System resilience of industry to the sanctions pressure in industrial regions: Assessment and outlook. *Journal of New Economy*, 23(4), 26–45. DOI: 10.29141/2658-5081-2022-23-4-2. EDN: JNACYT
- Arthur W.B. (2021). Foundations of complexity economics. *Nature Reviews. Physics*, 3, 136–145. Available at: <https://doi.org/10.1038/s42254-020-00273-3>
- Christopherson S., Michie J., Tyler P. (2010). Regional resilience: Theoretical and empirical perspectives. *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*, 3(1), 3–10. DOI: 10.1093/cjres/rsq004
- Hafele J., Bertram L., Demitry N., Le Lannou L.-A., Korinek L., Barth J. (2023). *The Economic Resilience Index: Assessing the Ability of EU Economies to Thrive in Times of Change*. ZOE Institute for Future-fit Economies: Cologne.
- Helpman E., Trajtenberg M. (1998). A time to sow and a time to reap: Growth based on general purpose technologies. In: Helpman Elhanan (Ed.). *General Purpose Technologies and Economic Growth*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Lazzeretti L., Oliva S., Innocenti N. (2019). Exploring the role of industrial structure for regional economic resilience. In: *Papers in Evolutionary Economic Geography* n. 19.17. Department of Human Geography and Spatial Planning, Utrecht University.
- Martin R., Sunley P., Gardiner B., Tyler P. (2016). How regions react to recessions: Resilience and the role of economic structure. *Regional Studies*, 4(50), 561–585. DOI: 10.1080/00343404.2015.1136410
- Martin R. (2012). Regional economic resilience, hysteresis and recessionary shocks. *Journal of Economic Geography*, 12, 1–32. Available at: <https://doi.org/10.1093/jeg/lbr019>
- Oprea F., Onofrei M., Lupu D., Vintila G., Paraschiv G. (2020). The determinants of economic resilience. The case of Eastern European regions. *Sustainability*, 12(10), 1–11. DOI: 10.3390/su12104228
- Teece D.J., Pisano G., Shuen A. (1997). Dynamic capabilities and strategic management. *Strategic Management Journal*, 18(7), 509–533. doi:10.1002/(SICI)1097-0266(199708)18:7<509
- Wang X., Li M. (2022). Determinants of regional economic resilience to economic crisis: Evidence from Chinese economies. *Sustainability*, 14(2), 1–25. DOI: 10.3390/su14020809

Сведения об авторе

Виктор Евгеньевич Дементьев — член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Центральный экономико-математический институт РАН (117418, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 47; e-mail: vedementev@rambler.ru)

Dementiev V.E.

On the Ability of Regions to Adapt to Various External Shocks

Abstract. In order for Russia to successfully respond to current challenges and to prepare for new challenges, it is important to analyze the contribution of regions to solving these tasks. The basis for assessing the sustainability of the Russian regions' economies can be their reaction to the shocks they have already experienced. The article examines economic development of the regions in the context of the 2009 crisis caused by the Great Recession and the 2020 crisis associated with the COVID-19 pandemic. The choice of these very different crises was determined by the aim of the study, which is to find out how universal the ability of regions to adapt to various external shocks is. The sustainability of a region is assessed by comparing its development indicators and data on the economy as a whole. The comparison is based on the dynamics of gross product and changes in innovation activity over periods that overlap the years of business downturn. Groups of regions with different levels of stability are identified and several characteristics of these groups are given. In contrast to the point of view available in the literature, it is shown that a very successful overcoming of one crisis by a region often cannot be repeated in a crisis of another origin. We identify a group of regions, which we can characterize as possessing a relatively universal dynamic stability in the sense of gross regional product growth. As for innovation sustainability,

only some of the regions were able to maintain it in different types of crises. In general, for the period from 2008 to 2021, no connection was found between the growth of gross regional product and the regions' innovative activity estimated by the increase in the volume of innovative goods, works, and services.

Key words: dynamic stability, resilience, adaptability, external shocks, gross regional product, innovative activity.

Information about the Author

Victor E. Dementiev – RAS Corresponding Member, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Chief Researcher, Central Economics and Mathematics Institute, Russian Academy of Sciences (47, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117418, Russian Federation; e-mail: vedementev@rambler.ru)

Статья поступила 26.04.2024.

Цифровое неравенство между городским и сельским населением

**Александр Иванович
КОСТЯЕВ**

Институт аграрной экономики и развития сельских территорий СПб ФИЦ РАН
Санкт-Петербург, Пушкин, Российская Федерация
e-mail: szniesh@gmail.com
ORCID: 0000-0003-4041-6935; ResearcherID: N-2841-2019

Аннотация. Цифровизация может трансформировать социальное неравенство между городским и сельским населением в цифровой разрыв. Этот вопрос в контексте «город – село» слабо изучен и ограничен в основном уровнем страны. Межрегиональное неравенство в научных публикациях рассматривается, как правило, вне данного контекста. Исследование направлено на ликвидацию этого пробела. Цель – выявление особенностей, тенденций и количественных параметров цифрового неравенства (разрыва) между городским и сельским населением на национальном и межрегиональном уровнях и определение путей решения возникающих при этом проблем. Задачи – установление тенденций формирования цифрового разрыва в уровнях доступа к сети Интернет и цифровой компетентности пользователей, в получении государственных и муниципальных услуг и осуществлении заказов товаров/услуг; оценка причин отказа сельского населения от использования сети Интернет и определение путей решения этой проблемы. Исследование базировалось на сочетании расчета коэффициентов вариации и группировки регионов. Применялись данные федерального статистического наблюдения. Результаты: подтвердилась гипотеза о наличии на национальном уровне тенденций сокращения разрыва в доступе к сети Интернет, роста разрыва в уровне цифровой компетентности пользователей и использовании цифровых технологий; установлено наличие позитивной тенденции сокращения межрегионального разрыва в получении через сеть Интернет государственных и муниципальных услуг и его роста при осуществлении заказов товаров/услуг; предложены меры по активизации потребностей сельского населения в использовании Интернета, повышению уровня его цифровых навыков; сделан вывод о необходимости бюджетной поддержки социально незащищенных семей при подключении к сети Интернет, социальных тарифов для домохозяйств с низкими доходами;

Для цитирования: Костяев А.И. (2024). Цифровое неравенство между городским и сельским населением // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 3. С. 50–67. DOI: 10.15838/esc.2024.3.93.3

For citation: Kostyaev A.I. (2024). Digital inequality between urban and rural population. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 17(3), 50–67. DOI: 10.15838/esc.2024.3.93.3

для увеличения зоны охвата сельских территорий высокоскоростным Интернетом предложены механизмы государственно-частного партнерства и поддержки инициатив местных сообществ. Дальнейшее изучение проблемы цифрового разрыва требует проведения глубоких социологических исследований и учета данных сотовых операторов и интернет-провайдеров.

Ключевые слова: цифровизация, цифровой разрыв, тип поселения, регион, сеть Интернет, домохозяйства, цифровые компетенции пользователей.

Благодарность

Исследование проведено в рамках выполнения Государственного задания по бюджетной теме № FFZF-2022-18.

Введение

Интернет все больше используется в организациях и домашних хозяйствах городских и сельских территорий различных регионов России, что ведет к включению цифровых технологий в процесс производства и повседневную жизнь населения страны. Темпы цифровизации, уровень и глубина проникновения цифровых технологий в городскую и сельскую местность, а также между регионами страны существенно различаются.

Городские территории и регионы, имеющие высокий социально-экономический потенциал, с ростом цифровизации получают новый импульс для своего развития, а сельские территории и регионы с депрессивной экономикой становятся уязвимыми в цифровом отношении. Данная проблема имеет глобальный характер и затрагивает все государства мира.

Даже в Европе есть маргинальные сельские территории с социально-экономическим и культурным упадком, характеризующиеся безработицей, эмиграцией, старением населения, депопуляцией, бедностью и социальной изоляцией (Wiesinger, 2007; Chatzichristos et al., 2021). Вследствие этого возникает проблема цифрового неравенства (разрыва) между городом и селом, между регионами страны с разным потенциалом развития, в том числе из-за различий в технических условиях подключения, экономических возможностях доступа к сети, демографических факторах (Salemink et al., 2017; Haefner, Sternberg, 2020).

В Российской Федерации в процессе цифровизации общества, «за исключением достаточно редких случаев, когда показатели стабилизируются (иногда на маргинально низких границах), село отстает от города на 5–6 лет» (Сальников, 2021, с. 129). Цифровое

неравенство города и села становится барьером к их дальнейшему сбалансированному развитию, преодолению существующей социальной дистанции между городским и сельским населением. Цифровое неравенство городского и сельского населения имеет несколько иное содержание, чем цифровой разрыв между отдельными индивидами или их группами, который определяется по тому или иному признаку (уровню дохода, образования, возрасту и т. п.) в городской или сельской местности. Цифровой разрыв между городским и сельским населением формируется под воздействием совокупности факторов, действующих одновременно. Это неравенство в социальном положении и доступе к власти, уровне доходов и образования, в особенностях возрастной структуры, в доступности сети Интернет и возможности использования цифровых технологий в сферах государственных и муниципальных услуг, образования, медицины, торговли и т. д. При этом важным является не цифровое неравенство между отдельными индивидами, а цифровой разрыв между городским и сельским населением в целом, а также между регионами.

Межрегиональное цифровое неравенство создает предпосылки для дальнейшего усиления процесса социально-экономической дифференциации регионов, усугубляя существующую неравномерность пространственного развития, так как цифровизация создает множество возможностей для инноваций, которыми пока в основном пользуются городские регионы с более высоким инновационным потенциалом, благодаря большому разнообразию специализированных компаний и поддерживающих заинтересованных сторон (Haefner, Sternberg, 2020).

Несмотря на остроту проблем цифрового неравенства города и села и цифрового разрыва между регионами, эти вопросы изучены недостаточно, а «выявление сущности и причин цифрового разрыва российских регионов является мало разработанной и дискуссионной проблемой» (Селищева, Асалханова, 2019, с. 232).

Степень остроты проблемы цифрового неравенства города и села и недостаточный уровень ее изученности относительно ситуации в Российской Федерации определяют актуальность, цель и задачи исследования.

Цель данного исследования — выявление особенностей, тенденций и количественных параметров формирования цифрового неравенства (разрыва) между городским и сельским населением на национальном и межрегиональном уровнях и определение путей решения возникающих при этом проблем. Исследование нацелено на подтверждение или опровержение гипотезы о сокращении разрыва в уровне доступа к сети Интернет, росте разрыва в уровне цифровой компетентности пользователей, их цифровой грамотности и использования цифровых технологий в жизнедеятельности людей на примере получения государственных и муниципальных услуг и онлайн-заказа товаров/услуг.

Исходя из данной цели, на основе анализа динамики показателей за 2014–2022 гг. были сформулированы и решены следующие задачи.

1. Выявлены тенденции формирования цифрового разрыва по: а) уровню доступа к сети Интернет и информационно-коммуникационным технологиям (ИКТ) по количественным параметрам, способам выхода в сеть; б) включенности сельского и городского населения в получение государственных и муниципальных услуг и осуществление заказов товаров/услуг в онлайн-режиме.

2. Установлены тенденции формирования цифрового разрыва в уровне цифровой компетентности пользователей и их цифровой грамотности, в том числе в наличии навыков населения для работы в сети Интернет, включая ее использование в получении государственных и муниципальных услуг и осуществлении заказов товаров/услуг.

3. Дана оценка причин отказа сельского населения от использования сети Интернет, ко-

торые вызывают рост цифрового разрыва с городским населением, предложены пути решения этой проблемы.

Научная новизна результатов исследования заключается в установлении особенностей, тенденций и количественных параметров формирования цифрового разрыва в контексте «город — село» на уровне Российской Федерации, ее регионов и в межрегиональном разрезе, подтверждающих гипотезу о сокращении разрыва в уровне доступа к сети Интернет и его роста, как в цифровой компетентности и цифровой грамотности пользователей, так и в использовании ими цифровых технологий в своей жизнедеятельности. Впервые получены результаты группировки регионов по цифровому разрыву между городским и сельским населением, выявлены субъекты Федерации с разрывом в пользу села.

Научным вкладом междисциплинарного характера являются результаты проецирования существующих теоретических взглядов относительно проблемы цифрового неравенства в глобальном масштабе на цифровой разрыв в контексте «город — село» на национальном и межрегиональном уровнях.

Практическое значение имеют предложения по устранению выявленных причин отказа домашних хозяйств в сельской местности от использования сети Интернет и цифровых технологий, по преодолению цифрового разрыва.

Теоретические предпосылки исследования

В английском языке цифровое неравенство обозначается терминами «digital divide» и «digital gap», которые дословно переводятся как «цифровой разрыв», интерпретируемый «Организацией по экономическому сотрудничеству и развитию (ОЭСД)» как неравенство между *отдельными лицами, домашними хозяйствами, предприятиями и географическими районами*, находящимися на разных уровнях социально-экономического развития и, в связи с этим, различающимися возможностями доступа к Интернету и информационно-коммуникационным технологиям¹.

Общепризнанного определения термина «цифровое неравенство» не существует, чаще

¹ OECD (2001). Understanding the Digital Divide. In: *OECD Digital Economy Papers*, 49, OECD Publishing, Paris. Available at: <http://dx.doi.org/10.1787/236405667766>

всего он употребляется как синоним понятия «цифровой разрыв» (Ревенко, Ревенко, 2022). Вместе с тем в научной литературе имеются попытки их разграничения. При этом различие между цифровым разрывом и цифровым неравенством видится как различие между формой дифференциации и новой формой социального неравенства (Социальное неравенство..., 2021).

Следует заметить, что правильной все-таки вести речь не о цифровом, а о социальном неравенстве, к которому приводит цифровой разрыв. Л.С. Ревенко и Н.С. Ревенко (Ревенко, Ревенко, 2022, с. 376), отмечая, что понятия «цифровой разрыв» и «цифровое неравенство» достаточно близки, осуществляют лишь некоторое их разграничение, подразумевая под «цифровым неравенством» неравноценное получение экономических и социальных благ по причине невозможности адекватного использования достижений цифровых технологий. Однако, согласно концепции трех уровней цифровизации (Salemink et al., 2017; Груздева, 2020; Коровкин и др., 2020; Yanovskaya et al., 2022; Власюк, 2023), это является третьим уровнем цифрового разрыва.

Учитывая методологическую незавершенность в разграничении понятий «цифровой разрыв» и «цифровое неравенство», отсутствие общепринятого толкования последнего, в своем исследовании мы принимаем сторону большинства и употребляем эти два понятия как синонимы, признавая, что их отрицательная динамика «не только не приводит к ликвидации проблемы социального неравенства, но усиливает его и образует новые формы» (Добринская, Мартыненко, 2019).

Официально проблема преодоления электронно-цифрового разрыва нашла отражение в «Окинавской хартии Глобального информационного общества», принятой главами государств и правительств «Группы восьми» 22 июля 2000 года: «Каждый человек должен иметь возможность доступа к информационным и коммуникационным сетям ... Мы также приветствуем то, что и промышленность, и гражданское общество все более склоняются к признанию необходимости преодоления этого разрыва»².

² Окинавская хартия Глобального информационного общества. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3170>

Сформулированная в конце 1990-х гг. концепция цифрового разрыва понималась как неравный доступ к Интернету (Castells, 1996), как неравенство в доступе к цифровым каналам информации различных социальных групп (Коровкин и др., 2020).

С самого начала появления термина «цифровой разрыв» и до настоящего времени он употребляется преимущественно в значении неравенства социальных групп населения (страт), выделенных по разным признакам (полу, возрасту, доходу, образованию и т. п.), в доступе к Интернету, ИКТ и реализации возможностей пользоваться ими.

При этом указывается, что быстрое цифровое развитие негативно влияет на социально незащищенные группы населения (детей, молодежь, женщин, пожилых людей, больных, лиц, проживающих в удаленных районах), так как малообразованные, малограмотные люди с небольшим опытом использования ИКТ уязвимы для исключения их из цифровых разработок, что еще больше увеличивает их изоляцию и маргинализацию в реальной жизни (Salemink et al., 2017).

Многие авторы отмечают рост неравенства между людьми, которые могут получить доступ к Интернету, и теми, кто не может (Holmes, Burgess, 2022); включены в цифровые системы как потребители предоставляемых этими системами информации и услуг, и теми, кто исключен – не имеет к ним доступа (Heeks, 2022, p. 697); могут легко использовать цифровые технологии и получать к ним доступ, и теми, кто не может (Sanders, Scanlon, 2021, p. 131).

Появление Интернета в потребительском пространстве вызвало большой интерес к изучению причин и последствий цифрового разрыва между городской и сельской местностью со стороны исследователей различных дисциплин (Salemink et al., 2017).

Исследование проблемы цифрового неравенства является отправной точкой для понимания сущности социального ландшафта XXI века (Robinson et al., 2015). Наличие определенного уровня цифрового разрыва является объективным фактором, но с достижением некоторой величины «он становится социально и политически неприемлемым». При этом «недопустима ситуация, когда цифровой разрыв становится принципиально непреодолимым

так, что представители информационно бедных регионов или социальных групп оказываются в „другой Вселенной” с точки зрения своих экономических и социальных возможностей» (Коровкин и др., 2020, с. 12). Возникает парадокс цифровизации, когда сельские регионы, наиболее нуждающиеся в улучшении цифровой связи, в наименьшей степени подключены к сети Интернет и наименее включены в использование цифровых технологий для улучшения жизни (Salemink et al., 2017).

Цифровым разрывом между городским и сельским населением обеспокоено большинство стран мира, это является глобальной проблемой. В статье авторов из Великобритании, в частности, отмечается, что цифровизация хотя и открывает многочисленные возможности для сельских районов, но они по-прежнему отстают от городов в плане доступа к интернет-услугам и их внедрению. По состоянию на сентябрь 2020 года в городских районах Великобритании были обеспечены широкополосной связью 96% жилых помещений по сравнению с 81% в сельской местности, где доступ даже с малой скоростью загрузки не смогли получить 10% пользователей. По данным Европейской комиссии, на начало 2019 года 10% сельских населенных пунктов в Евросоюзе не имели доступа к какой-либо сети фиксированной широкополосной связи, а разрыв в использовании этой сети между сельскими и городскими населенными пунктами составлял 15% (Gerli, Whalley, 2021).

В публикациях встречаются различные подходы к изучению цифрового разрыва, которые укладываются в концепцию трех уровней цифровизации (Salemink et al., 2017; Груздева, 2020; Коровкин и др., 2020; Yanovskaya et al., 2022; Власюк, 2023):

- 1) уровень доступа к сети Интернет и ИКТ;
- 2) уровень цифровой компетентности пользователей и их цифровой грамотности;
- 3) уровень социальных преимуществ, которые получают пользователи от правильного и достаточного применения цифровых технологий в профессиональной и частной жизни.

По мнению представителей инновационного центра «Сколково», исследователи в целом отмечают, что цифровой разрыв первого уровня сокращается, а разрыв второго уровня может расти. Вследствие этого возникает вероятность катастрофического роста разрыва треть-

го уровня и вполне возможно возникновение замкнутого круга, когда «богатые богатеют, а бедные беднеют» (Коровкин и др., 2020, с. 13).

Цифровое неравенство первого уровня все еще существует даже в таких развитых странах, как США, где по состоянию на 2014 год около 14% взрослых американцев по-прежнему не пользовались Интернетом. Цифровое неравенство второго уровня, связанное с навыками, участием и эффективностью, затрагивает еще большую часть американского населения, даже тех, кто номинально считается «пользователями» (Robinson et al., 2015). В 2015 году об использовании Интернета сообщили 69% сельских жителей по сравнению с 75% жителей городов. Этот разрыв в 6–9 процентных пунктов (п. п.) довольно постоянный и сохраняется в течение длительного времени³. Уровень широкополосного доступа в городских районах США в 2020 году достиг почти 98%, в сельских же районах к нему было подключено лишь две трети жителей⁴.

В статьях российских авторов о цифровом разрыве в контексте «город – село» рассматриваются различные вопросы: о причинах цифрового неравенства на уровне региона в связи с различиями формирующих его факторов (Банников и др., 2020), влиянии на цифровое неравенство наличия средств ИКТ и возможностях их эффективного использования в зависимости от плотности населения, его проживания в населенных пунктах различной людности (Былина, 2019). При этом цифровой разрыв рассматривается на национальном уровне, а пространственный аспект не затрагивается.

В статье (Кирилова и др., 2021) делается попытка оценить вклад трех факторов (доступность широкополосных услуг, доступность цен на Интернет, навыки в области ИКТ) в сокращение цифрового разрыва между городским и сельским населением дифференцированно

³ Carlson E., Goss J. (2016). The State of the Urban/Rural Digital Divide. *An official website of the United States government*. Available at: https://www-ntia.gov.translate.google.com/blog/2016/state-urbanrural-digital-divide?_x_tr_sl=en&_x_tr_tl=ru&_x_tr_hl=ru&_x_tr_pto=sc (accessed: April 17, 2024).

⁴ Cooper L. (2023). The stakes are too high to not solve the rural digital divide. *Human-I-T*. Available at: https://www-human-i-t-org.translate.google.com/why-bridge-rural-digital-divide/?_x_tr_sl=en&_x_tr_tl=ru&_x_tr_hl=ru&_x_tr_pto=sc (accessed: April 17, 2024).

по трем классам малых населенных пунктов Нижегородской области. Но авторы не выходят на вопросы цифрового разрыва между регионами в контексте «город – село», а исследуют проблему внутри своей области.

Д.А. Гайнанов и Т.Ф. Шарифьянов преодоление цифрового неравенства между городскими и сельскими населенными пунктами рассматривают в концептуальном плане путем создания дифференцированной сетевой инфраструктуры на различных локалитетах сети в системе расселения, без привязки к какому-либо региону (Гайнанов, Шарифьянов, 2015).

Характерным подходом к изучению цифрового разрыва между городским и сельским населением является сравнение количественных показателей, отражающих проникновение и использование ИКТ по соответствующим типам поселений в целом по Российской Федерации (Сафиуллин, Куксин, 2022).

Т.Д. Санникова цифровое неравенство рассматривает с позиций его негативного влияния на благосостояние сельских жителей, включая доступность и качество услуг, получаемых в электронном виде, в том числе образовательных, банковских, государственных и др. (Санникова, 2018).

Проблемы же межрегионального цифрового разрыва городского и сельского населения в уровне доступа к сети Интернет и ИКТ, а также их применение в жизнедеятельности людей в научной литературе практически не рассматриваются. В научных статьях речь идет о цифровом разрыве между регионами без учета разделения населения по типам поселений.

Большая часть отечественных научных публикаций относится к исследованию первого либо первого и второго уровней цифрового неравенства. Так, М.А. Груздева цифровое неравенство между регионами России рассматривает с точки зрения различий в проникновении и использовании населением Интернета (Груздева, 2020). Вместе с тем имеются попытки изучения разрыва на всех трех уровнях цифрового неравенства, когда кроме рассмотрения вопросов доступности сети Интернет и цифровых технологий исследуется результативность их использования в экономике (Власюк, 2023, с. 61).

Ряд публикаций посвящен факторам, формирующим цифровой разрыв: неравномерность социально-экономического развития регионов

(Селищева, Асалханова, 2019; Дудин и др., 2021; Костяев, 2023); высокая стоимость развертывания инфраструктуры в сельской местности, уровень образования пользователей сети Интернет и опыт использования ИКТ; различие регионов по соотношению городского и сельского населения, его плотности, людности сельских населенных пунктов и расстояния между ними (Salemink et al., 2017), различия в возрастно-половой структуре, доходах, образовании населения (Vallušová et al., 2022).

Во многих публикациях присутствует количественная оценка степени цифрового неравенства с точки зрения цифрового разрыва между регионами (Кузнецов, Маркова, 2014; Бахтизин и др., 2017; Губанова, Клещ, 2018; Батракова, 2021; Шаталова, Касаткина, 2022; Vallušová et al., 2022).

В ходе обзора публикаций по цифровому неравенству городских и сельских территорий выявлено, что исследователи до сих пор не вышли на изучение данной проблемы в межрегиональном аспекте, в определении групп субъектов Федерации с различным уровнем цифрового разрыва. В значительной степени это объяснимо скудностью дифференцированных статистических показателей по цифровизации городских и сельских поселений в разрезе регионов, а также тем, что разными авторами методологически рассматривается «необходимость выделения трех типов цифрового разрыва: глобального, национального и индивидуального» (Социальное неравенство..., 2021, с. 155), а о межрегиональном цифровом разрыве речь даже не идет.

Методология, методы и материалы

Ключевым элементом в методологии исследования цифрового разрыва в контексте сформулированной цели и выделенных задач является многоплановое понятие «дифференциация», используемое практически во всех отраслях науки с приданием ему соответствующего содержания. В нашем случае речь идет о социальной и территориальной (пространственной, межрегиональной) дифференциации.

При этом социальная дифференциация имеет особое значение для предметного изучения стратификации в целом, и она становится критической методологической проблемой (Robinson et al., 2015). По определению П. Сорокина, основа и сама сущность социальной

стратификации «состоит в неравномерном распределении прав и привилегий, обязанностей и ответственности, социальных благ и лишений, социальной власти и влияния среди членов того или иного сообщества» (Сорокин, 1927, с. 9). Данные атрибуты социальной дистанции, формируемые социальной дифференциацией, в полной мере присущи отношениям между городским и сельским сообществами. Социальное неравенство проявляется в разной степени в различных регионах страны в силу неоднородности в них демографической ситуации, уровня жизни населения, его образовательных и профессиональных качеств, что в условиях цифровизации становится предпосылкой для образования цифрового разрыва между субъектами Федерации.

Таким образом, происходит территориальная дифференциация социального неравенства, следовательно, цифрового неравенства. В этом случае сущность понятия «дифференциация» нами рассматривается в двух ипостасях: «как процесс, способствующий разделению социально-экономического пространства и как результат данного процесса, выраженный неоднородностью сельских территорий» (Костяев, Никонова, 2021, с. 153). При этом «дифференциация-процесс» представляет собой причину, а «дифференциация-результат» — следствие, которые следует рассматривать в диалектическом единстве, когда одно следствие может становиться причиной, вызывающей другое следствие. В результате возникает проблема «замкнутого круга», когда цифровое неравенство тормозит развитие регионов, а «депрессивные регионы отстают в развитии ИКТ в силу недостаточных темпов экономического роста и социально-экономического развития в целом» (Дудин и др., 2021, с. 964).

Для определения степени межрегиональной неоднородности используются различные статистические показатели: размах вариации, коэффициент разрыва полярных значений, децильный коэффициент, коэффициент вариации, коэффициент осцилляции, коэффициент Джини, индекс Тейла и др. (Бахтизин и др., 2017; Губанова, Клещ, 2018; Батракова, 2021; Шаталова, Касаткина, 2022).

Для исследования неравенства ($X_1 < X_2$) в контексте «город — село» в рамках одной социально-экономической единицы (страна, реги-

он, район и др.) показатели разрыва ($R_{1,2}$) между ними определяются как разница между более высокими и более низкими значениями по каждому из рассматриваемых показателей ($R_{1,2} = R_2 - R_1$).

При изучении неравенства между регионами, они распределяются в порядковой последовательности по рассматриваемым показателям в направлении от минимального значения к максимальному:

$$X_1 < X_2 < X_3 < X_4 < X_5 < X_6 < X_7 < X_8 \dots < X_n.$$

На основе полученных порядковых шкал был определен разрыв между регионами в рамках всей совокупности с помощью статистических показателей: размах вариации (K_1), коэффициент разрыва полярных значений (K_2), коэффициент осцилляции (K_3), децильный коэффициент (K_4):

$$K_1 = X_n - X_1; K_2 = X_n / X_1; K_3 = \frac{X_n - X_1}{\bar{X}}; K_4 = \sum_{n-10}^n X / \sum_1^{10} X.$$

Коэффициент вариации, коэффициент Джини, индекс Тейла более эффективны для исследования степени неоднородности той или иной совокупности в целом, а в определении цифрового разрыва в рамках поставленных задач они явились избыточными и в данной работе не использовались. Вместо этого для выявления тенденций изменения межрегионального неравенства в динамике наряду с расчетом и анализом предложенных статистических коэффициентов K_1 , K_2 , K_3 и K_4 нами применялся метод группировки: субъекты Федерации группировались в зависимости от величины цифрового разрыва.

В исследовании использовались данные федерального статистического наблюдения № 1-ИТ «Анкета выборочного федерального статистического наблюдения по вопросам использования населением информационных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей», размещенные на сайте Росстата⁵.

⁵ Данные федерального статистического наблюдения № 1-ИТ «Анкета выборочного федерального статистического наблюдения по вопросам использования населением информационных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей». URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/business/it/ikt22/index.html

При исследовании цифрового разрыва в контексте «город – село» нами велись расчеты на уровне страны, на уровне регионов и на межрегиональном уровне.

Результаты исследования

Цифровое неравенство «город – село» на национальном уровне

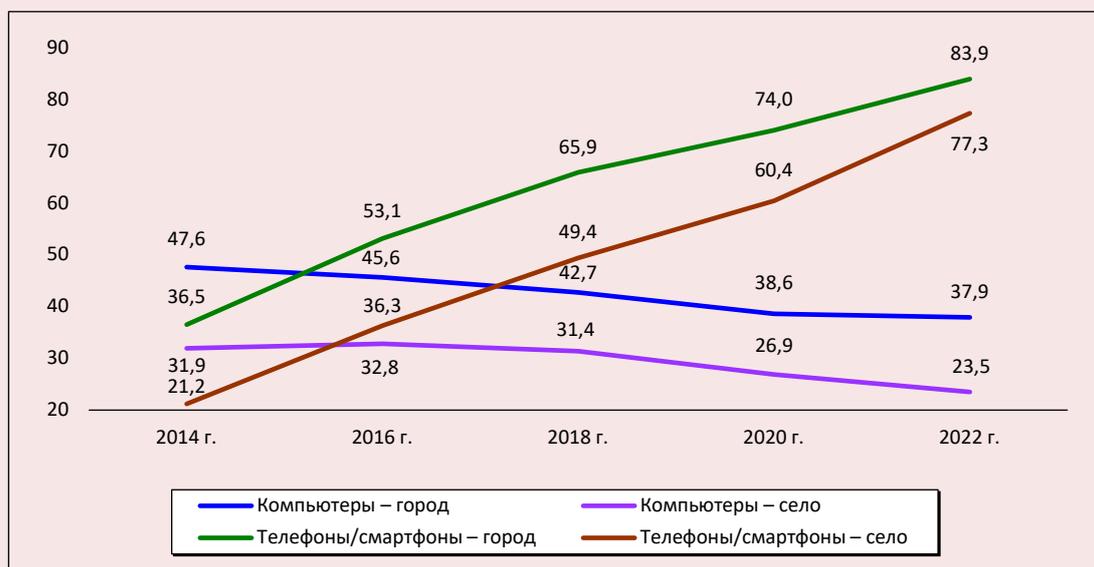
Для выхода в сеть Интернет городские и сельские домохозяйства используют три основные группы устройств: настольные (стационарные) компьютеры; планшетные компьютеры и другие мобильные устройства (телефоны, смартфоны, устройства для чтения электронных книг и др.). При этом чаще применяются стационарные компьютеры и мобильные телефоны/смартфоны. Вместе с тем тренды их использования для подключения к Интернету являются полярными. Траектория применения стационарных компьютеров является нисходящей с ростом цифрового разрыва между городом и селом с 2018 года, который к 2022 году достиг 14,4 п. п. В то же время использование мобильных телефонов/смартфонов для этих целей воз-

растает высокими темпами, а цифровой разрыв между городом и селом сокращается (2014 г. – 15,3 п. п.; 2022 г. – 6,6 п. п.; *рис. 1*).

Причины такой динамики очевидны: мобильные устройства имеют явные конкурентные преимущества перед стационарными компьютерами как по цене, так и по возможности подключения к сети повсеместно, там, где есть сотовая связь.

Вероятно, с этим связано сокращение цифрового разрыва в показателях частоты использования сети Интернет: по ежедневному использованию Интернета (2014 год – 17 п. п., 2022 год – 7,8 п. п.), а также снижения доли сельского населения, которое никогда им не пользовалась (с 39,6% в 2014 году до 10,6% в 2022 году). Особое значение для проникновения цифровых технологий в сельскую местность имеет широкополосный доступ, который благодаря реализации федерального проекта «Устранение цифрового неравенства»⁶ быстро распространяется по сельским территориям страны.

Рис. 1. Доля домохозяйств России с входом в сеть Интернет со стационарных компьютеров и мобильных телефонов / смартфонов, % от всех домохозяйств

Составлено по: Данные федерального статистического наблюдения № 1-ИТ.

⁶ Принят и реализуется в соответствии с ФЗ № 9 от 03.02.2014. URL: https://www.consultant.ru/law/podborki/federalnyj_proekt_ustranenie_cifrovogo_neravenstva/

Реализация первого этапа проекта (2014–2020 гг.) позволила организовать точки доступа в Интернет на скорости не менее 10 Мбит/сек. в населенных пунктах с численностью жителей 250–500 человек, а на втором этапе (2021–2030 гг.) планируется обеспечить мобильной связью и Интернетом поселения с людностью от 100 человек.

Темпы сокращения цифрового разрыва между городом и селом по широкополосному доступу к сети Интернет выше, чем по доступу в целом (рис. 2).

Резервом для сокращения цифрового разрыва является устранение причин отказа сельских домохозяйств и сельского населения от использования сети Интернет. При этом направления и темпы динамики показателей причин отказа сельских домохозяйств от использования сети Интернет, представленных в «Данных федерального статистического наблюдения», принципиально отличаются от таковых по сельскому населению.

Однако среди причин отказа в том и другом случае основными являются отсутствие необходимости, желания и интереса к пользованию Интернетом; недостаток навыков для работы в сети Интернет.

Доля сельских домохозяйств, не использующих сеть Интернет по причине «отсутствия необходимости, желания и интереса», устойчиво сокращалась с 2014 года, а с 2018 года стала снижаться и из-за «недостатка навыков». Для сельского населения первый показатель в 2014 году был весьма высоким и к 2022 году еще незначительно увеличился, а второй за этот период вырос весьма существенно, хотя с 2020 года отмечается тенденция снижения (рис. 3).

По нашему мнению, более информативны показатели по сельскому населению, поскольку они соотнесены с численностью населения, не использовавшего сеть Интернет, в то время как домохозяйства — с общим числом домохозяйств — с общим числом домохозяйств.

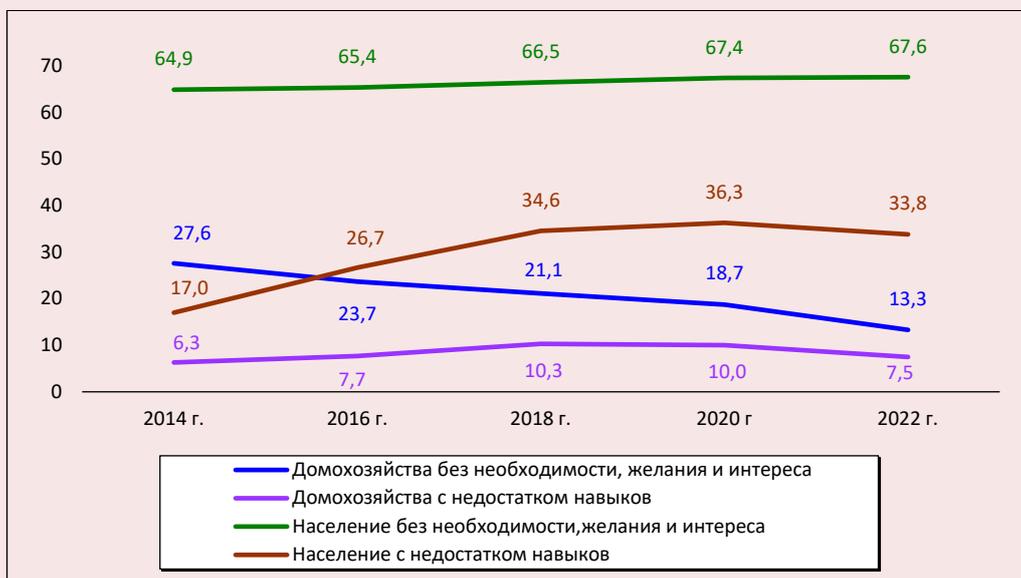
В 2022 году 51,2% сельского населения в возрасте 15 лет и старше имели низкий уровень владения цифровыми навыками и только 6,5% — уровень выше базового. Следует отметить взаимосвязь и взаимозависимость этих причин: у сельских жителей при недостатке навыков не возникает желания и интереса пользоваться Интернетом, а при отсутствии необходимости и желания — не появляются потребности приобретать соответствующие навыки.

Рис. 2. Динамика сокращения цифрового разрыва между городскими и сельскими домохозяйствами России в доступе к сети Интернет, п. п.

Составлено по: Данные федерального статистического наблюдения № 1-ИТ.

Рис. 3. Удельный вес домохозяйств в сельской местности и доля сельского населения России, не использующих сеть Интернет по основным причинам неиспользования*, %

* Доля домохозяйств в сельской местности приведена в % от всех домохозяйств, а доля сельского населения в % от численности населения, не использовавшего сеть Интернет или использовавшего ее более года назад. Возраст был взят в 2014 и 2016 г. в диапазоне 15–72 года, а в 2018, 2020 и 2022 гг. – 15–74 года.

Составлено по: Данные федерального статистического наблюдения № 1-ИТ.

В связи с этим данные проблемы следует решать в комплексе, проводя для сельского населения одновременно просветительские мероприятия в отношении возможностей использования цифровых технологий и масштабную работу по повышению навыков работы в сети Интернет.

Другие причины, сдерживающие продвижение цифровых технологий в сельскую местность и использование сети Интернет сельским населением, весьма значимы, но положительная тенденция в их решении внушает определенный оптимизм (табл. 1).

При цифровизации сельской местности, бесспорно, следует решать экономические и технические проблемы, но, как показывают данные рисунка 3 и таблицы 1, они при высокой ресурсоемкости являются не самыми главными в этом вопросе.

При работе по повышению навыков работы в Интернете у сельского населения важно обратить внимание на то, что цифровой разрыв между городскими и сельскими пользователями сети в 2014–2022 гг. возрастал в процентных пунктах по всем основным позициям: работа с текстовым редактором – с 16,8 до

Таблица 1. Доля сельского населения России, назвавшего экономические и технические причины отказа от использования сети Интернет, в 2014–2022 гг., % от численности всего сельского населения, не использовавшего Интернет

Причины неиспользования сети Интернет	2014 г.	2016 г.	2018 г.	2020 г.	2022 г.	2022/2014, п. п.
Высокие затраты на подключение к сети Интернет	11,5	12,3	16,1	16,0	6,8	-4,7
Отсутствие технической возможности подключения к сети Интернет	8,5	8,6	9,5	9,1	6,4	-2,1

Составлено по: Данные федерального статистического наблюдения № 1-ИТ.

18,4; копирование или перемещение файла – с 13,2 до 16,2; работа с электронными таблицами – с 11,9 до 13,5; передача файлов между компьютером и периферийными устройствами – с 12,7 до 13,2.

Весьма важными являются навыки и возможности населения при использовании сети Интернет для получения государственных и муниципальных услуг и осуществления заказов товаров и/или услуг, а также сокращение цифрового разрыва в этих показателях в контексте «город – село». За период с 2014 по 2022 год весьма существенно выросла доля населения, получающего через сеть Интернет государственные и муниципальные услуги, а также осуществляющего заказы товаров и услуг. Однако темпы роста данных показателей для сельского населения были заметно ниже, что привело к росту цифрового разрыва как в том, так и другом случае (табл. 2).

Данные таблицы 2 подтверждают тезис о том, что цифровой разрыв растет между теми, у кого больше возможностей доступа в сеть Интернет, и теми, у кого их меньше.

Основными направлениями использования сети Интернет для получения государственных и муниципальных услуг в 2022 году являлись:

- 1) получение информации (62,4%);
- 2) осуществление обязательных платежей в режиме онлайн (53,6%);

3) получение результатов предоставления государственных и муниципальных услуг в электронном виде (45%)⁷.

При заказе товаров через сеть Интернет сельское население отдает предпочтение трем основным их группам: а) одежда, обувь, спортивная одежда (69%); б) предметы домашнего обихода (41,9%); в) косметика и парфюмерия (33,4%). При этом значительная доля сельского населения России остаётся не включенной в использование сети Интернет для получения госуслуг (около 40%) и заказа товаров (почти 54%).

Для управления процессом включения сельского населения в получение государственных и муниципальных услуг и осуществление заказов товаров и/или услуг через сеть Интернет необходимо устранять причины отказа от них.

Как показывает анализ «Данных федерального статистического наблюдения № 1-ИТ», причинами неиспользования сети Интернет для контактов с государственной и муниципальной властью, так же как онлайн-покупок, являются мотивационные факторы. Так, респонденты выбирают личный визит и персональные контакты с представителями государственных и муниципальных органов власти (55,8%), а онлайн-заказы отвергаются, потому что жители предпочитают совершать покупки сами (54,5%) или у них отсутствует необходимость (желание, интерес) (35,3%) либо доверие (9,9%) к такого рода покупкам.

Таблица 2. Включенность населения России в получение государственных и муниципальных услуг и осуществление заказов товаров и/или услуг через сеть Интернет в 2014–2022 гг.

Показатель	2014 г.	2016 г.	2018 г.	2020 г.	2022 г.	2022/2014, п. п.
Доля населения, получающего государственные и муниципальные услуги, % от общей численности обследуемого населения						
Городское население	12,7	32,1	58,3	63,5	74,5	61,8
Сельское население	4,0	18,8	43,1	44,3	60,1	56,1
Цифровой разрыв, п. п.	8,7	13,3	15,2	19,2	14,4	5,7
Доля населения, заказывавшего товары и/или услуги, % от общей численности населения, использовавшего сеть Интернет в течение последних 12 месяцев						
Городское население	28,0	33,1	44,5	50,4	62,0	34,0
Сельское население	14,4	19,7	30,9	32,2	46,1	31,7
Цифровой разрыв, п. п.	13,6	13,4	13,6	18,2	15,9	2,3
Составлено по: Данные федерального статистического наблюдения № 1-ИТ.						

⁷ Доли в % от общей численности сельского населения в возрасте 15–72 лет, использовавшего сеть Интернет для получения государственных и муниципальных услуг.

Другая группа проблем – недостаточность навыков или знаний для использования сети Интернет в целях получения услуг (20,1%), а также заказа товаров в онлайн-режиме (7,4%). В связи с этим 19,3% респондентов для получения государственных и муниципальных услуг обращались к другим людям (друзьям, родственникам).

Таким образом, для сокращения возрастающего цифрового разрыва между городской и сельской местностью на уровне Российской Федерации необходимо решить следующие задачи:

- мотивационные, направленные на активизацию потребностей населения в использовании Интернетом, в том числе для получения государственных и муниципальных услуг, а также заказа товаров и/или услуг; на повышение доверия к онлайн операциям;
- образовательные, нацеленные на повышение уровня цифровых навыков для работы на компьютере, в сети Интернет у сельских жителей, на обучение приемам получения государственных и муниципальных услуг, реализации возможностей онлайн-торговли;
- экономические, предполагающие снизить затраты пользователей на подключение к сети Интернет;

– технические, направленные на расширение зоны охвата сельских территорий сотовой связью и высокоскоростным беспроводным Интернетом.

Межрегиональный цифровой разрыв

В связи с тем, что данные доступа к сети Интернет для сельских домохозяйств на сайте Росстата отсутствуют, оценка цифрового разрыва между регионами России по данному показателю осуществлена без выделения типа поселений. Расчет показателей межрегионального разрыва по доступу домохозяйств к сети Интернет в динамике с 2014 по 2022 год позволяет сделать вывод о наличии общей тенденции его сокращения (табл. 3).

Группировка регионов России по данному показателю подтверждает этот вывод: в 2014–2022 гг. их число в группах с показателем доступа домохозяйств к сети Интернет до 80% имело стойкую тенденцию к сокращению, а с уровнем выше 80% – к росту (табл. 4).

Разделение между городской и сельской местностью показателей получения населением государственных и муниципальных услуг и осуществления заказов товаров/услуг через сеть Интернет позволяет определить тенденции изменения по ним межрегионального цифрового разрыва для сельского населения.

Таблица 3. Показатели цифрового разрыва регионов России по доступу домохозяйств к сети Интернет в динамике с 2014 по 2022 год

Показатель разрыва	2014 г.	2016 г.	2018 г.	2020 г.	2022 г.
Размах вариации	39,2	29,9	36,0	32,0	25,2
Коэффициент разрыва полярных значений	1,75	1,49	1,58	1,50	1,34
Коэффициент осцилляции	0,56	0,40	0,47	0,40	0,29
Децильный коэффициент	1,75	0,84	0,60	1,00	1,22
Рассчитано по: Данные федерального статистического наблюдения № 1-ИТ.					

Таблица 4. Группировка регионов России по показателям доли доступа домохозяйств к сети Интернет в динамике с 2014 по 2022 год, % от всех домохозяйств

Группа регионов	2014 г.	2016 г.	2018 г.	2020 г.	2022 г.
1. До 70	53	26	17	7	-
2. 70–80	23	46	44	42	16
3. 80,1–85	2	5	14	19	26
4. 85,1–90	2	4	4	8	20
5. Свыше 90	1	1	3	6	20
Всего	81	82	82	82	82
Рассчитано по: Данные федерального статистического наблюдения № 1-ИТ.					

Расчет статистических коэффициентов выявил, что размах вариации как в том, так и в другом случае в 2022 году относительно 2014 года вырос, но остальные показатели цифрового разрыва между регионами имели общую тенденцию к снижению, хотя их значения колебались по годам (табл. 5).

Эти выводы подтверждаются результатами группировки регионов Российской Федерации по цифровому разрыву в получении сельским населением государственных и муниципальных услуг (табл. 6).

Примечательно, что численность группы регионов с отрицательным цифровым разрывом (< 0) изменилась незначительно, с малым разрывом (до 20 п. п.) – резко возросла, а регионов с разрывом свыше 20 п. п. – существен-

но снизилась, что указывает на положительную тенденцию в сокращении межрегионального цифрового разрыва

Относительно цифрового разрыва в заказах товаров/услуг между регионами ситуация складывается неоднозначно. Несмотря на относительно благоприятную в целом динамику изменений коэффициентов вариации, отражающих снижение цифрового разрыва регионов России, их группировка выявляет несколько иную картину (табл. 7). С 2014 по 2022 год число регионов в группе с цифровым разрывом в пользу села увеличилось в два раза, в группе с максимальным разрывом (более 20 п. п.) – в 9 раз, а в группах с разрывом до 10 п. п. – сократилось в 2,8 раза. Численность промежуточных групп регионов практически не изменилась.

Таблица 5. Цифровой разрыв между регионами России в получении сельским населением государственных и муниципальных услуг и осуществлении заказов товаров/услуг через сеть Интернет, в динамике с 2014 по 2022 год

Показатель	2014 г.	2016 г.	2018 г.	2020 г.	2022 г.
Государственные и муниципальные услуги					
Размах вариации	61,1	73,4	62,1	67,4	68,5
Коэффициент разрыва полярных значений	77,38	50,33	3,19	3,46	3,48
Коэффициент осцилляции	3,92	2,01	0,95	0,95	0,86
Децильный коэффициент	21,13	23,58	6,10	4,99	4,87
Заказы товаров и услуг					
Размах вариации	34,0	46,8	67,8	66,4	62,7
Коэффициент разрыва полярных значений	19,89	12,14	29,25	12,45	7,21
Коэффициент осцилляции	4,10	3,63	3,11	2,77	1,67
Децильный коэффициент	8,82	4,63	4,08	4,37	3,72

Рассчитано по: Данные федерального статистического наблюдения № 1-ИТ.

Таблица 6. Группировка регионов России по цифровому разрыву в использовании сети Интернет для получения сельским населением государственных и муниципальных услуг в динамике с 2014 по 2022 год, п. п.

Разрыв, п. п.	2014	2016 г.	2018 г.	2020 г.	2022 г.
Число регионов с разрывом в пользу села*					
< 0	7	3	9	9	5
Число регионов с разрывом в пользу города					
0,1–10,0	14	15	20	29	40
10,1–20,0	19	22	25	28	29
20,1–30,0	19	24	23	8	4
30,1–40,0	11	15	4	5	3
Свыше 40	11	3	1	3	1
Всего	81	82	82	82	82

* В данную группу в 2022 году вошли Брянская и Сахалинская области, Кабардино-Балкарская Республика, Республика Северная Осетия – Алания, Ханты-Мансийский автономный округ.

Рассчитано по: Данные федерального статистического наблюдения № 1-ИТ.

Таблица 7. Группировка регионов России по цифровому разрыву в использовании сети Интернет для заказа товаров/услуг в контексте «город – село» с 2014 по 2022 год

Разрыв, п. п.	2014	2016 г.	2018 г.	2020 г.	2022 г.
Число регионов с разрывом в пользу села					
< 0	5	9	7	3	10
Число регионов с разрывом в пользу города*					
0,1–5,0	19	11	16	9	10
5,1–10,0	31	18	12	13	8
10,1–15,0	11	21	20	13	12
15,0–20,0	12	14	15	19	15
Свыше 20,0	3	9	12	25	27
Всего	81	82	82	82	82
* В данную группу в 2022 году вошли Рязанская, Воронежская, Калининградская и Мурманская области, республики Мордовия, Северная Осетия – Алания и Крым, Ханты-Мансийский и Чукотский автономные округа. Рассчитано по: Данные федерального статистического наблюдения № 1-Т.					

При этом доля регионов с разрывом свыше 20 п. п. в использовании сети Интернет для заказа сельским населением товаров/услуг увеличилась с 3,7 до 30%, а в получении государственных и муниципальных услуг эти величины были, соответственно, равны 50,6 и около 10%.

Такая ситуация напрямую отразилась на показателях общего уровня вовлеченности населения Российской Федерации в осуществление заказов товаров/услуг и получение государственных и муниципальных услуг в онлайн-режиме. В 2022 году заказы товаров/услуг через сеть Интернет осуществляли 53,7%, а государственные и муниципальные услуги получали 86,6% всех жителей страны.

Таким образом, на межрегиональном уровне цифровой разрыв в осуществлении заказов товаров и услуг через сеть Интернет имеет тенденцию роста, а в получении государственных и муниципальных услуг – сокращения.

Обсуждение

Цифровой разрыв в любом его проявлении в эпоху цифровизации экономики и домохозяйств создает предпосылки для усиления социально-экономического неравенства в обществе. Особое место занимает разрыв между городской и сельской местностью. Программная задача по преодолению существенных различий между городом и селом была заложена еще в трудах классиков марксизма-ленинизма, а затем решалась в течении 13 пятилеток в СССР. Процессы, произошедшие в экономике страны после 1991 года, усугубили разрыв в социально-экономическом развитии городской и сельской местности.

В условиях цифровой трансформации всего российского общества и под ее влиянием существующие социально-экономические различия между городом и селом могут либо сглаживаться, либо усиливаться. К сожалению, среди ученых до сих пор нет единого мнения относительно тренда влияния цифровизации на социально-экономическое развитие регионов. По мнению М.Н. Дудина и соавторов, одни исследователи «отмечают положительное воздействие ИКТ на экономический рост и эффективность экономики, а другие – считают, что цифровое неравенство ведет к ухудшению социально-экономического развития регионов» (Дудин и др., 2021, с. 963).

В любом случае рост цифрового неравенства между городской и сельской местностью как на национальном уровне, так и между регионами создает проблемы для социально-экономического развития страны. Оценивая с этих позиций результаты проведенного исследования, следует отметить неоднозначность динамики показателей цифрового разрыва. Позитивным трендом характеризуется сокращение цифрового разрыва между городом и селом по доступу и широкополосному доступу к сети Интернет, в особенности с использованием для этих целей мобильных телефонов/смартфонов, а негативным – рост неравенства в уровне цифровой компетентности пользователей и их цифровой грамотности. Это подтверждает выводы, которые были сделаны другими исследователями относительно первого и второго уровней цифровизации (Коровкин и др., 2020, с. 13).

Цифровой разрыв между навыками городских и сельских пользователей сети Интернет в 2014–2022 гг. увеличился по всем основным позициям: более чем у половины сельского населения в возрасте 15 лет и старше отмечался низкий уровень владения цифровыми навыками, в связи с этим 67,6% жителей села не имели необходимости, желания и интереса использовать сеть Интернет.

Для решения указанных проблем необходимо осуществить ряд действий:

- по активизации потребностей населения пользоваться Интернетом посредством проведения разного рода PR-компаний, психологических тренингов, онлайн-семинаров и т. п.;
- по повышению уровня цифровых навыков пользователей путем проведения обучающих семинаров, мастер-классов, нацеленных на определенные возрастные, гендерные, профессиональные группы, и др.

Системная работа по повышению цифровых навыков и компетенций у сельского населения наряду с решением совокупности мотивационных проблем будет способствовать смене тенденции роста цифрового разрыва между городом и селом в получении государственных и муниципальных услуг и осуществлении заказов товаров/услуг в онлайн-режиме на нисходящий тренд.

Сочетание использования коэффициентов вариации и метода группировки позволило выявить устойчивую тенденцию сокращения цифрового разрыва между регионами по доступу домохозяйств к сети Интернет и в использовании сети Интернет для получения сельским населением государственных и муниципальных услуг. Благодаря применению метода группировки выявлено, что использование только коэффициентов вариации в условиях недостаточной развитости системы заказов товаров/услуг через Интернет не позволяет однозначно сделать вывод о тенденции изменения межрегионального цифрового разрыва. Группировка регионов в зависимости от уровня цифрового разрыва в использовании сети Интернет между городской и сельской местностью дала возможность сделать окончательный вывод о росте цифрового разрыва.

Наряду со сказанным выше для сокращения цифрового разрыва требуется решить ряд экономических и технических проблем.

Снижение затрат на подключение к сети Интернет может быть обеспечено путем предоставления бюджетных целевых субсидий малообеспеченным и многодетным или одиноким семьям, использования социальных тарифов на широкополосную связь и передачу данных для домохозяйств с низкими доходами.

Для расширения зоны охвата сельских территорий сотовой связью и высокоскоростным беспроводным Интернетом в таких социально проблемных регионах, как Нечерноземье, следовало бы нижний предел подключения населённых пунктов в рамках действия федерального проекта «Устранение цифрового неравенства в России» установить до численности 50 человек, в том числе используя механизмы государственно-частного партнерства и поддержки инициатив местных сообществ.

Заключение

Цифровой разрыв в любом его проявлении, между социальными и возрастными группами, между городской и сельской местностью и между регионами, негативно влияет на социально-экономическое развитие любой страны, что требует большего внимания к его изучению со стороны исследователей различного профиля. Особенно важны такие исследования по выявлению тенденций в контексте «город – село», так как традиционно существующее социально-экономическое неравенство между городской и сельской местностью может значительно усилиться при формировании тренда с возрастающим цифровым разрывом.

Исследования цифрового неравенства находятся в зачаточном состоянии, но быстро развиваются вместе со своим объектом, особенно в зарубежных странах. При этом пока не ясно, какие неравенства будут усиливаться, какие возникнут новые и какие формы неравенства будут смягчены в эпоху цифровой экономики (Robinson et al., 2015). Это требует проведения значительных системных исследований.

Немногочисленные научные работы по цифровому разрыву в контексте «город – село» осуществляются в России при остром дефиците показателей официальной статистики, особенно в разрезе регионов страны, что затрудняет выявление проблем цифровой трансформации сельских территорий. В связи с этим представляется необходимым выделение показателей для села по всем позициям «Федерального ста-

тистического наблюдения по вопросам использования населением информационных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей» и представление их в полном объеме научной общественности для проведения исследований.

Для расширения информационной базы целесообразно не ограничиваться показателями официальной статистики, а использовать результаты социологических исследований, данные сотовых операторов (зоны покрытия территорий мобильной сетью 2G–5G), интернет-провайдеров и т. п. Например, проведенный нами анализ «Карт зон покрытия» операторами Мегафон, МТС, Билайн и Теле-2 для территорий Вологодской, Ленинградской, Новгородской областей выявил существенный разрыв в густоте сотовой сети между городскими и сель-

скими поселениями и ее снижение с удалённостью районов от центра областей.

Необходимы также социологические исследования (анкетирование, интервьюирование) по выявлению и более глубокому изучению причин недоверия операциям в сети Интернет и особенностей мотивационного поведения пользователей, отказывающихся от получения государственных и муниципальных услуг, заказа товаров/услуг и других операций в онлайн-режиме.

Весьма важной для будущих исследователей является тема количественной оценки факторов, предопределяющих цифровой разрыв, и степени влияния цифрового разрыва на социально-экономическое развитие регионов, поскольку в настоящее время доминируют только теоретические подходы к данному вопросу.

Литература

- Банников С.А., Жильцов С.А., Казакова Н.В. (2020). Тенденции цифровизации и причины, обусловившие цифровой разрыв на сельских территориях // Вестник НГИЭИ. № 11 (114). С. 137–149. DOI: 10.24411/2227-9407-2020-10112
- Батракова Л.Г. (2021). Региональное неравенство в социально-экономическом развитии России // Социально-политические исследования. № 4 (13). С. 61–84.
- Бахтизин А.Р., Бухвальд Е.М., Кольчугина А.В. (2017). Экономическая дифференциация регионов России: новые оценки и закономерности // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. № 1. С. 41–56.
- Былина С.Г. (2019). Цифровое неравенство сельского населения: поселенческие различия // Региональные агросистемы: экономика и социология. № 2. С. 107–113.
- Власюк Л.И. (2023). Цифровое неравенство российских регионов: стратегические возможности и угрозы // Экономика промышленности. № 1 (16). С. 59–68. DOI: 10.17073/2072-1633-2023-1-59-68
- Гайнанов Д.А., Шарифьянов Т.Ф. (2015). Трансформация модели преодоления цифрового неравенства в сельской местности // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. № 12 (84). С. 24.
- Груздева М.А. (2020). Включенность населения в цифровое пространство: глобальные тренды и неравенство российских регионов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 13. № 5. С. 90–104. DOI: 10.15838/esc.2020.5.71.5
- Губанова Е.С., Клещ В.С. (2018). Методика оценки неравномерности социально-экономического развития региона // Проблемы развития территории. № 6 (98). С. 30–41. DOI: 10.15838/ptd.2018.6.98.2
- Добринская Д.Е., Мартыненко Т.С. (2019). Перспективы российского информационного общества: уровни цифрового разрыва // Вестник РУДН. Серия: Социология. Т. 19. № 1. С. 108–120. DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-1-108-120
- Дудин М.Н., Шкодинский С.В., Усманов Д.И. (2021). Оценка влияния цифрового неравенства на уровень социально-экономического развития регионов Российской Федерации // Вопросы инновационной экономики. № 11 (3). С. 961–984. DOI: 10.18334/vinec.11.3.113452
- Кирилова Д.А., Маслов Н.С., Рейн А.Д. (2021). Преодоление цифрового неравенства сельских территорий // International Journal of Open Information Technologies. Т. 9. № 9. С. 21–26.
- Коровкин В., Каганер Е., Калинин А., Нуреев Б. (2020). Цифровая жизнь российских регионов. Что определяет цифровой разрыв? М.: Институт исследований развивающихся рынков бизнес-школы СКОЛКОВО (IEMS). DOI: 10.13140/RG.2.2.17835.26400

- Костяев А.И. (2023). Цифровизация сельских территорий в контексте европейских подходов и практик: обзор предметного поля // Экономика региона. Т. 19. № 4. С. 964–984. DOI: 10.17059/ekon.reg.2023-4-3
- Костяев А.И., Никонова Г.Н. (2021). Развитие процессов территориальной дифференциации аграрного производства Нечерноземья и их современные тренды // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 14. № 4. С. 150–168. DOI: 10.15838/esc.2021.4.76.9
- Кузнецов Ю.А., Маркова С.Е. (2014). Некоторые аспекты количественной оценки уровня цифрового неравенства регионов Российской Федерации // Экономический анализ: теория и практика. № 32 (383). С. 2–13. DOI: 10.33051/2500-2325-2021-4-50-71
- Ревенко Л.С., Ревенко Н.С. (2022). Цифровой разрыв и цифровое неравенство в продовольственных системах мира // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. Т. 22. № 2. С. 372–384. DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-2-372-384
- Санникова Т.Д. (2018). Цифровое неравенство как негативный фактор для благополучия сельского населения // Вестник науки. № 6 (6) Т. 1. С. 21–27. URL: <https://www.вестник-науки.рф/article/112> (дата обращения 27.02.2024).
- Сальников С.Г. (2021). Цифровое неравенство между городом и селом: догнать нельзя отстать // Никоновские чтения. № 26. С. 125–129.
- Сафиуллин Н.А., Куксин С.В. (2022). Анализ причин цифрового разрыва между городским и сельским населением России // Вестник Воронежского государственного аграрного университета. Т. 15. № 3 (74). С. 163–172. DOI: 10.53914/issn2071-2243_2022_3_163
- Селищева Т.А., Асалханова С.А. (2019). Проблемы цифрового неравенства регионов России // Проблемы современной экономики. № 3 (71). С. 230–234.
- Сорокин П.А. Социальная мобильность / пер. с англ. М.В. Соколовой; под общ. ред. В.В. Сапова. М.: Academia, 2005. 588 с.
- Социальное неравенство в современном мире: новые формы и особенности их проявления в России (2021): монография / под общ. ред. Н.Г. Осиповой. М.: Перспектива. 276 с.
- Шаталова О.М., Касаткина Е.В. (2022). Социально-экономическое неравенство регионов РФ: вопросы измерения и долгосрочная ретроспективная оценка // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 4. С. 74–87. DOI: 10.15838/esc.2022.4.82.5
- Castells M. (1996). *The Rise of the Network Society: The Information Age: Economy, Society and Culture: Volume I*. Massachusetts and Oxford: Blackwell.
- Chatzichristos G., Nagopoulos N., Poulimas M. (2021). Neo-endogenous rural development: A path toward reviving rural Europe. *Sociologia Ruralis*, 86(4), 911–937. DOI: 10.1111/ruso.12380
- Gerli P., Whalley J. (2021). Fibre to the countryside: A comparison of public and community initiatives tackling the rural digital divide in the UK. *Telecommunications Policy*, 45(10), 102222. DOI: 10.1016/j.telpol.2021.102222
- Haefner L., Sternberg R. (2020). Spatial implications of digitization: State of the field and research agenda. *Geography Compass*, 14(12), 1–16. DOI: 10.1111/gec3.12544
- Heeks R. (2022) Digital inequality beyond the digital divide: Conceptualizing adverse digital incorporation in the global South. *Information Technology for Development*, 28(4), 688–704. DOI: 10.1080/02681102.2022.2068492
- Holmes H., Burgess G. (2022). Digital exclusion and poverty in the UK: How structural inequality shapes experiences of getting online. *Digital Geography and Society*, 3. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.diggeo.2022.100041>
- Robinson L., Ono H., Cotten S.R., Quan-Haase A. et al. (2015). Digital inequalities and why they matter. *Information, Communication & Society*, 18(5), 569–582. DOI: 10.1080/1369118X.2015.1012532
- Salemink K., Strijker D., Bosworth G. (2017). Rural development in the digital age: A systematic literature review on unequal ICT availability, adoption, and use in rural areas. *Journal of Rural Studies*, 54(8), 360–371. DOI: 10.1016/j.jrurstud.2015.09.001
- Sanders C.K., Scanlon E. (2021). The digital divide is a human rights issue: Advancing social inclusion through social work advocacy. *Journal of Human Rights and Social Work*, 6, 130–143. DOI: 10.1007/s41134-020-00147-9
- Vallušová A., Kuráková I., Lacová Ž. (2022). Digital inequality and usage gap in the V4 region. *Economics and Management*, 25(4), 161–179. DOI: 10.15240/tul/001/2022-4-011.
- Wiesinger G. (2007). The importance of social capital in rural development, net-working and decision-making in rural areas. *Journal of Alpine Research*, 95(4), 43–56. DOI: 10.4000/rga.354
- Yanovskaya O., Kulagina N., Logacheva N. (2022). Digital inequality of Russian regions. *Sustainable Development and Engineering Economics*, 1(5), 77–98. DOI: 10.48554/SDEE.2022.1.5

Сведения об авторе

Александр Иванович Костяев — академик РАН, доктор экономических наук, доктор географических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт аграрной экономики и развития сельских территорий СПб ФИЦ РАН (196608, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, г. Пушкин, ш. Подбельского, д. 7; e-mail: szniesh@gmail.com)

Kostyaev A.I.

Digital Inequality between Urban and Rural Population

Abstract. Digitalization can transform social inequality between urban and rural population into a digital divide. This issue in the “city–village” context is not given due attention by scholars and is mainly limited to the country level. Interregional inequality in scientific publications is considered, as a rule, outside of this context. The study seeks to eliminate this gap. The aim is to identify features, trends and quantitative parameters of digital inequality (divide) between urban and rural population at the national and interregional level and identify ways to address the issues that arise. The tasks are to establish trends in the formation of a digital divide in the levels of Internet access and digital competence of users, in obtaining state and municipal services and ordering goods/services; to assess the reasons for the rural population’s refusal to use the Internet and identify ways to solve this problem. The study was based on a combination of calculation of coefficients of variation and grouping of regions. We used the data of the federal statistical observation. Results: the hypothesis was confirmed that there are trends at the national level to reduce the gap in Internet access, the growth of the gap in the level of users’ digital competence and the use of digital technology; we found out the presence of a positive trend toward reducing the interregional gap in obtaining public and municipal services via the Internet and its growth in the implementation of orders of goods/services; we put forward measures to fulfill the needs of the rural population in using the Internet, increase the level of their digital skills; we conclude that it is necessary to provide budget support for socially vulnerable families when connecting to the Internet, to establish social tariffs for low-income households; mechanisms of public-private partnership and support for initiatives of local communities are proposed aimed at increasing high-speed Internet coverage in rural areas. Further study of the digital divide requires in-depth sociological research and taking into consideration the data from mobile operators and Internet service providers.

Key words: digitalization, digital divide, type of settlement, region, Internet, households, users’ digital competencies.

Information about the Author

Aleksandr I. Kostyaev — RAS Academician, Doctor of Sciences (Economics), Doctor of Sciences (Geography), Professor, Chief Researcher, Institute of Agricultural Economics and Rural Development, St. Petersburg Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (7, Podbelsky Highway, Pushkin, Saint Petersburg, 196608, Russian Federation; e-mail: szniesh@gmail.com)

Статья поступила 02.05.2024.

НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ И ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ

DOI: 10.15838/esc.2024.3.93.4

УДК 338.28, ББК 65(9)

© Ленчук Е.Б., Филатов В.И.

Проекты технологического суверенитета как инструмент инновационного развития российской экономики

Елена Борисовна

ЛЕНЧУК

Институт экономики Российской академии наук

Москва, Российская Федерация

e-mail: lenalenchuk@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-8639-0833

Владимир Иванович

ФИЛАТОВ

Институт экономики Российской академии наук

Москва, Российская Федерация

e-mail: filatov.vladshimir@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-8119-5836

Аннотация. В сложившихся новых геополитических условиях и на фоне внешних ограничений, введенных Западом, достижение технологического суверенитета становится важнейшей характеристикой формируемой новой модели развития для России. В связи с этим возникает необходимость поиска новых наиболее эффективных путей и инструментов решения этой задачи. В представленной работе исследуется проблема реализации проектного подхода и перехода к экономике полного инновационного цикла через формирование проектов технологического суверенитета, закрепленных в качестве основного инструмента обеспечения технологической независимости в Концепции технологического развития Российской Федерации до 2030 г. Особое внимание уделяется разработке научно-методологических подходов к формированию такого инструмента в контексте анализа имеющегося накопленного опыта в реализации проектов полного инновационного цикла, прежде всего комплексных научно-технологических программ

Для цитирования: Ленчук Е.Б., Филатов В.И. (2024). Проекты технологического суверенитета как инструмент инновационного развития российской экономики // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 3. С. 68–81. DOI: 10.15838/esc.2024.3.93.4

For citation: Lenchuk E.B., Filatov V.I. (2024). Technological sovereignty projects as a tool for innovative development of the Russian economy. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 17(3), 68–81. DOI: 10.15838/esc.2024.3.93.4

и проектов, реализуемых в свете задач принятой в 2016 году Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации. Авторами отмечается важность определения границ полного инновационного цикла, который трактуется исследователями по-разному. Поскольку проекты технологического суверенитета призваны превратиться в инструмент выстраивания собственных воспроизводственных цепочек, они не должны заканчиваться лишь внедрением новых технологий, им следует выходить на массовое производство и содержать развернутую инвестиционную составляющую по созданию и реконструкции производственных мощностей. В связи с этим анализируется порядок отбора приоритетных направлений для разработки проектов технологического суверенитета, их ресурсное обеспечение, оценивается эффективность государственных инструментов поддержки таких проектов, также предлагаются меры по совершенствованию организации процесса формирования и реализации проектов технологического суверенитета. Реализация предложенного авторами комплекса мер должна содействовать ускорению научно-технологического развития и снижению технологической зависимости России.

Ключевые слова: технологический суверенитет, полный инновационный цикл, инновационная модель развития, национальная инновационная система, критические и сквозные технологии, комплексные научно-технические программы, проекты технологического суверенитета.

Введение

О переходе к инновационной модели развития в России говорится как минимум два последних десятилетия. Однако за эти годы в стране так и не удалось создать национальную инновационную систему, обеспечивающую эффективное взаимодействие науки и промышленности. Действующая экспортно-сырьевая модель развития ограничивала как спрос на технологические инновации, так и их предложение. Эта проблема приобрела системный характер, тормозящий трансформацию российской экономики в направлении формирования конкурентоспособной инновационно ориентированной экономической системы.

На уровне государства так и не удалось отработать механизмы привлечения бизнеса к научно-технологическому развитию. При свободном доступе к импорту технологий из-за рубежа и возможности получения быстрой прибыли бизнес не имел достаточной мотивации осуществлять рискованные вложения в НИОКР и выводить их результаты на рынок. «Весь предкризисный период Россия активно импортировала результаты чужих НИОКР в составе импорта готовых товаров, то есть результаты расходов на НИОКР в других странах («импорт расходов» на НИОКР порядка 1–1,5% ВВП в год)» (Белоусов, 2023). По сути, эти средства могли бы быть потрачены на проведение собственных НИОКР в стране. Вместе с тем, несмотря на то что Россия обладает значительным научным заделом, он довольно слабо используется

и трансформируется в наращивание высокотехнологичного экспорта. По оценкам (Клепач, 2023), сегодня более 60% технологий покупается за рубежом. А позиции страны на мировом высокотехнологичном рынке уже длительный период времени продолжают оставаться крайне низкими (доля не превышает 0,3%¹). Многие научные заделы, так и не воплощенные в конкретный продукт внутри страны, уплывают за рубеж в виде продажи результатов научных исследований и разработок. Уместно напомнить, что именно по категории соглашений, предметом которых являются НИОКР, Россия имеет профицит баланса платежей.

Все это характеризует слабость сложившейся в стране национальной инновационной системы, которая продолжает быть «разомкнутой» в плане использования собственных разработок для нужд отечественной экономики (Ленчук, 2023). В таких условиях важнейшей задачей национального научно-технологического комплекса является не просто наращивание масштабов научно-исследовательской деятельности, а повышение ее результативности путем ориентации сектора исследований и разработок на потребности реального сектора экономики и инновационного бизнеса, в частности снижения барьеров между производителями и потребителями знаний (Симачев, Кузык, 2021).

¹ Показатели развития российской науки: сравнительный анализ (2023). Вып. 5. М.: ИПРАН РАН. С. 122.

Вместе с тем текущая геополитическая обстановка требует принципиально новых решений в сфере научно-технологического развития. Введенные ограничения на инвестиции и экспорт технологий в Россию лишают страну важнейших драйверов экономического роста и объективно предопределяют необходимость опоры на собственный научно-технологический потенциал и укрепление технологического суверенитета для выстраивания собственных производственных цепочек. Таким образом, сектор исследований и разработок должен быть ориентирован на потребности реального сектора экономики и инновационного бизнеса в частности.

Выступая с Посланием Федеральному Собранию Российской Федерации 29 февраля 2024 г., Президент РФ отметил, что нам «нужно достичь технологического суверенитета в сквозных сферах, которые обеспечивают устойчивость всей экономики страны. Это средства производства и станки, робототехника, все виды транспорта, беспилотные авиационные, морские и другие системы, экономика данных, новые материалы и химия»². Также на базе собственных разработок необходимо создавать продукты, способные конкурировать на глобальных рынках, прежде всего в таких сферах, как космос, новая энергетика, атомные технологии. Решение этих задач предполагает в первую очередь налаживание внутренних кооперационных цепочек, обеспечивающих реализацию полного инновационного цикла при создании новых технологий и продуктов. Инструментом организации такого взаимодействия должны стать проекты технологического суверенитета. Выступая в качестве мотора обновления технологической базы российской промышленности, они должны обеспечить возможность выхода российской экономики на путь устойчивого развития.

Однако, учитывая, что в условиях беспрецедентного внешнего давления эта задача будет решаться при крайне ограниченных финансовых возможностях, возникает необходимость

² Послание Президента Федеральному собранию. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/73585>

выработки четкой организационной схемы формирования проектов полного инновационного цикла при разработке и реализации критически важной для развития страны продукции. В свою очередь это требует уточнения некоторых концептуальных подходов к определению сущности проектов технологического суверенитета, а также разработки научно-методических и организационных подходов к их формированию и реализации. Поиск ответа на эти вопросы предопределяет цель настоящего исследования.

О некоторых определениях и понятиях

Процесс создания инновационной продукции довольно широко рассматривается в научной литературе (Freeman, 1996; Perez, 2002; Groot, Franses, 2005; Голиченко, 2006; Хлебников, 2016) и, как правило, трактуется как совокупность стадий научно-технологического цикла инноваций, включающих последовательность этапов: фундаментальные исследования — опытно-конструкторские разработки — создание опытного образца — внедрение новой продукции или технологии в массовое производство. Другими словами, под инновационным циклом создания продукции понимается путь от зарождения новой идеи до воплощения ее в готовый продукт, способный выйти на конкурентный рынок (Хайрулин, 2015; Васецкая, 2020). Однако сравнительный анализ имеющихся подходов к определению инновационных циклов свидетельствует, что единства среди исследователей в трактовке этого понятия нет. Суть расхождений — это границы инновационного цикла, количество и содержание этапов, которые авторы включают в жизненный цикл инноваций.

Границы и этапы меняются в зависимости от реализуемого подхода исследователей к определению жизненного цикла инновации: продуктовый, процессный, маркетинговый подходы и др. Так, например, отмечается, что «при продуктивном подходе характерным является включение анализа внедрения на рынок конкурентоспособной продукции инновационного товара или услуг в жизненный цикл инновации» (Васецкая, 2020), тогда как в рамках процессного подхода инновационный цикл не выходит за пределы этапа вывода новой продукции на рынок.

Вместе с тем проблема обеспечения технологического суверенитета России существенно расширяет границы рассмотрения инновационного цикла. В соответствии с определением, данным в Концепции технологического развития России до 2030 года, под технологическим суверенитетом понимается «наличие в стране (под национальным контролем) критических и сквозных технологий собственных линий разработки и условий производства продукции на их основе, обеспечивающих устойчивую возможность государства и общества достигать собственные национальные цели развития и реализовывать национальные интересы»³. При этом речь идет не только о разработке и внедрении новых технологий, но и об организации на их основе широкомасштабного производства, что по сути означает переход к экономике полного инновационного цикла, обеспечивающего создание продукции на основе собственных линий разработки. В таком контексте жизненный цикл выходит за пределы выведения продукции на рынок и включает также этапы от развития рынка вплоть до устаревания продукции и отказа от ее производства.

Таким образом, проекты технологического суверенитета не должны ограничиваться лишь этапом разработки новых технологий, но и распространяться на внедрение этих технологий на национальных предприятиях с последующим выпуском продукции, конкурентной, как минимум, на национальных рынках (Юревич, 2023).

Такой новый макроэкономический подход планируется реализовать через дальнейшее развитие проектного подхода на основе формирования проектов технологического суверенитета, которые становятся важнейшим инструментом выстраивания собственных воспроизводственных цепочек на современном этапе. Однако, перед тем как рассматривать основные методологические подходы к разработке и реализации таких проектов, следует проанализировать уже имеющийся опыт в формировании проектов и программ полного инновационного цикла.

³ Концепция технологического развития на период до 2030 г.: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20 мая 2023 г. № 1315-р. URL: <http://government.ru/docs/all/147621/> (дата обращения 15.01.2024).

Об опыте формирования проектов и программ полного инновационного цикла

Акцент на необходимости усиления государственной политики в направлении формирования механизмов взаимодействия бизнеса с отечественным научно-технологическим комплексом проявился в Стратегии научно-технологического развития России (далее – Стратегия), принятой в 2016 году. В этом документе впервые была обозначена необходимость разработки комплексных научно-технологических программ и проектов (КНТП) полного инновационного цикла, которые должны были выступить в качестве основных механизмов реализации научно-технологических приоритетов, обозначенных в Стратегии. Дальнейшее нормативное закрепление КНТП получили в рамках Правил разработки, утверждения, реализации, корректировки и завершения комплексных программ, комплексных проектов, утвержденных Постановлением Правительства РФ от 19.02.2019 № 162 (далее – Правила), а также Правил предоставления грантов в форме субсидий из федерального бюджета на реализацию комплексных научно-технических программ полного инновационного цикла и комплексных научно-технических проектов полного инновационного цикла, утвержденных Постановлением Правительства РФ от 15.09.2020 № 1439.

Согласно Правилам, комплексные научно-технологические программы и проекты полного инновационного цикла определены как совокупность скоординированных мероприятий или комплекс работ, увязанных по задачам, срокам и ресурсам, включающих в себя научные исследования и этапы инновационного цикла до создания технологий, продукции и оказания услуг. Инициаторами таких комплексных проектов и программ могут выступать заинтересованные органы государственной власти, члены Совета по приоритетным направлениям научно-технологического развития РФ, организации реального сектора экономики, институты развития и др.⁴ В рамках Правил был также закреп-

⁴ Правила разработки, утверждения, реализации, корректировки и завершения комплексных программ, комплексных проектов, утв. Постановлением Правительства РФ от 19.02.2019 № 162. URL: <https://base.garant.ru/72184148/>

лен механизм разработки и утверждения таких проектов, включающий множество этапов согласования (Шепелев и др., 2021). При этом особая роль в формировании таких проектов отводилась Минобрнауки России, выступающему в роли ответственного за весь процесс подготовки КНТП.

Следует отметить, что опыт разработки комплексных проектов и программ полного инновационного цикла, накопленный в 2018–2022 гг., был довольно подробно исследован, а результаты представлены в целом ряде научных работ (Васецкая, Федотов, 2020; Шепелев и др., 2021), поэтому в рамках данного исследования кратко остановимся лишь на наиболее узких местах организации процесса разработки и реализации КНТП и причинах их «пробуксовки», которые не позволили им превратиться в действенный инструмент решения важных проблем научно-технологического развития.

Основная работа по отбору проектов была возложена на Советы по приоритетным направлениям научно-технологического развития РФ, которые в период 2019–2021 гг. рассмотрели 132 заявки, однако лишь пять проектов были согласованы Советом при Президенте РФ по науке и образованию и направлены в Минобрнауки России для представления в Правительство РФ. В свою очередь Правительством РФ были утверждены четыре проекта, реализация которых началась в 2022–2023 гг. Это проекты в сфере создания производства отечественных белковых компонентов для детских молочных смесей; создания экологических безопасных промышленных производств базовых высокотехнологических химических продуктов для разных отраслей промышленности; разработки и внедрения комплекса экологически чистых технологий в областях разведки и добычи твердых полезных ископаемых; создания новых композиционных материалов⁵. Основные цели, ожидаемые результаты и объемы финансирования реализуемых проектов отражены в *таблице 1*.

Приведенные данные свидетельствуют об общей направленности реализуемых проектов на импортозамещение, высоком уровне ожи-

даемых результатов и значительном объеме привлекаемого внебюджетного финансирования. Вместе с тем оценивать эффективность реализации этих проектов на данный момент довольно сложно, поскольку проекты прошли длительный процесс подписания двусторонних соглашений между всеми участниками проекта, финансирование первых трех проектов началось только в 2023 году, а четвертого – в 2024 году, причем в значительно меньших размерах, чем планировалось. По оценке экспертов ВЭБ, в утвержденной госпрограмме научно-технологического развития на текущий период финансирование КНТП сократилось до 2,3 млрд руб. в год (в 10 раз меньше первоначального паспорта нацпроекта «Наука»), что не позволяет рассматривать даже уже одобренные программы как мощные драйверы полного научно-технологического цикла (при том что возможность внебюджетного финансирования участниками КНТП, как правило, обеспечивается)⁶.

Если оценивать сложившийся алгоритм процедуры отбора и утверждения комплексных научно-технологических программ и проектов в целом, то нельзя не отметить ряд слабых мест. Одна из важнейших проблем состоит в том, что тематика КНТП формировалась «снизу» на основе предложений научно-исследовательских организаций и различных субъектов бизнеса, вне отстроенного процесса ее координации и увязки с целями и задачами развития основных секторов национальной экономики и промышленности, что не обеспечивает сквозного процесса разработки и реализации (вывода на рынок) перспективных технологических инноваций. Другими словами, процесс формирования комплексных научно-технологических проектов происходил вне логики общего процесса стратегического планирования. Предлагаемые проекты в основном были направлены на решение узкоотраслевых несистемных проблем отдельных секторов

⁵ Доклад о реализации государственной научно-технологической политики в Российской Федерации и о важнейших достижениях, полученных российскими учеными (2023). М.: РАН. С. 83–84.

⁶ Экономика научно-технологического прорыва и суверенитета. Межведомственная рабочая группа по технологическому развитию при Правительственной комиссии по модернизации и инновационному развитию; Институт исследований и экспертизы ВЭБ (2024). М.: РУДН. 140 с. URL: https://inveb-docs.ru/attachments/article/2024_04/Ekonomika-nauchno-tehnologicheskogo-proryva.pdf (дата обращения 20.04.2024).

Таблица 1. Реализуемые комплексные научно-технологические проекты полного инновационного цикла

Название проекта	Сроки реализации	Цели	Ожидаемые результаты	Объемы финансирования и структура (бюджет/внебюджет), млн руб.
1. Сухие молочные смеси	2021–2024	Разработка и внедрение в производство эффективных и экономичных комплексных технологических решений для промышленного получения углеводно-белкового компонента заменителей грудного молока для обеспечения детей первых 6 месяцев жизни отечественными адаптированными сухими молочными смесями	Создание российского производства углеводно-белковых компонентов заменителей грудного молока с улучшенными (по сравнению с западными аналогами, например ProLacta) характеристиками для изготовления заменителей грудного молока	1500 (300/1200)
2. Нефтехимический кластер	2022–2027	Импортозамещение и снижение экологической нагрузки на окружающую среду за счет научно-технической разработки и промышленного освоения комплексных экономически высокоэффективных и экологически совершенных нефтехимических технологических процессов и продуктов на их основе	Создание технологической базы и промышленное освоение нового поколения усовершенствованных комплексных и экологически совершенных нефтехимических процессов; получение 26 патентов и ноу хау; передача для внедрения 10 новых технологий; годовой оборот производства продукции, разрабатываемой в рамках КНТП, составит 16,9 млрд руб. и обеспечит до 2030 года более 16 млрд руб. бюджетных поступлений, что многократно превысит затраты бюджета на реализацию проекта	5080 (980/4100)
3. Чистый уголь – зеленый Кузбасс	2022–2026	Создание комплекса технологий, повышающих эффективность угледобычи и углепереработки, высокий уровень промышленной безопасности и экологии, снижающих риски профессиональных заболеваний, а также формирование эффективной системы управления исследованиями, инновациями, производством и выводом на рынок новых продуктов	Создание и внедрение систем и технологий, повышающих эффективность угледобычи и углепереработки, а также эффективной отработки трудноизвлекаемых запасов пластовых угольных месторождений; создание и внедрение технологии и оборудования повышения эффективности дегазации выбросоопасных угольных пластов; создание и внедрение комплексной технологии переработки отходов угледобычи и углепереработки с выделением редких и редкоземельных элементов и т. п.	3594 (1654,8/1949,1)
4. Новые композитные материалы	2023–2027	Обеспечение технологического суверенитета и научно-технологического лидерства страны путем создания передовых технологий производства композитных материалов и изделий из них для удовлетворения растущего спроса ключевых отраслей экономики Российской Федерации (атомная, транспортная и строительная отрасли, энергетика)	Разработка и внедрение в стратегических отраслях промышленности не менее 42 технологий, соответствующих тенденциям мирового рынка; обеспечение трансфера технологий в реальный сектор экономики и организация серийного производства широкой номенклатуры композитных материалов, их химических компонентов и изделий на их основе – 45 новых видов современной продукции с выручкой от их реализации 8,1 млрд руб. в 2030 г.	6797,6 (3398,8/3398,8)
Источник: составлено авторами на основе информации сайта https://kntr.ntp.ru/				

экономики и ориентированы на создание научно-технологических заделов, опытных образцов, без массового производственного освоения инновационных технологий. В частности, это подтверждают целевые установки и ожидаемые результаты четырех реализуемых проектов.

Нельзя не отметить, что поступившие на рассмотрение Советов по научно-технологическим направлениям проекты КНТП, как правило, имели слабую проработку вопросов финансового обеспечения, оценки перспективных рынков новой продукции, сроков окупаемости и т. п. Бизнес явно проявлял осторожность, продолжая жить в парадигме «все можно купить за рубежом», вместо того чтобы развивать производство на основе собственных разработок.

В организационном плане процесс отбора и согласования КНТП был многоступенчатым и излишне сложным, в результате слишком затянулся во времени. Также некоторые исследователи отмечали отсутствие юридически обязывающих документов, регламентирующих взаимоотношения сторон в процессе реализации КНТП; различия в уровне научно-технического задела; дефицит информации для оценки рисков и эффективности проекта или программы (Шепелев и др., 2021).

В целях преодоления выявленных недостатков в систему подготовки КНТП был внесен ряд поправок, которые нашли отражение в Указах Президента РФ от 15.03.2021 № 143 «О мерах по повышению эффективности государственной научно-технической политики» и № 144 «О некоторых вопросах Совета при Президенте Российской Федерации по науке и образованию». Данные указы должны были способствовать снятию выявленных барьеров на пути формирования КНТП и совершенствовать организационный механизм их подготовки и реализации, что, в свою очередь, должно было повысить эффективность взаимодействия государства, науки и бизнеса. Однако изменившаяся в 2022 году геополитическая и геоэкономическая обстановка в стране потребовала новых решений.

Новый этап формирования проектов полного инновационного цикла

В 2022 году с введением беспрецедентных санкций со стороны Запада в отношении России необходимость формирования сквозных проектов полного инновационного цикла еще

более возросла, однако этот процесс получил несколько иное содержательное наполнение. Ограничение экспорта в Российскую Федерацию из стран Запада широкого круга высокотехнологичной продукции, технологий и комплекствующих, ограничение поставок и обслуживания программного обеспечения было в первую очередь направлено на сдерживание технологического и экономического развития России с целью усиления ее отставания от стран – технологических лидеров.

Ситуация осложнялась произошедшей в постсоветский период деградацией производственного и научно-технологического потенциала в большинстве гражданских отраслей отечественной промышленности, результатом чего стала высокая зависимость различных секторов российской экономики (до 70–80%) от импорта технологий и оборудования, программного обеспечения. Так, по расчетам РАНХиГС, накануне 2022 года станкостроение было импортозависимо на 95,3%, микроэлектроника – на 92%, фармацевтика – на 87,9%, химическая промышленность – на 53%, судостроение – на 64,7%, медпромышленность – на 60,1%, авиастроение – на 52,8%⁷. В условиях усиления санкционного давления такая зависимость формирует угрозу нарастания новой волны масштабного сокращения производственных мощностей и объемов выпуска в различных секторах российской экономики.

Свидетельством понимания Правительством РФ необходимости скорейшего преодоления технологической зависимости стало утверждение *Концепции технологического развития на период до 2030 года* (распоряжение Правительства РФ №1315-р от 20.05.2023; далее – Концепция), которая должна была актуализировать принятую в 2016 году Стратегию научно-технологического развития Российской Федерации. В документе подчеркивалось, что в качестве основных вызовов и угроз для России в текущем десятилетии выступает ее отставание от наиболее развитых стран в темпах инновационно ориентированного экономического роста, что определяется низкой мотивацией разработчиков технологических решений к созданию соответствующих производств, слабой защищенностью технологических предпри-

⁷ Ведомости. 19.03.2024.

нимателей, недостатком финансовых ресурсов и относительно небольшой емкостью внутреннего рынка высокотехнологичной продукции, а также нарушением функционирования производственных систем (разрыв производственных цепочек) под воздействием санкционных ограничений в области технологий. Подчеркивалось, что в условиях высокой зависимости от импорта машин и оборудования возникает «угроза деградации производственных систем в широком круге отраслей»⁸.

Для преодоления сложившихся вызовов научно-технологическому развитию страны Концепция предусматривает переход к новому этапу технологического развития российской экономики, целевой установкой которого становится достижение технологического суверенитета на основе собственных линий разработки наукоемких технологий и организации про-

изводств на их основе. Речь идет о достижении к 2030 году трех ключевых целей (табл. 2).

Прежде всего речь идет о достижении технологического суверенитета в сфере критических технологий для различных секторов национальной экономики, где предполагается достичь паритета со странами-лидерами; а также в сфере сквозных технологий, где поставлена более амбициозная задача – достичь технологического лидерства. Однако в условиях существующих жестких ограничений в финансовых, кадровых и материальных ресурсах, а также в области научных заделов решить поставленную задачу невозможно без формирования системы научно-технологических приоритетов, определяющих группы технологий, критически значимых для развития реального сектора экономики и обеспечения устойчивого экономического роста страны.

Таблица 2. Ключевые цели обеспечения технологического суверенитета России

№	Цель	Показатели достижения цели к 2030 году
1.	Обеспечение национального контроля над воспроизводством критических и сквозных технологий	Достигнутый уровень технологического суверенитета по видам продукции; достигнутый уровень развития критических и сквозных технологий (в соответствии с установленным перечнем); снижение коэффициента технологической зависимости в 2,5 раза; рост внутренних затрат на исследования и разработки (в сопоставимых ценах) не менее чем на 45 процентов
2.	Переход к инновационно ориентированному экономическому росту, усиление роли технологий как фактора развития экономики и социальной сферы	Рост уровня инновационной активности организаций в 2,3 раза; рост затрат на инновационную деятельность (в сопоставимых ценах) в 1,5 раза; рост объема инновационных товаров, работ, услуг (в сопоставимых ценах в 1,9 раза); рост числа патентных заявок в 2,4 раза; увеличение числа зарегистрированных крупных технологических компаний в 5 раз, в том числе малых – в 2,3 раза; увеличение темпа роста частных инвестиций в малые технологические компании в 3 раза
3.	Технологическое обеспечение устойчивого функционирования и развития производственных систем	Рост несырьевого неэнергетического экспорта (в сопоставимых ценах в 1,5 раза); увеличение доли организаций обрабатывающей промышленности, осуществляющих технологические инновации (в 1,6 раза); увеличение доли высокотехнологичной промышленной продукции, произведенной на территории Российской Федерации, в общем объеме потребления такой продукции (до 75 процентов); достижение удельного веса товаров, произведенных с использованием наилучших доступных технологий (до 100 процентов на промышленных объектах, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду, отнесенных к I категории)
Составлено по: Концепция технологического развития на период до 2030 г. (распоряжение Правительства РФ №1315-р от 20.05.2023).		

⁸ Экономика научно-технологического прорыва и суверенитета. Межведомственная рабочая группа по технологическому развитию при Правительственной комиссии по модернизации и инновационному развитию; Институт исследований и экспертизы ВЭБ (2024). М.: РУДН. 140 с. URL: https://inveb-docs.ru/attachments/article/2024_04/Ekonomika-nauchno-tehnologicheskogo-proryva.pdf (дата обращения 20.04.2024).

Достижение всех трех обозначенных в Концепции целей предусматривается на основе активизации инструментов проектного подхода — разработки и реализации «проектов технологического суверенитета», под которыми подразумеваются «проекты полного инновационного цикла по производству высокотехнологичной продукции на основе собственных линий разработки с использованием критических и сквозных технологий, охватывающие все стадии инновационного цикла, включая кадровые и регуляторные аспекты» (Васецкая, 2020). Однако, чтобы эти проекты реально были направлены на обеспечение технологического суверенитета, необходима серьезная проработка *научно-методических подходов* к их формированию.

Реализация комплексного подхода к формированию экономики полного инновационного цикла предполагает, прежде всего, формирование приоритетных *проектов технологического суверенитета* в ключевых отраслях экономики, которые должны включать в себя охват всего жизненного цикла создания и использования сквозных и критических технологий и продукции на их основе — от стадии проведения НИОКР до массового внедрения результатов в промышленное производство. Следует отметить, что именно в расширении границ инновационного цикла состоит принципиальное отличие проектов технологического суверенитета, закрепленное в Концепции, от комплексных научно-технологических программ и проектов, которые разрабатывались в рамках Правил в 2019–2021 гг. Следовательно, проекты технологического суверенитета должны содержать развернутую инвестиционную составляющую по созданию новых или реконструкции имеющихся производственных мощностей, необходимых для масштабного освоения выпуска новых видов продукции.

Вместе с тем для получения статуса проекта технологического суверенитета проект должен удовлетворять определенным требованиям и критериям, которые закреплены в Постановлении Правительства РФ № 603 «Об утверждении приоритетных направлений проектов технологического суверенитета и проектов структурной

адаптации экономики Российской Федерации»⁹ и в Положении об условиях отнесения проектов к проектам технологического суверенитета и проектам структурной адаптации экономики Российской Федерации. Такие проекты будут обеспечены мерами государственной поддержки, в том числе в части инвестиционного обеспечения.

О научно-методологических подходах к разработке и реализации проектов технологического суверенитета

Исходным и стержневым элементом всей системы управления научно-технологическим развитием является определение (и периодическое уточнение) технологических приоритетов. Согласно Концепции, источником формирования технологических приоритетов в части сквозных технологий выступает научный прогноз (форсайт); в части критических технологий — потребности страны в производстве системно значимых видов высокотехнологичной продукции, таких как микроэлектроника, станки и оборудование, турбины и т. д.¹⁰ Уместно напомнить, что разработка долгосрочного прогноза научно-технологического развития предусмотрена ФЗ № 172 «О стратегическом планировании в Российской Федерации». Как и долгосрочный прогноз социально-экономического развития, он должен составлять основу для всей системы документов стратегического планирования. Отметим, что последний раз такой прогноз был разработан в 2014 году и с тех пор не обновлялся. Вместе с тем разработка (или актуализация) долгосрочного прогноза научно-технологического развития должна быть органично встроена в общий цикл формирования всего пакета документов стратегического планирования и учитывать не только сложившиеся мировые тренды, но и ситуацию в российской экономике, как в контексте сло-

⁹ Об утверждении приоритетных направлений проектов технологического суверенитета и проектов структурной адаптации экономики Российской Федерации: Постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2023 г. № 603.

¹⁰ Концепция технологического развития на период до 2030 г.: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20 мая 2023 г. № 1315-р. URL: <http://government.ru/docs/all/147621/> (дата обращения 15.01.2024).

жившегося уровня технологического развития основных секторов экономики, так и общих задач и направлений социально-экономического развития страны (Ленчук, 2023). В таком контексте целесообразно дополнить прогноз результатами технологического аудита важнейших секторов российской экономики с точки зрения их соответствия передовым достижениям технологического прогресса и оценки степени их зависимости от импортных технологий.

На основе такого анализа и прогноза должны быть сформированы предложения по разработке перспективных сквозных технологий (может осуществляться в формате «Национальной технологической инициативы»), а также предложения по набору первоочередных критических технологий, необходимых для развития важнейших секторов национальной экономики, формирующих основу для разработки проектов технологического суверенитета. Отметим, что в Постановлении Правительства РФ от 15 апреля 2023 г. № 603 «Об утверждении приоритетных направлений проектов технологического суверенитета и проектов структурной адаптации экономики Российской Федерации» содержится перечень таких технологий, однако не ясен генезис их формирования. Остается открытым формат и масштаб их реализации при отсутствии актуализированных для новых условий стратегий развития соответствующих отраслей промышленности.

Запуск и успешная реализация проектов технологического суверенитета требуют проработки целого ряда организационных вопросов, включая порядок формирования проектов, выбор квалифицированных заказчиков и головных исполнителей, определение требований к организациям, участвующим в реализации проектов; порядок мониторинга и контроля над реализацией, формирование требований к технологическим картам и паспортам такого проекта.

Следует отметить, что подход к организации процесса формирования и реализации проектов технологического суверенитета может осуществляться в двух форматах: во-первых, централизованном, когда на государственном уровне определяются квалифицированные заказчики и головные исполнители, а отношения между головными исполнителями и исполнителями выстраиваются в формате государственных

заказов. Другой формат — децентрализованный, при котором выбор головного исполнителя проекта происходит на конкурсной основе, в дальнейшем формируется открытая платформа для желающих участвовать в реализации проекта на договорной основе.

И в том, и в другом случае важнейшая задача головного исполнителя — сформировать кооперационную цепочку полного инновационного цикла по разработке критических технологий и производству высокотехнологичной продукции, в рамках которой на договорной основе будут объединены все организации — участники реализуемого проекта. Также для участников цепочки предусмотрена возможность объединения в консорциумы или холдинги. В зоне особой ответственности головного исполнителя находится научно-технологическое обеспечение проекта, в связи с этим в рамках проекта он может формировать заказ на исследования и разработку соответствующих технологий.

Один из центральных вопросов, который должен быть определен уже на стадии формирования проекта, — это ресурсное обеспечение. В плане финансового обеспечения проекты технологического суверенитета могут поддерживаться за счет как бюджетных, так и внебюджетных средств.

Говоря о бюджетном финансировании проектов технологического суверенитета, важно отметить, что финансовые затраты на их выполнение должны в приоритетном порядке закладываться уже на стадии формирования федерального бюджета на следующий год и соответствующий плановый период. Также проекты технологического суверенитета могут выполняться в рамках инвестиционных проектов, включенных в соответствующий реестр таких проектов.

Финансовое обеспечение проектов технологического суверенитета в сфере сквозных технологий, имеющих высокую долю научно-исследовательской составляющей, может осуществляться на основе *грантового финансирования* в виде субсидий из федерального бюджета на выполнение научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ при условии внебюджетного софинансирования не менее 50% от общего объема финансового обеспече-

ния комплексного проекта. В связи с этим целесообразно опираться на упомянутые выше Правила предоставления грантов в форме субсидий из федерального бюджета на реализацию комплексных научно-технических программ полного инновационного цикла и комплексных научно-технических проектов полного инновационного цикла, утвержденные Постановлением Правительства РФ № 1439 от 15 сентября 2020 г.

В соотношении проектов технологического суверенитета, направленных на создание критических технологий, механизмы финансового обеспечения могут быть более разнообразными. Наряду с выделением субсидий из федерального бюджета для выполнения проекта могут привлекаться средства частных компаний, финансовых институтов развития.

В целях привлечения внебюджетного финансирования государство также создает определенные льготные условия для бизнеса. В частности, в упомянутом выше Постановлении Правительства РФ № 603 утвержден перечень проектов, отвечающих требованиям технологической таксономии, то есть структурированных под решение задач обеспечения технологического суверенитета и структурной адаптации экономики. Для них предусматривается возможность получения банковских кредитов по более привилегированным ставкам за счет понижения коэффициентов риска¹¹. Это должно позволить привлечь к кредитованию проектов технологического суверенитета средства отечественного банковского сектора, который при совокупном объеме активов около 120 трлн руб. (76% от всего объема активов финансового рынка страны) направляет на инвестиционные кредиты не больше 2 трлн руб. (Аганбегян, 2022).

Банк России принял собственные нормативные документы, регламентирующие применение специальных мер по поддержке проектов технологического суверенитета. По оценке регулятора, нагрузка на капитал в результате применения специальных мер может быть снижена

¹¹ Об утверждении приоритетных направлений проектов технологического суверенитета и проектов структурной адаптации экономики Российской Федерации: Постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2023 г. № 603.

от 10 до 70% стандартной величины кредитного риска по ссуде в зависимости от категории проекта и качества ссуды. Банк России оценивает возможный общий прирост суммы кредитования за счет таксономии проектов до 10 трлн руб. Уменьшение коэффициентов риска по проектам должно обеспечить снижение ставки кредитования на 0,5–1 п. п. по сравнению с рыночной ставкой. Вместе с тем нельзя не присоединиться к мнению ряда исследователей, отмечающих, что такое снижение ставки кредитования в условиях, когда фактическая ставка доходит до 20% и выше, вряд ли способно обеспечить необходимую экономическую привлекательность для проектов технологического суверенитета (Николаев, 2023).

В действительности рост ключевой ставки в России сократил для банков стимулы вкладываться в проекты технологического суверенитета — «экономия» нагрузки на капитал, которую кредиторы могут получить при предоставлении финансирования в рамках таксономии, нивелируется возросшей стоимостью денег на рынке. По прогнозу ВЭБ, за второй год действия таксономии (в 2024 г.) объем финансирования составит 350–400 млрд руб. Ранее предполагалось, что после запуска инструмента таксономии стимулирующие меры по формированию кредитного портфеля для проектов технологического суверенитета позволят уже в первый год привлечь 1–2 трлн руб.¹²

В настоящее время особую роль в формировании и реализации проектов технологического суверенитета играет ВЭБ, который выполняет функции по ведению реестра проектов, соответствующих требованиям таксономии проектов технологического суверенитета. На начало 2024 года в такой реестр были включены 11 проектов, кредитуемых на особых условиях, общая сумма кредитов составила 234 млрд руб.¹³ Наибольшая часть отобранных проектов технологического суверенитета связана с машиностроением, судостроением и портовой инфраструктурой, остальные проекты достаточно разнородные, касаются приборостроения, энергетики и инфраструктуры.

¹² URL: https://www.rbc.ru/finances/17/06/2024/666c46609a7947be98fa25af?from=from_main_1

¹³ URL: <https://www.rbc.ru/economics/22/12/2023/6582d8c79a7947bea7950a13?ysclid=lsn6bv7tgm660792629>

Наряду с таксономией потенциально эффективными кредитно-финансовыми инструментами, направленными на увеличение объемов капиталовложений в проекты технологического суверенитета, могут стать такие новые меры государственной поддержки частного бизнеса, как кластерная инновационная платформа, фабрика проектного финансирования и т. п. (Соколов, Филатов, 2023). В частности, инструмент «фабрики проектного финансирования», когда денежные кредиты выделяются на основании договоров синдицированного кредита с участием коммерческих банков, уже используется в практике кредитования проектов технологического суверенитета. При этом в некоторых случаях сам ВЭБ выступает в роли управляющего в рамках синдиката, одновременно предоставляя кредитные средства заемщикам. К настоящему времени ВЭБ финансирует три проекта на общую сумму 79 млрд руб.¹⁴

Представляется, что выстраивание полноценного взаимодействия инструментов между собой позволяет существенно снизить стоимость кредитных средств, привлекаемых для реализации проектов технологического суверенитета, повысить активность со стороны частных инвесторов и банковского сектора в инвестиционном процессе.

Заключение

Предложенные в рамках данного исследования основные научно-методические подходы к формированию и реализации проектов технологического суверенитета, как важнейших инструментов нового этапа научно-технологического развития России, определяют лишь общий контур этого процесса и, несомненно, нуждаются в дальнейшей конкретизации. Успех дела во многом будет зависеть от системной работы со стороны всех участников этого процесса, а также от качества управленческих решений в данной сфере, принимаемых органами государственной власти.

Представляется чрезвычайно важным не только определить приоритетные направления, по которым должны формироваться проекты технологического суверенитета, но и довести их до конкретных проектов в рамках сквозной научно-технологической и инновационной вертикали. Как отмечалось выше, отбор прио-

ритетов и проектов должен базироваться на качественных прогнозах и технологическом аудите отраслей промышленности. При этом нельзя не отметить, что заявленные в Концепции требования к проектам технологического суверенитета в плане обеспечения паритета или лидерства по технологиям с ведущими странами сегодня могут выглядеть чрезмерно амбициозными. В условиях жесткого санкционного давления для России может стать чрезвычайно актуальной реализация менее амбициозных научно-технологических проектов, обеспечивающих устойчивое функционирование российской экономики. Кроме того, необходимость ранжировать проекты по степени важности и актуальности диктуется существующими бюджетными ограничениями в текущей ситуации, а также другими ресурсными ограничениями, в том числе кадровыми. Не менее важным вопросом остается формирование эффективной системы инструментов поддержки проектов технологического суверенитета.

В организационно-методологическом плане должен быть решен вопрос об уполномоченных органах исполнительной власти, обеспечивающих разработку и реализацию проектов полного инновационного цикла. Для проектов, связанных с разработкой сквозных технологий, такими органами могут стать Минобрнауки России, профильные министерства и госкорпорации; для проектов в сфере критических технологий – Минпромторг России, госкорпорации. Вместе с тем для системного и комплексного управления проектами технологического суверенитета в перспективе целесообразно создать постоянно действующий надведомственный орган, курирующий эту работу. В советское время такие функции выполнял Государственный комитет по науке и технике, объединяющий работу всех ведомств и принимающий комплексные решения.

Для эффективного взаимодействия всех участников проекта полного инновационного цикла актуальным, безусловно, является вопрос о создании специальной информационно-аналитической цифровой платформы, обеспечивающей сквозное сопровождение проекта, мониторинг и контроль реализации всех его этапов от разработки до внедрения продукта в производство. На платформе должна аккумулироваться вся информация о ходе выполнения проекта, отражаться сводная отчетность по его реализации.

¹⁴ URL: <https://www.rbc.ru/economics/22/12/2023/6582d8c79a7947bea7950a13?ysclid=lsn6bv7tgm660792629>

Литература

- Аганбегян А.Г. (2022). Топтание на месте // Национальный банковский журнал. № 9. С. 6–9.
- Белоусов Д.Р. (2023). Глобальные технологические тренды 2022–2040 годов // Горизонт 2040. С. 88–157. URL: https://files-ice.asi.ru/iblock/165/1651b72732529007ed6831769707d3f7/Block_Gorizont_web_p_0208.pdf (дата обращения 20.01.2024).
- Васецкая Н.О. (2020) Анализ подходов к определению инновационного цикла с точки зрения получения макроэкономического результата // Вектор науки ТГУ. Серия: Экономика и управление. № 3. С. 18–23. DOI: 10.18323/2221-5689-2020-3-18-23
- Васецкая Н.О., Федотов А.В. (2020). Анализ проблем реализации и оценки результативности научно-технических программ полного инновационного цикла // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». Т. 18. № 3. С. 5–16. DOI: 10.24147/1812-3988.2020.18(3).5-16
- Голиченко О.Г. (2006). Национальная инновационная система России: состояние и пути развития. М.: Наука. 396 с. URL: <https://new.ras.ru/upload/uf/cc5/w4i817fegw3kxoj1moze0ffoqstv1oro.pdf> (дата обращения 20.01.2024).
- Клепач А.Н. (2023). Экономика науки и технологический суверенитет. URL: https://inveb-docs.ru/attachments/article/2023_12/Ekonomika_znaniy.pdf (дата обращения 22.02.2024).
- Ленчук Е.Б. (2023). Основные контуры научно-технологической политики России в условиях внешних ограничений // Экономическое возрождение России. № 3. С. 16–24. DOI: 10.37930/1990-9780-2023-3-77-16-24
- Николаев И.А. (2023). Проекты технологического суверенитета: возможности и ограничения // Мир перемен. № 4. С. 26–39. DOI: 10.51905/2073-3038_2023_4_26
- Симачев Ю.В., Кузык М.Г. (2021). Взаимодействие российского бизнеса с наукой: точки соприкосновения и камни преткновения // Вопросы экономики. № 6. С. 103–138. DOI: 10.32609/0042-8736-2021-6-103-138
- Соколов А.Б., Филатов В.И. (2023). Новые инструменты поддержки проектов технологического суверенитета // Мир новой экономики. Т. 17 (3). С. 91–108. DOI: 10.26794/2220-6469-2023-17-3-91-108
- Хайруллин Р.А. (2011). Этапы инновационного процесса // Фундаментальные исследования. № 12. С. 809–813.
- Хлебников К.В. (2016). Параметры инновационного цикла высокотехнологичного предприятия: этапы, стоимость, длительность, персонал // Экономические науки. № 10 (143). С. 23–27.
- Шепелев Г.В., Миронов Н.А., Сергеев М.В., Сергеев И.М. (2021). КНТП: уроки реализации первого этапа и дальнейшие перспективы // Инноватика и экспертиза. Вып. 2 (32). С. 101–120. DOI: 10.35264/1996-2274-2021-2-101-120
- Юревич М.А. (2023). Технологический суверенитет России: понятие, измерение, возможность достижения // ВТЭ. № 4. С. 19 DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_4_7_21
- Freeman C. (Ed.). (1996). *Long Wave Theory*. Cambridge, UK: The International Library of Critical Writings in Economics.
- Groot B., Franses P. (2005). *Cycles in Basic Innovations. Econometric Institute Report 2005-35*. Rotterdam. Available at: <https://core.ac.uk/download/pdf/18507942.pdf>
- Perez C. (2002). *Technological Revolutions and Financial Capital: The Dynamics of 26 Bubbles and Golden Ages*. Cheltenham, UK: Edward Elgar Publishing.

Сведения об авторах

Елена Борисовна Ленчук — доктор экономических наук, руководитель научного направления, Институт экономики РАН (117218, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский пр., д. 32; e-mail: lenalenchuk@yandex.ru)

Владимир Иванович Филатов — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт экономики РАН (117218, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский пр., д. 32; e-mail: filatov.vladshimir@yandex.ru)

Lenchuk E.B., Filatov V.I.

Technological Sovereignty Projects as a Tool for Innovative Development of the Russian Economy

Abstract. Currently, in the new geopolitical context and amid external restrictions imposed by the West, the achievement of technological sovereignty is becoming the most important feature of a new emerging development model for Russia. In this regard, there is a need to find new and most effective ways and tools to address this problem. Our work considers the issue of implementing the project approach and the transition to a full innovation cycle economy through the formation of technological sovereignty projects that are pointed out as the main tool for ensuring technological independence as stated in the Concept for Technological Development of the Russian Federation up to 2030. Special attention is paid to the development of scientific and methodological approaches to the formation of such a tool in the context of analyzing the existing accumulated experience in the implementation of projects of a full innovation cycle, primarily comprehensive scientific and technological programs and projects implemented in the light of the objectives contained in the Strategy for Scientific and Technological Development of the Russian Federation adopted in 2016. We point out the importance of defining the boundaries of the full innovation cycle, which is interpreted by researchers in different ways. Since technological sovereignty projects are designed to turn into a tool for building their own reproduction chains, they should not end with the introduction of new technology; rather, they should enter mass production and contain a detailed investment component for the creation and reconstruction of production facilities. In this regard, we analyze the procedure for selecting priority areas for the development of technological sovereignty projects and their resource provision; we assess the effectiveness of state tools for supporting such projects; and propose measures to improve the organization of the process of formation and implementation of technological sovereignty projects. The implementation of the package of measures we put forward should help accelerate scientific and technological development and reduce Russia's technological dependence.

Key words: technological sovereignty, full innovation cycle, innovative development model, national innovation system, critical and end-to-end technologies, integrated scientific and technological programs, technological sovereignty projects.

Information about the Authors

Elena B. Lenchuk – Doctor of Sciences (Economics), head of research direction, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (32, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117218, Russian Federation; e-mail: lenalenchuk@yandex.ru)

Vladimir I. Filatov – Candidate of Sciences (Economics), Leading Researcher, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (32, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117218, Russian Federation; e-mail: filatov.vladshimir@yandex.ru)

Статья поступила 08.05.2024.

DOI: 10.15838/esc.2024.3.93.5

УДК 339.564, ББК 65.428.2

© Якушев Н.О., Устинова К.А., Кочнев А.А.

Импортозамещение как фактор развития отечественных цифровых технологий

**Николай Олегович
ЯКУШЕВ**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация
e-mail: yakushev.n.o@gmail.com
ORCID: 0000-0003-4255-4493; ResearcherID: I-8530-2016

**Ксения Александровна
УСТИНОВА**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация
e-mail: ustanova-kseniya@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-6198-6462; ResearcherID: I-8164-2016

**Алексей Александрович
КОЧНЕВ**

Агентство мониторинга и социологических исследований
Вологда, Российская Федерация
e-mail: alexeykochnev@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4483-1776; ResearcherID: GLS-4650-2022

Для цитирования: Якушев Н.О., Устинова К.А., Кочнев А.А. (2024). Импортозамещение как фактор развития отечественных цифровых технологий // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 3. С. 82–101. DOI: 10.15838/esc.2024.3.93.5

For citation: Yakushev N.O., Ustinova K.A., Kochnev A.A. (2024). Import substitution as a factor in the development of domestic digital technology. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 17(3), 82–101. DOI: 10.15838/esc.2024.3.93.5

Аннотация. Согласно мировым трендам развития экономики, цифровые технологии выступают необходимым фактором повышения конкурентоспособности, производительности труда, снижения расходов ресурсов и оптимизации бизнес-процессов. В России их становление выступает одним из драйверов для экономики. Вследствие изменения геополитической ситуации с 2022 года начался уход с российского рынка крупных иностранных компаний, работающих в сфере цифровизации. Это актуализировало проблему импортозамещения (разработки собственных цифровых и информационных технологий) как на государственном, так и корпоративном уровне. Решение вопроса импортозамещения позволит не только сократить импорт, но и увеличить производство высокотехнологичных товаров, поддержать отечественных производителей. В связи с этим цель исследования заключается в определении барьеров и возможностей импортозамещения цифровых технологий в России. На основе систематизации и обзора научных работ в сфере импортозамещения выделены подходы к его реализации. В рамках статьи обоснована необходимость в условиях российской действительности реализации подхода, направленного на создание новых отраслей и секторов по разработке и производству цифровых технологий на основе оценки специфики импорта и экспорта. Проведен анализ объемов высокотехнологичного экспорта России в международном сравнении. Дана оценка высокотехнологичной экспортной траектории субъектов Российской Федерации по товарным группам, обеспечивающим цифровизацию. Выделены тенденции, проблемы импортозамещения в сфере цифровизации. Исследованы меры поддержки и особенности государственной политики импортозамещения в сфере цифровых технологий и разработок. В результате проведенного исследования разработан инструментарий, направленный на поддержку развития отечественных цифровых технологий на базе импортозамещения. При его использовании становится возможным представить вклад экономических субъектов и его специфику в сфере информационных технологий. Подготовлены предложения по формированию стратегии импортозамещения в сфере цифровых технологий с учетом отраслевых особенностей. Результаты исследования могут применяться органами государственной власти субъектов РФ в сфере цифровизации.

Ключевые слова: импортозамещение, отечественные разработки, цифровые технологии, развитие, территории.

Благодарность

Статья подготовлена в рамках государственного задания № FMGZ-2022-0002 «Методы и механизмы социально-экономического развития регионов России в условиях цифровизации и четвертой промышленной революции».

Введение

Быстрые темпы научно-технического прогресса в мире диктуют необходимость изменения принципов ведения хозяйства. Одним из самых актуальных мировых трендов развития экономики на сегодняшний день является цифровая трансформация. В Йоханнесбургской декларации – II, принятой на состоявшемся саммите БРИКС в 2023 году, обозначается «активная роль цифровой экономики в содействии глобальному экономическому росту»¹,

а также роль цифровизации в сфере образования и культуры стран БРИКС.

В России процесс цифровой трансформации регулируется в первую очередь Указом Президента РФ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года»², в котором установлено достижение «цифровой зрелости» ключевых отраслей экономики и социальной сферы, в том числе здравоохранения и образования, а также государственного управле-

¹ Йоханнесбургская декларация – II. URL: <chrome-extension://efaidnbnmnibpcjpcglclefindmkaj/https://d-russia.ru/wp-content/uploads/2023/08/bricsdeclaration-2023.pdf>

² Указ о национальных целях развития России до 2030 года. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63728>

ния. Наряду с этим обозначается рост вложений до 2030 года в отечественные информационные технологии в четыре раза по сравнению со значением показателя 2019 года. Кроме того, с 2019 года на территории страны реализуется национальный проект «Цифровая экономика»³, нацеленный на создание и поддержку информационной инфраструктуры, а также внедрение цифровых технологий в производство и государственное управление. Еще одним документом, регламентирующим цифровую трансформацию, выступает Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы.

Усиление актуальности вопросов, связанных с цифровизацией, обусловлено и необходимостью решения задачи в области импортозамещения в условиях ухудшения внешней среды, а именно применения санкций со стороны ведущих экономик мира (Европы, США, Канады, Австралии) к Российской Федерации. Именно на фоне жесточайшей конкуренции и внешних ограничений должны быть активизированы возможности импортозамещения в сфере цифровых технологий не только на страновом, но и на региональном уровне.

Ключевую роль в обеспечении цифровой трансформации играют внедрение и дальнейшее использование цифровых технологий. Под цифровыми технологиями здесь и далее в исследовании понимаются технологии сбора, хранения, обработки, поиска, передачи и представления данных в электронном виде.

Цифровая трансформация осуществляется и на региональном уровне. До сентября 2021 года всеми субъектами РФ во исполнение пункта 2 перечня поручений Президента Российской Федерации от 31 декабря 2020 года № Пр-2242⁴ были утверждены региональные стратегии цифровой трансформации ключевых отраслей экономики, социальной сферы, государственного управления.

Реализация цифровой трансформации может происходить как за счет импорта цифровых технологий, так и за счет внедрения и исполь-

зования цифровых технологий, созданных на территории России. Развитие отечественных цифровых технологий имеет целый ряд преимуществ:

- во-первых, позволяет решить вопрос информационной безопасности;
- во-вторых, обеспечивает экономическую независимость от иностранных контрагентов;
- в-третьих, способствует созданию новой отрасли производства.

Вместе с тем развитие цифровых технологий только лишь за счет процессов импортозамещения может быть связано с некоторыми отрицательными последствиями, а именно с возникновением искусственных ограничений на рынке. Речь идет об отсутствии необходимого ассортимента и других предложений, возможности выбора, что в итоге может способствовать формированию копинг-стратегии в сфере цифровых технологий⁵.

В 2022 и 2023 гг. импортозамещение и цифровой суверенитет стали оказывать влияние на рынок ИТ в России. До этого большинство отечественных предприятий использовали зарубежные технологии и сервисы, в связи с чем приоритетным является переход на российское оборудование и программное обеспечение. Уход большинства крупных поставщиков информационных технологий и оборудования с российского рынка привел к необходимости развития отечественных разработок и увеличения объема инвестиций в эту отрасль. При этом драйвером для развития собственных продуктов в сфере информационных технологий стал не только спрос со стороны бизнеса, которого лишили возможности выбора ИТ-продукта, но и государство, которое потребовало разработки российского программного обеспечения для нужд официальных структур.

В подобных условиях крайне важно определить наиболее перспективные направления импортозамещения цифровых технологий и сконцентрировать на них имеющиеся в распоряжении финансовые ресурсы (Зимовец, Климачев, 2022; Глазьев, Ткачук, 2023; Крылова, 2023).

⁵ Подавление конкурирующей деятельности.

³ Цифровая экономика РФ. URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/>

⁴ Перечень поручений Президента Российской Федерации от 31 декабря 2020 года. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/64859/print>

В связи с этим цель исследования состоит в определении барьеров и возможностей импортозамещения цифровых технологий в России. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1) проанализировать отечественный опыт, касающийся развития импортозамещения цифровых технологий;

2) обобщить перспективные направления импортозамещения цифровых технологий в России;

3) определить тенденции и проблемы импортозамещения в сфере цифровой трансформации и информационных технологий, которые оказывают влияние на развитие цифровых технологий;

4) выделить приоритетные направления поддержки в сфере информационных технологий и особенности осуществления государственной политики импортозамещения для развития цифровых технологий и разработок.

Гипотеза исследования заключается в предположении, что развитие цифровых технологий возможно через политику импортозамещения, которая реализуется на основе стимулирования производства конкурентоспособных высокотехнологичных товаров мирового уровня в стране и регионах, что может позволить создать новые и развивать существующие высокотехнологичные отраслевые направления в условиях цифровой экономики.

Теоретические аспекты исследования

В данном исследовании под импортозамещением понимается определенная экономическая стратегия, главной целью которой является защита производителей внутри страны за счет замещения импортных промышленных товаров, услуг и технологий продуктами национального производства. Цель внедрения процессов импортозамещения заключается в повышении конкурентоспособности продукции, производимой внутри страны. Достижению этой цели способствует стимулирование процессов модернизации бизнеса и увеличения производительности предприятий. Помимо этого, важно создавать и внедрять принципиально новые технологии производства продукции с высокой добавленной стоимостью (Березнев, Кульпина, 2022; Боробов, Миндлин, 2022; Mo et al., 2021).

В России политику импортозамещения учёные-экономисты разделяют на три направления. Первое направление заключается в увеличении объема реализованных на внутреннем рынке готовых отечественных товаров и услуг посредством снижения или замедления роста продаж аналогичной импортной продукции (Гулин и др., 2015; Готовский, 2021; Абдикеев, 2022; Irwin, 2021; Zhang et al., 2023). Реализация этого направления предполагает освоение новых видов продукции; повышение конкурентоспособности производимой в стране продукции; наращивание объема внутреннего производства; стимулирование производства продовольствия в условиях контрсанкций (Готовский, 2021; Глазьев, 2022; Глазьев, Ткачук, 2023).

Второе направление связано с увеличением в структуре выпускаемой продукции доли произведенных на территории Российской Федерации комплектующих, сырья и материалов для последующего производства отечественной продукции на их основе, а также со стимулированием спроса на нее. Помимо этого, оно заключается в стимулировании спроса на подобные товары (Готовский, 2021; Гулин и др., 2015; Зимовец, Климачев, 2022). К этому направлению относятся размещение, связанное с операциями технологического характера; замена сырья и материалов импортного происхождения отечественными аналогами; углубление промышленной кооперации (Болдина и др., 2022; Боробов, Миндлин, 2022; Руденко и др., 2022; Хоменко и др., 2022; Bottega, Romero, 2021).

В рамках третьего направления идет речь о так называемом экспортоориентированном импортозамещении. Оно основано на активном содействии проведению мероприятий по импортозамещению, при которых продукция, характеризующаяся большей локализацией, реализуется как на внутреннем, так и на внешнем рынках, т. е. одновременно продается внутри страны и экспортируется (Гулин и др., 2015; Готовский, 2021; Ленчук, 2022; Макарычева, 2022; Крылова, 2023; Zhou, Fan, 2023). При этом за счет повышения локализации и более высокой добавленной стоимости, создаваемой предприятиями, достигается дополнительный эффект для российской экономики в целом. Это может способствовать росту экономики и

позволит преодолеть низкую динамику внешнего спроса (Абдикеев, 2022; Готовский, 2021; Зимовец, Климачев, 2022; Кривенко, Епанешникова, 2020; Rodrigues, 2010; Carrasco, Tovar-García, 2021).

В ряде научных работ рассматриваемые вопросы развития импортозамещения высокотехнологического сектора и цифровых технологий в России в новых экономических условиях включают следующие моменты:

— в условиях внешнего давления государство делает ставку на технологический суверенитет, то есть внедрение и тиражирование российских технологий и их использование при создании новых промпредприятий и выпуске серийной продукции (Абдикеев, 2022; Глазьев, 2022; Лымарь и др., 2022); при этом речь идет не только об импортозамещении, но и о производстве конкурентоспособной продукции по сравнению с западными аналогами (Гулин и др., 2015; Дубков, Носков, 2022; Зимовец, Климачев, 2022);

— подчеркивается, что успех в достижении технологического суверенитета во многом зависит от поддержки малых и средних высокотехнологических компаний, а также от доступности финансирования для них (Болдина и др., 2022; Борохов, Миндлин, 2022; Хоменко и др., 2022); однако стоит отметить, что венчурный рынок в России пока находится на ранней стадии развития, для дальнейшего рывка необходима поддержка государства, которое возьмет на себя риски (Кузнецова, Цедилин, 2019; Макарычева, 2022; Шавтикова и др., 2022; Мепон, 2023);

— утверждается, что необходимость масштабного импортозамещения во многих отраслях промышленности — условие предоставления проектного финансирования на двадцать лет (Ленчук, 2022; Макарычева, 2022; Глазьев, Ткачук, 2023; Meral, 2021). Это одна из ключевых потребностей большинства крупнейших инвесторов. Необходимо подчеркнуть, что внесение дополнительных изменений в механизм «фабрика проектного финансирования»⁶ будет способствовать повышению роли этого инструмента в восстановлении экономики России в ближайшие годы (Березнев, Кульпина, 2022; Глазьев, 2022; Сычева, 2022).

⁶ Финансирование инвестиционных проектов в приоритетных секторах отечественной экономики.

Для технологических изменений в стране (опираясь на исследования W. Jia, A. Collins, W. Liu, A. Goldfarb, C. Tucker) развитие собственных цифровых технологий играет ключевую роль. Процесс миниатюризации, когда микрочипы заменили целые машины, означает, что требуется все больше цифровых технологий и разработок для развития цифровой трансформации экономики (Jia et al., 2023; Goldfarb, Tucker, 2019).

Развитие технологической конъюнктуры мирового экспорта и включенность стран в высокотехнологичные рынки опирается на долгосрочную выгоду. Так, одним из показателей оценки конкурентоспособности технологической продукции гражданского назначения на экспортном рынке выступает показатель «доля высокотехнологичного экспорта в мире» (Zhou, 2008; Reinert, 2020; Irwin, 2021; Matthes, Kunkel, 2020). Страны, развивая свою высокотехнологичную специализацию, могут повышать производительность имеющихся ресурсов и, таким образом, увеличивать объем производимой технологической продукции, формируя длинные цепочки стоимости (Von, 2021). При этом под технологическим экспортом стоит понимать не только аналитические группы товаров гражданского назначения, но и саму систему взаимосвязанности построения длинных цепочек стоимости, базирующуюся на модели «стратегических альянсов» (Harris, Schmitt, 2020; Cooke, Watson, 2011). К разряду «высокотехнологичной» относится технически сложная продукция, для производства которой используются сложные технологические процессы (передовые технологии), основанные на результатах не только прикладных, но и фундаментальных научных исследований (Oviatt, McDougall, 1994; Bruton, 1998; Sestu et al., 2018).

Следовательно, рассмотренные научные исследования позволяют выделить три подхода к политике импортозамещения:

1) вынужденный процесс для предотвращения спада экономики в условиях ужесточения внешних ограничений с целью развития собственных товаров (аналогичных зарубежным) и отчасти разработки, производства новых продуктов в высокотехнологичной сфере, включая цифровые технологии;

2) необходимый этап и базовая составляющая технологического суверенитета страны,

связанная с разработкой и внедрением собственных цифровых технологий с целью создания внутри страны сектора, способного полностью удовлетворить потребности внутреннего рынка;

3) катализатор создания новых отраслей и секторов по разработке и производству цифровых технологий, которые будут использоваться для решения внутренних задач и обладать конкурентными преимуществами на зарубежном рынке.

С позиции актуальной повестки действия санкций и технологических ограничений в данном исследовании нами будет учитываться третий подход, который направлен на формирование отечественных цифровых технологий за счет создания высокотехнологичных и наукоемких производств, как для внутреннего развития, так и обеспечения конкурентоспособности страны в высокотехнологичном секторе на мировой арене.

Также стоит обратить внимание на то, что в существующих условиях необходимы конкретные продукты и услуги для технологического суверенитета России и структурной адаптации ее экономики, в том числе цифровые продукты и технологии, которые не разрабатываются в России.

Методы исследования

В качестве методологической базы исследования использовались принципы комплексного подхода. Решение задач исследования основывалось на аналитическом обзоре современной научно-технической, нормативной, методической литературы, затрагивающей проблематику исследования.

Информационной базой послужили работы отечественных и зарубежных ученых, данные статистики и аналитических исследований, нормативно-правовые акты органов государственной власти и управления, а также материалы периодической печати.

В мировой практике существующие подходы к оценке высокотехнологичного экспорта можно разделить на три группы в зависимости от степени их применения (Reinert, 1999; Chaudhuri, Chakraborty, 2010; Ketels, 2015):

- секторальный (по видам экономической деятельности);
- продуктовый (по конечному продукту и его наукоемкости) с разбивкой на 9 групп;

– патентный (по высокотехнологичным патентам).

Эти подходы используются правительственными органами большинства стран, а также в аналитической деятельности многих крупнейших организаций (ОЭСР, Всемирный банк, статотдел ООН, Евростат, национальные статистические службы).

Для достижения цели и задач исследования предлагается следующий поэтапный алгоритм.

1. Проведение количественной оценки. Определение доли России в мировом экспорте и импорте товаров, что выявляет позицию страны на мировой арене в сравнении с зарубежными странами. Расчет объемов высокотехнологичного экспорта России в сравнении с зарубежными странами (включая определение: объемов экспорта, млрд долл.; доли в мировых объемах экспорта, %; доли в объемах всех поставок страны на зарубежный рынок, %).

2. Определение количественных и качественных характеристик в развитии цифровых технологий через оценку высокотехнологичной экспортной траектории в субъектах РФ. Определение высокотехнологичной направленности субъектов РФ через оценку высокотехнологичной экспортной траектории субъектов по товарной группе («Компьютеры и оргтехника, электрооборудование и научные приборы»; «Электроника и телекоммуникации»). Это позволяет систематизировать регионы (по объему экспорта по товарной группе, млн долл. США; по доле региона в общем объеме экспорта, %), а также выделить регионы-лидеры по индексу высокотехнологичной экспортной траектории. Оценка высокотехнологичной экспортной траектории помогает лучше понять ключевые движущие факторы развития цифровых технологий.

3. Группировка тенденций и проблем, происходящих в импортозамещении в сфере цифровой трансформации и информационных технологий, которые оказывают влияние на развитие цифровых технологий.

4. Разработка предложений по формированию мероприятий в сфере поддержки для стратегии импортозамещения в сфере цифровых технологий с учетом отраслевых особенностей.

Такой алгоритм оправдан использованием как секторального, так и продуктового подхода в развитии высоких технологий. Это, в свою очередь, составляет научную значимость исследования.

Основные результаты исследования

Импортзамещение для России не является абсолютно новым периодом развития экономики страны. Процесс начался еще после девальвации 1998 года, когда доля отечественной продукции в потребительской корзине стала выше, чем зарубежной. В 1998 году количество ввезенных на территорию страны товаров уменьшилось на 20% (74 млрд долл.), а в 1999 году – ещё на 28% (до 53 млрд долл.) (Березнев, Кульпина, 2022; Гулин и др., 2015). Однако спрос, который сильно возрос в посткризисный период, был довольно быстро и без особых сложностей удовлетворен, чему способствовало экстенсивное развитие незагруженных производственных мощностей. Таким образом, одним из основных факторов экономического роста стало уменьшение объемов импорта, вызванное девальвацией. В 1999–2000 гг. наиболее значимое влияние импортзамещение как фактор экономического роста оказало на обраба-

тывающее производство. Некоторые экономисты отмечают, что рост ВВП и увеличение объемов промышленного производства в 1999 году были на 25% обеспечены за счет импортзамещения (Глазьев, 2022; Гулин и др., 2015).

По итогам 2021 года Российская Федерация занимала 13 место (8-е в 2012 году) среди мировых экспортеров товаров и 22 место (17-е в 2012 году) в мировом рейтинге импортеров товаров. Доля Российской Федерации в 2021 году в мировом экспорте составила 1,9%, в импорте – 1,3%. Россия является ведущим экспортером сырьевых товаров, полуфабрикатов, а также продукции первичных форм и простых изделий (табл. 1). Она остается «пассивным» экспортером в поставках продукции машиностроения, фармацевтики, товаров для массового рынка, применяемых в бытовых и других целях, изделий специального назначения (фото и кино-товары). Это позволяет утверждать, что разви-

Таблица 1. Доля России в стоимости мирового экспорта товаров, %

Товарная позиция	2006	2013	2017	2021	2021 к 2006, п. п.
«Ведущий» экспортер					
Удобрения	14,1	13,8	14,1	14,9	0,7
Топливо-энергетические товары	10,9	11,3	8,9	8,3	-2,6
Никель и изделия из него	22,5	13,9	10,5	6,7	-15,8
Древесина и изделия из нее; древесный уголь	6,0	5,6	5,9	6,3	0,4
Злаки	3,1	3,8	7,2	6,0	2,9
Черные металлы	5,4	5,1	5,0	5,2	-0,3
Рыба и ракообразные	0,8	2,7	2,9	4,4	3,5
Прочие недрагоценные металлы, металлокерамика и изделия из них	6,2	4,7	4,8	3,7	-2,5
Драгоценные камни, драгоценные металлы и изделия из них	1,5	1,6	1,7	3,7	2,2
Алюминий и изделия из него	5,1	4,4	3,9	3,6	-1,5
«Пассивный» экспортер					
Реакторы ядерные, котлы, оборудование и механические устройства и их части	0,31	0,43	0,41	0,43	0,12
Фармацевтическая продукция	0,08	0,12	0,14	0,30	0,23
Мебель; постельные принадлежности, матрацы, основы матрацные, диванные подушки	0,28	0,21	0,21	0,28	0,01
Средства наземного транспорта (кроме железнодорожного или трамвайного подвижного состава)	0,24	0,36	0,24	0,25	0,01
Инструменты и аппараты оптические, фотографические, кинематографические, измерительные, контрольные	0,21	0,28	0,32	0,25	0,04
Инструменты, приспособления, ножевые изделия, ложки и вилки из недрагоценных металлов и их части	0,21	0,28	0,32	0,25	0,04
Электрические машины и оборудование и их части; звукозаписывающая и звуковоспроизводящая аппаратура	0,15	0,22	0,17	0,18	0,03
Спортивный инвентарь и его части и принадлежности	0,08	0,12	0,12	0,16	0,08
Одежда и текстильные изделия	0,01	0,05	0,07	0,12	0,10
Фото и кинотовары	0,04	0,04	0,06	0,10	0,06
Составлено на основе данных цифровой платформы Международного торгового центра. URL: https://www.trademap.org/					

тие высокотехнологичных секторов является крайне актуальным для экономической политики России, что может обеспечить развития высокотехнологичного экспорта и собственных цифровых технологий.

В доле мирового импорта перечень основных «растущих» товарных позиций России в 2021 году включал текстильные изделия – 1,8%, товары химической отрасли – 1,6%, продукцию машиностроения – 1,5%, разные готовые изделия – 1,4% (рис. 1). Увеличение доли в мировом импорте по данным товарам за период с 2006 по 2021 год наблюдается в интервале от 0,2 до 1%.

Кроме того, в этих же товарных группах стоимостные объемы показывают рост от 2,5 до 3,5 раза за тот же анализируемый период.

В настоящее время объём мирового рынка высокотехнологичной продукции оценивается Всемирным банком в 3 трлн долларов (рынок энергоресурсов – 0,7 трлн долларов). Между тем, доля России в 2021 году в мировом высокотехнологичном экспорте составляла 0,4%. Для сравнения, в Китае – 33,5%, Германии – 7,4%, США – 6,0%, Республике Корея – 5,8%, Сингапуре – 5,7%, Японии – 4,1%, Малайзии – 3,9%, Франции – 3,5%, Великобритании – 2,4% (табл. 2).

Рис. 1. Доля России в стоимости мирового импорта товаров, %

Источник: составлено по данным цифровой платформы Международного торгового центра. URL: <https://www.trademap.org/> (дата обращения 30.05.2024).

Таблица 2. Объёмы высокотехнологичного экспорта России в сравнении с зарубежными странами

Страна	2006			2013			2017			2021			Изменения, %		
	О	Д (М)	Д (С)	2021 к 2006	2021 к 2013	2021 к 2017									
Китай	273,1	14,9	28,2	655,9	28,3	28,0	654,2	24,5	29,2	942,3	33,5	29,7	345,0	143,7	144,1
Германия	163,2	8,9	14,7	209,3	9,0	12,9	195,2	7,3	13,2	209,7	7,4	14,5	128,5	100,2	107,4
США	219,0	12,0	21,3	169,2	7,3	9,6	154,5	5,8	9,9	169,2	6,0	10,7	77,3	100,0	109,5
Южная Корея	93,4	5,1	28,7	143,5	6,2	25,4	166,7	6,3	32,0	164,0	5,8	25,6	175,6	114,3	98,4
Сингапур	124,7	6,8	45,9	143,3	6,2	35,0	146,8	5,5	44,1	159,9	5,7	34,9	128,3	111,6	109,0
Япония	129,2	7,1	20,0	111,1	4,8	15,4	106,2	4,0	16,0	116,5	4,1	15,5	90,2	104,9	109,7
Малайзия	63,5	3,5	39,5	67,1	2,9	36,3	74,1	2,8	39,3	108,7	3,9	29,4	171,2	162,0	146,6
Франция	81,5	4,5	16,4	118,7	5,1	16,7	108,8	4,1	17,8	97,5	3,5	20,4	119,7	82,2	89,7
Великобритания	119,4	6,5	26,5	74,7	3,2	14,3	73,7	2,8	14,6	66,7	2,4	13,7	55,9	89,3	90,5
Швейцария	31,1	1,7	21	54,3	2,3	10,1	29,8	1,1	9,2	38,2	1,4	15,2	122,8	70,3	128,0
Канада	26,7	1,5	6,9	32,2	1,4	5,8	26,94	1,0	6,5	29,09	1,0	7,0	108,9	90,4	108,0
Россия	3,9	0,2	1,3	9,2	0,4	2,1	10,4	0,4	2,0	10,6	0,4	1,8	270,6	114,7	101,9

Пояснение: О – объёмы экспорта, млрд долл. США; Д (М) – доля в мировых объёмах экспорта, %; Д (С) – доля в объёмах всех поставок страны на зарубежный рынок, %.

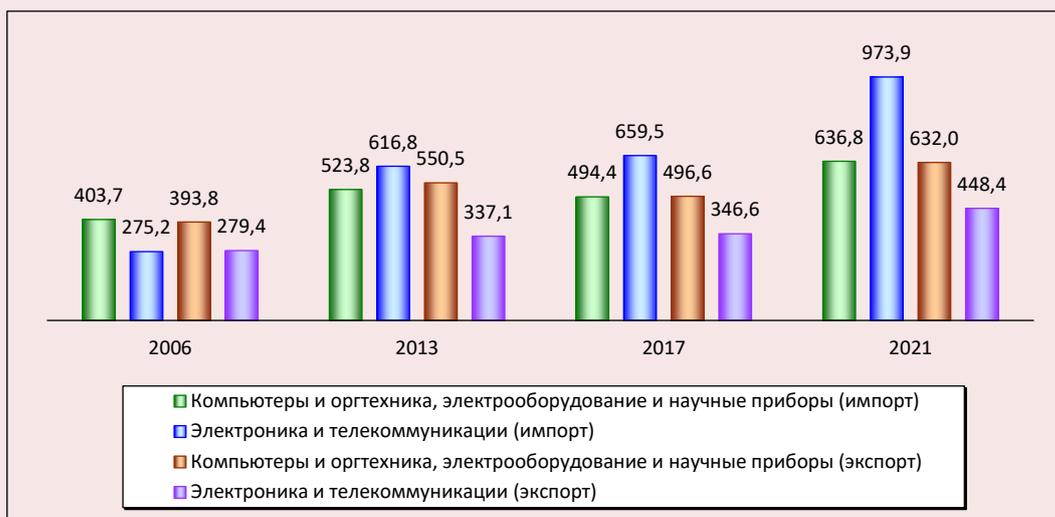
Источник: составлено на основе данных The World Bank Group. URL: <https://data.worldbank.org/topic/private-sector?view=chart>

Мировой рынок высокотехнологичной продукции анализируют с позиций сегментных групп, которые связаны с развитием цифровых технологий (рис. 2). Объемы мирового импортного рынка за пятнадцатилетний период по двум товарным позициям, входящим в сегмент «высокотеха», увеличились на 157,7% и 3,4 раза соответственно, а их доля в 2021 году составила 2,8 и 4,3%. По данным товарным группам сто-

имость мирового экспортного рынка увеличилась на 160,4% и в 3 раза, доля этих товаров в экспорте в 2021 году составила 2,9 и 3,6%.

Развитие цифровых технологий напрямую связано с мировым рынком высокотехнологичной продукции. Позиции России в мировой торговле продуктами «высокотеха» отражают зеркальную противоположность экспорта и импорта (рис. 3). Доля российских поставок в

Рис. 2. Стоимость высокотехнологичных товаров в мировой торговле, млрд долл. США

Источник: составлено по данным цифровой платформы Международного торгового центра. URL: <https://www.trademap.org/> (дата обращения 30.05.2024).

Рис. 3. Доля России в мировой торговле высокотехнологичными товарами, %

Источник: составлено по данным цифровой платформы Международного торгового центра. URL: <https://www.trademap.org/> (дата обращения 30.05.2024).

мировом экспорте по двум основным товарным позициям высокотехнологичного сектора за период с 2006 по 2021 год не достигла и 0,3%. Однако доля российского участия в мировом импорте высокотехнологичной продукции за тот же период варьировалась в интервале от 0,5 до 1,3%, что практически в десятки раз превышает экспорт в некоторые годы. Несомненно, это связано с долгой проработкой в государственной экономической политике направлений развития в сфере несырьевого сектора. По факту тактические ориентиры в сфере несырьевого экспорта начали формироваться с принятием национального проекта «Международная кооперация и экспорт» в декабре 2018 года⁷. При этом развитие высокотехнологичного сектора как необходимого стратегического ориентира в экономике и фактора, обеспечивающего технологический суверенитет, началось лишь с 2022 года.

Проведен анализ потребности в цифровых технологиях в РФ. Согласно данным АНО «Цифровая экономика», потенциал рынка цифровых решений для умных городов и регионов в конце 2023 года мог составить 840 млрд руб. Большая часть спроса на цифровые технологии удовлетворялась за счет импорта. Однако с февраля 2022 года в связи с введением большого числа ограничительных санкций на импорт в Россию цифровых технологий со стороны США, Великобритании, Южной Кореи, Японии и других стран возникла проблема поиска новых источников удовлетворения спроса на цифровые технологии.

В совместном исследовании НИУ ВШЭ и Российского союза промышленников и предпринимателей показано, что доля информационных и коммуникативных технологий составляет менее 1% ВВП РФ. Для сравнения, в странах Западной Европы этот показатель достигает 3% и больше. Отсюда следует, что Россия обладает значительным потенциалом роста в таких сегментах IT-рынка, как IT-услуги, программное обеспечение и облачные сервисы⁸.

⁷ Паспорт национального проекта «Международная кооперация и экспорт». URL: <http://government.ru/info/35564/>

⁸ Как продвигается импортозамещение в сфере IT. URL: <https://www.vedomosti.ru/partner/articles/2023/06/27/982631-kak-prodvigaetsya-importozameshenie-v-it>

Тем не менее присутствуют неоднозначные оценки в отношении такого потенциала. Согласно исследованию International Data Corporation⁹, ведущей международной исследовательской организации в сфере IT, в 2021 году объем IT-рынка в России составил 31,2 млрд долл. Темп роста при этом достиг 1,3%. Однако, по оценкам международных исследовательских агентств¹⁰, в 2022 году объем российского рынка информационных технологий сократился на 39% (12,1 млрд долл.) и достиг лишь 19,1 млрд долл.

Согласно данным Союза инновационно-технологических центров России, закупки отечественных ноутбуков и ПК госкомпаниями с 2021 по 2023 год должны были составлять долю от 50% и выше: в 2021 году – 50%, 2022 году – 60%, 2023 году – 70%¹¹. Однако отношение к представленным данным может разниться, т. к. в материалах открытой аналитики АО АК «Деловой профиль» утверждается, что государственным заказчиком удавалось за счет существующей льготы осуществлять закупки под видом отечественного продукта нероссийского оборудования, что также способствовало расширению реестра IT-компаний¹².

Первым важным шагом в процессе развития сферы цифровых технологий должны быть оценка высокотехнологичной направленности субъектов РФ, анализ специализации, выявление возможностей для диверсификации экономики при воздействии рисков внешней среды.

Рассмотрим траекторию в сфере высоких технологий на международном рынке субъектов РФ по товарной группе «Компьютеры и оргтехника, электрооборудование и научные приборы» (табл. 3).

⁹ Исследования IDC. URL: <https://www.idc.com/cis/research>

¹⁰ Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. Статистика отрасли. URL: https://digital.gov.ru/ru/activity/statistic/?utm_referrer=https%3a%2f%2fyandex.ru%2f

¹¹ Анализ проблемных секторов экономики России + мероприятия. URL: <https://ruitc.ru/news/analiz-problemnykh-sektorov-ekonomiki-rossii-meropriyatiya/>

¹² Изменение структуры IT-рынка по итогам 2022 года: льготы, развитие, импортозамещение, рынок IT-специалистов. URL: <https://delprof.ru/press-center/open-analytics/izmenenie-struktury-it-rynka-po-itogam-2022-goda-lgoty-razvitie-importozameshenie-rynok-it-spetsia/>; Цифровое государственное управление. URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/882/>

Таблица 3. Высокотехнологичная экспортная траектория субъектов РФ по товарной группе «Компьютеры и оргтехника, электрооборудование и научные приборы» в 2021 году

№ п/п	Регионы-лидеры по показателю траектории*	Доля региона в общем объеме экспорта, %	Индекс высокотехнологичной экспортной траектории	Объем экспорта по товарной группе, млн долл.
1.	Томская область	1,8	28	76,5
2.	Москва	5,3	26,3	150,9
3.	Хабаровский край	4,9	17,2	51,9
4.	Архангельская область	7,2	16,7	75,1
5.	Иркутская область	24,1	15,5	251,2
6.	г. Санкт-Петербург	10,5	9,8	114,4
7.	Алтайский край	1,4	8,7	14,4
8.	Новгородская область	1,8	7,8	19,7
9.	Новосибирская область	5,0	7,5	109,3
10.	Красноярский край	5,8	3,9	602,3
11.	Пермский край	4,5	3,2	46,5
12.	Ленинградская область	5,3	2,1	55,2
13.	Свердловская область	4,7	1,1	58,7

* Регионы ранжированы по индексу высокотехнологичной экспортной траектории.
 Рассчитано по: база данных Федеральной таможенной службы РФ. URL: <https://fedstat.ru/indicator/54389>

Самым высоким значением коэффициента высокотехнологичной экспортной траектории по товарной группе «Компьютеры и оргтехника, электрооборудование и научные приборы» характеризуются такие регионы, как Томская область (индекс специализации составил 28), Москва (26,3), Архангельская область (16,7), Иркутская область (15,5), Алтайский край (8,7). В Санкт-Петербурге (9,8), Новгородской области (7,8) и Новосибирской области (7,5) наблюдаются высокие коэффициенты экспортной траектории по данной товарной группе, но их вклад в общий объем высокотехнологичного экспорта составляет 0,02, 0,1, и 0,9% соответственно. Небольшой удельный вес в общем объеме экспорта (5,3%) при высоком ко-

эффициенте экспортной траектории (26,3) в очередной раз демонстрирует г. Москва, который нельзя считать экспортоориентированным и по этой товарной группе.

Проанализируем траекторию субъектов РФ в сфере высоких технологий на международном рынке по товарной группе «Электроника и телекоммуникации» в 2021 году (табл. 4).

Проведя расчет коэффициента экспортной специализации для товарной группы «Электроника и телекоммуникации», мы можем сделать следующее заключение. Семь рассмотренных выше субъектов РФ (Новосибирская область, Челябинская область, Красноярский край и т. д.) обеспечивают 68% всего экспорта электроники и телекоммуникации. Высокими

Таблица 4. Высокотехнологичная экспортная траектория субъектов РФ по товарной группе «Электроника и телекоммуникации» в 2021 году

№ п/п	Регионы-лидеры по показателю траектории*	Доля региона в общем объеме экспорта, %	Индекс высокотехнологичной экспортной траектории	Объем экспорта по товарной группе, млн долл.
1.	Новосибирская область	10,1	11,9	42,9
2.	Челябинская область	10,5	10,3	40,0
3.	Красноярский край	14,2	9,5	55,2
4.	Белгородская область	4,9	7,6	19,1
5.	Свердловская область	4,3	6,8	44,2
6.	Иркутская область	5,9	3,8	23,5
7.	Кемеровская область	5,7	2,4	22,1

* Регионы ранжированы по индексу высокотехнологичной экспортной траектории.
 Рассчитано по: база данных Федеральной таможенной службы РФ. URL: <https://fedstat.ru/indicator/54389>

коэффициентами траектории обладают такие регионы, как Новосибирская (индекс траектории составил 11,9), Челябинская (10,3) области, Красноярский край (9,5), Белгородская область (7,6).

В связи с этим поддержка научно-технической и инновационной деятельности при осуществлении промышленной политики в России может осуществляться органами государственной власти путем:

- размещения в рамках государственно-оборонного заказа заданий на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ;

- предоставления субъектам деятельности в сфере промышленности субсидий на финансирование научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ, выполняемых в ходе реализации инвестиционных проектов в отраслях промышленности, не связанных с обеспечением обороны страны и безопасности государства;

- стимулирования инновационной деятельности в хозяйственных обществах с государственным участием либо в созданных Российской Федерацией или субъектом Российской Федерации некоммерческих организациях путем реализации прав Российской Федерацией или субъектом Российской Федерации как участником (акционером) соответствующего хозяйственного общества или учредителем некоммерческой организации;

- стимулирования спроса на инновационную продукцию, в том числе посредством нормирования в сфере закупок товаров, работ, услуг для государственных и муниципальных нужд;

- предоставления финансовой поддержки организациям, осуществляющим инновационную деятельность при оказании инжиниринговых услуг, при реализации проектов по повышению уровня экологической безопасности промышленных производств, в том числе посредством использования наилучших доступных технологий;

- создания условий для координации деятельности субъектов в сфере промышленности при осуществлении научной, научно-технической и инновационной деятельности и для кооперации между субъектами указанных видов деятельности;

- стимулирования деятельности по созданию или освоению производства промышленной продукции путем внедрения в производство результатов интеллектуальной деятельности, относящихся к приоритетным направлениям развития науки, техники и технологий или критическим технологиям;

- стимулирования деятельности по использованию наилучших доступных технологий в промышленном производстве.

Как было отмечено ранее, Россия является «ведущим» экспортером в сырьевых товарах, включая поставки минеральных продуктов. В мировом опыте среди стран-экспортеров товаров топливно-энергетического комплекса выделяют две группы (Nakhli et al., 2021). В первую группу входят страны с недостаточным внутренним рынком (из-за низких объемов производства), а во вторую – страны, которые следуют по своему пути в стратегии индустриализации с акцентом на импортозамещение. Одним из представителей второй группы стран является Россия. К этой же группе относится Иран. Оба государства имеют схожие базовые активы в экономике, связанные со сравнительными преимуществами в международной торговле, а также в борьбе с политической ограничительных мер со стороны Запада. Во многих исследованиях изучались различные последствия санкций для экономики Ирана (Ebrahimi, 2017; Nakhli, 2021; Kandil, Mirzaie, 2021). Считалось, что одним из способов преодоления негативных последствий выступает импортозамещение. Необходимо отметить, что в Иране около 82% импорта используется в различных секторах производства (Lotfalipour et al., 2021). Еще одной важной особенностью иранской индустриализации являлось отсутствие внутренних взаимосвязей в промышленном секторе, а также ее сильная зависимость от импортных компонентов (Kandil, Mirzaie, 2021). С усилением экономических санкций в Иране импорт промежуточных и капитальных товаров стал более трудным, а из-за проблем с передачей технологий для большинства отраслей стало проблематично продолжать работу (Nejati, Bahmani, 2020; Kandil, Mirzaie, 2021). Столкнувшись с платежным дефицитом и трудностями в расширении промышленного экспорта, богатый ресурсами Иран стал ограничивать собственный импорт и, следовательно,

стимулировать импортозамещение (Ebrahimi, 2017; Kandil, Mirzaie, 2021). Главными целями для Ирана было увеличение доходов и диверсификация производственной деятельности, а также снижение зависимости от добычи природных ресурсов как основного источника дохода (Nakhli, 2021; Kandil, Mirzaie, 2021). Учитывая опыт Ирана, стратегия импортозамещения в России должна использоваться как для долгосрочных, так и для краткосрочных целей, преодоления кризисных ситуаций, а также укрепления потенциальных несырьевых и высокотехнологичных секторов экономики, тесно связанных с развитием цифровизации.

В России задача по осуществлению цифрового перехода на основе именно российских разработок закреплена в тексте национального проекта «Цифровая экономика»¹³. Указанные в паспорте проекта целевые показатели обозначают необходимость достижения ежегодного роста доли закупаемого или арендуемого органами власти российского программного обеспечения минимум на 5%. Таким образом, этот показатель должен увеличиться с 70% в 2020 году до 90% в 2024 году. Для государственных корпораций и компаний с государственным участием доля отечественного программного обеспечения (ПО) должна повыситься с 50% в 2020 году до 70% в 2024 году¹⁴.

Согласно Указу Президента Российской Федерации о мерах поддержки IT-отрасли, отечественные IT-компании на три года освобождаются от уплаты налога на прибыль и от любых проверок¹⁵. Также им доступны льготные кредиты до 3% годовых «на продолжение работы» и реализацию новых проектов. Кроме того, сотрудникам российских IT-компаний доступны ипотека на льготных условиях и отсрочка от службы в армии РФ до достижения 27 лет. Это решение способствует снижению оттока кадров.

¹³ Цифровая экономика РФ. URL: https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/?utm_referrer=https%3a%2f%2fyandex.ru%2f

¹⁴ Импортозамещение в сфере IT. URL: <https://www.garant.ru/article/1542142/>

¹⁵ О мерах по обеспечению ускоренного развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 02.03.2022 № 83. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202203020001>

Помимо этого, запланировано увеличение количества существующих грантов, направленных на поддержку разработки отечественных решений. Перечисленные позиции (снижение налоговой нагрузки, гранты на IT-исследования, государственная поддержка) составляют первый пакет мер, позволяющий ускорить развитие российского сектора информационных технологий.

Решению многих обозначенных проблем в сфере импортозамещения способствует активная государственная поддержка компаний, занимающихся IT-разработкой¹⁶, по следующим направлениям:

1. Меры государственного регулирования:

- легализация параллельного импорта (с целью устранения проблем, связанных с дефицитом аппаратных решений);
- использование исключительно отечественного программного обеспечения в государственных органах и компаниях.

2. Финансовая поддержка импортозамещения:

- выплата грантов;
- реализация программ софинансирования разработок;
- льготное кредитование бизнеса;
- обеспечение использования российского ПО на льготных условиях (со скидкой), которыми могут воспользоваться малые и средние компании.

3. Социальная и правовая поддержка IT-разработчиков:

- льготные ипотечные программы;
- упрощение получения вида на жительство для иностранных IT-специалистов;
- гранты на реализацию образовательных программ по подготовке разработчиков.

В конце 2022 года в сфере развития отечественных информационных технологий и программного обеспечения запущены две дорожные карты: первая – «Новое промышленное программное обеспечение», включает в себя меры поддержки для разработчиков систем проектирования, прикладного программного обеспечения (Product Lifecycle Management), BIM (специфичные технологии для строитель-

¹⁶ Импортозамещение как драйвер цифровой трансформации. URL: <https://blogs.forbes.ru/2022/12/29/importozameshhenie-kak-drajver-cifrovoj-transformacii/>

ной отрасли) и др.; вторая — «Новое общесистемное программное обеспечение» сосредоточена на поддержке разработчиков офисных приложений и пакетов, а также систем, связанных с управлением базами данных, и т. п.

Эти дорожные карты утверждены Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации (Минцифры России). В состав дорожных карт включено больше трехсот проектов, связанных с импортозамещением зарубежного программного обеспечения. При этом значительная доля проектов реализуется собственными силами и средствами компании. В целом общая сумма данных проектов составляет более 200 млрд рублей. По большинству из этих проектов в дальнейшем с Правительством РФ должны быть заключены соглашения в части создания условий для обеспечения гарантированного спроса на продукты. В отношении других проектов предполагается привлечение следующих финансовых ресурсов:

- кредитные средства (примерно 20 млрд рублей);
- грантовые средства (больше 23 млрд рублей).

Необходимо отметить, что уже в декабре 2022 года (данные с сайта Правительства Российской Федерации) появилась информация о том, что компании достигли последнего этапа заключения соглашения о грантах с фондом «Сколково» и Российским фондом развития информационных технологий¹⁷. Также стоит подчеркнуть, что с 2015 года в России действует Единый реестр российских программ для вычислительных машин и баз данных¹⁸.

Помимо этого, при Министерстве промышленности и торговли РФ созданы единый реестр российской радиоэлектронной продукции и единый реестр телекоммуникационного оборудования российского происхождения, которые относятся к сфере информационно-коммуникационных технологий и продуктов программного обеспечения.

¹⁷ Нормативное регулирование цифровой среды. URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/862/>; Цифровые технологии. URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/878/>

¹⁸ Информационная инфраструктура. URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/870/>

Развитию российских IT-компаний способствует ряд мер, реализуемых в рамках государственной программы «Цифровая экономика». Существуют льготы для бизнеса (кроме ИП), а также для сотрудников компаний. При этом есть некоторые условия, необходимые для получения льгот¹⁹:

- доля выручки должна составлять 70% от всех доходов (включая доходы от разработки и продажи собственного программного обеспечения или электроники);
- компании необходимо иметь государственную аккредитацию в Минцифры России; стоит подчеркнуть, что данное ведомство курирует два реестра: аккредитованные IT-компании и реестр разработчиков отечественного ПО; при этом компаниям, которые планируют получать существующие льготы для своего бизнеса, стоит учитывать, что наличие госаккредитации Минцифры России — это обязательное условие; в целом госаккредитация выдается бессрочно, но право её аннулировать есть у Минцифры России²⁰.

Сроком до конца декабря 2024 года для организаций в сфере цифровых технологий действуют следующие льготы²¹:

- нулевая ставка налога на прибыль;
- ставка НДС для разработчиков программного обеспечения — 0%;
- тариф страховых взносов с пониженной ставкой, которая составляет 7,6%;
- проверки государственными органами отменены (в т. ч. валютные и налоговые);
- до 2025 года предоставление кредитов с уменьшенной ставкой (3% максимум);
- прочие льготы в виде грантов, а также упрощенный найм сотрудников из-за рубежа и упрощенные государственные закупки.

Для развития кадровой составляющей цифровой экономики в России реализуется проект под названием «Цифровые профессии»²². Он

¹⁹ Цифровая экономика РФ. URL: https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/?utm_referrer=https%3a%2f%2fyandex.ru%2f

²⁰ Информационная безопасность. URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/874/>

²¹ Льготы для IT-компаний и айтишников, которые действуют в 2023 году. URL: <https://secrets.tinkoff.ru/bezopasnost-biznesa/lgoty-it/>

²² Минэкономразвития: Импортозамещение станет главным трендом ближайших лет. URL: <https://rg.ru/2022/05/31/otkryvaiutsia-vozmozhnosti.html>

включает разнообразные программы дополнительного образования для различной аудитории по уровню знаний в сфере ИТ. Данный проект действует в рамках федерального проекта «Кадры для цифровой экономики». Также необходимо подчеркнуть, что в проекте «Цифровые профессии» для различных категорий предусмотрены льготы. Для большей информативности проекта создан сайт «цифровыепрофессии.рф». На 2022 год было запланировано обучение для более чем 50 тысяч человек со скидкой 100%. Кроме того, люди с ограниченными возможностями и безработные граждане, которые стоят на учете в службе занятости, имеют право обучиться бесплатно.

Рассматриваемые меры поддержки импортозамещения могут дополняться инициативами частных компаний, региональных и муниципальных органов власти, инвесторов, заинтересованных вкладываться в ИТ-разработки как активно развивающуюся отрасль экономики России.

Тенденции, проблемы в импортозамещении отечественных цифровых технологий и предложения по развитию

К основным тенденциям импортозамещения в России в сфере цифровых технологий можно отнести следующие:

- отечественная разработка имеет возможность для качественного развития;
- разработанные лидерами отрасли продукты могут составить конкуренцию зарубежным компаниям;
- ускорение проектов внедрения (временные затраты – 2–4 месяца);
- замораживание проектов в сфере внедрения при участии иностранных вендоров;
- появление новых классов программного обеспечения в российском классификаторе ПО;
- в целях решения специфических отраслевых задач в российском классификаторе появится раздел отраслевого прикладного программного обеспечения.

В перечень главных проблем российского импортозамещения в сфере информационных технологий входят следующие:

- потребность в кадрах для цифровой экономики, а именно разработчиках, аналитиках, методологах;

- нехватка или даже полное отсутствие интегрированных сетей передачи данных;
- дефицит разработок в сфере безопасности (особенно явно в направлении безопасных решений);
- скорость замены зарубежных решений отечественными разработками;
- отраслевые стандарты в части разработки отсутствуют.

Согласно экспертной оценке импортозамещение в большинстве направлений в сфере цифровых решений пройдет достаточно успешно в перспективе 4–5 лет²³. Кроме того, в реестре отечественного ПО присутствует более 16 тысяч различных решений, и их количество увеличивается. С учетом такой динамики есть все шансы, что в ближайшие годы базовые бизнес-процессы на предприятиях в России будут воспроизводиться за счет использования отечественных программных продуктов и технологий.

Проведенный анализ показал, что приоритетом экономической политики на данный момент является стимулирование процессов импортозамещения в сфере цифровых технологий, при этом конечной целью должно выступать экономическое развитие российских территорий. Для этого целесообразна и необходима системная работа по достижению повышения потенциала импортозамещения в ИТ-сфере.

Запуск и ускорение процессов, направленных на импортозамещение в сфере цифровых технологий, требует реализации комплексных системных шагов. Для успешного воплощения политики импортозамещения на первоначальном этапе целесообразно разработать Стратегию импортозамещения. Она должна базироваться на развитии интеграции и кооперации как между компаниями приоритетных отраслей, так и с учебными и научно-исследовательскими центрами. Цель стратегии – создание условий для замещения цифровых технологий, производимых за рубежом, конкурентоспособными отечественными продуктами, не уступающими в качестве и цене.

²³ Изменение структуры ИТ-рынка по итогам 2022 года: льготы, развитие, импортозамещение, рынок ИТ-специалистов. URL: <https://delprof.ru/press-center/open-analytics/izmenenie-struktury-it-rynka-po-itogam-2022-goda-igoty-razvitie-importozameshenie-rynok-it-spetsia/>

Основными направлениями стратегии должны стать замещение импортной продукции и разработок в сфере ИТ на поставляемых местными компаниями; создание собственной продукции и разработок, поставляемых на внутренний и зарубежный рынок.

Ее реализация приведет к росту ВВП за счет повышения конкурентоспособности отечественной продукции в сфере ИТ как на внутреннем, так и на мировом рынках; разработки, внедрения, изготовления новых и уникальных продуктов в сфере цифровых технологий отечественными производителями вследствие применения результатов фундаментальных знаний и прикладных работ; формирования новых базовых секторов в сфере цифровизации для решения отраслевых задач и зарождения перспективных рыночных ниш.

Сформированное направление импортозамещения в цифровой сфере сможет обеспечить привлечение новых участников, что повлияет на развитие собственной продукции в сфере цифровых технологий, повысит качество кадрового потенциала. Кроме того, оно позволит повысить эффективность взаимодействия производителей с потребителями, техническую и технологическую оснащенность импортозамещающих производств, расширить географию реализации импортозамещающей продукции, а также выработать новые и скорректировать уже действующие методы и инструменты, сфокусированные в части стимулирования и содействия импортозамещению для развития отечественных цифровых технологий.

Выводы

В целом возможности импортозамещения в сфере цифровых технологий в России на текущем этапе достаточно масштабные. В связи с уходом многих западных разработчиков высвободились огромные ниши в целом спектре программных решений. В их числе – системные и прикладные приложения, облачное ПО, системы управления базами данных, решения для автоматизированного проектирования, учета и управления. При этом потребности рынка в решениях соответствующего назначения высоки и продолжают расти по мере дальнейшей технологизации и цифровизации экономики.

Таким образом, ключевым направлением в сфере цифровых технологий в ближайшие годы

должно являться поэтапное, системное импортозамещение. В его основу необходимо включить становление целостной собственной экосистемы, которая будет содействовать разработке, внедрению, производству отечественных продуктов в сфере цифровых технологий. Активное развитие в данном направлении позволит обеспечить технологический суверенитет России, а также стать драйвером для формирования новых отраслей, секторов, ниш в сфере разработки цифровых продуктов и услуг. Это даст возможность производить востребованную, уникальную продукцию как в части замены зарубежных аналогов, так и для обеспечения конкретных преимуществ на мировом рынке, повысит мотивацию к появлению новых отечественных игроков на рынке цифровизации. Все это станет основным катализатором для активизации новых видов экономической деятельности, что потребует реализации решения обновленных тактических задач в сфере цифровой трансформации.

В результате проведенного исследования представлен подход к определению барьеров и возможностей импортозамещения цифровых технологий в России, в рамках которого учитываются как количественные, так и качественные характеристики для оценки высокотехнологического сектора. Кроме того, разработан пошаговый алгоритм определения возможностей импортозамещения в сфере цифровых технологий, где учитываются отраслевые особенности и предложены концептуальные основы для разработки модели стратегических действий. При использовании предложенного подхода становится возможным представить вклад экономических субъектов и его специфику в сфере ИТ, что позволяет определять перспективы дальнейшего развития экономики региона и научно-производственной кооперации. Полученные результаты исследования подтверждают, что Россия является «пассивным» экспортером на мировой арене в сфере развития высокотехнологичной продукции, доля которой не превышает 0,5% в доле стоимости мировой торговли и требует десятикратного увеличения до уровня развитых стран, что может обеспечить государственная экономическая политика, направленная на развитие высокотехнологичных и наукоёмких производств для наращивания

высокотехнологичного экспорта и создание собственных цифровых технологий. При этом развитие цифровых технологий связано с такой политикой импортозамещения, которая будет стимулировать развитие существующих высокотехнологичных отраслевых сегментов и способствовать формированию новых направлений, ориентированных на производство конкурентоспособных высокотехнологичных товаров мирового уровня в стране и регионах.

Проведенное исследование вносит вклад в развитие теоретико-методических вопросов цифровизации экономики и импортозамещения. Его результаты могут быть использованы для проведения анализа государственной политики в сфере цифровых технологий и при оценке мер поддержки цифровой экономики, а также при разработке программно-целевых документов в условиях развития цифровой экономики на федеральном и региональном уровне.

Литература

- Абдикеев Н.М. (2022). Импортозамещение в высокотехнологичных отраслях промышленности в условиях внешних санкций // *Управленческие науки*. Т. 12. № 3. С. 53–69.
- Березнев С.В., Кульпина Е.Е. (2022). Импортозамещение как ключевой фактор укрепления суверенитета и экономической безопасности современной России // *Научные труды Вольного экономического общества России*. Т. 237. № 5. С. 58–80.
- Болдина А.В., Гричина Д.В., Говорина О.В. (2022). Цифровые бизнес-модели: проблемы и перспективы развития // *Цифровая трансформация экономических систем: проблемы и перспективы (ЭКОПРОМ-2022)*. С. 83–87.
- Боробов В.Н., Миндлин Ю.Б. (2022). Импортозамещение как инструмент обеспечения национальной экономической безопасности Российской Федерации // *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики*. Серия: Экономика и право. № 8. С. 12–16.
- Глазьев С.Ю. (2022). Регулирование инновационных процессов в новом технологическом и мирохозяйственном укладах // *Экономическое возрождение России*. № 2 (72). С. 24–27.
- Глазьев С.Ю., Ткачук С.П. (2023). О параметрах экономического развития в ЕАЭС до 2035 года // *Международная торговля и торговая политика*. Т. 9. № 1. С. 90–112.
- Гулин К.А., Мазилев Е.А., Ермолов А.П. (2015). Импортозамещение как инструмент активизации социально-экономического развития территорий // *Проблемы развития территории*. № 3 (77). С. 7–26.
- Готовский А.В. (2021). Вклад импортозамещения в экономический рост России // *Вопросы экономики*. № 4. С. 58–78. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2021-4-58-78>
- Дубков В.А., Носков В.А. (2022). Импортозамещение и его роль в развитии отечественного производства // *Общество*. № 1-1 (24). С. 57–61.
- Зимовец А.В., Климачев Т.Д. (2022). Цифровая трансформация производства на российских предприятиях в условиях политики импортозамещения // *Вопросы инновационной экономики*. Т. 12. № 3. С. 1409–1426.
- Кривенко Н.В., Епанешникова Д.С. (2020). Импортозамещение как инструмент стабилизации социально-экономического развития регионов // *Экономика региона*. Т. 16. № 3. С. 765–778.
- Крылова Е.И. (2023). Влияние антироссийских санкций в сфере цифровизации экономики на импортозамещение // *Цифровая экономика и новые возможности для бизнеса: сборник статей II Международной научно-практической конференции*. Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение» Цифровая экономика и новые возможности для бизнеса. С. 27–29.
- Кузнецова Г.В., Цедилин Л.И. (2019). Импортозамещение: предварительные результаты политики за пять лет // *Российский внешнеэкономический вестник*. № 10. С. 7–25.
- Ленчук Е.Б. (2022). Импортозамещение в Союзном государстве: направления эффективного взаимодействия России и Беларуси // *Россия и современный мир*. № 4 (117). С. 6–22.
- Лымарь М.С., Реентович А.А., Синяков А.А. (2022). Экономика экспортера сырья в «новой реальности»: количественные и структурные параметры // *Вопросы экономики*. № 12. С. 44–71.
- Макарычева И.В. (2022). Проблемы импортозамещения в России // *Экономические отношения*. Т. 12. № 3. С. 389–406.
- Руденко М.Н. и др. (2022). Импортозамещение информационно-коммуникационных технологий в России // *Вестник Томского государственного университета*. Экономика. № 58. С. 77–87.

- Сычева К.Г. (2022). Поддержка цифровизации импортозамещения России в санкционном контексте // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. № 3. С. 142–159.
- Хоменко Е.Б., Ватутина Л.А., Злобина Е.Ю. (2022). Современные тенденции цифровой трансформации промышленных предприятий // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». Т. 32. № 4. С. 676–682.
- Шавтикова Л.М. и др. (2022). Импортозамещение и ее роль в экономике России, импортозамещение программного обеспечения // Финансовая экономика. Т. 9. С. 134–136.
- Irwin D.A. (2021). The rise and fall of import substitution. *World Development*, 139.
- Bruton H.J. (1998). A reconsideration of import substitution. *Journal of Economic Literature*, 36(2), 903–936.
- Cooke S., Watson P.A. (2011). Comparison of regional export enhancement and import substitution economic development strategies. *Journal of Regional Analysis & Policy*, 41(1), 1–15.
- Oviatt B.M., McDougall P.P. (1994). Toward a theory of international new ventures. *Journal of International Business Studies*, 25(1), 45–64.
- Sestu M.C., Majocchi A., Angelo A. (2018). *Entry Mode Strategies: Are Smes Any Different? Key Success Factors of SME Internationalisation: A CrossCountry Perspective*. London: Emerald Publishing Limited.
- Chaudhuri B.R., Chakraborty D. (2010). *Export Potential at the State-Level: A Case Study of Karnataka*. Indian Institute of Foreign Trade (IIFT).
- Ketels C. (2015). What is regional strategy? *Strategies for Shaping Territorial Competitiveness*, 37–54.
- Rodrigues M. (2010). Import substitution and economic growth. *Journal of Monetary Economics*, 57(2), 17–188.
- Zhou Y. (2008). Synchronizing export orientation with import substitution: Creating competitive indigenous high-tech companies in China. *World Development*, 36(11), 2353–2370.
- Harris R.G., Schmitt N. (2000) Strategic export policy with foreign direct investment and import substitution. *Journal of Development Economics*, 62(1), 85–104.
- Jia W., Collins A., Liu W. (2023). Digitalization and economic growth in the new classical and new structural economics perspectives. *Digital Economy and Sustainable Development*, 1(1), 2–14.
- Goldfarb A., Tucker C. (2019) Digital economics. *Journal of Economic Literature*, 57(1), 3–43.
- Bon V. (2021). The digitalization–economic growth relationship in developing countries and the role of governance. *Scientific Annals of Economics and Business*, 68(4), 481–493.
- Reinert E.S. (2020). Industrial policy: A long-term perspective and overview of theoretical arguments. In: *Working Paper Series (IIPP WP2020-04)*. UCL Institute for Innovation and Public Purpose. Available at: <https://www.ucl.ac.uk/bartlett/public-purpose/wp2020-04>
- Mo J. et al. (2021). What you import matters for productivity growth: Experience from Chinese manufacturing firms. *Journal of Development Economics*, 152, 102677. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.jdeveco.2021.102677>
- Zhang H., Liu Q., Wei Y. (2023). Digital product imports and export product quality: Firm-level evidence from China. *China Economic Review*, 79, 101981.
- Zhou H., Fan J. (2023). Export structure, import demand elasticity and export stability. *The World Economy*, 46, 758–790. Available at: <https://doi.org/10.1111/twec.13305>
- Carrasco C.A., Tovar-García E.D. (2021). Trade and growth in developing countries: The role of export composition, import composition and export diversification. *Econ Change Restruct*, 54, 919–941 Available at: <https://doi.org/10.1007/s10644-020-09291-8>
- Bottega A., Romero J.P. (2021). Innovation, export performance and trade elasticities across different sectors. *Structural Change and Economic Dynamics*, 58, 174–184.
- Meral Y. (2019). High technology export and high technology export impact on growth. *International Journal of Business Ecosystem & Strategy*, (2687-2293), 1(3), 32–38. Available at: <https://doi.org/10.36096/ijbes.v1i3.283>
- Matthess M., Kunkel S. (2020). Structural change and digitalization in developing countries: Conceptually linking the two transformations. *Technology in society*, 63, 101428.
- Menon J. (2023). The export-led model is evolving, not dying. *East Asia Forum Quarterly*, 15(4), 40–43.
- Ebrahimi N. (2017). an analysis of the relationship of imports and economic growth in Iran (comparison of systematic and unsystematic cointegration methods with neural network). *International Journal of Economics and Financial Issues*, 7(2), 338–347.
- Nakhli S.R. et al. (2021). Oil sanctions and their transmission channels in the Iranian economy: A DSGE model. *Resources Policy*, 70, 101963.

- Kandil M., Mirzaie I.A. (2021). Macroeconomic policies and the Iranian economy in the era of sanctions. *Middle East Development Journal*, 13(1), 78–98. Available at: <https://doi.org/10.1080/17938120.2021.1898190>
- Nejati M., Bahmani M. (2020). The economic impacts of foreign direct investment in oil and gas sector: A CGE analysis for Iranian economy. *Energy strategy reviews*, 32, 100579.
- Lotfalipour M., Ebrahimi-Salari T., Adibian M. et al. (2021). The impact of domestic and foreign shocks on industrialization of Iranian economy. *Quarterly Journal of Quantitative Economics (JQE)*, 18(3), 1–34. DOI: 10.22055/JQE.2021.23780.1746

Сведения об авторах

Николай Олегович Якушев – научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: yakushev.n.o@gmail.com)

Ксения Александровна Устинова – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, заведующий лабораторией, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: ustanova-kseniya@yandex.ru)

Алексей Александрович Кочнев – ведущий специалист, Агентство мониторинга и социологических исследований (160000, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Козленская, д. 33; e-mail: alexeykochnev@mail.ru)

Yakushev N.O., Ustinova K.A., Kochnev A.A.

Import Substitution as a Factor in the Development of Domestic Digital Technology

Abstract. According to global economic development trends, digital technology is a necessary factor in increasing competitiveness, labor productivity, reducing resource costs and optimizing business processes. In Russia, its development is one of the factors that drive the economy. As a result of the changing geopolitical situation, large foreign companies operating in the field of digitalization have begun to withdraw from the Russian market since 2022. This has brought to the fore the problem of import substitution (development of own digital and information technology) at the state and corporate level. Addressing the issue of import substitution will not only reduce imports, but also increase the production of high-tech goods and support domestic producers. In this regard, the aim of the study is to identify barriers to and opportunities for import substitution of digital technology in Russia. Based on the systematization and review of scientific works in the field of import substitution, we highlight approaches to its implementation. The article substantiates the need to implement the third approach in the context of Russian reality. We analyze the volume of high-tech exports of Russia as compared to other countries. We assess the high-tech export trajectory pursued by constituent entities of the Russian Federation in the context of commodity groups that promote digitalization. We highlight trends and problems of import substitution in the field of digitalization and investigate support measures and state policy aimed at import substitution in the field of digital technology and developments. As a result of the research, we have designed a toolkit to support the development of domestic digital technology based on import substitution. Using the toolkit helps to present the contribution of economic entities and its specifics in the field of information technology. Proposals have been prepared for the formation of an import substitution strategy in the field of digital technology, taking into account industry specifics. The results of the study can be applied by the state authorities of constituent entities of the Russian Federation in the field of digitalization.

Key words: import substitution, domestic developments, digital technology, development, territories.

Information about the Authors

Nikolay O. Yakushev – Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: yakushev.n.o@gmail.com)

Kseniya A. Ustinova – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, head of laboratory, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: ustinova-kseniya@yandex.ru)

Aleksei A. Kochnev – Leading Specialist, Agency for Monitoring and Sociological Research (33, Kozlenskaya Street, Vologda, 160000, Russian Federation; e-mail: alexeykochnev@mail.ru)

Статья поступила 04.04.2024.

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

DOI: 10.15838/esc.2024.3.93.6

УДК 332.14, ББК 65.04

© Бывшев В.И., Королева С.А., Пантелеева И.А., Писарев И.В.

Прогнозирование показателей научно-технологического и инновационного развития региона при помощи рекуррентных нейронных сетей

Владимир Игоревич БЫВШЕВ

Сибирский федеральный университет
Красноярск, Российская Федерация
e-mail: vbyvshev@sfu-kras.ru
ORCID: 0000-0001-5903-1379; ResearcherID: AAQ-2532-2020

Светлана Александровна КОРОЛЕВА

Красноярский краевой фонд поддержки научной и научно-технической деятельности
Красноярск, Российская Федерация
e-mail: svetlanaevseewa@mail.ru
ORCID: 0009-0001-4575-2156; ResearcherID: KGL-6458-2024

Ирина Анатольевна ПАНТЕЛЕЕВА

Сибирский федеральный университет
Красноярский краевой фонд поддержки научной и научно-технической деятельности
Красноярск, Российская Федерация
e-mail: panteleevaia@gmail.com
ORCID: 0000-0003-3292-0728; ResearcherID: AAQ-2585-2020

Иван Владимирович ПИСАРЕВ

Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева
Красноярский краевой фонд поддержки научной и научно-технической деятельности
Красноярск, Российская Федерация
e-mail: ivanpisarev24@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-0419-0388; ResearcherID: JYQ-5244-2024

Для цитирования: Бывшев В.И., Королева С.А., Пантелеева И.А., Писарев И.В. (2024). Прогнозирование показателей научно-технологического и инновационного развития региона при помощи рекуррентных нейронных сетей // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 3. С. 102–117. DOI: 10.15838/esc.2024.3.93.6

For citation: Byvshev V.I., Koroleva S.A., Panteleeva I.A., Pisarev I.V. (2024). Forecasting indicators of scientific, technological and innovative development of the region using recurrent neural networks. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 17(3), 102–117. DOI: 10.15838/esc.2024.3.93.6

Аннотация. В статье осуществляется прогнозирование показателей научно-технологического и инновационного развития субъекта Российской Федерации и региональных институтов инновационного развития при помощи рекуррентных нейронных сетей. Прогнозирование при помощи нейронных сетей получило широкое распространение и является актуальным, качественным и достоверным способом осуществления экономических прогнозов, может применяться в рамках осуществления социально-экономического анализа, в том числе анализа территорий. Однако при изучении литературы не удалось найти работ, в которых прогнозирование научно-технологического и инновационного развития регионов проводилось методом нейронных сетей, что определяет научную новизну исследования. Актуальность исследования обусловлена повышением внимания со стороны региональных властей к научно-технологическому и инновационному развитию территорий и необходимостью формирования государственных программ субъектов Российской Федерации в сфере научно-технологического развития, которое возникло вследствие осуществления попыток структурных сдвигов в экономике страны. Гипотеза исследования состоит в том, что прогнозирование показателей научно-технологического и инновационного развития региона и деятельности региональных институтов инновационного развития при помощи рекуррентных нейронных сетей даст более точные результаты, чем при использовании метода линейной регрессии, модели скользящего среднего или метода Хольта – Винтерса. В рамках статьи сформирована модель рекуррентной нейронной сети на основе системы взаимосвязей показателей научно-технологического и инновационного развития субъекта Российской Федерации и региональных институтов инновационного развития. В результате получен прогноз показателей научно-технологического и инновационного развития субъекта Российской Федерации и деятельности региональных институтов инновационного развития, который соотносится с реальной ситуацией в данной сфере.

Ключевые слова: региональная научно-технологическая политика, институты инновационного развития, рекуррентные нейронные сети, прогнозирование, показатели научно-технологического развития, региональная экономика.

Благодарность

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 22-78-00011 «Разработка научных основ формирования региональной научно-технической и инновационной политики».

Введение

На современном этапе осуществления попыток структурных сдвигов в экономике России усиливается внимание к научно-технологическому и инновационному развитию в регионах страны, повышается роль органов власти субъектов Российской Федерации в создании условий для поступательного роста технологической составляющей региональных экономик (Алтынер и др., 2022). К свидетельствам повышения интереса со стороны федеральных властей можно отнести серию поручений Президента Российской Федерации, принятую в 2023 году Концепцию технологического развития Российской Федерации, обновление Стратегии научно-технологического развития Российской

Федерации, запуск формирования в регионах государственных программ по направлению «Научно-технологическое развитие». Внимание региональных властей к данному вопросу можно подчеркнуть указами глав субъектов Российской Федерации¹, где поднимаются вопросы создания условий для научно-технологического и инновационного развития. Также

¹ О дополнительных мерах по стимулированию инвестиционной активности в Красноярском крае и технологического развития региона: Указ Губернатора Красноярского края от 23.09.2022 № 283-уг; Об объявлении 2024 года в республике Татарстан годом научно-технологического развития: Указ Раиса Республики Татарстан от 14.09.2023 № 639.

эти вопросы связаны с деятельностью региональных институтов инновационного развития, которые в последнее время стали создаваться в российских регионах (Дежина, 2021; Голова, 2022; Мыслякова, 2022; Васильева и др., 2023; Егоров, Ковров, 2023; Кузнецова, 2023).

Актуальным становится прогнозирование научно-технологического и инновационного развития российских регионов при формировании региональных государственных программ научно-технологического развития, а также возможных оценок результатов от деятельности региональных институтов инновационного развития (Широв и др., 2016; Аганбеян, 2019). Цель исследования – разработка и апробация методики прогнозирования научно-технологического и инновационного развития региона на основе рекуррентных нейронных сетей. Нейронная сеть – это математическая модель, которая основывается на принципах работы головного мозга живых организмов, то есть состоит из узлов (нейронов) и каналов их связи, каждый из которых оказывает влияние на результат. Отличительной чертой рекуррентной нейронной сети по сравнению с другими архитектурами является то, что при прогнозировании нейроны учитывают не только текущий вход, но и состояние, в котором он находился ранее, и что происходило с другими нейронами на предыдущих входах. Гипотеза исследования заключается в том, что прогнозирование показателей научно-технологического и инновационного развития региона и деятельности региональных институтов инновационного развития при помощи рекуррентных нейронных сетей даст более точные результаты, чем при использовании метода линейной регрессии, модели скользящего среднего или метода Хольта – Винтерса, в связи с возможностью обучения сети и учета при осуществлении прогноза большего количества взаимосвязанных переменных.

Обзор литературы

В настоящее время большую популярность набирает прогнозирование научно-технологического и инновационного развития, а также использование в экономических исследованиях методов искусственного интеллекта (Coates et al., 2001; Bengisu, Nekhili, 2006). Одним из таких подходов является применение нейро-

сетевых моделей. Прогнозирование на основе нейросетевых моделей осуществляется для рассмотрения динамики социально-экономических показателей регионов, моделирования структуры и динамики человеческого капитала, прогнозирования выработки солнечной энергии, прогнозирования энергопотребления и во многих других областях (Федотов, Семенкин, 2014; Кетова и др., 2020; Pazikadin et al., 2020; Ghaith et al., 2021; Jin et al., 2022).

Обзор научной литературы по вопросам прогнозирования при помощи нейросетевых моделей свидетельствует о высокой точности и адекватности применяемого метода. В исследовании под руководством Т.В. Азарновой авторы осуществляют прогнозирование параметров социально-экономического развития Воронежской области, в рамках которого проводят обучение нейросети за ретроспективный период. В результате констатируется адекватность прогноза реальным экономическим процессам в регионе. При сопоставлении прогноза нейросети и прогноза экспертов применительно к показателю валового регионального продукта авторы отмечают, что прогноз нейросети является более осторожным, при этом отдать предпочтение одному из способов невозможно (Азарнова и др., 2020).

О.В. Китова при помощи нейронных сетей уточняет данные прогноза показателей туризма в регионах с угольной добычей, полученные при использовании линейной регрессии. Автор приходит к выводу, что нейронные сети дают более высокую точность и качество прогноза (Китова и др., 2023; Kitova et al., 2016).

Ю.В. Трифонов использовал нейросетевую модель для прогнозирования экономического потенциала регионов Российской Федерации. Используемая модель позволяет оперативно, эффективно и точно рассчитывать показатели и обрабатывать большие объемы информации (Трифонов и др., 2021).

Цзяю Цю и соавторы применяют нейронные сети с механизмом внимания для прогнозирования цен на акции. Авторы отмечают, что модель, основанная на нейронных сетях, имеет широкую перспективу применения и не уступает существующим классическим методам прогнозирования (Qiu et al., 2019).

Цин Чжан при прогнозировании валового регионального продукта провинции Шаньдун используют нейронную сеть с радиальной базисной функцией в сочетании с генетическим алгоритмом. В результате исследования авторы приходят к выводу, что применение нейронных сетей для прогнозирования валового регионального продукта является целесообразным и достоверным (Zhang et al., 2022).

В исследовании А.В. Бабкина осуществляется сравнительная оценка эффективности различных методов прогнозирования на примере прогноза социально-экономического развития Астраханской области. В результате формируется вывод о том, что прогноз при помощи нейронных сетей показывает меньшее количество ошибок и более высокую степень объективности (Babkin et al., 2015).

Прогнозирование научно-технологического и инновационного развития регионов только набирает популярность, в связи с чем исследователи используют в основном классические методы прогнозирования – метод форсайта и экстраполяции.

Примером работ, посвященных прогнозированию научно-технологического и инновационного развития регионов, является исследование Д.А. Алферьева, который предлагает использовать метод форсайта. Автор делает вывод о том, что применение метода форсайта для долгосрочного прогнозирования эффективно и с его помощью можно сформировать не только сам прогноз, но и способы его осуществления (Алферьев, 2018). Кроме этого, метод форсайта рассматривается для прогнозирования в ряде работ других авторов (Беляков, Шумаков, 2018; Шеломенцева и др., 2015). Однако данный метод не лишен недостатков, он является экспертным, в связи с чем человеческий фактор и качество экспертной группы имеют большое значение при формировании прогноза. Также исследователи отмечают, что в случае формирования прогноза применительно к региону для каждого региона необходима специальная методика, учитывающая его особенности.

Д.А. Ендовицкий формирует прогноз динамики инновационного развития регионов при помощи экстраполяции данных. В результате анализа исходных данных и полученного прогноза автор делает выводы о том, что предло-

женный метод не позволяет делать сколько-нибудь достоверный прогноз динамики инновационного развития, так как функциональная диверсификация в ее составе развивается нестабильно (Ендовицкий и др., 2023).

Таким образом, применяемые в настоящее время методы прогнозирования научно-технологического и инновационного развития имеет некоторые недостатки, что в свою очередь делает актуальным поиск для данных целей новых способов прогнозирования.

Прогнозирование при помощи нейронных сетей получило широкое распространение и является актуальным, качественным и достоверным способом осуществления экономических прогнозов, применимо в рамках осуществления социально-экономического анализа, в том числе анализа территорий. В то же время не удалось найти работ, в которых осуществлялось прогнозирование научно-технологического и инновационного развития регионов методом нейронных сетей, что обуславливает научную новизну проводимого исследования.

Материалы и методы

Для формирования прогноза была выбрана модель системы региональных институтов инновационного развития, включающая нескольких агентов: научно-инновационный фонд, бизнес-инкубатор и технопарк. Такая система институтов инновационного развития, расположенных на территории субъекта Российской Федерации, позволяет решать научно-технологические задачи, являющиеся наиболее актуальными в регионе, но не освещенными на федеральном уровне, а также обеспечить мерами поддержки проекты на всех уровнях готовности технологий и создать комфортную и привлекательную среду в регионе для развития науки, технологий и инноваций (Бывшев, 2024; Мазилев и др., 2020).

В качестве модельного субъекта Российской Федерации был выбран Красноярский край, что обусловлено наличием в регионе двух из трех обозначенных в модели региональных институтов инновационного развития – «Красноярский краевой фонд поддержки научной и научнотехнической деятельности» (ККФН) и «Красноярский региональный инновационно-технологический бизнес-инкубатор» (КРИТБИ), имеющимся в регионе научно-технологическим

и инновационным потенциалом, подтвержденным, в том числе, Национальным рейтингом научно-технологического развития субъектов Российской Федерации² (2021 г. – 25 место, 2022 г. – 21 место). Деятельность технопарка в регионе спрогнозирована в процессе исследования.

Материалами исследования послужили статистические данные с официальных информационных порталов ККФН³, КРИТБИ⁴, сборники технопарков России⁵, данные Росстата⁶ и единого реестра субъектов малого и среднего предпринимательства Федеральной налоговой службы⁷. В целях обеспечения сопоставимости данных для формирования прогноза использован минимальный период 2020–2022 гг.

Научно-технологическое, инновационное развитие субъектов Российской Федерации, в том числе модельного региона – Красноярского края, можно охарактеризовать с помощью системы показателей, отражающей, в том чис-

ле, результаты работы региональных институтов инновационного развития (табл. 1).

Используемая система показателей основана на общедоступных данных из открытых источников Росстата и ФНС России. Подбор показателей для системы осуществлялся на основе анализа работ Н.И. Комкова, В. Юйшань, В.Г. Басаревой, а также рейтингов научно-технологического и инновационного развития⁸ и целевых индикаторов деятельности региональных институтов инновационного развития⁹ (Басарева, 2019; Комков и др., 2019; Юйшань, 2021).

Деятельность региональных институтов инновационного развития характеризуется системой показателей в соответствии с их уставными целями и задачами, а также показателями, заложенными в государственную программу региона, из которой осуществляется финансирование (табл. 2, 3).

Таблица 1. Система показателей, характеризующих научно-технологическое и инновационное развитие Красноярского края

Код показателя	Показатель	2020	2021	2022
1р	Внутренние затраты на исследования и разработки за счет всех источников, млрд руб.	26,60	29,56	36,50
2р	Используемые передовые производственные технологии, ед.	3932	4145	4421
3р	Количество заявок на результаты интеллектуальной деятельности, ед.	536	489	508
4р	Численность исследователей до 39 лет, чел.	2164	2125	2183
5р	Количество субъектов малого и среднего предпринимательства, осуществляющих деятельность в научно-технологической и инновационной сфере, ед.	210	218	216
6р	Объем инновационных товаров, работ, услуг, млрд руб.	135,37	92,42	98,00

Источник: составлено авторами.

² Национальный рейтинг научно-технологического развития субъектов Российской Федерации // Сайт Минобрнауки РФ. URL: <https://clck.ru/34MTeK> (дата обращения 24.02.2024).

³ Официальный интернет-портал КГАУ «Красноярский краевой фонд поддержки научной и научно-технической деятельности». URL: <https://clck.ru/393GkA> (дата обращения 24.02.2024).

⁴ Официальный интернет-портал КГАУ «Красноярский региональный инновационно-технологический бизнес-инкубатор». URL: <https://kritbi.ru/doc> (дата обращения 24.02.2024).

⁵ Официальный интернет-портал Ассоциация кластеров, технопарков и ОЭЗ России. URL: <https://akitrf.ru/> (дата обращения 24.02.2024).

⁶ Официальный интернет-портал Росстата. URL: <https://24.rosstat.gov.ru/folder/27085> (дата обращения 24.02.2024).

⁷ Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства Федеральной налоговой службы. URL: <https://ofd.nalog.ru/> (дата обращения 24.02.2024).

⁸ Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. Выпуск 7 НИУ ВШЭ, 2021; Методология Национального рейтинга научно-технологического развития субъектов Российской Федерации // Минобрнауки РФ. URL: <https://clck.ru/32hVJh>

⁹ Об утверждении государственной программы Красноярского края «Развитие малого и среднего предпринимательства и инновационной деятельности»: Постановление Правительства Красноярского края от 30 сентября 2013 года № 505-п.

Таблица 2. Система показателей, характеризующих деятельность ККФН

Код показателя	Показатель	2020	2021	2022
1ф	Средства из бюджета региона на исследования и разработки, млрд руб.	0,15	0,09	0,20
2ф	Средства из бюджета региона на обеспечение деятельности, млрд руб.	0,02	0,02	0,02
3ф	Объем средств привлеченного софинансирования, млрд руб.	0,14	0,17	0,11
4ф	Количество заявок на результаты интеллектуальной деятельности, ед.	34	35	38
5ф	Численность исследователей до 39 лет, чел.	789	576	444
6ф	Количество научно-технических разработок, ед.	14	14	14

Источник: составлено авторами.

Таблица 3. Система показателей, характеризующих деятельность КРИТБИ

Код показателя	Показатель	2020	2021	2022
1и	Средства из бюджета региона на обеспечение деятельности, млрд руб.	0,11	0,11	0,08
2и	Объем средств привлеченного софинансирования, млрд руб.	0,18	0,37	0,18
3и	Количество созданных инновационных субъектов малого и среднего предпринимательства, ед.	16	16	16

Источник: составлено авторами.

Деятельность ККФН направлена на финансовое обеспечение научно-технологической и инновационной сферы Красноярского края путем предоставления грантового финансирования на конкурсной основе на реализацию проектов. Индикаторами, характеризующими деятельность данного регионального института инновационного развития, являются финансовые и результативные показатели, а также показатели охвата деятельностью участников научно-технологических и инновационных процессов региона.

Деятельность КРИТБИ направлена на создание условий для развития субъектов малого и среднего предпринимательства в научно-техно-

логической и инновационной сфере. Его деятельность характеризуют финансовые показатели и показатели формирования среды.

Для прогнозирования деятельности технопарка и оценки его потенциального вклада в научно-технологическое и инновационное развитие Красноярского края на основе сводных данных о деятельности технопарков в России, формируемых Ассоциацией кластеров, технопарков и особых экономических зон (табл. 4), был сформирован алгоритм расчета значений показателей, характеризующих деятельность данного типа региональных институтов инновационного развития.

Таблица 4. Показатели деятельности технопарков в России

№ п. п.	Показатель	2020	2021	2022
1	Количество технопарков в Российской Федерации, ед.	183	129	113
2	Количество регионов присутствия технопарков, ед.	54	39	33
3	Количество заявок на объекты интеллектуальной собственности, созданных резидентами технопарков, ед.	2 222	1 782	1 018
4	Объем инновационных товаров, работ, услуг, отгруженных (выполненных) резидентами технопарков, млн руб.	71 471,04	72 298,31	73 296,53
5	Объем инновационных товаров, работ, услуг, отгруженных (выполненных) в регионах присутствия технопарков, млн руб.	4 723 052,80	4 918 069,00	4 994 516,40
6	Количество объектов интеллектуальной собственности, зарегистрированных в регионах присутствия технопарков, ед.	23364	20 088	19 440
7	Внутренние затраты на исследования и разработки за счет всех источников в регионах присутствия технопарков, млрд руб.	1 118,60	1 132,00	1 224,20
8	Объем затрат на НИОКР резидентами технопарков, млн руб.	33 875	41 719	50 820
9	Инвестиции в инфраструктуру технопарков из бюджетов регионов в расчете на один технопарк, млрд руб.	0,16	0,25	0,30

Источник: составлено авторами.

На первом этапе алгоритма рассчитан средний относительный вклад деятельности одного технопарка в научно-технологическое и инновационное развитие территорий присутствия технопарков в разрезе соответствующих показателей за период 2020–2022 гг. (табл. 5):

$$\lambda = \frac{\sum_{i=1}^n \frac{I_{\text{тех}}^i}{\alpha^i}}{\sum_{i=1}^n \frac{I_{\text{пер}}^i}{\beta^i}}, \quad (1)$$

где:

i – индекс года (были использованы данные за 3 года: 2020, 2021, 2022);

n – количество лет, за которое используются показатели в рамках исследования;

$I_{\text{тех}}^i$ – значение показателя деятельности технопарков за i -ый год;

$I_{\text{пер}}^i$ – значение показателя научно-технологического и инновационного развития в регионах присутствия технопарков за i -ый год;

α^i – количество технопарков в России в i -ом году;

β^i – количество регионов России, в которых присутствуют технопарки в i -ом году;

λ – доля вклада технопарка в научно-технологическое развитие региона.

В результате получаем средние относительные значения, на основании которых рассчитаем предполагаемые значения показателей деятельности одного технопарка на территории

Красноярского края в период 2020–2022 гг. (табл. 6):

$$I_{\text{тех_Кк}} = I_{\text{Кк}} \times \lambda, \quad (2)$$

где:

$I_{\text{тех_Кк}}$ – значение показателя, получаемое в результате работы технопарка;

$I_{\text{Кк}}$ – значение показателя, характеризующего научно-технологическое и инновационное развитие Красноярского края;

λ – доля вклада технопарка в научно-технологическое и инновационное развитие региона.

Деятельность технопарка характеризуется финансовыми показателями и показателями результата научно-технологической и инновационной деятельности. Полученные данные будут использованы для расчета прогнозных значений, проецируемого в составе региональной системы институтов инновационного развития технопарка.

Каждый показатель, характеризующий деятельность региональных институтов инновационного развития, связан с верхнеуровневыми показателями, характеризующими общее научно-технологическое и инновационное развитие региона. На основе данных связей была составлена модель, используемая в нейронной сети (рисунк).

Представленные связи показателей обусловлены логикой деятельности региональных институтов инновационного развития, а также региональными нормативно-правовыми актами, которые фиксируют показатели деятельности каждого института.

Таблица 5. Доля вклада технопарка в научно-технологическое и инновационное развитие региона присутствия

№ п. п.	Показатель	λ
1	Доля инновационных товаров, работ, услуг, отгруженных (выполненных), создаваемых в технопарках, %	0,4
2	Доля заявок на результаты интеллектуальной деятельности, созданных резидентами технопарков, %	2,3
3	Доля внутренних затрат на исследования и разработки за счет всех источников в регионах присутствия технопарков резидентами технопарков, %	1,1

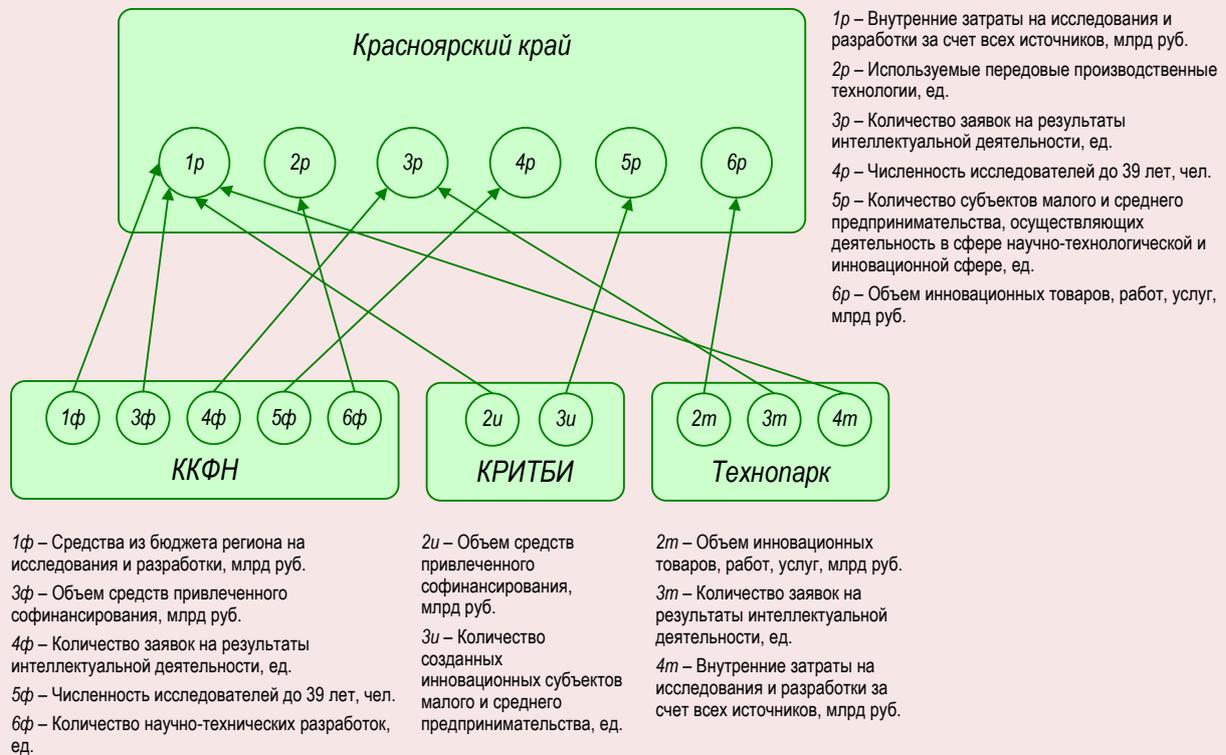
Источник: составлено авторами.

Таблица 6. Потенциальные значения деятельности технопарка в Красноярском крае

Код показателя	Показатель	2020	2021	2022
1т	Средства из бюджета региона на обеспечение деятельности, млрд руб.	0,16	0,25	0,30
2т	Объем инновационных товаров, работ, услуг, млрд руб.	0,54	0,37	0,39
3т	Количество заявок на результаты интеллектуальной деятельности, ед.	12	11	12
4т	Внутренние затраты на исследования и разработки, млрд руб.	0,29	0,33	0,40

Источник: составлено авторами.

Система взаимосвязи показателей деятельности региональных институтов инновационного развития и верхнеуровневых показателей научно-технологического и инновационного развития субъекта РФ

Источник: составлено авторами.

После определения взаимосвязей между системой показателей научно-технологической и инновационной сферы субъекта РФ и региональными институтами инновационного развития рассмотрим процесс прогнозирования на основе нейронной сети. Работу нейронной сети опишем следующей функцией:

$$\text{sign}(w_0 + w_1x_1 + w_2x_2 + \dots + w_dx_d). \quad (3)$$

Для прогнозирования временных рядов необходима модель, которая не будет воспринимать входы как независимые переменные. Рекуррентная нейронная сеть учитывает при прогнозировании не только текущее значение ряда, но и предыдущие. В представленной модели выход нейронной сети зависит от трех предыдущих значений входов. То есть реализованная модель работает с тремя своими предыдущими вычислениями:

$$\begin{aligned} y_i &= f(x_{i-3}, x_{i-2}, x_{i-1}, s_2) = \\ &= f(x_{i-3}, x_{i-2}, x_{i-1}, h(x_{i-4}, x_{i-3}, x_{i-2}, s_1)) = \\ &= f(x_{i-3}, x_{i-2}, x_{i-1}, h(x_{i-4}, x_{i-3}, x_{i-2}, \\ &\quad h(x_{i-5}, x_{i-4}, x_{i-3}, s_0))), \end{aligned} \quad (4)$$

где: s_0 – начальное состояние сети (скрытое состояние нейронной сети, которое зависит от ее состояний на предыдущих шагах вычисления и текущего входа в данном случае нулевой вектор);

f – функция, содержащая в себе параметры сети (количество слоев, количество нейронов на каждом слое и др.);

h – функция активации;

$X = (x_1, x_2, \dots, x_d)$ – входные данные нейронной сети. В рамках данного исследования на вход нейронной сети подавались многомерные временные ряды.

Обучение нейросетевых моделей происходило при помощи градиентных методов (Adam, AdamW, RMSprop).

Перед построением нейросетевых моделей осуществлялась предварительная обработка входных данных двумя этапами.

Первый этап – аугментация данных, осуществлялся методом локальной интерполяции полиномом (формула 5):

$$F(X) = a_0 + a_1 \times x + a_2 \times x^2 + \dots + a_m \times x^m, \quad (5)$$

где $X = (x_1, x_2, \dots, x_m)$ – порядковый номер значения показателей институтов инновационного развития, на основании которых строится полином.

На основе построенного интерполяционного полинома производится аугментация данных, с помощью изменения интенсивности аугментации:

$$F(X) = a_0 + a_1 \times x + a_2 \times x^2. \quad (6)$$

После проведения этапа аугментации получен расширенный набор данных, на основании которого будет построена нейросетевая модель.

Второй этап – масштабирование данных. Масштабирование осуществляется по:

$$x_{new} = \frac{(x_i - x_{min})}{(x_{max} - x_{min})}, \quad (7)$$

где x_i – i -е значение в наборе данных;
 x_{max} – максимальное значение в наборе данных;
 x_{min} – минимальное значение в наборе данных.

В результате этапа масштабирования получаем набор данных, который лежит в диапазоне от 0 до 1.

В ходе исследования была разработана комплексная модель на основании нейронных сетей для прогнозирования каждого показателя научно-технологического и инновационного развития субъекта РФ и системы региональных институтов инновационного развития. Данные о количестве слоев, количестве нейронов и типах функции активации представлены в таблице 7.

Таблица 7. Основные характеристики разработанных рекуррентных нейронных сетей

Код показателя	Количество скрытых слоев	Количество нейронов на каждом слое	Функция активации
Красноярский край			
1р	3	[9,6,5]	сигмоид
2р	5	[6,12,5,6,3]	гиперболический тангенс
3р	6	[12,10,8,6,8,8]	сигмоид
4р	4	[11,9,6,4]	
5р	2	[8,4]	
6р	3	[9,4,5]	
ККФН			
1ф	5	[6,7,5,2,2]	сигмоид
2ф	5	[8,9,7,3,2]	
3ф	3	[10,8,5]	
4ф	7	[8,6,5,9,5,4,3]	
5ф	6	[5,6,8,7,3,2]	
6ф	4	[4,3,5,5]	
КРИТБИ			
1и	6	[8,9,6,5,6,4]	гиперболический тангенс
2и	8	[8,5,6,6,6,7,8,9]	
3и	3	[3,3,4]	сигмоид
Технопарк			
1т	5	[8,6,5,3,3]	сигмоид
2т	5	[10,7,5,6,2]	
3т	3	[8,5,3]	
4т	4	[6,5,5,2]	

Источник: составлено авторами.

Построение модели выполнялось по следующему алгоритму: 1. Разделение исторических данных на обучающую и тестовую выборку в соотношении 79:21; для обучающей выборки по Красноярскому краю¹⁰ использованы значения показателей Росстата с 2009 года, по ККФН¹¹ также использованы значения показателей с 2009 года, а по показателям – численность исследователей до 39 лет и количество научно-технических разработок – с 2016 и 2017 года соответственно, по КРИТБИ¹² и Технопарку¹³ аугментированные значения показателей с 2020 по 2022 год; для тестовой выборки взяты значения показателей для всех агентов в период 2020–2022 гг.

2. Подбор архитектуры и настройка весовых коэффициентов нейросетевых моделей на обучающем наборе данных градиентными методами (Adam, AdamW, RMSprop). То есть обучение происходит следующим образом: запускается нейросетевая модель на наборе тестовых данных, с единичными весовыми коэффициентами, далее вычисляется значение функции потерь и с помощью градиентных методов определяется направление, в котором оно будет меньше, то есть чем меньше значение левой функции, тем точнее прогноз.

3. Выполнение прогноза и проверка точности модели на тестовом наборе данных.

На этапе прогнозирования для сопоставления по годам всех показателей было использовано десятое прогнозное значение моделей КРИТБИ, так как интенсивность аугментации равна 10.

В качестве метрики для определения точности прогноза нейросетевой модели приме-

нялась средняя абсолютная процентная ошибка (MAPE), так как она является одной из самых распространенных метрик, используемых при вычислении процента ошибки прогнозирования.

$$MAPE = \frac{1}{N} \sum_{t=1}^n \left| \frac{A_t - F_t}{A_t} \right|, \quad (8)$$

где:

n – размер обучающей выборки;

A_t – фактическое значение;

F_t – прогнозируемое значение.

Средняя точность прогнозирования полученной нейросетевой модели на тестовых исторических данных составляет 91,53%. Для сравнения был осуществлен прогноз другими методами, средняя точность на аналогичных данных для метода линейной регрессии – 79,94%, скользящего среднего – 76,87% и метода Хольта – Винтерса – 81,14%, что свидетельствует о преимуществе примененного метода по параметру точности. Кроме того, значимым преимуществом данного метода является возможность учета взаимосвязей между большим количеством показателей, влияющих на прогноз.

В результате модель научно-технологического и инновационного развития субъекта РФ с системой региональных институтов инновационного развития, состоящая из нескольких агентов, реализована в виде программной системы – рекуррентной нейронной сети, при помощи которой составлен прогноз.

Эмпирический анализ результатов прогноза научно-технологического и инновационного развития Красноярского края

Проведенное исследование позволило составить прогноз динамики показателей, характеризующих научно-технологическую и инновационную сферу Красноярского края, а также результатов деятельности региональных институтов инновационного развития и спроецировать эффекты от создания технопарка на территории модельного субъекта Российской Федерации. В таблице 8 представлен результат работы, реализованной системы, номер показателя соотносится с номерами, указанными в описании агентов.

¹⁰ Официальный интернет-портал Росстата. URL: <https://24.rosstat.gov.ru/folder/27085> (дата обращения 24.02.2024).

¹¹ Официальный интернет-портал КГАУ «Красноярский краевой фонд поддержки научной и научно-технической деятельности». URL: <https://clck.ru/3BBNHR> (дата обращения 24.02.2024).

¹² Официальный интернет-портал КГАУ «Красноярский региональный инновационно-технологический бизнес инкубатор». URL: <https://kritbi.ru/doc> (дата обращения 24.02.2024).

¹³ Официальный интернет-портал Ассоциация кластеров, технопарков и ОЭЗ России. URL: <https://akitrf.ru/> (дата обращения 24.02.2024).

Таблица 8. Прогноз для показателей научно-технологического и инновационного развития Красноярского края и региональных институтов инновационного развития

Код показателя	Прогноз							
	2023	2024	2025	2026	2027	2028	2029	2030
Красноярский край								
1р	43,61	51,37	55,05	65,88	69,90	76,42	80,37	84,41
2р	4538	4751	4838	5263	5324	5581	5602	5641
3р	532	575	581	613	616	658	682	699
4р	2208	2224	2229	2401	2428	2498	2536	2561
5р	218	221	221	223	223	224	224	224
6р	102,24	112,11	114,76	126,84	130,88	138,48	140,09	141,69
ККФН								
1ф	0,25	0,18	0,22	0,27	0,29	0,36	0,37	0,41
2ф	0,02	0,02	0,02	0,03	0,04	0,04	0,05	0,07
3ф	0,17	0,18	0,19	0,20	0,23	0,28	0,29	0,30
4ф	38	39	39	40	41	43	43	43
5ф	621	579	602	625	626	633	639	645
6ф	16	16	16	17	17	17	18	19
КРИТБИ								
1и	0,09	0,12	0,13	0,14	0,15	0,18	0,18	0,19
2и	0,33	0,26	0,27	0,34	0,37	0,40	0,42	0,42
3и	17	17	17	18	18	19	19	19
Технопарк								
1т	0,38	0,39	0,40	0,41	0,42	0,46	0,48	0,50
2т	0,43	0,45	0,52	0,54	0,59	0,63	0,64	0,68
3т	12	12	12	13	13	14	14	14
4т	0,46	0,52	0,58	0,73	0,76	0,78	0,85	0,85

Источник: составлено авторами.

Совокупная динамика всех показателей, использованных в исследовании, характеризующих научно-технологическое развитие Красноярского края и деятельность региональных институтов инновационного развития, включая моделируемые показатели деятельности технопарка, имеет положительную тенденцию и отражает высокий уровень динамики показателей научно-технологического и инновационного развития Красноярского края в перспективе 2030 года.

В базовом периоде, использованном для составления прогноза (2020–2022 гг.), учтены два года, имеющие кризисные тенденции для экономики страны: 2020 год – начало пандемии COVID-19 и 2022 год – начало санкционного давления недружественных стран на экономику Российской Федерации. Стоит отметить, что в 2020 году один из ключевых показателей, характеризующих научно-технологическое и инновационное развитие территорий – внутренние

затраты на исследования и разработки за счет всех источников – в сравнении с 2019 годом в Красноярском крае снизился всего на 1,85%, при этом в 2022 году он вырос по сравнению с 2021 годом на 23,5%, а в сравнении с докризисным 2019 годом – на 34,7%. Это свидетельствует о незначительном влиянии кризисных явлений на исследуемую сферу.

Рассмотрим результаты прогноза в отношении показателей результативности научно-технологической и инновационной сферы в Красноярском крае. Количество заявок на результаты интеллектуальной деятельности в 2030 году вырастет на 37,6% в сравнении с 2022 годом, региональные институты инновационного развития обеспечат 12,3% данного показателя. Количество используемых передовых производственных технологий увеличится на 27,6%, однако доля региональных институтов инновационного развития в значении данного показателя останется незначительной. Объем инно-

вационных товаров, работ и услуг вырастет на 44,6%, при этом деятельность проецируемого на территории модельного региона технопарка будет обеспечивать 1,88% объема показателя. Темп роста показателей результативности научно-технологической и инновационной сферы значительно ниже темпа роста показателя финансового обеспечения исследуемой сферы, что косвенным образом свидетельствует о высоких темпах инфляции в период прогноза, а также роста оплаты труда в научно-технологической и инновационной сфере. Рост оплаты труда согласуется с посланием Президента РФ Федеральному собранию, где обозначена необходимость конвертации роста ВВП страны в повышение доходов населения.

Тенденции, выявленные на основании прогноза, свидетельствуют, что кризисные явления не только особым образом не повлияли на научно-технологическую и инновационную сферу региона, но и создали предпосылки для ее развития, заключающиеся в необходимости решения задач и преодоления вызовов, возникших перед российским обществом, в том числе при помощи научно-технологической и инновационной сферы. Столь высокая динамика показателей, отраженная в прогнозе, не выглядит фантастической для Красноярского края. Рост внутренних затрат на исследования и разработки в период прогноза подкреплен текущим ростом инвестиций в экономику региона. По данному параметру по итогам 2023 года регион занимает 7 место в Российской Федерации и 1 место в Сибирском федеральном округе, при этом наибольшее увеличение инвестиционной активности организаций в 2023 году было зафиксировано как раз в научно-технологической и инновационной сфере¹⁴. Таким образом, рост внутренних затрат на исследования и разработки обеспечит и рост показателей результативности сферы, таких как результаты интеллектуальной деятельности, инновационные товары, работы, услуги и передовые производственные технологии, что в свою очередь положительно повлияет на социально-экономическое развитие региона.

¹⁴ Рост инвестиций в Красноярском крае по итогам 2023 года составил 23% // Корпорация развития Енисейской Сибири. URL: <https://clck.ru/39h6k7> (дата обращения 27.03.2024).

Рост численности исследователей до 39 лет, представленный в прогнозе, тоже выглядит вполне достижимым. Основная часть научных, исследовательских и инновационных организаций сосредоточена в столице региона г. Красноярске, который в отличие от всего края, имеющего отрицательную динамику численности населения, сократившейся в период с 2018 по 2022 год на 0,9%, характеризуется ее положительным приростом. За аналогичный период население Красноярска увеличилось на 9,2%, что обеспечивает высокий потенциал для роста численности исследователей в возрасте до 39 лет.

Вывод

В рамках исследования предложен и апробирован методический подход к прогнозированию показателей научно-технологического и инновационного развития региона и деятельности региональных институтов инновационного развития на основе рекуррентных нейронных сетей, являющихся элементом искусственного интеллекта. Его интеграция в различные общественные сферы позволяет принимать оптимальные решения для управления как конкретными компаниями, так и отраслями в целом, что дает возможность использовать предложенный методический подход для формирования прогнозов показателей научно-технологического и инновационного развития регионов в рамках разработки стратегических и программных документов регионального уровня в исследуемой сфере, в том числе региональных государственных программ научно-технологического развития, проектируемых в настоящее время в регионах по поручению Президента Российской Федерации.

В результате апробации предложенного методического подхода выявлено его преимущество перед такими способами прогнозирования, как метод линейной регрессии, модель скользящего среднего или метод Хольта – Винтерса, в части точности прогнозных значений и возможности учитывать взаимосвязи между большим количеством показателей, что в свою очередь повышает точность прогноза.

Полученные в ходе исследования прогноз-ные значения выглядят реалистичными в силу их согласованности с целевыми ориентирами, заданными стратегическими и программными

документами для научно-технологической и инновационной сферы, а также соответствия реализуемой в настоящее время политики, направленной на импортозамещение. Кроме того, научно-технологическая и инновационная сфера показала низкую зависимость от кризисных явлений начала текущего десятилетия, что косвенно подтверждает ее устойчивость к возможным кризисным явлениям будущего.

Положительная динамика показателей научно-технологического и инновационного развития отражает тенденцию повышения уровня технологичности экономики Красноярского края, выраженную как увеличением затрат на НИОКР, так и ростом человеческого капитала, характеризующегося увеличивающейся численностью исследователей до 39 лет в противовес снижению общей численности населения данной возрастной группы, обусловленному низкой рождаемостью в Красноярском крае в 1991–2007 гг. Обозначенный рост будет осу-

ществляться за счет повышения привлекательности научно-технологической и инновационной сферы для молодого поколения в сравнении с традиционными для региона сферами занятости населения, а также привлечения в регион жителей соседних субъектов Российской Федерации. Позитивные тенденции в научно-технологической и инновационной сфере отражают общее положительное социально-экономическое развитие региона, который подтвердит статус одного из передовых экономических центров Сибири и Дальнего Востока.

Деятельность региональных институтов инновационного развития благоприятно сказывается на росте показателей научно-технологической и инновационной сферы, при этом их относительный вклад в развитие сферы остается на сопоставимом с базовым периодом уровне, что свидетельствует о стабильности и относительной самостоятельности научно-технологической и инновационной сферы региона.

Литература

- Аганбегян А.Г. (2019). Анализ и прогнозирование социально-экономического развития регионов (методические заметки) // Среднерусский вестник общественных наук. Т. 17. № 14. С. 15–28. DOI: 10.22394/2071-2367-2019-14-4-15-28
- Азарнова Т.В., Трещевский Ю.И., Папин С.Н. (2020). Прогнозирование параметров социально-экономического развития региона с использованием аппарата нейронных сетей (на примере ВРП Воронежской области) // Современная экономика: проблемы и решения. № 3 (123). С. 8–25. DOI: <https://doi.org/10.17308/meps.2020.3/2321>
- Алтынер А., Бозкурт Э., Топчуоглу О. (2022). Влияние расходов на НИОКР на экспорт высокотехнологичной продукции // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 5. С. 153–169. DOI: 10.15838/esc.2022.5.83.8.
- Алферьев Д.А. (2018). Теоретико-методические аспекты долгосрочного прогнозирования научно-технологического развития // Управление инвестициями и инновациями. № 1. С. 5–16. DOI: 10.14529/iimj180101
- Басарева В.Г. (2019). Малые инновационные предприятия регионов: стратегические ориентиры и тактика их достижения // Регион: Экономика и Социология. № 2 (102). С. 224–245. DOI: 10.15372/REG20190210
- Беляков Г.П., Шумаков Ф.П. (2018). Особенности прогнозирования научно-технологического развития региона // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. Т. 2. № 4(14). С. 773–775.
- Бывшев В.И. (2024). Формирование модели научно-технологической и инновационной политики в субъекте Российской Федерации // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. Т. 17. № 1. С. 117–136.
- Васильева И.Н., Розова О.И., Корнеева Н.Д., Богатова Р.С. (2023). Эффективность государственной научно-технической политики в Российской Федерации: методика оценки и результаты ее апробации // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 6. С. 155–173. DOI: 10.15838/esc.2023.6.90.9
- Голова И.М. (2022). Научно-технический потенциал регионов как основа технологической независимости РФ // Экономика региона. Т. 18. № 4. С. 1062–1074. DOI: <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2022-4-7>
- Дежина И.Г. (2021). «Выбор победителей» в современной научной политике России // Вопросы государственного и муниципального управления. № 3. С. 53–74.

- Егоров Н.Е., Ковров Г.С. (2023). Анализ методов рейтингования для оценки научно-технологического развития федеральных округов РФ // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). Т. 14. № 4. С. 698–715. DOI: 10.18184/2079-4665.2023.14.4.698-715
- Ендовицкий Д.А., Трещевский Ю.И., Канапухин П.А., Кособуцкая А.Ю. (2023). Эмпирический анализ и прогнозирование динамики инновационного развития регионов России // Вестник ВГУ. Серия: Экономика и управление. № 1. С. 51–64. DOI: 10.17308/econ.2023.1/10932
- Кетова К.В., Русяк И.Г., Вавилова Д.Д. (2020). Математическое моделирование и нейросетевое прогнозирование структуры и динамики человеческого капитала Российской Федерации // Вестник Том. гос. ун-та. Управление, вычислительная техника и информатика. № 53. С. 13–24. DOI: 10.17223/19988605/53/2
- Китова О.В., Савинова В.М., Дьяконова Л.П., Бондаренко Ю.О. (2023). Прогнозирование показателей туризма в регионах с угольной добычей: анализ возможностей с использованием информационно-аналитической системы «Горизонт» // Уголь. № 11 (1173). С. 88–95. DOI: 10.18796/0041-5790-2023-11-88-95
- Комков Н.И., Цукерман В.А., Горячевская Е.С. (2019). Анализ основных факторов инновационного развития регионов Арктической зоны РФ // Проблемы прогнозирования. № 1 (172). С. 33–40.
- Кузнецова О.В. (2023). Рейтинг научно-технологического развития регионов: подходы, итоги, вызовы // Проблемы прогнозирования. № 4 (199). С. 94–103. DOI: 10.47711/0868-6351-199-94-103
- Мазилов Е.А., Устинова К.А., Давыдова А.А., Климова Ю.О., Ильин В.А. (2020). Формирование фондов поддержки научной, научно-технической и инновационной деятельности в регионах: состояние, задачи, механизмы реализации. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН. 43 с.
- Мыслякова Ю.Г. (2022). Индивидуализация стратегий научно-технологического развития экономики индустриальных регионов России с учетом наследственных детерминант // Journal of Applied Economic Research. Т. 21. № 4. С. 685–707. DOI: <http://dx.doi.org/10.15826/vestnik.2022.21.4.024>
- Трифонов Ю.В., Сочков А.Л., Соловьев А.Е. (2021). Оценка экономического потенциала регионов РФ на основе методологии нейросетевого кластерного анализа // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. № 3 (63). С. 38–47. DOI: 10.52452/18115942_2021_3_38
- Федотов Д.В., Семенкин Е.С. (2014). О прогнозировании экономических показателей с помощью нейроэволюционных моделей // Сибирский аэрокосмический журнал. № 5 (57). С. 299–304.
- Шеломенцева В.П., Никитин Е.Б., Беспалый С.В., Ифутина Е.А. (2015). Использование метода «форсайт» для прогнозирования научно-технологического и экономического развития старопромышленного региона (на примере Павлодарской области республики Казахстан) // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». № 4. С. 242–248.
- Широв А.А., Гусев М.С., Саяпова А.Р., Янговский А.А. (2016). Научно-технологическая компонента макроструктурного прогноза // Проблемы прогнозирования. № 6 (159). С. 3–17.
- Юйшань В. (2021). Инновационное развитие китайских регионов: опыт и рекомендации для России // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). Т. 12. № 2. С. 145–159. DOI: <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2021.12.2.145-159>
- Babkin A.V., Karlina E.P., Epifanova N.S. (2015). Neural networks as a tool of forecasting of socioeconomic systems strategic development. *Procedia-Social and Behavioral Sciences*, 207, 274–279.
- Bengisu M., Nekhili R. (2006). Forecasting emerging technologies with the aid of science and technology databases. *Technological Forecasting and Social Change*, 73(7), 835–844. DOI <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2005.09.001>
- Coates V., Farooque M., Klavans R. et al. (2001). On the future of technological forecasting. *Technological Forecasting and Social Change*, 67(1), 1–17. DOI [https://doi.org/10.1016/S0040-1625\(00\)00122-0](https://doi.org/10.1016/S0040-1625(00)00122-0)
- Ghaith Z., Kulshreshtha S., Natcher D., Cameron B.T. (2021). Regional computable general equilibrium models: A review. *Journal of Policy Modeling*, 43(3), 710–724. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jpolmod.2021.03.005>
- Jin N., Yang F., Mo Yu. et al. (2022). Highly accurate energy consumption forecasting model based on parallel LSTM neural networks. *Advanced Engineering Informatics*, 51, 101442. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.aei.2021.101442>
- Kitova O.V., Kolmakov I.B., Dyakonova L.P. et al. (2016). Hybrid intelligent system of forecasting of the socio-economic development of the country. *International Journal of Applied Business and Economic Research*, 14(9), 5755–5766.

- Pazikadin A.R., Rifai D., Ali K. et al. (2020). Solar irradiance measurement instrumentation and power solar generation forecasting based on Artificial Neural Networks (ANN): A review of five years research trend. *Science of The Total Environment*, 715, 136848.
- Qiu J., Wang B., Zhou C. (2019). Forecasting stock prices with long-short term memory neural network based on attention mechanism. *PLoS ONE*, 2.15(1): e0227222. DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0227222>
- Zhang Q., Abdullah A.R., Chong C.W., Ali M.H.A. (2022). Study on regional GDP forecasting analysis based on Radial Basis Function Neural Network with Genetic Algorithm (RBFNN-GA) for Shandong economy. *Computational Intelligence and Neuroscience*, 12. DOI: <https://doi.org/10.1155/2022/8235308>

Сведения об авторах

Владимир Игоревич Бывшев – кандидат экономических наук, доцент кафедры, Сибирский федеральный университет (660041, Российская Федерация, г. Красноярск, пр. Свободный, д. 79; e-mail: vbyvshev@sfu-kras.ru)

Светлана Александровна Королева – ведущий аналитик, Красноярский краевой фонд поддержки научной и научно-технической деятельности (660100, Российская Федерация, г. Красноярск, ул. Карла Маркса, д. 246; e-mail: svetlanaevseewa@mail.ru)

Ирина Анатольевна Пантелеева – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры, Сибирский федеральный университет (660041, Российская Федерация, г. Красноярск, пр. Свободный, д. 79; e-mail: panteleevaia@gmail.com); исполнительный директор, Красноярский краевой фонд поддержки научной и научно-технической деятельности (660100, Российская Федерация, г. Красноярск, ул. Карла Маркса, д. 246)

Иван Владимирович Писарев – аспирант, Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева (660037, Российская Федерация, г. Красноярск, пр. им. газеты Красноярский рабочий, д. 31; e-mail: ivanpisarev24@yandex.ru); главный специалист, Красноярский краевой фонд поддержки научной и научно-технической деятельности (660100, Российская Федерация, г. Красноярск, ул. Карла Маркса, д. 246)

Byvshev V.I., Koroleva S.A., Panteleeva I.A., Pisarev I.V.

Forecasting the Indicators of Scientific, Technological and Innovative Development of the Region Using Recurrent Neural Networks

Abstract. The article forecasts indicators of scientific, technological and innovative development of a constituent entity of the Russian Federation and regional institutions of innovative development using recurrent neural networks. Forecasting using neural networks has become widespread and is a relevant, high-quality and reliable way of making economic forecasts and is applicable within the framework of socio-economic analysis, including analysis of territories. However, when studying the scientific literature, it was not possible to find works in which the scientific, technological and innovative development of regions was predicted using the neural network method, which determines the scientific novelty of the research being carried out. The relevance of the study is due to the increasing attention on the part of regional authorities to the scientific, technological and innovative development of territories and the need to form state programs of the constituent entities of the Russian Federation in the field of scientific and technological development. The research hypothesis is that forecasting indicators of scientific, technological and innovative development of the region and the activities of regional institutions for innovative development using recurrent neural networks will give more accurate results than using the linear regression method, moving average model or the Holt – Winters method. As part of the study, a recurrent neural network model was formed based on a system of interconnection of indicators of scientific, technological and innovative development of a constituent entity of the Russian Federation and regional

institutions of innovative development. As a result, a forecast of indicators of scientific, technological and innovative development of a constituent entity of the Russian Federation and the activities of regional institutions for innovative development was obtained, which correlates with the real situation in this area.

Key words: regional scientific and technological policy, innovative development institutions, recurrent neural networks, forecasting, scientific and technological development indicators, regional economy.

Information about the Authors

Vladimir I. Byvshev – Candidate of Sciences (Economics), associate professor of department, Siberian Federal University (79, Svobodny Avenue, Krasnoyarsk, 660041, Russian Federation; e-mail: vbyvshev@sfu-kras.ru)

Svetlana A. Koroleva – Leading Analyst, Krasnoyarsk Regional Fund for Support of Scientific and Scientific-Technical Activities (246, Karl Marx Street, Krasnoyarsk, 660100, Russian Federation; e-mail: svetlanaevseewa@mail.ru)

Irina A. Panteleeva – Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor, associate professor of department, Siberian Federal University (79, Svobodny Avenue, Krasnoyarsk, 660041, Russian Federation; e-mail: panteleevaia@gmail.com); executive director, Krasnoyarsk Regional Fund for Support of Scientific and Scientific-Technical Activities (246, Karl Marx Street, Krasnoyarsk, 660100, Russian Federation)

Ivan V. Pisarev – postgraduate student, Reshetnev Siberian State University of Science and Technology (31, Prospekt imeni gazety “Krasnoyarsky rabochy”, Krasnoyarsk, 660037, Russian Federation; e-mail: ivanpisarev24@yandex.ru); Chief Specialist, Krasnoyarsk Regional Fund for Support of Scientific and Scientific-Technical Activities (246, Karl Marx Street, Krasnoyarsk, 660100, Russian Federation)

Статья поступила 17.05.2024.

О влиянии экспорта на численность и профессиональную структуру занятости в России: межотраслевой подход

**Максим Андреевич
СИДОРОВ**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация

e-mail: ma.sidorov@mail.ru

ORCID: 0000-0002-5683-8182; ResearcherID: N-3104-2018

Аннотация. Происходящая в условиях геополитической нестабильности трансформация одного из «столпов» экономики России и ряда ее регионов – экспортной деятельности – обуславливает важность оценки последствий этого процесса для занятости, а также поиска наиболее перспективных видов экономической деятельности, которые могли бы стать локомотивами развития в новых условиях хозяйствования. В связи с этим цель данного исследования заключается в оценке влияния экспортной деятельности на численность и профессиональную структуру занятости, а также в определении перспективных направлений изменения структуры российского экспорта. Основой для моделирования послужили многострановые таблицы «затраты – выпуск» международной базы данных «The World Input – Output Database», помимо этого информационную базу составили данные Росстата и Федеральной таможенной службы. Особую актуальность исследование приобретает, поскольку риску ухудшения инвестиционного климата и качества жизни населения подвергаются наиболее технологически развитые территории и отрасли. На основе межотраслевого подхода, который в сочетании с оценкой экономического эффекта для занятости от экспортной деятельности составляет новизну исследования, выделены перспективные отрасли для создания занятости в разрезе профессий, а также отрасли с высоким мультипликатором производственных затрат в качестве перспективных направлений развития. Отмечено, что экспорт добываемых полезных ископаемых в сравнении с другими видами деятельности оказывает меньшее влияние на занятость. Приведены отрасли российской экономики, выпуск продукции которых приносит больший в сравнении с экспортной деятельностью экономический эффект.

Для цитирования: Сидоров М.А. (2024). О влиянии экспорта на численность и профессиональную структуру занятости в России: межотраслевой подход // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 3. С. 118–136. DOI: 10.15838/esc.2024.3.93.7

For citation: Sidorov M.A. (2024). On the impact of exports on the number of employed population and on the professional structure of employment in Russia: An input – output approach. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 17(3), 118–136. DOI: 10.15838/esc.2024.3.93.7

Сделан вывод, что наращивание экспорта продукции этих отраслей экономики в совокупности с освоением новых видов производств внутри страны позволит существенно усилить влияние экспортной деятельности на численность и профессиональную структуру занятости. Результаты могут быть полезны широкому кругу исследователей в области экономики отраслей и территорий, а также органам власти федерального и регионального уровня при разработке и корректировке различных стратегических и отраслевых документов.

Ключевые слова: цепочки создания стоимости, фрагментация производства, занятость, экспорт, межотраслевой баланс.

Благодарность

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-01067, <https://rscf.ru/project/24-18-01067/>

Введение

Экспорт сыграл важную роль в структурных преобразованиях российской экономики за последние десятилетия. Стимулируемая поддерживаемой политикой правительства, экспортная деятельность быстро расширилась, благодаря чему Россия своевременно извлекла выгоду из международной фрагментации производства и стала участником глобально интегрированных производственных сетей. При этом в структуре российского экспорта преобладают сырьевые продукты и полуфабрикаты, тогда как конечная продукция (в первую очередь машиностроения) по-прежнему во многом приобретает за рубежом. Такая модель участия в глобальных цепочках создания стоимости несёт в себе ряд проблем, среди которых наиболее болезненными являются усиление специализации на производстве продукции начальных и средних переделов и слабая способность экспортно-сырьевых отраслей трансформировать прибыль в доходы населения.

Риски, заключающиеся в высокой значимости экспортной деятельности для развития российской экономики, всегда были темой активных дискуссий. После усиления санкционных ограничений в 2022 году положение российских экспортеров осложнилось необходимостью перестраивать логистические цепочки, а также нередко искать новые рынки сбыта для сохранения накопленных технологий и производственных мощностей, одновременно с этим усилились призывы стимулировать внутреннее потребление и изменить характер обслуживания внешнего спроса.

По данным Минэкономки, доля недружественных экономик в экспорте из России к концу 2022 года снизилась до 35%, тогда как еще в начале года занимала 58%. Соответственно, доля нейтральных и дружественных стран увеличилась с 42 до 65%. По итогам 2023 года доля дружественных стран во внешней торговле РФ и вовсе достигла 75%¹. Структура экспорта и импорта не претерпела существенных изменений. В целом импорт сократился за счет европейских стран, весовое падение которых составило около 16%².

Ярким примером успешной адаптации к новым условиям хозяйствования являются российские лесопромышленники, которые смогли оперативно заменить европейские рынки сбыта на азиатские страны. Доля стран Азии в закупках отечественных пиломатериалов увеличилась на 11 п. п. и составила 98%. Для сравнения: в 2021 году доля азиатских стран в структуре экспорта составляла 76%. В 2023 году в топ-10 стран — импортеров российских пиломатериалов не осталось ни одной европейской страны³.

¹ Владимир Ильичев: по итогам 2023 года доля дружественных стран во внешней торговле России составляет более 75%. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/vladimir_ilichev_po_itogam_2023_goda_dolya_druzhestvennyh_stran_vo_vneshney_torgovle_rossii_sostavlyayet_bolee_75.html (дата обращения 30.05.2024).

² Россия перенаправила в дружественные страны почти четверть экспорта. URL: <https://www.rbc.ru/economics/10/02/2023/63e2411a9a794730042580a5> (дата обращения 29.05.2024).

³ Россия нашла альтернативу продаже пиломатериалов в Европу. URL: <https://www.rbc.ru/business/02/02/2024/65b8fc719a79470f2a20dbfd> (дата обращения 29.05.2024).

Очевидно, что характер происходящих структурных сдвигов будет определяться скоростью и качеством адаптации предприятий-экспортеров к новым реалиям (включая переориентацию на внутренний рынок страны), при этом перемены неизбежно отразятся на занятости и уровне жизни населения. Следствием могут стать новые отраслевые, региональные, профессиональные, квалификационные, образовательные и другие структурные несоответствия на рынке труда, которые увеличат риски потери темпов роста производительности труда, снижения объема потенциального ВВП, сложностей в поиске работы и персонала и т. д. Масштабы этих изменений невозможно оценить без анализа косвенных эффектов, обусловленных межотраслевыми связями в экономике. Особенно интересным вопросом является оценка характера и значимости экспортной деятельности для российской экономики, поскольку понимание вклада этого фактора упростит определение мер экономической политики, которые окажут корректирующее воздействие на адаптацию наиболее пострадавших отраслей и территорий.

В связи с вышесказанным целью исследования выступает оценка связи российского экспорта и занятости, а также выявление перспективных направлений трансформации численности и профессиональной структуры занятости путем развития экспортной деятельности. Понятно, что любая оценка потенциальных изменений приближительна, в силу того что картина российской экономики сформировалась лишь отчасти, однако анализ различных сценариев позволяет формулировать некоторые предположения относительно краткосрочной динамики изменения спроса на труд.

Обзор литературы

Изучение влияния различных факторов на занятость предстает важным вопросом для экономистов. Причины этого явления объективны: помимо вопросов балансировки спроса и предложения на российском рынке труда существенно возросла значимость определения и прогнозирования путей ускорения адаптации экономики страны к внешнеторговым ограничениям. Среди исследований тенденций и факторов развития национального рынка труда важное место занимают работы В.Е. Гимпельсона и Р.И. Капелюшникова. В частности, от-

метим недавно опубликованную статью, в которой проведен анализ сдвигов в структуре рабочих мест в российской экономике в период 2000–2019 гг. и сделан вывод о произошедшей «эволюции по сценарию улучшения» (Гимпельсон, Капелюшников, 2023). Под улучшением авторы подразумевают снижение доли «плохих» (рутинных и ожидающих сокращения) рабочих мест при росте «хороших» (высококвалифицированных и высокооплачиваемых). Ключевым условием повышения качества основного капитала и обеспечения экономики трудовыми ресурсами названо ускорение научно-технологического развития.

Схожий вывод представлен в зарубежной работе (Ping, 2023), в которой на основе эконометрических моделей освещаются вопросы, связанные с влиянием характера участия в глобальных цепочках создания стоимости на занятость на примере Китая в 2005–2014 гг. Согласно результатам исследования, сдвиг товарной структуры экспорта по направлению от полуфабрикатов к готовой продукции способствовал снижению занятости в обрабатывающей промышленности в течение исследуемого периода, что подтверждает «гипотезу смешанного благословения» участия в глобальной производственной системе. Отметим, что Китай сталкивается с необходимостью обеспечения работой значительного количества молодых выпускников и безработных, и потому путь ускоренной модернизации промышленного комплекса для него несет определенные социальные риски, тогда как для России он видится оптимальным, поскольку может стать эффективным рычагом в решении вопроса нехватки кадров.

Добавим, что экспортная деятельность является важным источником средств, требуемых для модернизации промышленности, а эффективность этого процесса во многом обусловлена положением страны в глобальных цепочках создания стоимости. В связи с этим возрастает важность определения направлений повышения полезного эффекта от ведения экспортной деятельности на отдельные параметры экономики. Важное место в решении этого вопроса отводится межотраслевому модельному инструментарию, который позволяет оценить косвенные эффекты от предлагаемых изменений в экономике. В качестве примера можно привести работу (Johnson, Nogueira, 2012), авторы

которой пришли к выводу, что при высокой добавленной стоимости в экспорте продукции обрабатывающей промышленности её объем может быть значительно увеличен в секторе услуг в ходе дальнейшего производственного процесса. Объем этого экономического эффекта будет зависеть от развитости внутривнутриотраслевых связей. Также исследователи выяснили, что экспорт товаров, для производства которых требуются отечественные материалы, например, такие как текстиль, имел гораздо более высокий мультипликативный эффект, чем экспорт товаров, произведенных исключительно на основе импортных компонентов, таких как сборочные производства электроники (Chen et al., 2004; Koopman et al., 2012; Pei et al., 2012). К числу подобных работ могут быть отнесены те, в которых оценивается эффект от стимулирования различных отраслей экономики (Леонидова, Румянцев, 2023). Существуют также исследования, посвященные этой проблематике на микроэкономическом уровне (Upward et al., 2013).

В российских исследованиях также освещаются вопросы оценки влияния межотраслевой структуры рабочих мест в экономике на отдельные индикаторы занятости. В частности, в статье (Единак, 2021) автор отмечает способность отраслей реального сектора создавать больший объем занятости в смежных отраслях экономики, тогда как для сферы услуг характерен наибольший прямой прирост фонда оплаты труда при низком мультипликативном эффекте. В другой работе (Единак, 2020) на основе матрицы полных затрат труда приведена декомпозиция затрат труда на прямые и косвенные и обнаружено, что добыча полезных ископаемых обладает самым высоким среди остальных отраслей российской экономики косвенным эффектом создания занятости в остальных отраслях экономики. Причина этого явления заключается в низкой трудоемкости производства продукции добывающей промышленности.

При этом попытки увязать предполагаемые изменения структуры экспорта с прогнозируемыми сдвигами в профессиональной структуре занятости происходят достаточно редко. В качестве примера можно привести работу (Los et al., 2015), где с помощью международных таблиц «затраты — выпуск» решается задача выяв-

ления отраслей, увеличение экспорта продукции которых позволит обеспечить экономику Китая занятостью высокого уровня квалификации. Также стоит отметить попытки исследователей выявить взаимосвязь между отраслевой и профессионально-квалификационной структурами занятости⁴ (Лукьянова, Капелюшников, 2019). В частности, в работе (Кузнецов, 2023) представлен комплекс эконометрических моделей, связывающий изменения в профессионально-квалификационной структуре занятости по видам экономической деятельности в период с 2002 по 2021 год, а также анализируется влияние факторов на динамику отдельных групп занятости.

Попытка измерить влияние экспорта на численность и профессиональную структуру занятости была предпринята на примере Китая в исследовании (Feenstra, Hong, 2010) с использованием таблиц «затраты — выпуск» для учета как прямых, так и косвенных эффектов. Авторы обнаружили, что в период с 1997 по 2002 год влияние роста экспорта на занятость было намного меньше, чем влияние увеличения внутреннего спроса. Это различие было также выявлено в исследовании (Chen et al., 2012) за 2002 и 2007 гг.

В практике оценок профессионально-квалификационного состава занятых на перспективу применяются разнообразные методы прогнозирования. В частности, популярны прямые методы, изучающие динамику занятости в профессионально-квалификационных группах с динамикой каких-либо макроэкономических параметров на основе корреляционно-регрессионной взаимосвязи между ними. Например, методические подходы, изучающие корреляцию темпов роста численности занятых той или иной профессионально-квалификационной группы с темпом роста ВВП или динамикой производства того вида экономической деятельности, в котором работники какой-либо профессионально-квалификационной группы наиболее востребованы (Бакуменко, Сарычева, 2011; Сарычева, 2012; Шмидт, 2013).

⁴ Профессии на российском рынке труда (2017): аналитический доклад НИУ ВШЭ / отв. ред. Н.Т. Вишневская; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 159 с.

Обобщая вышесказанное, отметим, что вопросы оценки прямого и косвенного влияния экспортной деятельности на численность и профессиональную структуру занятости в России почти не представлены в научных исследованиях. При этом благодаря возможности оценить косвенные эффекты межотраслевой модельный инструментарий представляет высокую значимость для выполнения данной задачи.

Материалы и методы

Переходя к описанию применяемого методического инструментария, отметим, что основы подхода к моделированию межотраслевых взаимосвязей в экономике заложены в работах (Leontief, 1936; Leontief, 1941). Для производства продукции необходимы рабочая сила, капитал и промежуточные затраты, при этом промежуточные продукты необходимо производить самим, опять же привлекая факторы производства и промежуточные продукты, и так далее, пока не будут учтены все промежуточные продукты. Leontief представил математическую модель, которая позволяет отслеживать затраты факторов, необходимые на всех этапах производства конкретного конечного

товара, что позволяет измерить вклад внешнего спроса по отношению к внутреннему спросу в генерировании добавленной стоимости в странах происхождения продукта⁵. Подход, который мы применяем, основан на стандартной методике моделирования параметров «затрат – выпуска» применительно к условиям нескольких территорий (Johnson, Noguera, 2012), после чего дополнен информацией о трудовых затратах, необходимых для производства, а также об оплате труда.

Источником данных о структуре экономики и экспорте РФ послужили межстрановые таблицы «затраты – выпуск» за 2014 год (наиболее поздние из опубликованных) для 41 страны и региона, охватывающие мировую экономику, называемые также мировыми таблицами «затраты – выпуск» (WIOD⁶; *рис. 1*). Подробную информацию об этих таблицах можно найти в документации, приведенной в работах (Timmer, 2012; Dietzenbacher et al., 2013). WIOD были построены путем увязки национальных таблиц «затраты – выпуск» на основе рядов национальных счетов, а также между странами с помощью подробной статистики двусторонней торговли.

Рис. 1. Схема межстрановых таблиц «затраты – выпуск»

		Промежуточное потребление		Конечное использование		Всего
		Россия	Остальной мир (ОМ)	Россия	ОМ	
		Отрасль	Отрасль			
Россия	Отрасль	Промежуточное потребление в России продукции, произведенной в России	Промежуточное потребление в ОМ продукции, произведенной в России	Конечное использование в России продукции, произведенной в России	Конечное использование в ОМ продукции, произведенной в России	Выпуск в России
Остальной мир	Отрасль	Промежуточное потребление в России продукции, произведенной в ОМ	Промежуточное потребление в ОМ продукции, произведенной вне России	Конечное использование в России продукции, произведенной в ОМ	Конечное использование в ОМ продукции, произведенной вне России	Выпуск в ОМ
		Добавленная стоимость				
		Выпуск в России	Выпуск в ОМ			

Составлено по: An Illustrated User Guide to the World Input–Output Database: the Case of Global Automotive Production. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/roie.12178>

⁵ См. (Miller, Blair, 2009) для начального введения в теорию межотраслевого анализа. Этому подходу также следовали (Bems et al., 2011) при моделировании последствий от падения мирового спроса в 2008 году.

⁶ Input-Output tables of the WIOD 2016 release. URL: <https://www.rug.nl/ggdc/valuechain/wiod/wiod-2016-release> (дата обращения 20.02.2024).

Таблица 1. Группировка отраслей таблиц WIOT согласно видам экономической деятельности ОКВЭД 2

Виды экономической деятельности в таблицах WIOT	Виды экономической деятельности согласно классификатору ОКВЭД 2
Crop and animal production, hunting and related service activities; Forestry and logging; Fishing and aquaculture	Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство, рыболовство, рыбоводство
Mining and quarrying	Добыча полезных ископаемых
Manufacture of food products, beverages and tobacco products	Пищевая промышленность
Manufacture of textiles, wearing apparel and leather products	Легкая промышленность
Manufacture of wood and of products of wood and cork, except furniture; manufacture of articles of straw and plaiting materials	Деревообработка
Manufacture of paper and paper products; Printing and reproduction of recorded media; Publishing activities	Целлюлозно-бумажная промышленность; издательская и полиграфическая деятельность
Manufacture of coke and refined petroleum products	Производство кокса и нефтепродуктов
Manufacture of chemicals and chemical products; Manufacture of basic pharmaceutical products and pharmaceutical preparations	Химическая и фармацевтическая промышленность
Manufacture of rubber and plastic products	Производство резины и пластмассы
Manufacture of other non-metallic mineral products	Прочие неметаллические минеральные продукты
Manufacture of basic metals; Manufacture of fabricated metal products, except machinery and equipment	Металлургическое производство
Manufacture of computer, electronic and optical products; Manufacture of electrical equipment; Manufacture of machinery and equipment n.e.c.; Manufacture of motor vehicles, trailers and semi-trailers; Manufacture of other transport equipment; Repair and installation of machinery and equipment	Машиностроение
Manufacture of furniture; other manufacturing	Производство мебели и прочие производства
Electricity, gas, steam and air conditioning supply; Water collection, treatment and supply; Sewerage; waste collection, treatment and disposal activities; materials recovery; remediation activities and other waste management services	Производство и распределение электроэнергии, газа и воды; водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений
Construction	Строительство
Wholesale and retail trade and repair of motor vehicles and motorcycles; Wholesale trade, except of motor vehicles and motorcycles; Retail trade, except of motor vehicles and motorcycles; Land transport and transport via pipelines; Water transport; Air transport; Warehousing and support activities for transportation, Postal and courier activities	Торговля и транспорт
Accommodation and food service activities	Деятельность гостиниц и общепитов
Motion picture, video and television programme production, sound recording and music publishing activities; programming and broadcasting activities; Telecommunications; Computer programming, consultancy and related activities; information service activities	Деятельность в области информации и связь
Financial service activities, except insurance and pension funding; Insurance, reinsurance and pension funding, except compulsory social security; Activities auxiliary to financial services and insurance activities	Финансовая деятельность
Real estate activities	Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг
Legal and accounting activities; activities of head offices; management consultancy activities; Scientific research and development; Architectural and engineering activities; technical testing and analysis; Advertising and market research; Other professional, scientific and technical activities; veterinary activities; Administrative and support service activities	Деятельность профессиональная, научная и техническая
Public administration and defence; compulsory social security	Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение
Education	Образование
Human health and social work activities	Здравоохранение и социальные услуги
Other service activities	Прочие услуги

Затем для построения модели исходные таблицы WIOT были сгруппированы до 25 отраслей исходя из наличия данных и соответствия отраслям ОКВЭД 2 (табл. 1). Добавим, что основой для расчетов послужила получившаяся матрица прямых затрат отечественной продукции, тогда как импорт выведен в отдельную матрицу использования импортной продукции.

Основой для модели послужило фундаментальное тождество «затрат – выпуска» (Leontief, 1936):

$$x = Ax + y, \quad (1)$$

где x – вектор суммарного объема продукции;

A – матрица коэффициентов прямых затрат;
 y – вектор конечного продукта.

При моделировании использовано уравнение:

$$(I - A)^{-1} \cdot y = x, \quad (2)$$

где I – единичная матрица; $(I - A)^{-1}$ – матрица коэффициентов полных затрат.

В ней отражены значения валового выпуска x на всех стадиях производства, которые генерируются в процессе производства одной единицы конечной продукции y . На основании полученной матричной зависимости можно рассчитать, каким должен быть объем реализации x в отраслях экономики, если планируется изменение конечного спроса y .

Использование межотраслевого инструментария позволяет определить эффект, который будет получен экономикой при изменении спроса на ее продукцию. Допустим, что в результате дополнительных экспортных поставок российской продукции увеличится также выпуск соответствующих товаров и услуг (это может произойти во время реализации инвестиционных проектов в сфере инфраструктуры, промышленности, роста доходов населения и т. д.). Создание дополнительного спроса на продукцию отдельных отраслей приведёт к увеличению основных экономических показателей по всем видам экономической деятельности.

Добавим, что для детализации потребуется экзогенно задаваемое конечное использование, от характера которого будет зависеть индуцированный прирост занятости⁷ без явного моделирования взаимодействия цен и объемов, которые являются центральными в полноценных моделях общего равновесия (см., например, Levchenko, Zhang, 2012). В то время как такие модели богаче в моделировании поведенческих взаимосвязей, существует дополнительная потребность в эконометрической оценке различных ключевых параметров функций производства и спроса. Поскольку промежуточные ресурсы могут быть получены как внутри страны, так и за рубежом, что является центральной особенностью глобальных производственных систем, количество требуемых параметров, подлежащих оценке, может быть очень большим. Вместо этого мы полагаемся на модель, в которой известны затраты на ресурсы и занятость, и предполагаем, что их пропорции устойчивы для фактических объемов использования продукции.

Переходя к особенностям используемой далее в расчетах модели, определимся, что выпускаемая продукция может использоваться для удовлетворения спроса внутри страны или за рубежом. В результатах моделирования отрасли-производители этих потоков продукции разделены на **сектор внутреннего спроса** и **сектор внешнего спроса**. Последний отличается от экспорта тем, что в него включен индуцированный экономический эффект с учетом межотраслевых взаимодействий, происходящих при производстве экспортируемой продукции. Выделение секторов внутреннего и внешнего спроса подразумевает, что входящие в них отрасли могут входить в оба сектора одновременно, при этом степень участия каждой отрасли в указанных секторах соразмерна удельному весу в ее выпуске поставок на национальный и внешние рынки (в исходных таблицах WIOT).

⁷ В отличие от прямого прироста занятости, который подразумевает изменение численности занятых в каждой отрасли, индуцированный (полный) прирост занятости включает ещё величину косвенного прироста занятости, обусловленного межотраслевыми взаимодействиями.

Соответственно, мультипликативный эффект⁸ от производства экспортируемой продукции определен как отношение совокупного прироста выпуска по всем отраслям к сумме выпуска полного объема экспортной продукции. Таким образом, под влиянием экспортной деятельности на занятость далее подразумевается индуцированный экономический эффект от производства продукции сектора внешнего спроса, выражающийся в формировании рабочих мест и фонда оплаты труда.

Помимо указанных секторов были выделены такие секторы, как «добывающая промышленность», «обрабатывающая промышленность» и «машиностроение», для них разделение по рынкам назначения продукции не производилось.

Также остановимся на трудовой специфике в рамках настоящего исследования. Термин «занятые» Росстат определяет как «лица в возрасте 15 лет и старше, которые в обследуемую неделю выполняли любую деятельность (хотя бы один час в неделю), связанную с производством товаров или оказанием услуг за оплату или прибыль. В численность занятых включаются также лица, временно отсутствовавшие на рабочем месте в течение короткого промежутка времени и сохранившие связь с рабочим местом во время отсутствия»⁹.

В качестве данных о занятости по отраслям экономики России использован показатель «Среднегодовая численность занятых в экономике»¹⁰. Источником данных о профессиональной структуре занятости стали публи-

куемые Росстатом «Микроданные выборочных обследований рабочей силы» (в ходе обработки первичных данных опроса использовалось программное обеспечение IBM SPSS Statistics). Микроданные по этому показателю представлены с 2010 года, что определило период исследования.

Результаты

Влияние экспортной деятельности на занятость

Мультипликативный эффект для российской экономики от производства продукции экспортной деятельности в объеме 1 руб. составил 1,83 руб., что меньше, чем в целом по экономике (1,94; *рис. 2*). 1 рубль внутреннего спроса, в свою очередь, генерирует 1,97 руб. выпуска. Это различие во многом объясняется тем, что добыча полезных ископаемых, поставляющая ключевые товары российского экспорта, обладает сравнительно низким значением показателя (1,56, у обрабатывающей промышленности – 2,15). Наибольшим мультипликативным эффектом для российской экономики обладает металлургия – 2,26¹¹. Отметим, что мультипликативный эффект в одной из наиболее важных для российской экономики отраслей – машиностроении – составляет 2,09, но он может быть существенно увеличен при освоении в рамках страны большего количества этапов производства выпускаемой продукции.

Таким образом, увеличение экспортных поставок продукции обрабатывающей промышленности даст существенно больший мультипликативный эффект, чем сохранение действующей структуры экспорта. Добавим, что перестройка цепочек создания стоимости в этом направлении позволит также приобретать добавленную стоимость, которую российская экономика недополучает, импортируя конечную продукцию.

⁸ Индикатор, также называемый коэффициентом полных затрат и мультипликатором производственных затрат, который отражает прирост одного из макроэкономических показателей (валового выпуска, ВВП, доходов бюджета и др.), обусловленный распространением по системе межотраслевых связей первоначального импульса – увеличения выпуска в одном из секторов. Иными словами, мультипликатор – коэффициент, показывающий, как соотносятся между собой величина эффекта и обусловивший его начальный прирост производства (Ксенофонтов и др., 2018).

⁹ Методологические пояснения Росстата. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/met_ors.docx (дата обращения 25.01.2024).

¹⁰ URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/43211>; <https://www.fedstat.ru/indicator/58994> (дата обращения 29.01.2024).

¹¹ Одной из причин этого явления послужило то, что в таблицах WIOT данные о производстве металлопроката и готовых металлических изделий объединены в одну отрасль, при этом вторая из них является следующим производственным этапом для первой и, следовательно, обладает более высоким мультипликативным эффектом.

Рис. 2. Мультипликативный эффект для экономики РФ в различных видах деятельности, 2014 г., руб./руб.

Источник: рассчитано на основе данных WIOT.

Согласно расчетам, с учетом межотраслевых взаимодействий экспортная деятельность создает 10,6%¹² объема занятости в российской экономике (табл. 2). В немного большей степени от ведения экспортной деятельности зависит формирование фонда заработной платы — 11,1% в целом по экономике.

Примерно половина вклада экспортной деятельности в формирование занятости и фонда

¹² На данном этапе мы исходим из единичной эластичности занятости по выпуску и предполагаем, что структура занятости и фонда оплаты труда в экономике изменяется соразмерно изменению структуры выпуска. Данное упрощение является условностью, в дальнейших исследованиях планируется уточнение взаимосвязей между структурой выпуска и занятости.

оплаты труда приходится на такие отрасли, как торговля и транспорт, также существенное влияние по этим же показателям экспорт оказывает на добычу полезных ископаемых и деятельность профессиональную, научную и техническую. При этом в процентном соотношении более всего ориентированы на экспорт отрасли обрабатывающей промышленности.

Добавим, что средняя по созданной экспортом занятости заработная плата на 4,3% выше, чем у остальных занятых страны. Это, помимо большей производительности труда в силу технологической развитости добывающей промышленности, обусловлено сравнительно высокими квалификационными требованиями к создаваемой занятости.

Таблица 2. Вклад экспортной деятельности в формирование занятости и фонда оплаты труда в российской экономике в 2022 г.

Вид деятельности	Вклад экспорта в выпуск (с учетом межотраслевого эффекта), %	Среднегодовая численность занятых всего, тыс. чел.	Из них вклад экспорта в численность занятых, тыс. чел.	Фонд заработной платы всего, млрд руб.	Из них вклад экспорта в фонд оплаты труда, млрд руб.
Торговля и транспорт	20,4	19 002	3882	13 968	2854
Деятельность профессиональная, научная и техническая	9,7	4 883	472	4 684	453
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение	12	3 594	431	2 739	329
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	18,1	2 266	409	1 627	294
Металлургическое производство	27,6	1 477	407	1 134	313
Добыча полезных ископаемых	26,9	1 194	321	1 697	456
Прочие услуги	9,5	2 841	269	1 916	182
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство, рыболовство, рыбоводство	5,2	4 466	232	2 507	130
Машиностроение	7,9	2 820	221	2 253	177
Химическая и фармацевтическая промышленность	24,7	546	135	510	126
Деревообработка	21,7	610	133	296	64
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	5,6	1 856	105	1 081	61
Строительство	1,3	6 552	87	4 784	64
Целлюлозно-бумажная промышленность; издательская и полиграфическая деятельность	25	310	78	234	59
Финансовая деятельность	5,5	1 303	71	2 293	126
Образование	1	5 272	53	3 062	31
Деятельность в области информации и связь	3,1	1 619	50	2 355	73
Производство резины и пластмассы	10,9	364	40	225	24
Производство мебели и прочие производства	7,2	524	38	266	19
Деятельность гостиниц и общепитов	1,9	1 862	36	839	16
Производство кокса и нефтепродуктов	22	160	35	188	41
Прочие неметаллические минеральные продукты	5,1	544	27	353	18
Пищевая промышленность	1,2	2 013	24	1 206	14
Легкая промышленность	2,5	636	16	246	6
Здравоохранение и социальные услуги	0,1	4 443	5	2 955	3
Всего	10,6	71 157	7577	53 418	5932

Источник: данные Росстата и WIOT.

Влияние экспорта на занятость в разрезе профессий

Экспортная деятельность прямо и косвенно создает потребность в широком круге профессий во всех отраслях российской экономики. Наиболее крупной группой занятых¹³ по создаваемой экспортной деятельностью занятости являются специалисты высшего уровня квалификации и работники сферы обслуживания, ЖКХ, торговли и родственных видов деятельности. Также формируется существенное число занятых среди специалистов среднего уровня квалификации и операторов, аппаратчиков, машинистов установок и машин (в совокупности на четыре перечисленные группы профессий приходится 5,1 млн из 7,6 млн рабочих мест, созданных в ходе экспортной деятельности в 2022 году; табл. 3).

Распределение создаваемой занятости согласно профессиональной структуре за 2010–2022 гг. претерпело существенные изменения. Так, экспортная деятельность стала создавать больший объем занятости, одновременно сократив число привлекаемых руководи-

телей и неквалифицированных рабочих (на 38,6 и 19,5% соответственно) при существенном увеличении доли специалистов высшего уровня квалификации (на 49,9%). Помимо этого, в 2022 году, в сравнении с 2010 годом также снизилось число привлекаемых в ходе экспортной деятельности работников сельского хозяйства (на 37,7%). В то же время выросло число служащих, занятых подготовкой информации, оформлением документации, учетом и обслуживанием, а также работников сферы обслуживания, ЖКХ, торговли и родственных видов деятельности (на 24,4 и 21,2% соответственно). Отметим, что эти изменения проходили в русле с трансформацией профессиональной структуры занятости в целом по стране: в 2010–2022 гг. доля занятых специалистов высшего уровня квалификации увеличилась на 7,2% при сокращении доли руководителей на 3,3%, неквалифицированных рабочих — на 2,8%. Эти данные основаны на выборочном обследовании рабочей силы, и объяснение их динамики видится темой для отдельного исследования.

Таблица 3. Вклад экспортной деятельности в формирование занятости в российской экономике в зависимости от профессиональной структуры в 2010 и 2022 гг.*

Вид деятельности	Год	Укрупненные группы занятий для занятого населения на основной работе									Всего, тыс. чел.
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	
Всего	2010	565	1234	1083	208	1032	313	960	933	864	7190
	2022	347	1849	1007	258	1250	223	933	1015	695	7577
	2022/2010, %	61,4	149,8	93,0	124,0	121,1	71,2	97,2	108,8	80,4	105,4
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	2010	18	15	16	3	4	144	15	63	63	341
	2022	7	15	12	3	5	76	11	44	39	213
	2022/2010, %	38,9	100,0	75,0	100,0	125,0	52,8	73,3	69,8	61,9	62,5
Рыболовство и рыбоводство	2010	1	0	1	0	0	2	1	1	1	7
	2022	0	0	1	0	0	1	1	1	1	6
	2022/2010, %	0,0	–	100,0	–	–	50,0	100,0	100,0	100,0	85,7
Добыча полезных ископаемых	2010	21	28	19	4	8	0	68	110	21	280
	2022	9	46	35	7	10	0	49	129	18	303
	2022/2010, %	42,9	164,3	184,2	175,0	125,0	–	72,1	117,3	85,7	108,2
Обрабатывающие производства	2010	101	146	96	21	40	14	415	182	157	1172
	2022	44	173	108	24	31	11	365	216	116	1088
	2022/2010, %	43,6	118,5	112,5	114,3	77,5	78,6	88,0	118,7	73,9	92,8

¹³ На данном этапе понятия «профессия» и «группа занятий для занятого населения на основной работе» используются как взаимозаменяемые с целью упрощения изложения материала.

Окончание таблицы 3

Вид деятельности	Год	Укрупненные группы занятий для занятого населения на основной работе									Всего, тыс. чел.
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	2010	26	40	40	9	28	0	82	93	28	347
	2022	15	74	61	13	8	0	107	84	25	386
	2022/2010, %	57,7	185,0	152,5	144,4	28,6	–	130,5	90,3	89,3	111,2
Строительство	2010	8	7	4	1	1	0	31	10	10	71
	2022	3	11	9	1	1	0	36	10	10	82
	2022/2010, %	37,5	157,1	225,0	100,0	100,0	–	116,1	100,0	100,0	115,5
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий	2010	260	175	255	52	1160	2	149	150	230	2432
	2022	170	262	295	42	1288	2	173	129	191	2553
	2022/2010, %	65,4	149,7	115,7	80,8	111,0	100,0	116,1	86,0	83,0	105,0
Гостиницы и рестораны	2010	2	1	2	0	13	0	1	1	3	23
	2022	2	2	4	1	19	0	1	1	5	34
	2022/2010, %	100,0	200,0	200,0	–	146,2	–	100,0	100,0	166,7	147,8
Транспорт и связь	2010	59	66	88	39	39	1	150	357	82	880
	2022	47	180	94	113	61	0	104	503	56	1158
	2022/2010, %	79,7	272,7	106,8	289,7	156,4	0,0	69,3	140,9	68,3	131,6
Финансовая деятельность	2010	7	25	12	11	1	0	0	2	2	61
	2022	4	30	15	11	3	0	1	1	1	67
	2022/2010, %	57,1	120,0	125,0	100,0	300,0	–	–	50,0	50,0	109,8
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	2010	74	247	115	30	125	0	84	49	89	813
	2022	47	357	131	43	170	3	89	47	87	973
	2022/2010, %	63,5	144,5	113,9	143,3	136,0	–	106,0	95,9	97,8	119,7
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное страхование	2010	42	146	109	18	66	0	7	30	45	463
	2022	24	160	70	20	73	1	5	25	29	407
	2022/2010, %	57,1	109,6	64,2	111,1	110,6	–	71,4	83,3	64,4	87,9
Образование	2010	3	24	15	1	5	0	1	1	8	58
	2022	2	32	1	1	6	0	0	1	5	50
	2022/2010, %	66,7	133,3	6,7	100,0	120,0	–	0,0	100,0	62,5	86,2
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	2010	0	1	2	0	1	0	0	0	1	5
	2022	0	1	2	0	0	0	0	0	0	5
	2022/2010, %	–	100,0	100,0	–	0,0	–	–	–	0,0	100,0
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	2010	26	41	34	19	59	1	8	10	38	237
	2022	16	59	34	8	90	1	18	6	21	254
	2022/2010, %	61,5	143,9	100,0	42,1	152,5	100,0	225,0	60,0	55,3	107,2

Условные обозначения: 1 – руководители; 2 – специалисты высшего уровня квалификации; 3 – специалисты среднего уровня квалификации; 4 – служащие, занятые подготовкой информации, оформлением документации, учетом и обслуживанием; 5 – работники сферы обслуживания, ЖКХ торговли и родственных видов деятельности; 6 – квалифицированные работники сельского, лесного, охотничьего хозяйств, рыбоводства и рыболовства; 7 – квалифицированные рабочие промышленных предприятий, строительства, транспорта, связи, геологии и разведки недр; 8 – операторы, аппаратчики, машинисты установок и машин; 9 – неквалифицированные рабочие.

* Данные выборочного обследования рабочей силы за 2015–2022 гг. публикуются без учета итогов Всероссийской переписи населения 2020 года. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Trud_2023.pdf

Источник: данные Росстата и WIOT.

Поиск путей трансформации занятости

Важное значение для оценки позитивного влияния экспортной деятельности на занятость имеет сопоставление совокупного межотраслевого эффекта от увеличения в равном объеме поставок экспортируемой продукции и дополнительного выпуска продукции, предназначенной для потребления внутри страны (производства которых ранее обозначены как секторы внешнего и внутреннего спроса). Помимо этого, для определения направлений структурных изменений приведены эффекты от стимулирования добывающей и обрабатывающей промышленности, а также машиностроения (вне зависимости от места потребления их продукции). Условием моделирования было предполагаемое увеличение спроса в равном объеме (1 млрд руб.) на продукцию перечисленных секторов российской экономики.

Оговоримся, что позитивным эффектом увеличение занятости названо условно, поскольку немаловажно также обращать внимание на такие угрозы, как растущая потребность оборонно-промышленного комплекса в кадрах, сокращение численности рабочей силы и ее старение, усложнение развития традиционно экспортоориентированных нефтегазовых отраслей российской экономики вследствие внешнеторговых ограничений, что, в свою очередь, создает угрозу существенного снижения объема налоговых поступлений. Стоит упомянуть и исторически низкий уровень безработицы в России – в марте 2024 года (наиболее актуальные данные) он составил 2,7%. Согласно данным опроса, проведенного службой исследований hh.ru, к основным причинам, вызвавшим дефицит кадров, работодатели относят усиление геополитической напряженности, отсутствие профильных специалистов и демографические проблемы. Также сказывается так называемый «эффект самораскручивающейся спирали»: опасаясь потенциального дефицита кадров, связанного с их переманиванием и сложностью нового найма, работодатели начинают превентивно заявлять вакансии¹⁴.

¹⁴ «Идеальный шторм»: как сейчас в России идет борьба за кадры. URL: <https://www.rbc.ru/industries/news/65b24b2c9a7947083271df29> (дата обращения 25.02.2024).

Но вместе с тем существуют потенциально перспективные источники рабочих рук. Одним из факторов является специфическая модель антикризисного поведения российских предпринимателей: людей стараются не сокращать, а сохраняют занятость за счет сокращения рабочего времени, таким образом создавая возможность распределения дополнительной трудовой нагрузки.

Другими способами, помимо традиционных мер поддержки рынка труда, являются профобучение и повышение квалификации для безработных, а также дополнительные меры для поддержки занятости, такие как временные работы, субсидирование найма, прежде всего молодежи, в рамках которого работодатели получают поддержку в размере трех минимальных размеров оплаты труда. Еще одна новая популярная мера – переобучение сотрудников на самом предприятии. Если предприятие переходит на новую технологию, закупает новые производственные линии и оборудование, сырье и материалы, государство берет на себя обязанность по переподготовке работников¹⁵. Министр труда и социальной защиты Антон Котяков отметил, что в рамках реализации федерального проекта «Содействие занятости» нацпроекта «Демография» более 76 тысяч человек уже приступили к обучению, а завершили его 32,2 тысячи.

Специалисты традиционно отмечают, что широкое внедрение новых технологий, включая искусственный интеллект, также будет оказывать неоднозначное влияние на рынок труда. С одной стороны, производительность труда может вырасти в разы, с другой стороны, часть рабочих мест будет сокращена. В качестве примера регулирования модернизации экономики можно привести закрепление особого статуса приоритетных отраслей¹⁶. Прежде всего

¹⁵ Генеральный директор ВНИИ труда Минтруда России Дмитрий Платыгин в интервью «РГ» рассказал, почему в России такая низкая безработица. URL: <https://rg.ru/2022/10/18/legche-ne-teriat.html> (дата обращения 30.05.2024).

¹⁶ Об утверждении приоритетных направлений проектов технологического суверенитета и проектов структурной адаптации экономики РФ: Постановление Правительства РФ от 15.04.2023 № 603; О Стратегии научно-технологического развития РФ: Указ Президента Российской Федерации от 28.02.2024. № 145.

речь идет о проектах, устраняющих низкий уровень локализации и критическую зависимость от недружественных государств. Также этому процессу будет способствовать изменение организационной структуры традиционных видов деятельности, таких как постепенный переход розничной торговли от розничных точек к формату «даркстор», предназначенному исключительно для передачи доставляемых товаров курьерам.

Возвращаясь к оценке мультипликативного эффекта от увеличения выпуска продукции секторов российской экономики, отметим, что создаваемая занятость на единицу выпуска продукции сектора внешнего спроса существенно превышает значения добывающей промышленности, в то же время отставая по этому показателю от остальных рассматриваемых секторов (табл. 4). Наибольший прирост занятости при производстве фиксированного стоимостного объема продукции наблюдается в секторе внутреннего спроса.

При увеличении спроса на продукцию сектора внешнего спроса значительная часть заня-

тости создается в торговле и транспорте, что также верно и для остальных рассматриваемых секторов экономики. Также при дополнительном спросе на продукцию машиностроения порядка половины создаваемой занятости придется на подотрасли этого вида деятельности, что выделяет машиностроение среди других секторов промышленности. Схожим образом распределится прирост фонда оплаты труда, при этом средняя заработная плата в созданной занятости в экспортной деятельности будет наиболее близка к заработной плате в машиностроении (табл. 5).

Средняя заработная плата будет выше в группе занятых, привлеченных при увеличении спроса на продукцию добывающей промышленности, однако из-за низких трудозатрат прирост фонда оплаты труда в этой отрасли будет меньшим, чем у остальных рассматриваемых секторов экономики. Отметим, что внутренний спрос, напротив, генерирует высокий прирост фонда оплаты труда при более низкой средней заработной плате вовлекаемых занятых.

Таблица 4. Прирост занятости в видах деятельности от увеличения спроса на продукцию секторов экономики РФ на 1 млрд руб. в 2022 г., чел.

Вид деятельности	Сектор внешнего спроса	Сектор внутреннего спроса	Добывающая промышленность	Обрабатывающая промышленность	Машиностроение
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство, рыболовство, рыбоводство	16	64	2	47	4
Добыча полезных ископаемых	22	4	46	4	2
Пищевая промышленность	2	25	0	43	0
Металлургическое производство	28	20	4	41	24
Машиностроение	15	43	8	69	334
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	29	46	25	29	23
Строительство	6	58	4	6	5
Торговля и транспорт	271	282	110	240	183
Деятельность профессиональная, научная и техническая	33	68	27	32	32
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение	15	43	16	15	15
Прочие отрасли	94	249	51	134	65
Итого	513	856	282	640	672
Источник: данные Росстата и WIOD.					

Таблица 5. Прирост фонда оплаты труда в видах деятельности от увеличения спроса на продукцию секторов экономики РФ на 1 млрд руб. в 2022 году, млн руб.

Вид деятельности	Сектор внешнего спроса	Сектор внутреннего спроса	Добывающая промышленность	Обрабатывающая промышленность	Машиностроение
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство, рыболовство, рыбоводство	9	36	1	26	2
Добыча полезных ископаемых	32	6	65	6	2
Пищевая промышленность	1	15	0	26	0
Металлургическое производство	22	15	3	31	18
Машиностроение	12	34	6	55	267
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	20	33	18	21	17
Строительство	4	43	3	4	3
Торговля и транспорт	199	207	81	177	135
Деятельность профессиональная, научная и техническая	32	65	26	31	30
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение	12	33	13	11	11
Прочие отрасли	58	151	30	82	40
Итого	401	638	246	470	525
Справочно: среднемесячная заработная плата вновь привлеченных работников, руб. (В целом по экономике за 2022 г. 62558 руб.)	65283	62413	73319	60999	65364
Источник: данные Росстата и WIOT.					

С точки зрения профессиональной структуры производство продукции сектора внешнего спроса в сравнении с производством продукции внутреннего спроса создаёт существенно меньше занятости по всем группам занятий (табл. 6). При этом в создаваемой сектором внешнего спроса занятости доля руководителей будет большей, чем в остальных секторах (5,2%). Крупнейшей группой занятий среди занятых, прямо и косвенно привлекаемых сектором внешнего спроса, стали работники сферы обслуживания, жилищно-коммунального хозяйства, торговли и родственных видов деятельности (23,7%). Для сектора внутреннего спроса характерна иная картина – самой большой группой из привлекаемых занятых являются специалисты высшего уровня квалификации (19,7%), а при увеличении конечного спроса на его продукцию в размере 1 млрд руб. будет задействовано почти вдвое большее в сравнении с сектором внешнего спроса количество специалистов высшего и среднего уровня квалификации.

Результаты моделирования позволяют заключить, что добывающая промышленность, несмотря на сравнительно высокую долю специалистов высшего и среднего уровня квалификации, значительно отстает по значению прироста в численном выражении этой группы занятий от обрабатывающей промышленности. Следовательно, изменение структуры экспорта путем наращивания поставок продукции обрабатывающей промышленности благоприятно скажется на численности и профессиональной структуре занятых. В этом ключе профессиональная структура машиностроения интересна меньшей долей руководителей (4,7% при 4,9% у обрабатывающей индустрии) при высоком удельном весе квалифицированных рабочих промышленных предприятий, строительства, транспорта, связи, геологии и разведки недр (22,8%). Добавим, что для усиления вклада экспортной деятельности в формирование занятости будет результативным наращивание поставок других отраслей обрабатывающей промышленности с высоким мультипликатив-

Таблица 6. Прирост занятости в профессиональном разрезе от увеличения спроса на продукцию секторов экономики РФ на 1 млрд руб. в 2022 году, чел.

Укрупненные группы занятий для занятого населения на основной работе	Сектор внешнего спроса		Сектор внутреннего спроса		Добывающая промышленность		Обрабатывающая промышленность		Машиностроение	
	Чел.	% по сектору	Чел.	% по сектору	Чел.	% по сектору	Чел.	% по сектору	Чел.	% по сектору
Руководители	27	5,2	42	4,9	14	4,9	31	4,9	32	4,7
Специалисты высшего уровня квалификации	86	16,8	169	19,7	56	19,7	104	16,3	115	17,1
Специалисты среднего уровня квалификации	58	11,2	104	12,2	34	12,1	69	10,7	73	10,8
Служащие, занятые подготовкой информации, оформлением документации, учетом и обслуживанием	19	3,7	30	3,5	11	3,8	21	3,3	21	3,1
Работники сферы обслуживания, жилищно-коммунального хозяйства, торговли и родственных видов деятельности	122	23,7	165	19,3	58	20,5	114	17,8	95	14,1
Квалифицированные работники сельского, лесного, охотничьего хозяйств, рыболовства и рыболовства	7	1,3	24	2,8	1	0,5	19	3,0	5	0,8
Квалифицированные рабочие промышленных предприятий, строительства, транспорта, связи, геологии и разведки недр	68	13,2	122	14,3	36	12,6	114	17,8	153	22,8
Операторы, аппаратчики, машинисты установок и машин	86	16,8	123	14,3	52	18,5	109	17,0	117	17,4
Неквалифицированные рабочие	41	7,9	77	9,0	21	7,4	59	9,2	62	9,2
Всего	513	100,0	856	100,0	282	100,0	640	100,0	672	100,0

Источник: данные Росстата и WIOT.

ным эффектом, но задействование такого фактора, как доходы от экспорта для развития отечественной машиностроительной индустрии в свете усиливающихся внешнеторговых ограничений видится особенно ценным.

Исследователи придерживаются схожего мнения по вопросу развития экономики с помощью поддержки экспорта продукции инвестиционного машиностроения (Борисов и др., 2020). Авторы отмечают, что стимулирование экспорта этой товарной группы в рамках политики «неавтаркичного развивающего импортозамещения» создает возможность дополнительного финансирования НИОКР, поскольку цены экспорта в большинстве случаев выше цен внутреннего рынка.

Отдельно стоит остановиться на том, что негативное влияние на динамику формирования широкого круга необходимых для развития

машиностроения высококвалифицированных и высокооплачиваемых рабочих мест в российской экономике оказывает инерционная система функционирования бизнеса в режиме «ловушки дешевого труда», при которой у предприятий нет достаточной мотивации для наращивания автоматизации, труд малопродуктивен, мало оплачивается, замещать его технологиями получается неэффективно. Однако военнослужащие, а также привлеченные работники оборонно-промышленного комплекса, которые получают высокие выплаты, не в полной мере «будут возвращаться на старые рабочие места с кратно меньшей компенсацией. В результате экономика столкнется с новым трендом — исчерпанием готовности населения к дешевому труду, рост его территориальной и профессиональной мобильности станет новым вызовом для экономики. Когда он будет до

конца осознан, можно ожидать возникновения мощного стимула к технологической модернизации производства, роботизации, профессиональной переподготовке занятых»¹⁷. По данным hh.ru, в марте 2024 года медианное значение предлагаемых российскими работодателями зарплат впервые за несколько лет превысило медианное значение зарплат, ожидаемых соискателями¹⁸.

Заслуживающим внимания инструментом осуществления дополнительных экспортных поставок продукции отраслей российской экономики может служить модель «связанных кредитов» по примеру Китая, при которой условием предоставления другим странам денежных займов является продажа товаров и услуг собственного производства стране – получателю займа. Бюджетные ресурсы также могут стать важнейшим источником для запуска нового инвестиционного цикла, так как позволяют направить ресурсы туда, где существуют возможности для достижения наибольшего макроэкономического эффекта; кроме того, они демонстрируют бизнесу направления для эффективного вложения средств (Широв и др., 2022).

Заключение

Подытоживая проведенный анализ влияния экспортной деятельности на численность и профессиональную структуру занятых, можно отметить следующее.

1. Экспортная деятельность России в 2022 году прямо и косвенно обеспечила работой 10,6% занятых в экономике. При этом влияние дополнительного экспорта на занятость существенно отстает от сектора внутреннего спроса: по численности занятых – в 1,67 раза, по фонду оплаты труда – в 1,59 раза. Добавим, что внутренний спрос благодаря большему мультипликативному эффекту генерирует сравнительно высокий прирост фонда оплаты труда при меньшей средней заработной плате вовлекаемых занятых. В разрезе профессий различие также значимо: мультипликативный эффект для занятости от производства продукции сектора внутреннего спроса в 1,89 раза выше для специалистов высшего и среднего уровня квалификации.

¹⁷ Дешевый труд уходит в запас. URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2024/04/19/661fb0ab9a79477de1080a16> (дата обращения 30.05.2024).

¹⁸ Там же.

2. В профессиональном разрезе экспортная деятельность в 2010–2022 гг. сократила число привлекаемых руководителей и неквалифицированных рабочих (на 38,6 и 19,5% соответственно) при существенном увеличении доли специалистов высшего уровня квалификации (на 49,9%). Эти изменения проходили одновременно с трансформацией профессиональной структуры занятости в целом по стране, но оказались более ярко выраженными. Крупнейшей группой среди занятых, прямо и косвенно привлекаемых сектором внешнего спроса, являются работники сферы обслуживания, жилищно-коммунального хозяйства, торговли и родственных видов деятельности (23,7%). Для сравнения, в секторе внутреннего спроса самую большую группу привлекаемых занятых формируют специалисты высшего уровня квалификации (19,7%), а при увеличении конечного спроса на его продукцию будет задействовано почти вдвое большее в сравнении с сектором внешнего спроса количество специалистов высшего и среднего уровня квалификации.

3. В качестве примера рычагов усиления влияния экспортной деятельности на численность и профессиональную структуру занятости приведено увеличение поставок продукции обрабатывающей индустрии, в частности машиностроения, при которых доля привлекаемых квалифицированных рабочих промышленных предприятий, строительства, транспорта, связи, геологии и разведки недр составит 22,8%. Отмечено, что увеличение воздействия экспортной деятельности на занятость возможно и при наращивании поставок других отраслей обрабатывающей промышленности с высоким мультипликативным эффектом. Инструментом повышения мультипликативного эффекта отдельных отраслей, в свою очередь, является освоение в рамках российской экономики производства новых либо недостающих этапов обработки продукции. Также полезным для комплексной модернизации экономики страны будет развитие такого источника денежных средств, как внутренний потребительский спрос.

В наших планах – дальнейшее совершенствование данной темы, расширение оценок качественных характеристик роста занятости в ходе реализации различных проектов, построение прогнозов, улучшение визуализации полученных результатов (карты, графики) и др.

Литература

- Бакуменко Л.П., Сарычева Т.В. (2011). Анализ интенсивности структурных сдвигов занятости в регионе // Вестник Поволжского государственного технологического университета. Серия: Экономика и управление. № 1. С. 82–96.
- Борисов В.Н., Почукаева О.В., Почукаев К.Г. (2020). Отечественная инвестиционная техника на мировом рынке: динамика и структурные сдвиги // Проблемы прогнозирования. № 5. С. 3–13.
- Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И. (2023). Эволюция структуры рабочих мест в России: поляризация, улучшение, застой? // Экономист. № 1. С. 59–85.
- Единак Е.А. (2021). Влияние межотраслевых экономических факторов на занятость и оплату труда // Социально-трудовые исследования. № 44 (3). С. 73–83. DOI: 10.34022/2658-3712-2021-44-3-73-83
- Единак Е.А. (2020). Оценка полных затрат труда для обоснования решений в области экономической политики // Проблемы прогнозирования. № 6. С. 92–103.
- Ксенофонтов М.Ю., Широков А.А., Ползиков Д.А., Янтовский А.А. (2018). Оценка мультипликативных эффектов в российской экономике на основе таблиц «затраты – выпуск» // Проблемы прогнозирования. № 2. С. 3–13.
- Кузнецов С.Г. (2023). Моделирование динамики структурных изменений в профессионально-квалификационном составе занятых // Научные труды. Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. № 4. С. 205–235. DOI: 10.47711/2076-3182-2023-4-205-235
- Леонидова Е.Г., Румянцев Н.М. (2023). Сценарное моделирование потребления туристских услуг в России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 2. С. 35–51. DOI: 10.15838/esc.2023.2.86.2
- Лукьянова А.Л., Капелюшников Р.И. (2019). Отраслевая и профессиональная структура занятости российских работников предпенсионного и пенсионного возраста / Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики (Серия WP3 «Проблемы рынка труда»). 39 с.
- Пителин А.К. (2020). Оценка роста производства и инфляции при стимулировании потребительского спроса // Экономическая наука современной России. № 2. С. 57–67. URL: [https://doi.org/10.33293/1609-1442-2020-2\(89\)-57-67](https://doi.org/10.33293/1609-1442-2020-2(89)-57-67)
- Сарычева Т.В. (2012). Методика сравнительного анализа структурных сдвигов в занятости населения // Актуальные проблемы развития экономики России: сборник материалов межрегиональной научно-практической конференции. Йошкар-Ола. С. 179–181
- Широв А.А., Брусенцева А.Р., Савчишина К.Е., Каминова С.В. (2022). Прогнозно-аналитические возможности макроэкономических моделей в условиях кризисного развития экономики (на примере модели QUMMIR) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 6. С. 35–51. DOI: 10.15838/esc.2022.6.84.2
- Шмидт Ю.И. (2013). Показатели оценки структурных сдвигов в аграрном секторе экономики // Альманах современной науки и образования. № 6 (73). С. 190–193.
- Chen X., Cheng L.K., Fung K.C. et al. (2012). Domestic value added and employment generated by Chinese exports: A quantitative estimation. *China Economic Review* 23 (4), 850–864.
- Chen X., Cheng L.K., Fung K.C., Lau Lawrence J. (2004). The estimation of domestic value added and employment induced by exports: An application to Chinese exports to the United States. In: *Presented at the 2005 American Economic Association Meeting, Philadelphia and Working Paper*. Stanford University.
- Dietzenbacher E., Los B., Stehrer R. et al (2013). The construction of world input-output tables in the WIOD project. *Economic Systems Research*, 25(1), 71–98.
- Feenstra R.C., Hong C. (2010). China's exports and employment. In: Feenstra R.C., Wei S.-J. (Eds.). *China's Growing Role in World Trade*. University of Chicago Press.
- Johnson R.C., Noguera G. (2012). Accounting for intermediates: Production sharing and trade in value added. *Journal of International Economics*, 86(2), 224–236.
- Koopman R., Wang Z., Wei S.-J. (2012). Estimating domestic content in exports when processing trade is pervasive. *Journal of Development Economics*, 99(1), 178–189.
- Leontief W.W. (1936). Quantitative input-output relations in the economic system of the United States. *Review of Economics and Statistics*, 18(3), 105–125.
- Leontief W.W. (1941). *The Structure of American Economy 1919–1939*. New York: Oxford University Press.

- Levchenko A.A., Zhang J. (2012). Comparative advantage and the welfare impact of European integration. *Economic Policy*, 27(72), 567–602.
- Los B., Timmer M.P., de Vries G.J. (2015). How important are exports for job growth in China? A demand side analysis. *Journal of Comparative Economics*, 43(1), 19–32. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jce.2014.11.007>
- Pei J., Oosterhaven J., Dietzenbacher E. (2012). How much do exports contribute to China's income growth? *Economic Systems Research*, 24(3), 275–298.
- Ping H. (2023). Impact of global value chains' participation on manufacturing employment in China. *Asian Journal of Economics and Business*, 4(2), 367–387. DOI: <https://DOI:10.47509/AJEB.2023.v04i02.11>
- Timmer M.P. (Ed.). (2012). *The World Input-Output Database (WIOD): Contents, Sources, and Methods*. WIOD Working Paper nr. 10. Available at: www.wiod.org
- Upward R., Wang Z., Zheng J. (2013). Weighing China's export basket: The domestic content of technology intensity of Chinese exports. *Journal of Comparative Economics*, 41(2), 527–543.

Сведения об авторе

Максим Андреевич Сидоров – научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: ma.sidorov@mail.ru)

Sidorov M.A.

On the Impact of Exports on the Number of Employed Population and on the Professional Structure of Employment in Russia: An Input – Output Approach

Abstract. The transformation of export activity, which is a “pillar” of the Russian economy and some of its regions, taking place amid geopolitical instability, determines the importance of assessing the consequences of this process for employment, as well as searching for the most promising types of economic activity that could become locomotives of development in the new economic conditions. In this regard, the aim of our study is to assess the impact of export activities on the number and professional structure of employment, as well as to identify promising areas for changing the structure of Russian exports. The multi-country input – output tables of the international database “The World Input – Output Database” served as the basis for modeling; the information base also included data from Rosstat and the Federal Customs Service. The study is of particular relevance, since the most technologically developed territories and industries facing the risks of deterioration of the investment climate and quality of life. Based on an input – output approach, which, along with an assessment of the economic effect on employment from export activities, constitutes the novelty of the study, we identify promising industries for job creation in the context of professions; we also highlight industries with a high multiplier of production costs as promising areas of development. It is noted that the export of minerals, in comparison with other types of activities, has less impact on employment. We point out the branches of the Russian economy, the output of which brings a greater economic effect in comparison with export activities. It is concluded that increasing exports of products from these economic sectors, combined with the development of new types of production within the country, will significantly enhance the impact of export activities on the number of employees and on the professional structure of employment. The results can be useful to a wide range of researchers in the field of economics of industries and territories, as well as to federal and regional authorities in the development and revision of various strategic and sectoral documents.

Key words: value chains, fragmentation of production, employment, exports, input – output tables.

Information about the Author

Maksim A. Sidorov – Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: ma.sidorov@mail.ru)

Статья поступила 26.02.2024.

Корпоративная демографическая политика как инструмент реализации стратегических интересов государства, бизнеса и персонала

Анна Петровна

БАГИРОВА

Уральский федеральный университет имени первого Президента России

Б.Н. Ельцина

Екатеринбург, Российская Федерация

e-mail: a.p.bagirova@urfu.ru

ORCID: 0000-0001-5653-4093; ResearcherID: M-7440-2013

Ася Сергеевна

ВАВИЛОВА

Новосибирский государственный университет экономики и управления

«НИНХ»

Новосибирск, Российская Федерация

e-mail: a.s.vavilova@edu.nsuem.ru

ORCID: 0000-0003-0079-7024; ResearcherID: KDM-7720-2024

Наталья Дмитриевна

БЛЕДНОВА

Уральский федеральный университет имени первого Президента России

Б.Н. Ельцина

Екатеринбург, Российская Федерация

e-mail: n.d.blednova@urfu.ru

ORCID: 0000-0001-5362-7905; ResearcherID: ABB-7517-2021

Для цитирования: Багирова А.П., Вавилова А.С., Бледнова Н.Д. (2024). Корпоративная демографическая политика как инструмент реализации стратегических интересов государства, бизнеса и персонала // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 3. С. 137–153. DOI: 10.15838/esc.2024.3.93.8

For citation: Bagirova A.P., Vavilova A.S., Blednova N.D. (2024). Corporate demographic policy as a tool for implementing the strategic interests of the state, business and employees. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 17(3), 137–153. DOI: 10.15838/esc.2024.3.93.8

Аннотация. Демографическая повестка и трансформации современного рынка труда требуют актуализации концепции социальной ответственности бизнеса, в том числе в направлении поддержки сотрудников, имеющих семейные обязанности. Цель исследования состоит в разработке и апробации комплексной методики оценки существующих мер корпоративной демографической политики в российских организациях. Методологической базой для включения института бизнеса в реализацию демографической политики послужили неинституциональный теоретический подход и теории лояльности персонала. В основу эмпирического исследования положена авторская методика комплексной оценки мер корпоративной демографической политики по трем индикаторам: информированность работников о существовании мер, полезность мер для получателей и демографическая эффективность. Информационную базу составили материалы опроса 1000 респондентов, проживающих в Сибирском и Уральском федеральных округах. В ходе исследования получены следующие результаты: 1) система мер, направленных на поддержку российских работников и их семей, пока не является разветвленной, комплексной и устойчивой; 2) определены меры, лидирующие по информационному продвижению, оценкам полезности и потенциальному влиянию на репродуктивное поведение; выявлены меры, которые не распространены в российских организациях, но имеют потенциал влияния на принятие репродуктивных решений; 3) разработаны основы стратегии корпоративной социальной политики, направленной на поддержку государственной демографической повестки, развитие актуальных практик корпоративного управления, ориентированной на учет потребностей работников. Результаты исследования формируют представление о востребованном векторе стратегического планирования концепции социальной ответственности организаций, который, учитывая трансформации современного рынка труда, направлен одновременно на поддержку государственной демографической повестки и усиление корпоративного управления.

Ключевые слова: корпоративная демографическая политика, корпоративная социальная ответственность, человеческий капитал, оценка мер, государственная демографическая политика.

Благодарность

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00854, <https://rscf.ru/project/24-18-00854/>.

Введение

Реалии современного общества, такие как турбулентность экономики, трансформация рынка труда, обусловленная цифровизацией, кадровым дефицитом и изменением трудовой мотивации населения, определяют поиск российскими организациями новых инструментов политики социальной ответственности. Ее важность усиливается в связи с развивающейся в стране негативной демографической ситуацией – вопросы сбережения российского населения и развития человеческого потенциала звучат сегодня особенно актуально. В послании Президента Российской Федерации Федеральному собранию, прозвучавшем 29 февраля 2024 г.¹, озвучены новые меры государственной поддержки семей с детьми, анонсированы но-

вые национальные проекты социального характера. Все это дополняет те меры, которые уже реализуются в стране несколько лет и которые зафиксированы в Концепции демографической политики РФ на период до 2025 года² и национальном проекте «Демография»³.

Социальные институты и сообщества могут выступать в качестве стейкхолдеров, участвующих в трансформации отдельных направлений государственной политики (Panikarova, 2019; Ревнава et al., 2022). Важность расширения списка социальных институтов, ответственных за формирование и развитие человеческого

¹ Послание Президента Федеральному Собранию. 29.02.2024. URL: <http://duma.gov.ru/legislative/documents/president/> (дата обращения 26.03.2024).

² Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года: Указ Президента РФ от 09.10.2007 № 1351.

³ Паспорт национального проекта «Демография». URL: <http://government.ru/info/35559/> (дата обращения 10.03.2024).

капитала, обоснована в целом ряде научных исследований. Одним из таких социальных институтов выступает социальный институт бизнеса (Багирова, Вавилова, 2022; Шубат, 2014). Сегодня это направление социальной ответственности в России реализуется, как правило, крупными отраслевыми холдингами, компаниями, работающими в передовых отраслях экономики⁴. На совместном заседании ВЦИОМ и Ассоциации менеджеров был озвучен пул эффективных кейсов, реализуемых российскими компаниями по поддержке семейных сотрудников, однако эксперты отмечали, что для средних и малых предприятий такие практики пока не являются распространёнными⁵. Вместе с тем достижение эффекта от такого рода мер напрямую связано с их распространённостью на разных типах предприятий.

По данным ВЦИОМ, чуть больше половины россиян (58%) считают важной поддержкой семьи со стороны работодателя, так как именно он формирует социальные нормы и определяет стандарты поведения. При этом, согласно результатам опроса, в настоящее время лишь 33% семей с детьми получают поддержку от работодателей. Среди существующих мер, согласно приводимым данным, материальная помощь при рождении детей, предоставление дополнительных выходных для заключения брака и на время родов, материальная помощь во время беременности, оплата расходов на детский отдых и дополнительные выплаты сотрудникам, находящимся в отпуске по уходу за ребенком⁶.

Отметим, что начиная с 2023 года внимание государства, бизнеса и общества к теме взаимосвязи демографической и экономической подсистем общества заметно возросло. Потребность в формировании новых подходов к взаимодействию государства и корпоративного сектора по вопросам семьи и демографии была определена на Петербургском международ-

ном экономическом форуме⁷; в качестве меры поддержки ответственного бизнеса на Восточном экономическом форуме было озвучено решение о внедрении социального рейтинга (ЭКГ-рейтинг). Это универсальная оценка, направленная на определение уровня благонадежности, социальной и экологической ответственности предприятий и разработки стандарта социального капитала бизнеса на основе принципов ответственного ведения бизнеса⁸.

Реализация политики, направленной на поддержку сотрудников и их семей, влечет целый ряд преимуществ для организаций. Российскими и зарубежными учеными фиксируется влияние мер подобной политики на эффективность деятельности организаций и повышение их привлекательности как работодателей (Громова, 2020; Saurabh, Modi, 2013; Fore, 2019; Mullins et al., 2020; Wong et al., 2020). Согласно результатам зарубежных исследований, включение поддержки семейной жизни в ценности компании на уровне корпоративной культуры оказывает влияние на продуктивность сотрудников (Kim, Wiggins, 2011); использование гибких графиков отпусков и работы для сотрудников с детьми повышает уровень удовлетворенности и лояльности персонала (Камарова и др., 2023; Bourhis, Mekkaoui, 2010); в компаниях, которые субсидируют услуги по уходу за детьми, отмечается снижение текучести кадров (Lee, Hong, 2011).

В условиях занятости обоих супругов на рынке труда наличие в организации мер корпоративной поддержки сотрудников также является одним из инструментов смягчения конфликта между семьей и работой. Как правило, политика, дружественная семье, осуществляется в трех направлениях: время (стимулы, связанные со временем работы и отдыха работника), услуги по уходу за детьми (например, наличие корпоративных детских садов или центров) и финансовая поддержка⁹. Автономия

⁴ Российский союз промышленников и предпринимателей. URL: <https://tspp.ru/activity/social/>

⁵ Корпоративная семейная политика 2024: новые эффективные меры. URL: <https://ok.wciom.ru/meroprijatie/korporativnaja-semeinaja-politika-2024-novye-ehffektivnyeme-ry?ysclid=lsz2hcm016958729027&cHash=9e080fdf23dfe7e0162042af29bf211b> (дата обращения 20.03.2024).

⁶ ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru> (дата обращения 09.01.2024).

⁷ Будут люди – будет бизнес: стратегическая мотивация для частных инвестиций в демографию. URL: <https://forumspb.com/programme/business-programme/104236/> (дата обращения 20.03.2024).

⁸ Устойчивое развитие государства и бизнеса. Протех, кто смотрит в будущее. URL: <https://forumvostok.ru/programme/business-programme/> (дата обращения 24.03.2024).

⁹ UNICEF (2019). Family-friendly policies: A policy brief-redesigning the workplace of the future. UNICEF Early Childhood Development, vol. 3.

сотрудника в выборе места и времени работы (например, возможность начинать и заканчивать свой рабочий день на час раньше, чтобы встретить ребенка из детского сада или школы) снижает риск развития конфликта, основанного на времени, который возникает при конкуренции семейной и профессиональной ролей за время работника (Fan, Moen, 2023). У родителей появляется возможность провести больше времени в кругу семьи и посвятить себя детям.

Содействие работодателя в получении места в дошкольном учреждении для ребенка сотрудника (например, предоставление места в корпоративном детском саду) также снижает финансовые и временные издержки работника, связанные с необходимостью отвозить ребенка в детский сад, особенно в случае территориальной удаленности последнего. Предоставление доступных и качественных услуг по уходу за детьми позволяет родителям интенсивнее вкладываться в работу, в перспективе обеспечивая повышение доходов семьи (Feeney, Stritch, 2017).

В целом исследования свидетельствуют о том, что наличие в компании мер поддержки сотрудников с детьми способствует снижению уровня родительской напряженности, вызванной необходимостью совмещать одновременно две жизненные роли (Yucel, Fan, 2023). В таких организациях работники в большей степени удовлетворены профессиональной сферой и более высоко оценивают уровень своего жизненного благополучия (Bobbio et al., 2022). Удовлетворенность работой может оказывать благоприятное воздействие на функционирование сотрудника в домашней сфере — в семье сохраняется благоприятный эмоциональный фон, время на семью и детей увеличивается, снижается уровень супружеского и родительского стресса, появляются ресурсы для рождения следующих детей.

Таким образом, развитие демографического направления в социальной политике организаций рассматривается нами и как потенциальное усиление государственной демографической политики (поддержка действий по достижению задач народосбережения и развитию человеческого потенциала, направленных на «устойчивый естественный рост численности и повышение качества жизни населения, укрепление здоровья граждан, воспитание гармонично развитого и социально ответственно-

го гражданина»¹⁰), и как инструмент усиления социальной повестки бизнеса в условиях турбулентности, и как возможность повышения показателей результативности предприятий. С введением ЭКГ-рейтинга в России реализация корпоративной демографической политики означает соответствие самой актуальной российской повестке¹¹.

Пандемия COVID-19 и связанный с ней локдаун сегодня рассматриваются в качестве драйвера для ряда трансформаций в практиках корпоративного управления, в том числе в направлении социальной ответственности (Нехода и др., 2022; Averett, 2020). По данным исследования, реализованного в мае 2020 года в рамках межстранового исследовательского проекта, самыми распространенными для российских работников мерами в тот период были возможность удаленной работы (85,8%) и меры, направленные на поддержание здоровья и благополучия работников (49,6%), в то время как услуги для детей, предоставляемые работодателями, оставались крайне непопулярными (12,8%) (Багирова, Вавилова, 2022). Респонденты — работники российских предприятий высоко оценили полезность такого рода услуг (средняя оценка 4,22 из 6 возможных), существенно ниже — их достаточность и ценность.

Цель нашего исследования — разработка и апробация методики оценки реализуемых в российских организациях в постпандемийный период мер поддержки сотрудников, выполняющих семейные обязанности. Для достижения этой цели в рамках статьи решаются следующие задачи: оценка информированности работников о существующих мерах поддержки работников и их семей на корпоративном уровне; оценка полезности предоставляемых работодателями услуг, направленных на семьи работников; субъективная оценка значимости подобных мер для принятия репродуктивных решений; разработка предложений по реализации мер корпоративной поддержки сотрудников и их семей с использованием экономических и организационно-административных методов управления.

¹⁰ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400.

¹¹ ЭКГ-рейтинг РФ. URL: <https://xn---etbbhpfid3axw8i.xn--p1ai/> (дата обращения 01.03.2024).

Теоретическая рамка исследования

Рассмотрение коммерческих организаций в качестве потенциального интересанта результатов государственной демографической политики видится перспективным с точки зрения неинституционального подхода, согласно которому следование организаций своим узким экономическим интересам оценивается как неэффективное. Организации и среда, в которой они функционируют, связаны между собой, между ними происходят процессы обмена, что неизбежно приводит к требованию определенного взаимного соответствия организаций и среды (Димаджио, Пауэлл, 2014; Мейер, Роуэн, 2014). Организации функционируют в среде, предъявляющей к ним целый ряд социальных, культурных, политических требований, которые формулируются как некие институционализированные правила. Несмотря на то, что эти базовые правила вступают в конфликт с логикой эффективности, их учет в деятельности повышает объемы имеющихся у организаций ресурсов, уровень легитимности их функционирования, их выживаемость и устойчивость в целом. Возможные экономические издержки, связанные с принимаемыми решениями о соответствии требованиям среды в настоящем, в долгосрочной перспективе оборачиваются существенными бонусами. Многие ученые даже в краткосрочном периоде обнаруживают экономические эффекты от реализации политики, ориентированной на семьи работников: снижение текучести кадров, рост удовлетворенности работников условиями труда, повышение производительности труда, расширение возможностей найма высококвалифицированных сотрудников, повышение рыночной привлекательности компании (Bourhis, Mekkaoui, 2010; Lee, Hong, 2011).

Исследователи отмечают и ограничения такой политики (Kim, Wiggins, 2011; Nabergoj, Pahor, 2016): наличие пределов влияния отдельных практик на организационные результаты компаний в переходных экономиках, эффективность реализации политики лишь для отдельных категорий работников, затратность, сложность оценки результативности такой политики, необходимость ее поддержки неформальной культурой организации, усиление чувства социальной несправедливости у работ-

ников, не имеющих детей (при увеличении — в силу общих демографических тенденций — численности этой категории сотрудников).

Ряд теорий управления человеческими ресурсами предлагает рассматривать сотрудников как ключевых стейкхолдеров организации. В основе такого подхода лежат концепции внутреннего маркетинга организаций. Внутренний маркетинг является неотъемлемой характеристикой клиентоориентированной организации и предполагает «рассмотрение сотрудников как внутренних клиентов, рассмотрение рабочих мест как внутренних продуктов, которые удовлетворяют потребностям и желанию этих внутренних клиентов» (Martensen, Grønholdt, 2006).

Существуют исследования, доказывающие взаимосвязь между удовлетворенностью работой, лояльностью сотрудников, удовлетворенностью клиентов, лояльностью клиентов и результатами деятельности организации (Brooks, 2000; Kim et al., 2020; Reichheld, 2021). Лежащие в основе концепции («цикл роста, основанного на лояльности»; «сотрудник-клиент-прибыль» и др.) составляют подход к выстраиванию в организации такой системы управления человеческими ресурсами, при которой становится возможным получить высокий уровень приверженности сотрудников компании ее ценностям, а следовательно — влиять на уровень текучести кадров, качество труда, тем самым наращивая конкурентные преимущества организации. Повышение лояльности сотрудников (наряду с повышением лояльности клиентов и инвесторов) имеет существенный потенциал влияния на эффективность деятельности организации и измеримо влияет на увеличение прибыли компании через рост производительности труда сотрудников. Исследователи копенгагенской школы маркетинга определили, что если лояльность сотрудника увеличивается на единицу, то лояльность клиента вырастает на 1,25. Это означает, что рост результатов деятельности компании зависит, в числе прочего, и от степени лояльности сотрудников. При этом руководству важно не просто повысить лояльность сотрудников, но выстроить такую систему управления персоналом, при которой лояльные сотрудники будут повышать результаты деятельности компании. Для достижения тако-

го эффекта важно использовать трехфакторную модель управления лояльностью, сочетающую в себе материальное стимулирование сотрудников, принцип обратной связи и нематериальное стимулирование. Именно в плоскости третьего фактора находится обоснование экономической эффективности внедрения политики, направленной на поддержку сотрудников и их семей, в деятельность организаций.

На основе анализа современных исследований по вопросам поддержки семей сотрудников мы определили направления социальной ответственности, которые, на наш взгляд, могут иметь потенциал для улучшения демографической ситуации в России.

1. Обеспечение защиты жизни и здоровья сотрудников (Ростовская и др., 2021).

Одной из ключевых тенденций, зафиксированных в организациях нового поколения, является разделение защиты здоровья на заботу о физическом и ментальном здоровье сотрудников. В первом случае основными мерами выступают возмещение расходов на медицинские услуги (в том числе на ведение беременности и роды), корпоративная медицина, профилактические кампании, регулярная диспансеризация сотрудников, программы по поддержке или организации спортивного досуга (компенсация расходов на посещения спортивных учреждений; поддержка корпоративной спортивной команды сотрудников и т. п.). Поддержка ментального здоровья осуществляется за счет введения в штат психологов, включения услуг психологов/психотерапевтов в пакет ДМС; организации комфортного рабочего места и зон отдыха; проведения тренингов, семинаров, направленных на восстановление психологического баланса, и т. д.

2. Достойное вознаграждение за труд, включая меры социальной поддержки (Hodges, 2020; Lee et al., 2022; Wuestenenk, Begall, 2022).

К данной категории помимо выплаты заработной платы, соответствующей требованиям рынка труда, относятся эффективный и соизмеримый с успехами компании премиальный фонд; меры, направленные на помощь сотрудникам в вопросах кредитования; возмещение расходов на уход за детьми, развитие и образование детей; решение жилищных вопросов; компенсационные выплаты сотрудникам в слу-

чае, если появление семейных обязанностей повлекло за собой снижение уровня доходов.

3. Уважение семейных обязанностей сотрудников с детьми (Halinski, Duxbury, 2019; Magnusson, 2019; Masterson et al., 2020; Samman, Lombardi, 2019; Stier et al., 2012; Wang et al., 2023).

Данная категория мер направлена на повышение качества жизни сотрудников и их семей. Это становится возможным через реализацию таких корпоративных услуг, как организация образовательной деятельности и досуга детей сотрудников; меры, направленные на поддержание баланса между карьерой и семьей: возможность построения гибкой карьеры в зависимости от изменения ценностной ориентации (смещение фокуса на родительский труд или подготовку к нему); система гибкого графика труда и отпусков; приоритет удаленной работы для сотрудников с детьми дошкольного и младшего школьного возраста.

Рассматривая персонал как лиц, максимально заинтересованных в успешности компании, организации с высоким уровнем корпоративной социальной ответственности готовы предлагать им прозрачную систему взаимодействия. Ключевыми инструментами в этом случае видятся выявление и учет потребностей сотрудников, выполняющих семейные обязанности, при осуществлении ими своих профессиональных обязанностей; включение сотрудников в обсуждение разрабатываемых корпоративных демографических программ; формирование концептуальной поддержки семейных ценностей на высшем уровне управления; создание безопасной корпоративной среды для сотрудников, планирующих и осуществляющих родительские обязанности; поддержка гендерного равенства в вопросах построения карьеры и оплаты труда.

Отметим, что данные аспекты социальной ответственности организаций направлены на построение баланса между выполнением семейных и профессиональных обязанностей, повышение качества жизни семейных сотрудников, что отвечает интересам государства, закреплённым в Стратегии национальной безопасности (обеспечение достойной жизни, поддержка семьи, материнства и отцовства¹²).

¹² О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400.

Материалы и методы исследования

В период с декабря 2022 по февраль 2023 года был проведен социологический опрос работающего населения, проживающего в Сибирском и Уральском федеральных округах. Сбор данных среди трудоспособного населения осуществлялся с помощью онлайн-опросов, ссылки распространялись через органы публичного управления. В двух округах было опрошено около 1000 респондентов. Ограничением данного исследования стало смещение выборочной совокупности по полу относительно генеральной совокупности трудоспособного населения – среди опрошенных больше респондентов-женщин. Для исключения влияния фактора пола на результаты исследования исходные данные перевзвешивались по весовым коэффициентам распределения трудоспособного населения по полу в генеральной совокупности. Структура респондентов по полу, возрасту и наличию детей представлена в *таблице 1*, где в скобках указаны доли респондентов по полу, получившиеся после перевзвешивания и полностью соответствующие генеральной совокупности – долям мужчин и женщин трудоспособного возраста в двух федеральных округах, рассчитанным по данным Росстата¹³ на 01.01.2022. В ходе дальнейшего анализа использовались данные с учетом весовых коэффициентов.

Анализ полученных данных осуществлялся в программе IBM SPSS Statistics 23.0. Для целей анализа были выделены следующие эмпирические индикаторы:

1) информированность о существовании конкретных мер корпоративной демографической политики (вопрос был задан в форме вопроса-меню «О каких мерах поддержки работников с семейными обязанностями, реализуемых в российских организациях, Вы когда-либо слышали?»);

2) оценка полезности конкретных мер корпоративной демографической политики ее получателями (вопрос формулировался следующим образом: «Выберите те меры поддержки, которые Вам доводилось получать, и оцените их полезность лично для Вас по шкале от 1 до 5, где 5 – очень полезны, а 1 – совсем бесполезны»; респонденты оценивали только те меры, которые доводилось получать лично им);

3) оценка демографической эффективности различных мер корпоративной демографической политики (вопрос был сформулирован следующим образом: «Оцените, в какой степени перечисленные меры поддержки работников с семейными обязанностями могли бы способствовать тому, чтобы Вы задумались о рождении первого или последующих детей»).

В ходе анализа мы получили статистические данные по каждому из трех перечисленных параметров для каждой меры корпоративной демографической политики, при этом показателем информированности стала доля респондентов, слышавших о конкретной мере, а показателями полезности и демографической эффективности – средняя оценка респондентами. Далее в целях сравнительного анализа значения по трем индикаторам подверглись процедуре Z-стандартизации, поскольку информированность измерялась через долю информированных респондентов в общем числе опрошенных, а оценки полезности и демографической эффективности – в средних показателях.

Результаты исследования

Данные, собранные в ходе опроса и в дальнейшем перевзвешенные по полу, показывают, что более половины респондентов информированы о существовании в российских организациях мер поддержки работников с семейными обязанностями. Подавляющее большинство опрошенных разделяют мнение о том, что рабо-

Таблица 1. Структура респондентов по полу, возрасту и наличию детей

Пол, %		Наличие детей, %		Средний возраст, лет
Мужской	18 (51,4)	Есть дети	77	
Женский	82 (48,6)	Нет детей	23	
Всего	100	Всего	100	

Источник: расчеты авторов.

¹³ URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Bul_chislen_nasel-pv_01-01-2022.pdf

тодатель должен обеспечивать поддержку работников с семейными обязанностями (табл. 2).

Распространенность мер поддержки сотрудников и их семей в организациях, в которых

работают опрошенные респонденты, отражена в таблице 3. Меры сгруппированы по направлениям, выявленным в ходе теоретического анализа распространенности российских и зару-

Таблица 2. Информированность и представление о необходимости корпоративных мер поддержки работников с семейными обязанностями

Значение	Доля респондентов, %
Знание о наличии корпоративных мер поддержки работников с семейными обязанностями	
Знают	57,9
Не знают	26,2
Затруднились ответить	15,8
Представление о необходимости обеспечения со стороны работодателя поддержки работников с семейными обязанностями	
Да	44,2
Скорее да	39,7
Скорее нет	5,1
Нет	1,7
Затрудняюсь ответить	9,2

Источник: расчеты авторов.

Таблица 3. Распределение ответов работающих респондентов о распространенности корпоративных мер поддержки работников, % от числа ответивших респондентов

Направление	Меры	Доля респондентов, в организациях которых мера реализуется
Обеспечение жизни и здоровья работников	Диспансеризация сотрудников	33,0
	Бесплатные путевки в санатории, детские оздоровительные лагеря	11,2
	Бесплатное санаторно-курортное лечение сотрудников и членов их семей	7,7
	Оплата медицинских услуг за счет организации («корпоративная медицина»)	5,9
	Возмещение расходов на медицинские услуги (в том числе на ведение беременности и роды)	4,9
	Помощь штатных психологов сотрудникам, совмещающим семейные и рабочие обязанности	4,1
	Возмещение расходов на мероприятия по уходу за членами семьи, требующими особого ухода	1,4
Уважение семейных обязанностей работников	Новогодние праздники для детей сотрудников	32,0
	Возможность работы в режиме неполного рабочего дня для сотрудников с маленькими детьми (гибкий график работы и отпусков)	30,7
	Выходной день 1 сентября сотрудникам, чьи дети обучаются в начальной школе	20,8
	Возможность удаленной работы	19,6
	Выходной день отцам по случаю рождения ребенка	12,8
	Дополнительные (помимо государственных) оплачиваемые или неоплачиваемые отпуска работникам с детьми	11,5
	Места в детских садах или школах для детей сотрудников	10,6
Достойное вознаграждение за труд, включая меры социальной поддержки	Дополнительная (помимо государственной) единовременная выплата при рождении ребенка	11,7
	Дополнительные (помимо государственных) выплаты семьям с детьми до трех лет, многодетным семьям	4,9
	Разовая материальная помощь при подготовке детей к началу учебного года	5,9
	Помощь в приобретении жилья молодым семьям	5,1

Источник: расчеты авторов.

бежных практик в этой сфере. Выделяются три наиболее распространенные меры, о каждой из которых сказали примерно треть опрошенных трудоспособного возраста: диспансеризация сотрудников, организация новогодних праздников для детей сотрудников, гибкий график работы и отпусков для сотрудников с маленькими детьми.

Информированность работников о существовании в российских организациях тех или иных мер корпоративной демографической политики показана в *таблице 4*. В топ мер, о которых наиболее информированы респонденты, также входят диспансеризация, гибкий график работы и отпусков для сотрудников с маленьки-

ми детьми, новогодние праздники для детей, возможность удаленной работы, единовременная выплата от работодателя при рождении ребенка.

В *таблице 5* представлена средняя оценка полезности мер их получателями. Лидерские позиции занимают меры поддержки, которые уже были отмечены как наиболее распространенные: организация работодателем новогодних праздников для детей, диспансеризация, возможность работы неполный рабочий день и в целом гибкий рабочий график и график отпусков. Новыми в этом списке и полезными являются выходной день 1 сентября сотрудникам, чьи дети обучаются в начальной школе, помощь с оплатой мест в детских садах или школах.

Таблица 4. Информированность работающих респондентов о корпоративных мерах поддержки работников, % от числа ответивших респондентов

Направление	Меры	Доля респондентов, в организациях которых мера реализуется
Обеспечение жизни и здоровья работников	Диспансеризация сотрудников	42,9
	Бесплатные путевки в санатории, детские оздоровительные лагеря	29,2
	Бесплатное санаторно-курортное лечение сотрудников и членов их семей	17,4
	Оплата медицинских услуг за счет организации («корпоративная медицина»)	16,1
	Возмещение расходов на медицинские услуги (в том числе на ведение беременности и роды)	15,3
	Помощь штатных психологов сотрудникам, совмещающим семейные и рабочие обязанности	8,4
	Возмещение расходов на мероприятия по уходу за членами семьи, требующими особого ухода	6,8
Уважение семейных обязанностей работников	Возможность работы в режиме неполного рабочего дня для сотрудников с маленькими детьми (гибкий график работы и отпусков)	42,4
	Новогодние праздники для детей сотрудников	38,2
	Возможность удаленной работы	37,9
	Дополнительные (помимо государственных) оплачиваемые или неоплачиваемые отпуска работникам с детьми	26,0
	Места в детских садах или школах для детей сотрудников	25,7
	Выходной день 1 сентября сотрудникам, чьи дети обучаются в начальной школе	22,1
	Выходной день отцам по случаю рождения ребенка	15,9
Достойное вознаграждение за труд, включая меры социальной поддержки	Дополнительная (помимо государственной) единовременная выплата при рождении ребенка	31,7
	Помощь в приобретении жилья молодым семьям	26,2
	Разовая материальная помощь при подготовке детей к началу учебного года	26,1
	Дополнительные (помимо государственных) выплаты семьям с детьми до трех лет, многодетным семьям	25,3

Источник: расчеты авторов.

Таблица 5. Оценка работниками полезности получаемых мер корпоративной демографической политики

Направление	Меры	Оценка полезности мер их получателями		
		Средняя	Медиана	Мода
Обеспечение жизни и здоровья работников	Диспансеризация сотрудников	4,16	5	5
	Бесплатные путевки в санатории, детские оздоровительные лагеря	3,70	4	5
	Бесплатное санаторно-курортное лечение сотрудников и членов их семей	3,43	4	5
	Оплата медицинских услуг за счет организации («корпоративная медицина»)	3,13	4	1
	Возмещение расходов на медицинские услуги (в том числе на ведение беременности и роды)	3,10	4	5
	Возмещение расходов на мероприятия по уходу за членами семьи, требующими особого ухода	2,84	3	1
	Помощь штатных психологов сотрудникам, совмещающим семейные и рабочие обязанности	2,66	3	1
Уважение семейных обязанностей работников	Новогодние праздники для детей сотрудников	4,21	5	5
	Возможность работы в режиме неполного рабочего дня для сотрудников с маленькими детьми (гибкий график работы и отпусков)	3,96	5	5
	Выходной день 1 сентября сотрудникам, чьи дети обучаются в начальной школе	3,88	5	5
	Возможность удаленной работы	3,79	5	5
	Места в детских садах или школах для детей сотрудников	3,66	5	5
	Выходной день отцам по случаю рождения ребенка	3,46	5	5
	Дополнительные (помимо государственных) оплачиваемые или неоплачиваемые отпуска работникам с детьми	3,25	4	5
Достойное вознаграждение за труд, включая меры социальной поддержки	Дополнительная (помимо государственной) единовременная выплата при рождении ребенка	3,62	5	5
	Помощь в приобретении жилья молодым семьям	3,26	4	5
	Разовая материальная помощь при подготовке детей к началу учебного года	3,31	4	5
	Дополнительные (помимо государственных) выплаты семьям с детьми до трех лет, многодетным семьям	3,19	3	5

Источник: расчеты авторов.

Отметим и относительно низкие модальные оценки полезности таких мер, как оплата и возмещение медицинских услуг работникам и их семьям, а также психологической помощи. Видимо, это вызвано не только низкой распространенностью этих мер от работодателя, но и определенными проблемами с организацией их предоставления.

В *таблице 6* дана средняя оценка демографической эффективности мер — оценка респондентами перспективности влияния меры на принятие решения о рождении ребенка. Нами

не выявлены различия этих оценок в группах, выделенных по основным социально-демографическим характеристикам опрошенных: полу, возрасту, семейному положению, наличию детей. Высокие оценки перспективности влияния целого ряда мер могут быть связаны с тем, что их внедрение ассоциируется у работников с определенными гарантиями, стабильностью — теми чувствами и ощущениями, которые потенциально могут усиливаться у персонала при вовлеченности работодателя в поддержку семей своих сотрудников.

Таблица 6. Оценка работниками перспективы влияния корпоративных мер на принятие решения о рождении ребенка

Направление	Меры	Оценка полезности мер их получателями		
		Средняя	Медиана	Мода
Обеспечение жизни и здоровья работников	Бесплатные путевки в санатории, детские оздоровительные лагеря	3,59	5	5
	Бесплатное санаторно-курортное лечение сотрудников и членов их семей	3,51	4	5
	Возмещение расходов на медицинские услуги (в том числе на ведение беременности и роды)	3,51	4	5
	Оплата медицинских услуг за счет организации («корпоративная медицина»)	3,51	4	5
	Диспансеризация сотрудников	3,39	4	5
	Возмещение расходов на мероприятия по уходу за членами семьи, требующими особого ухода	3,18	4	5
	Помощь штатных психологов сотрудникам, совмещающим семейные и рабочие обязанности	2,78	3	5
Уважение семейных обязанностей работников	Места в детских садах или школах для детей сотрудников	3,68	5	5
	Возможность удаленной работы	3,41	4	5
	Дополнительные (помимо государственных) оплачиваемые или неоплачиваемые отпуска работникам с детьми	3,41	4	5
	Новогодние праздники для детей сотрудников	3,26	4	5
	Возможность работы в режиме неполного рабочего дня для сотрудников с маленькими детьми (гибкий график работы и отпусков)	3,29	4	5
	Выходной день 1 сентября сотрудникам, чьи дети обучаются в начальной школе	3,19	4	5
	Выходной день отцам по случаю рождения ребенка	3,04	3	5
Достойное вознаграждение за труд, включая меры социальной поддержки	Помощь в приобретении жилья молодым семьям	3,82	5	5
	Дополнительная (помимо государственной) единовременная выплата при рождении ребенка	3,54	5	5
	Дополнительные (помимо государственных) выплаты семьям с детьми до трех лет, многодетным семьям	3,57	4	5
	Разовая материальная помощь при подготовке детей к началу учебного года	3,42	4	5

Источник: расчеты авторов.

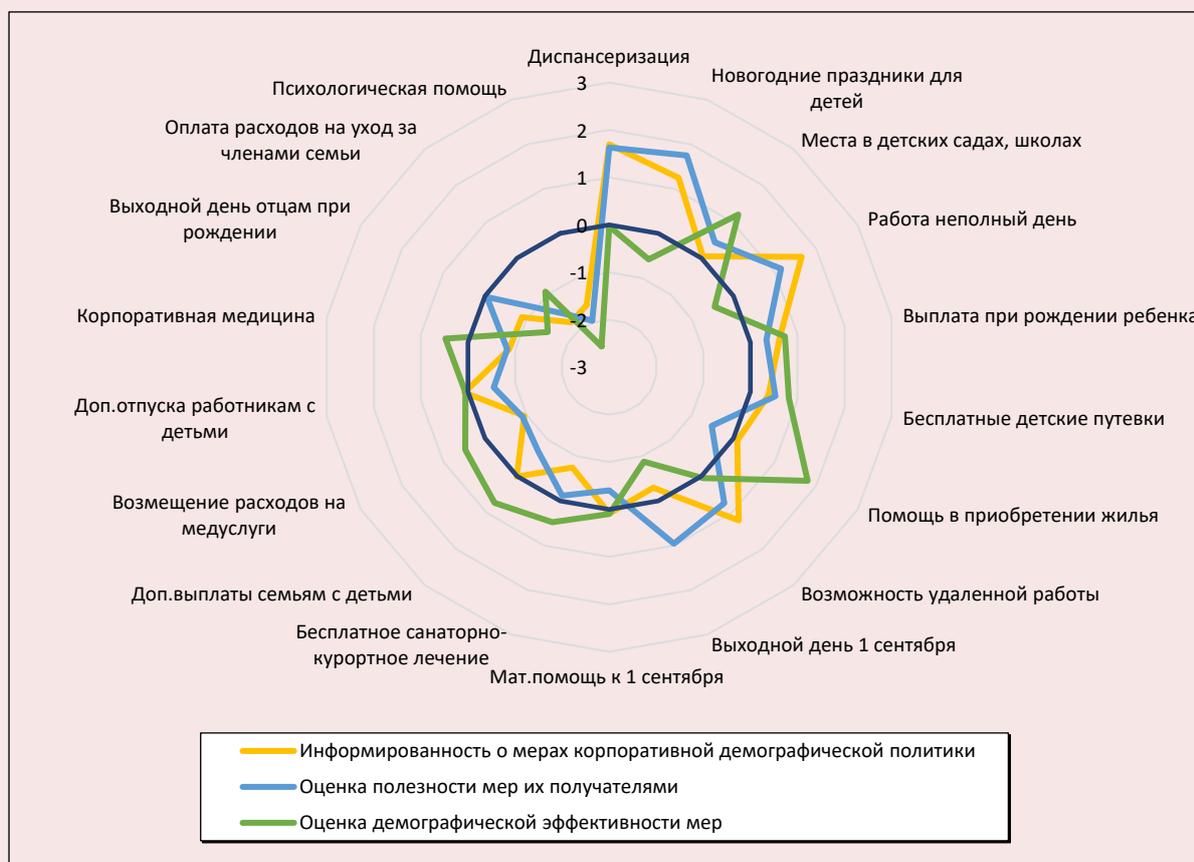
На рисунке показаны Z-оценки мер корпоративной демографической политики по трем индикаторам: информированности, полезности и демографической эффективности. Видно, что лишь четыре меры имеют положительные значения по всем трем индикаторам. Это места в детских садах или школах для детей сотрудников, дополнительная единовременная выплата при рождении ребенка, бесплатные путевки в санатории, детские оздоровительные лагеря, возможность удаленной работы. В то же время есть меры, потенциал которых в плане влияния на принятие репродуктивных решений оценивается высоко, но они не распространены в российских организациях. Это помощь молодым семьям в приобретении жилья, дополнительные выплаты семьям с детьми до трех лет и многодетным

семьям, бесплатное санаторно-курортное лечение сотрудников и членов их семей.

Обсуждение результатов

Результаты нашего исследования указывают на то, что систему мер, направленных на поддержку работников и их семей, в настоящее время нельзя назвать разветвленной, меры не характеризуются комплексностью и устойчивостью реализации. Однако для российских работников по-прежнему, как и в пандемийный период (Багирова, Вавилова, 2022), остаются приоритетными меры поддержки со стороны работодателя, нацеленные на защиту жизни и здоровья, создание условий для эффективного совмещения профессиональных и семейных обязанностей, а также меры дополнительной финансовой и социальной поддержки.

Оценки мер корпоративной демографической политики по информированности, полезности и демографической эффективности

Источник: составлено авторами.

Демографическое направление корпоративной политики включено в направление «кадры» ЭКГ-рейтинга. На основании проведенного анализа можно сделать предположение о том, что оно может стать одним из приоритетных для бизнеса в выстраивании адекватной современной реалиям политики социальной ответственности, способствуя формированию, развитию и совершенствованию человеческого потенциала.

Полученные в ходе опроса результаты указывают, что для работников, уже осуществляющих семейные обязанности, наиболее значимыми и полезными являются меры, направленные на обеспечение жизни и здоровья самих работников и членов их семей, а также на поддержку эффективного совмещения трудовых

и родительских обязанностей. В качестве мер, имеющих больший потенциал для стимулирования репродуктивных решений, наравне с мерами по защите здоровья могут рассматриваться меры материальной поддержки.

Таким образом, можно говорить об эффективности выстраивания определенной стратегии социальной политики — последовательности внедрения и реализации мер корпоративной поддержки сотрудников и их семей для усиления государственной демографической повестки, с одной стороны, и развития актуальных практик корпоративного управления — с другой. Представляется, что действия по реализации этих мер могут основываться на применении экономических и организационно-административных методов управления.

Приоритетные для работников меры по обеспечению защиты жизни и здоровья и меры финансовой и социальной поддержки могут быть реализованы через построение такой системы мотивации сотрудников, которая включала бы в себя вознаграждение за труд не только через выплату заработной платы, но и через формирование соизмеримого с успехами компании премиального фонда, куда могли бы быть заложены расходы на обеспечение отдыха детей сотрудников в детских лагерях и санаториях, санаторно-курортное лечение сотрудников, возмещение расходов на медицинские услуги (включая ведение беременности и роды), материальная поддержка семей сотрудников с детьми до трех лет, многодетных семей.

Меры, направленные на уважение семейных обязанностей работников, могут быть реализованы за счет закрепления, например, в коллективном договоре различных форм деятельности (возможность работы в режиме неполного рабочего дня для сотрудников с маленькими детьми, удаленная работа с использованием информационных технологий и т. п.), составления и реализации плана корпоративных мероприятий (новогодние праздники для детей сотрудников), выстраивания взаимодействия с органами местного самоуправления и частными образовательными учреждениями на предмет взаимовыгодного сотрудничества (места в детских садах или школах для детей сотрудников). Стоит принять во внимание, что учет и удовлетворение потребностей работников, совмещающих трудовые и семейные обязанности, будут способствовать реализации эффективной системы взаимодействия с со-

трудниками как с основными стейкхолдерами компании, повышению их лояльности для наращивания результатов деятельности организации, что отвечает прогрессивным требованиям современного рынка труда и является особенно актуальным в условиях кадрового дефицита.

Заметим, что оценки мер корпоративной политики являются динамичными и могут зависеть, на наш взгляд, от целого ряда факторов (табл. 7), например от вида мер государственной демографической политики и темпов их внедрения; от условий, существующих в субъектах РФ, для реализации поддержки граждан на корпоративном уровне. Так, исследователями в ходе кластерного анализа выявлены российские регионы с наилучшими показателями развития корпоративного сектора, самым высоким уровнем инновационной активности и самой низкой долей убыточных предприятий, в которых политика, ориентированная на семьи работников, может стать наиболее востребованной для персонала организаций, вполне доступной для предприятий и эффективной в качестве нового инструмента демографической политики (Шубат и др., 2022).

На локальном уровне оценка эффективности мер для поддержки семей сотрудников может зависеть от отрасли экономики и сферы деятельности организаций, от уровня занимаемых должностей и важности функционала, осуществляемого сотрудниками, а также от социально-демографического статуса респондентов. Отметим, что проверка гипотез о потенциальном влиянии требует более глубокого анализа полученных в ходе опроса результатов.

Таблица 7. Факторы, потенциально влияющие на оценку эффективности мер поддержки семей сотрудников

Уровень	Фактор
Государственный	Меры государственной демографической политики и темпы их реализации Расширение степени влияния ЭКГ-рейтинга на российские регионы
Региональный	Предрасположенность субъектов РФ к реализации корпоративной демографической политики
Корпоративный	Отрасль экономики
	Сфера деятельности организации
	Размер организации, форма собственности, организационная форма
Персональный	Уровень занимаемой должности
	Объем и значение выполняемого функционала
	Стаж работы
	Социально-демографические характеристики (половозрастная структура сотрудников; семейное положение; наличие и количество детей и др.).
Источник: составлено авторами.	

Выводы

1. Корпоративная политика, направленная на поддержку сотрудников и их семей, с введением ЭКГ-рейтингования рассматривается в качестве одного из актуальных и востребованных направлений прогрессивной социальной политики, ориентированной на потребности российского общества и учитывающей интересы бизнеса и государства. В ходе исследования разработана и реализована методика, позволяющая комплексно оценить меры корпоративной демографической политики по трем индикаторам: информированности работников о существовании мер, полезности для получателей и демографической эффективности.

2. Анализ данных, полученных в ходе опроса сотрудников российских организаций, помог определить круг мер, в настоящее время лидирующих в российском корпоративном секторе по информационному продвижению, полезности для получателей и потенциальному влиянию на репродуктивное поведение работников. К таким мерам-лидерам относятся диспансеризация сотрудников, организация новогодних праздников для детей сотрудников, обеспечение детей сотрудников местами в детских садах или школах, возможность работы в режиме неполного рабочего дня, дополнительная единовременная выплата при рождении ребенка, бесплатные путевки в санатории, детские оздоровительные лагеря. В то же время бесплатное санаторно-курортное лечение сотрудников и членов их семей, дополнительные выплаты семьям с детьми до трех лет и многодетным семьям, возмещение расходов на медицинские услуги, помощь молодым семьям в приобретении жилья имеют наибольший потенциал влияния на принятие репродуктивных решений при своей нераспространенности в российских организациях.

3. Обозначен комплекс факторов государственного, регионального, корпоративного и личного уровней, потенциально влияющих на оценки работниками эффективности мер корпоративной демографической политики.

4. Предложен вектор стратегического планирования концепции социальной ответственности организации, учитывающий трансформации современного рынка труда, направленный на поддержку государственной демографической повестки, с одной стороны, и усиление корпоративного управления – с другой. Стратегия предполагает разработку дорожной карты внедрения и реализации мер корпоративной поддержки сотрудников и их семей.

5. При реализации предприятиями корпоративной демографической политики возможно формирование системы эффектов, потенциально проявляющихся для организации как во внутренней, так и во внешней среде: укрепление положительного публичного и внутрикорпоративного имиджа; повышение эффективности и производительности труда; повышение инвестиционной привлекательности компании. Системное представление о преимуществах и эффектах реализации корпоративной демографической политики создает основу для тиражирования этого аспекта социальной ответственности в российском бизнесе. Грамотная корпоративная демографическая политика, связанная, с одной стороны, с федеральной демографической повесткой, с другой – формирующая или развивающая политику социальной ответственности организации, может способствовать как смягчению демографических проблем, так и получению российскими компаниями целого ряда дополнительных преимуществ.

Литература

- Багирова А.П., Вавилова А.С. (2022). Корпоративная политика, ориентированная на семьи работников: реалии и возможности развития в российских организациях // *Управленец*. Т. 13. № 5. С. 34–48. DOI: 10.29141/2218-5003-2022-13-5-3
- Громова Н.В. (2020). Лояльность персонала как фактор обеспечения конкурентоспособности российских компаний // *Современная конкуренция*. Т. 14. № 2 (78). С. 60–78. DOI: 10.37791/1993-7598-2020-14-2-60-72
- Димаджио П.Дж., Пауэлл У.В. (2014). Новый взгляд на «железную клетку»: институциональный изоморфизм и коллективная рациональность в организационных полях // *Классика новой экономической социологии* / сост. В.В. Радаев, Г.Б. Юдин. М.: ИД ВШЭ. С. 164–191.

- Камарова Т.А., Маркова Т.Л., Тонких Н.В. (2023). Влияние цифровизации занятости на совмещение профессиональных и семейных обязанностей: субъективные оценки россиян // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. Т. 16. № 6. С. 252–269. DOI: 10.15838/esc.2023.6.90.15
- Мейер Дж., Роуэн Б. (2014). Институционализированные организации: формальная структура как миф и церемониал // *Классика новой экономической социологии* / сост. В.В. Радаев, Г.Б. Юдин. М.: ИД ВШЭ. С. 133–163.
- Нехода Е.В., Арабов Н.У., Богданов А.Л., Герман М.В., Куклина Т.В. (2022). Достойный труд в нефинансовой отчетности российских компаний: оценка качества раскрытия информации // *Управленец*. Т. 13. № 2. С. 34–56. DOI: 10.29141/2218-5003-2022-13-2-3
- Ростовская Т.К., Шабунова А.А., Багирова А.П. (2021). Концепция корпоративной демографической политики российских организаций в контексте социальной ответственности бизнеса // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. Т. 14. № 5. С. 151–164. DOI: 10.15838/esc.2021.5.77.9
- Шубат О.М. (2014). Российский бизнес как потенциальный субъект эффективной демографической политики // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. № 26. С. 45–53.
- Шубат О.М., Багирова А.П., Янь Д. (2022). Корпоративная политика, ориентированная на семьи работников: потенциал внедрения в российских регионах // *Экономика региона*. № 18 (4). С. 1121–1134. DOI: 10.17059/ekon.reg
- Averett K.H. (2020). A feminist public sociology of the pandemic interviewing about a crisis, during a crisis. *Gender, work and organization*, vol. 28, no. S2, 321–329. DOI: 10.1111/gwao.12616
- Bobbio A., Canova L., Manganelli A.M. (2022). Organizational work-home culture and its relations with the work–family interface and employees’ subjective well-being. *Applied Research in Quality of Life*, 17(5), 2933–2966. DOI: 10.1007/s11482-022-10048-w
- Bourhis A., Mekkaoui R. (2010). Beyond work-family balance: Are family-friendly organizations more attractive? & relations industrielles. *Industrial Relations*, 65(1), 98–117. DOI: 10.2307/23078261
- Brooks R. (2000). why loyal employees and customers improve the bottom line. *The Journal for Quality and Participation*, 23(2), 40–44. Available at: https://www.researchgate.net/publication/265077839_Internal_Marketing_A_Study_of_Employee_Loyalty_Its_Determinants_and_Consequences/fulltext/543e28bf0cf2d6934ebd0e33/Internal-Marketing-A-Study-of-Employee-Loyalty-Its-Determinants-and-Consequences.pdf (accessed: February 10, 2024)
- Fan W., Moen P. (2023). Ongoing remote work, returning to working at work, or in between during COVID-19: What promotes subjective well-being? *Journal of Health and Social Behavior*, 64(1), 152–171. DOI: 10.1177/00221465221150283
- Feeney M.K., Stritch J. (2017). Family-friendly policies and work life balance in the public sector. *Review of Public Personnel Administration*. September 27, 2017. DOI: 10.1177/0734371X17733789
- Fore H. (2019). Family-friendly policies benefit all of us. Here are 4 ways to boost them? In: *Materials of World Economic Forum*. Available at: <https://www.weforum.org/agenda/2019/07/4-ways-to-build-family-friendly-policies-parental-leave/> (accessed: March 20, 2024)
- Halinski M., Duxbury L. (2019). Workplace flexibility and its relationship with work-interferes-with-family. *Personnel Review*, 49(1), 149–166. DOI: 10.1108/PR-01-2019-0048
- Hodges L. (2020). Do Female occupations pay less but offer more benefits? *Gender and Society*, 34(3), 381–412. DOI: 10.1177/0891243220913527
- Kim H., Rhou Y., Topcuoglu E., Kim E. (2020). Why hotel employees care about Corporate Social Responsibility (CSR): Using need satisfaction theory. *International Journal of Hospitality Management*, 87(1). DOI: 10.1016/j.ijhm.2020.102505
- Kim J., Wiggins M.E. (2011). Family-friendly human resource policy: Is it still working in the public sector? *Public Administration Review*, 71(5), 728–739. DOI: 10.1111/j.1540-6210.2011.02412.x
- Lee L., Miller K., Chuersanga, Melvin P., Zola J., Ward V. (2022). Childbearing and family leave policies for physicians at US children’s hospitals. *The Journal of Pediatrics*. DOI: 10.1016/j.jpeds.2022.12.008
- Lee S.-Y., Hong J.H. (2011). Does family-friendly policy matter? Testing its impact on turnover and performance. *Public Administration Review*, 71(6), 870–879. DOI: 10.2307/41317386
- Magnusson C. (2019). Flexible time – but is the time owned? Family friendly and family unfriendly work arrangements, occupational gender composition and wages: A test of the mother-friendly job hypothesis in Sweden. *Community, Work & Family*, 24(3), 291–314. DOI: 10.1080/13668803.2019.1697644

- Masterson C., Sugiyama K., Ladge J. (2020). The value of 21st century work–family supports: Review and cross-level path forward. *Journal of Organizational Behavior*, 42(2), 118–138. DOI: 10.1002/job.2442
- Martensen A., Grønholdt L. (2006). Internal marketing: A study of employee loyalty, its determinants and consequences. *Innovative Marketing*, 2(4). Available at: https://www.researchgate.net/publication/265077839_Internal_Marketing_A_Study_of_Employee_Loyalty_Its_Determinants_and_Consequences (accessed: February 20, 2024)
- Mullins L., Chabonneay E., Riccucci N. (2020). The effects of family responsibilities discrimination on public employees' satisfaction and turnover intentions: Can flexible work arrangements help? *Review of Public Personnel Administration*, 41(2), 384–410. DOI: 10.1177/0734371X19894035
- Nabergoj A.S., Pahor M. (2016). Family-friendly workplace: An analysis of organizational effects in the transition economy. *Journal of East European Management Studies*, 21(3), 352–373. DOI: 10.5771/0949-6181-2016-3-352
- Panikarova S. (2019). Analysis of the effectiveness of the regional innovation system. A case study on polyethnic regions of the Russian Federation. *Transylvanian Review of Administrative Sciences*, 15, 41–58. DOI: 10.24193/tras.SI2019.3
- Pevnaya M., Kostina S., Cernicova-Bucă M., Kazmierczyk J., Asoyan L. (2022). Potential of youth participation in local territory branding management. *Lex Localis*, 20(1), 193–214. DOI: 10.4335/20.1.193-214(2022)
- Reichheld F. (2021). *the loyalty effect: the hidden force behind growth, profits, and lasting value*. Boston. Harvard Business School Press.
- Samman E., Lombardi J. (2019). Childcare and working families: New opportunity or missing link? An evidence brief. In: *UNICEF – Childcare-Family-Friendly Policies - 2019*. Available at: <https://www.unicef.org/sites/default/files/2019-07/UNICEF-Childcare%20-Family-Friendly-Policies-2019.pdf> (accessed: February 1, 2024)
- Saurabh M., Modi S. (2013). Positive and negative corporate social responsibility, financial leverage, and idiosyncratic risk. *Journal of Business Ethics*, 117(2), 448. DOI: 10.1007/s10551-012-1526-9
- Stier H., Lewin-Epstein N., Braun M. (2012). Work-family conflict in comparative perspective: The role of social policies. *Research in Social Stratification and Mobility*, 30(3), 265–279. Available at: <https://people.socsci.tau.ac.il/mu/noah/files/2018/01/Work-family-conflict-RSSM-2012.pdf> (accessed: March 2, 2024)
- Wang J., Zhao Y., Sun S., Zhu J. (2023). Female-friendly boards in family firms. *Journal of Business Research*, 157. DOI: 10.1016/j.jbusres.2022.113552
- Wong K., Chan A. H. S., Teh P.-L. (2020). How is work–life balance arrangement associated with organizational performance? A meta-analysis. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 17(12), 1–19. DOI: 10.3390/ijerph17124446
- Wuestenenk N., Begall K. (2022). The motherhood wage gap and trade-offs between family and work: A test of compensating wage differentials. *Social Science Research*, 106. DOI: 10.1016/j.ssresearch.2022.102726
- Yucel D., Fan W. (2023). Workplace flexibility, work–family interface, and psychological distress: Differences by family caregiving obligations and gender. *Applied Research in Quality of Life*, 18(4), 1825–1847. DOI: 10.1007/s11482-023-10164-1

Сведения об авторах

Анна Петровна Багирова — доктор экономических наук, кандидат социологических наук, профессор, профессор кафедры, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (620002, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19; e-mail: a.p.bagirova@urfu.ru)

Ася Сергеевна Вавилова — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры, Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ» (630099, Российская Федерация, Новосибирск, ул. Каменская, д. 56; e-mail: a.s.vavilova@edu.nsuem.ru)

Наталья Дмитриевна Бледнова — Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (620002, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19; e-mail: n.d.blednova@urfu.ru)

Bagirova A.P., Vavilova A.S., Blednova N.D.

Corporate Demographic Policy as a Tool for Implementing the Strategic Interests of the State, Business and Employees

Abstract. The demographic agenda and transformations of the modern labor market require the concept of corporate social responsibility to be revised, including in the direction of supporting employees who have families. The aim of the study is to develop and test a comprehensive methodology for evaluating existing measures of corporate demographic policy in Russian organizations. Neo-institutional theoretical approach and the theory of employee loyalty served as a methodological basis for the inclusion of the institution of business in the implementation of demographic policy. The empirical study is based on our own methodology for comprehensive assessment of corporate demographic policy measures based on three indicators: employee awareness of the existence of measures, usefulness of measures for recipients, and demographic effectiveness. The information base includes materials from a survey of 1,000 respondents living in the Siberian and Ural federal districts. The research produced the following results: 1) the system of measures aimed at supporting Russian workers and their families is not yet extensive, comprehensive and sustainable; 2) we identified measures leading in information promotion, assessment of usefulness and potential impact on reproductive behavior; we also identified measures that are not common in Russian organizations, but have the potential to influence reproductive decision-making; 3) we determined the foundations of a corporate social policy strategy aimed at supporting the state demographic agenda and working out relevant corporate governance practices, focused on taking into account employees' needs. The findings of the study form an idea of the in-demand vector of strategic planning related to the concept of corporate social responsibility, which, given the transformation of the modern labor market, is aimed simultaneously at supporting the state demographic agenda and strengthening corporate governance.

Key words: corporate demographic policy, corporate social responsibility, human capital, assessment of measures, state demographic policy.

Information about the Authors

Anna P. Bagirova – Doctor of Sciences (Economics), Candidate of Sciences (Sociology), Professor, professor of department, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (19, Mira Street, Yekaterinburg, 620002, Russian Federation; e-mail: a.p.bagirova@urfu.ru)

Asya S. Vavilova – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, associate professor of department, Novosibirsk State University of Economics and Management (56, Kamenskaya Street, Novosibirsk, 630099, Russian Federation; e-mail: a.s.vavilova@edu.nsuem.ru)

Natalya D. Blednova – Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (19, Mira Street, Yekaterinburg, 620002, Russian Federation; e-mail: n.d.blednova@urfu.ru)

Статья поступила 13.05.2024.

Демографическая безопасность России: тенденции и прогнозы

Ольга Анатольевна

ЗОЛОТАРЕВА

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

РТУ МИРЭА

Москва, Российская Федерация

e-mail: OAMahova@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-7339-7510; ResearcherID: ABC-2847-2021

Дмитрий Владимирович

НАКИСБАЕВ

Российский университет дружбы народов

Москва, Российская Федерация

e-mail: nakisbaev-dv@rudn.ru

ORCID: 0000-0002-0600-7639

Аннотация. Анализ тенденций и оценка перспективных параметров, характеризующих состояние демографической безопасности России, сегодня привлекают внимание как ведущих ученых страны, так и чиновников, управленцев различного уровня, политиков. Подобный интерес обусловлен осмыслением роли демографической компоненты как ключевой в достижении национальной безопасности страны. Параметры демографической безопасности заложены в ряде стратегических инициатив, в частности в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации. Указанное определяет не просто актуальность, а резкое возрастание значимости анализа текущего состояния и тенденций демографических показателей, а также построения их прогнозных оценок в целях проектирования и конструирования более благоприятных параметров развития общества. Методологическую базу исследования составляют приемы и методы сравнительной аналитики, дескриптивной статистики и адаптивного прогнозирования. Анализ

Для цитирования: Золотарева О.А., Накисбаев Д.В. (2024). Демографическая безопасность России: тенденции и прогнозы // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 3. С. 154–173. DOI: 10.15838/esc.2024.3.93.9

For citation: Zolotareva O.A., Nakisbaev D.V. (2024). Demographic security of Russia: Trends and forecasts. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 17(3), 154–173. DOI: 10.15838/esc.2024.3.93.9

и разработка прогнозов осуществлены на данных официальной статистики Росстата. При оценке различий в динамике численности населения в соответствии с текущим учетом и с данными, полученными в результате пересчета по итогам Всероссийской переписи населения 2020 года, выявлены разные периоды депопуляции. Аналитика ретроспективных данных по демографическим параметрам и разработанные демографические прогнозы определяют в краткосрочной перспективе продолжение второй волны депопуляции, при этом ее затухание и вектор в направлении достижения демографической безопасности возможны в случае реализации оптимистичного сценария. Оптимистичный сценарий (достижение роста рождаемости) предполагается при разработке механизма, позволяющего реализовать предложенный комплекс рекомендаций — мер, направленных на повышение рождаемости.

Ключевые слова: демографическая безопасность, вызовы и угрозы, депопуляция, суммарный коэффициент рождаемости, материнский капитал, меры поддержки семей с детьми.

Введение

В настоящее время в России приоритетными направлениями выступают сбережение народа России и развитие человеческого потенциала, что определяется утвержденными Национальными целями развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года¹, а также национальными интересами страны, закрепленными в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации² и по сути представляющими собой единую, целостную систему взаимосвязанных и взаимообусловленных компонентов национальной безопасности, таких как демографическая безопасность, государственная и общественная безопасность, культурно-идеологическая, военная, экономическая и прочие виды национальной безопасности.

Демографическая безопасность является своеобразным краеугольным камнем (стержнем) в системе национальной безопасности (Агеев, Золотарева, 2023). Сложно не согласиться с мнением И.А. Алешковского о том, что без достижения демографической безопасности какую бы модель экономического развития ни выбрала Россия, «ни о каком лидерстве в глобальной политике и экономике не может быть и речи» (Алешковский, 2012).

¹ О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63728>

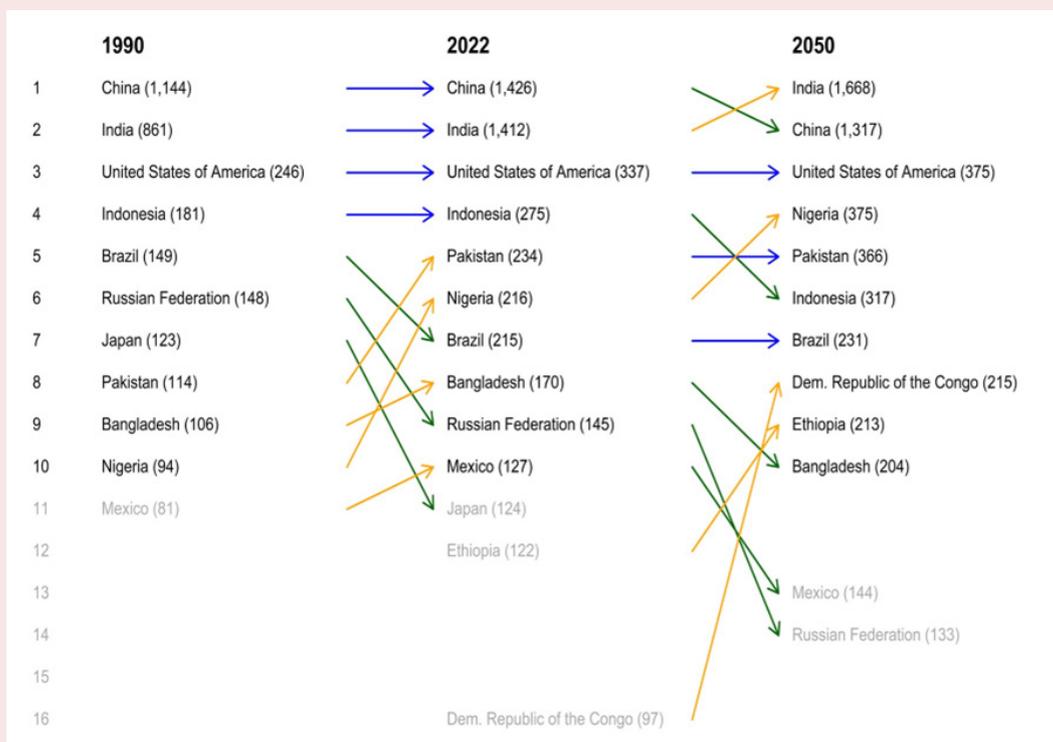
² О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401325792/>

Сегодня Россия теряет свое доминирующее положение на демографической карте земного шара. По данным ООН, в мировой иерархии по численности населения к 2050 году Россия потеряет 5 позиций и с 9 ранга в 2022 году опустится на 14 место (рис. 1).

Жизнеспособность этноса, народа и государства в целом напрямую связана с численностью населения, его возрастно-половой структурой, структурой семейной организации, уровнем здоровья, активного долголетия и, соответственно, продолжительности жизни и т. д. Нисходящая динамика численности населения при суженном естественном воспроизводстве приводит к неминуемому снижению физической плотности населения страны, что предопределяет угрозы демографической безопасности. Среди подобных угроз особую значимость приобретает демографическая экспансия, в частности предполагающая существенную трансформацию этнической структуры ряда регионов страны (при заполнении неосвоенных, опустошенных территорий России мигрантами из других стран, прежде всего с очень высокой плотностью населения, и конфликтных зон), утрату исторически сложившихся доминирующих культурных ценностей, религиозных, политических и т. п. позиций, утрату части исконной территории проживания (как крайняя форма проявления демографической экспансии).

Именно поэтому вопросы, связанные с демографическим развитием страны, стали важнейшим звеном в цепи накопившихся проблем в современном российском обществе (Васильева и др., 2021). Тревога по поводу тяжелой демо-

Рис. 1. Ранги стран в мировой иерархии по численности населения

Источник: World Population Prospects 2022. URL: https://www.un.org/development/desa/pd/sites/www.un.org/development/desa/pd/files/wpp2022_summary_of_results.pdf

графической ситуации прослеживается в ряде работ отечественных ученых, причем в различных областях научного знания: демографии, этнографии, социологии, политологии и т. д. Традиционным стало применение терминов «демографический кризис», «депопуляция», однако часто не осознаются катастрофические последствия для российского общества и государственности, к которым эти явления способны привести при сохранении в дальнейшем негативных тенденций. В этом контексте задача обеспечения демографической безопасности современной России попадает в разряд наиболее острых проблем национального масштаба.

По данным ЕМИСС, суммарный коэффициент рождаемости за 2023 год составил 1,41³, что меньше уровня 2022 года на 0,42%. Это в большей степени говорит о неизменности по-

казателя (незначительное снижение), но определяет его критически низкое значение с 2007 года, когда была принята и начала реализовываться Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года⁴.

Совершенно очевидно, что для достижения демографической безопасности необходимы преодоление депопуляционных процессов в обществе, улучшение параметров воспроизводства населения. Это, в свою очередь, требует научно-обоснованной разработки дополнительных / актуализации существующих демографических и социально-экономических программ на базе проведения всесторонних статистических исследований по отношению к сформировавшимся тенденциям, а также перспективной оценки демографических параметров.

³ ЕМИСС. Государственная статистика. Суммарный коэффициент рождаемости. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31517>

⁴ Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года: Указ Президента Российской Федерации от 09.10.2007 № 1351. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/26299>

Цель нашей работы состоит в выявлении сформировавшихся тенденций ключевых параметров демографической безопасности в России, а также прогнозировании суммарного коэффициента рождаемости, что позволит сделать выводы о преградах на пути достижения демографической безопасности России и предложить комплекс актуальных мер в сфере увеличения рождаемости. Для достижения цели исследования авторами проанализированы воззрения на понимание сущности демографической безопасности и определен подход к ее оценке, в соответствии с которым представлена ретроспективная динамика параметров, характеризующих изменение численности населения, уровень развития депопуляции и суммарного коэффициента рождаемости и др. Также даны как разработанные автором прогнозы, так и перспективные оценки Росстата относительно ключевых показателей демографической безопасности.

Теоретический обзор

Предваряя исследование, особое внимание необходимо уделить сущности его объекта, представить понятийно-категориальный аппарат, что обосновывается его исключительной ролью как при определении логики проводимого анализа, так и при определении приоритетных направлений проводимой государственной политики и принятии эффективных управленческих решений (Ростовская, Золотарева, 2022), направленных на обеспечение демографической безопасности. В связи с этим рассмотрены и проанализированы точки зрения различных ученых на определение понятия «демографическая безопасность» (рис. 2).

Представленные определения дают основания говорить о неоднозначности трактовки понятия «демографическая безопасность» в научной литературе. Более того, утвержденный терминологический аппарат на государственном уровне отсутствует (в Концепции демогра-

Рис. 2. Некоторые подходы к определению понятия «демографическая безопасность»

Л.Л. Рыбаковский

Демографическая безопасность может быть представлена как такое состояние демографических процессов, которое достаточно для воспроизводства населения без существенного воздействия внешнего фактора и обеспечения людскими ресурсами геополитических интересов государства.

С.В. Соболева

Демографическая безопасность – это состояние защищенности жизни, непрерывного естественного воспроизводства населения и формирования демографических структур (половозрастной, семейной, этнической) от демографических угроз, поддерживаемое с помощью институциональной среды.

Демографические угрозы — это явления, тенденции и действия, которые отрицательно влияют на функционирование демографической сферы и противоречат национальным и (или) региональным целям демографического развития, нарушают целостность, независимость и суверенитет государства.

В.Г. Глушкова и О.Б. Хорева

Демографическая безопасность – это функционирование и развитие популяции как таковой в ее возрастно-половых и этнических параметрах, соотнесение ее с национальными интересами государства, состоящими в обеспечении его целостности, независимости, суверенитета и сохранении существующего геополитического статуса.

А. Джаганова

Демографическая безопасность – состояние защищенности социально-экономического развития государства и общества от демографических угроз, в том числе депопуляции, старения населения, нерегулируемых миграционных процессов, деградации института семьи.

Источник: составлено авторами.

фической политики Российской Федерации на период до 2025 года⁵, Указе Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 606 «О мерах по реализации демографической политики Российской Федерации»⁶ и др.). При этом значимость демографической безопасности, представляющей своеобразную платформу для всех без исключения других аспектов национальной безопасности, в современном мире, бесспорно, возрастает (Агеев, Золотарева, 2023; Алешковский, 2012; Рязанцев, Мирязов, 2021).

Следует отметить, что в научном мире существуют различные подходы к определению перечня показателей для анализа демографической безопасности. Например, Л.П. Шахотко и Н.Н. Привалова выделяют 9 индикаторов (Шахотко, Привалова, 2001), в соответствии с которыми можно говорить: (1) о системном подходе к оценке демографической безопасности с учетом возможности сравнительной характеристики с пороговыми / критическими их значениями; (2) об ориентации на классические социально-демографические параметры, которые разработаны в статистической практике и традиционно содержатся в официальных публикациях государственной статистики. Однако при уникальности этого подхода и определенной обоснованности предложенная система метрик имеет недостатки: в ряде случаев — это отсутствие конкретного порогового числового значения и указание, например, «уровень экономически развитых стран» (разброс по странам имеет место быть, какой уровень должен быть эталонным: средний, минимальный, максимальный и т. п.); отсутствие параметров изменения численности населения (акцент сделан на показатели рождаемости, заболеваемости и смертности). Второй недостаток определенно играет существенную роль. Численность населения может увеличиваться при покрытии естественной убыли миграционным приростом или наоборот — снижаться

при масштабном оттоке населения даже при естественном росте, что, бесспорно, находит отражение на уровне демографической безопасности.

Н.Д. Эпштейн с соавторами представляют довольно развернутую систему показателей демографической безопасности, содержащую три блока индикаторов, не только охватывающих уровни «отдельных аспектов демографической безопасности», но и характеризующих их изменения и последствия (Эпштейн и др., 2013). Этот подход имеет как достоинства, так и недостатки. С одной стороны, комплексность предложенной системы индикаторов позволяет выявить негативное воздействие на ход общественного развития; с другой — подобный широкий круг показателей не включает, например, характеристики брачности населения (в частности рост склонности населения к ранним и поздним бракам и т. п.), что, на наш взгляд, противоречит логике исследования названных авторов, т. к. среди выделенных ими «аспектов демографической безопасности» приведена угроза «негативных изменений брачно-семейного состава жителей».

В Национальном демографическом докладе «Демографическое благополучие России», опубликованном в 2022 году Институтом демографических исследований ФНИСЦ РАН, в качестве показателей оценки демографического благополучия (достижение которого, по сути, должно определять безопасность) выделены следующие: 1) восходящая динамика численности населения; 2) положительный естественный и миграционный прирост; 3) суммарный коэффициент рождаемости более 2,14–2,15 ребенка на одну женщину; 4) структура смертности с умеренным вкладом внешних (предотвратимых) причин смерти; 5) сбалансированная половозрастная структура населения (Рязанцев и др., 2022).

Несомненно, можно привести более широкий спектр подходов к оценке демографической безопасности⁷ (Рыбаковский, 2003; Собо-

⁵ Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года: Указ Президента Российской Федерации от 09.10.2007 № 1351. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/26299>

⁶ О мерах по реализации демографической политики Российской Федерации: Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 606 (с изменениями и дополнениями от 18 октября 2017 г., 9 ноября 2018 г., 20 марта, 25 ноября 2019 г., 13 января 2023 г.). URL: <https://base.garant.ru/70170932/>

⁷ Алешковский И.А. Демографический кризис как угроза национальной безопасности России. URL: <http://www.intelros.ru/vek-globalizacii/ya2-2012/18423-demograficheskij-krizis-kak-ugroza-nacionalnoy-bezopasnosti-rossii.html>; Денисенко М.Б. Выдержит ли Россия демографический удар? URL: <http://www.aif.ru/onlineconf/1392868>

лева, 2016 и др.) и представить более полно критический анализ того или иного подхода, однако остановимся на следующих выводах: во-первых, единого подхода к оценке демографической безопасности в настоящее время нет, что характерно для науки (здесь следует привести слова Л.И. Абалкина о том, что никто не обладает монополией на истину⁸); во-вторых, ученые отталкиваются от собственных теоретических воззрений, результатов проведенных исследований, толкования (опять же отчасти субъективного) фактически сложившейся обстановки и т. п.

Обобщение существующих подходов и изучение индикаторов (прямые и/или косвенные), утвержденных в стратегических документах в сфере демографической политики, предоставили основания для анализа состояния демографической безопасности на базе следующих показателей: численность населения России и темпы ее прироста, коэффициент депопуляции (учитывающий рождаемость и смертность) и суммарный коэффициент рождаемости.

Таким образом, в ходе исследования будет использоваться понятие «демографическая безопасность» в контексте термина, предложенного Л.Л. Рыбаковским, то есть исключаются данные по регулированию миграционных процессов, внимание акцентируется на динамике численности населения (Рыбаковский, 2023а) и суммарном коэффициенте рождаемости.

Данные и методы

В работе последовательно представляется аналитика данных по основным параметрам демографической безопасности, логически переходящая в оценку прогнозных значений, что позволяет обоснованно предложить меры в сфере демографического развития страны. Оценка изменений численности населения, тенденций депопуляции и прогноз суммарного коэффициента рождаемости осуществляются на базе данных государственной статистики Росстата.

В качестве статистического инструментария применяются демографические шкалы, груп-

пировки, методы индексного анализа, приемы прогнозирования временных рядов, методы табличного и графического представления данных.

Прогнозирование будет осуществляться моделями ARIMA, Хольта, Брауна. Практика применения адаптивных методов прогнозирования довольно успешна и представлена во многих зарубежных работах⁹ (Garcia et al., 2012; Maniatis, 2012), в частности прогнозирование смертности (Lawrence, 1996), рождаемости (Keilman et al., 2002), миграции (Gorbey et al., 1999).

Адаптивные модели в целях прогнозирования в российских исследованиях используются преимущественно при оценке перспективных значений экономических параметров. Как отмечают Т.К. Ростовская и О.А. Золотарева (Ростовская, Золотарева, 2023), труды Р.Х. Бахитовой и соавторов (Бахитова и др., 2016), Е.В. Павловского (Павловский, 2017), Н.А. Садовниковой и О.А. Золотаревой (Садовникова, Золотарева, 2020), в которых демографические показатели прогнозируются адаптивными методами, являются чуть ли не единственными в своем роде.

Обработка данных и разработка прогнозов осуществлены в пакете прикладных программ «SPSS».

На базе программного обеспечения IBM SPSS Statistics при реализации процедуры прогнозирования нами были получены:

- экспертом построения моделей – модель экспоненциального сглаживания Брауна (Brown);
- моделированием на основе «перебора»: ARIMA (портфель включает более 30 моделей) и модель экспоненциального сглаживания Хольта.

Выбор итоговой прогнозной модели осуществлен на основе (1) формальных статистических критериев: коэффициента детерминации (R^2) и средней абсолютной процентной ошибки MAPE; (2) метода косвенной верификации – сопоставление полученных прогнозных значений со значениями прогноза из других источников (Росстат).

⁸ Экономический портал. Абалкинские чтения: политическая экономия и экономическая политика. URL: <https://institutiones.com/personalities/2206-abalkinskietcheniya.html>

⁹ David Ruppert, David S. Matteson. Statistics and Data Analysis for Financial Engineering. 2015. URL: <https://link.springer.com/book/10.1007%2F978-1-4939-2614-5>

Модель ARIMA соединяет:

- ✓ модель авторегрессии порядка p :

$$AR(p): y_t = c + \varphi_1 y_{(t-1)} + \varphi_2 y_{(t-2)} + \dots + \varphi_p y_{(t-p)} + \varepsilon_t,$$

показывает зависимость значения нынешнего периода от прошлых значений p -периодов;

- ✓ модель скользящего среднего порядка q :

$$MA(q): y_t = c + \varepsilon_t + \theta_1 \varepsilon_{(t-1)} + \theta_2 \varepsilon_{(t-2)} + \dots + \theta_q \varepsilon_{(t-q)},$$

показывает зависимость значения нынешнего периода от ошибок предсказания предыдущих q -периодов¹⁰.

Иными словами: p – порядок авторегрессионной части модели; q – порядок части скользящего среднего.

В целом предложенный инструментарий позволяет получить релевантную оценку перспективных значений демографических параметров.

Результаты

Анализ показателей демографической безопасности

Масштабы и динамика численности населения являются исходными параметрами для оценки демографической безопасности любого государства. Концепцией демографической политики утверждена цель – создание условий для роста численности населения к 2025 году до 145 млн человек. Достижение указанного значения может определяться разными факторами, как непосредственно демографическими (изменения естественных и миграционных процессов), так и политического характера (решения о территориальном расширении государства; пример в недавней практике уже был – положительный прирост населения России в 2014 году¹¹; рис. 3).

Рис. 3. Динамика численности населения России, данные на 1 января 1992–2024 гг.

* Данные по численности населения на 01.01.2012–2024 гг. пересчитаны с учетом итогов ВПН-2020.

Источник: данные Росстата.

¹⁰ Машинное обучение, нейронные сети, искусственный интеллект. Как создать модель ARIMA для прогнозирования временных рядов в Python. URL: <https://machinelearningmastery.ru/arima-for-time-series-forecasting-with-python/>; Модель ARIMA в Python для прогнозирования временных рядов. URL: <https://pythonpip.ru/examples/model-arima-v-python/>; Модель ARIMA. Рабочая группа «Центр макроэкономического прогнозирования». Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». URL: https://economics.hse.ru/cmfm/models_ARIMA

¹¹ Четыре новых региона включены в перечень субъектов РФ: что теперь поменяется. URL: <https://rg.ru/2022/10/06/chetyre-novyh-regiona-vkliucheny-v-perechen-subektov-rf-cto-teper-pomeniaetsia.html>

На 1 января 2024 г. численность населения России составила 146 млн 151 тыс. человек, сократившись за 32 года на 2 млн 364 тыс. человек (на 1 января 1992 г. — 148 млн 515 тыс. человек).

Помимо скачка увеличения населения России за счет присоединения Республики Крым и г. Севастополя интерес также представляет изменение численности населения в связи с проведенной Всероссийской переписью населения 2020 года (ВПН-2020; рис. 4). При уменьшении текущей численности населения на дельту переучета сокращение за 32 года составило бы 3 млн 649 тыс. человек.

Сравнение изменений численности населения по данным текущего учета и перерасчета с учетом результатов ВПН-2020 дает разный временной лаг выхода из общей депопуляции, характеризующейся сокращением численности населения: в соответствии с текущим учетом в фазу второй волны депопуляции Россия вступила в 2018 году (с 1 января 2010 по 1 января 2018 года наблюдался ежегодный прирост численности населения); с учетом итогов ВПН-2020 — в 2020 году, то есть основными причинами «входа в депопуляцию» можно считать излишнюю смертность и преграды миграционным перемещениям, вызванные пандемией

COVID-19 (ежегодный прирост численности населения фиксировался в период с 1 января 2010 по 1 января 2020 г.). Подобные неоднозначные выводы определяют необходимость дополнительного анализа депопуляционных процессов.

Аналитика условного коэффициента депопуляции (соотношения между числами умерших и родившихся) дает основания за анализируемый период выявить две вехи (волны) естественной депопуляции (табл. 1):

- ✓ с 1992 по 2012 год включительно (в 1991 году численность родившихся была выше числа умерших, условный коэффициент депопуляции составлял 1,062);

- ✓ с 2016 года по настоящее время.

Оценивая вторую волну депопуляции, особое внимание необходимо уделить периоду с 2020 по 2022 год (маркеры значений условного коэффициента депопуляции более бордового цвета), при этом в 2022 году уровень условного коэффициента депопуляции существенно сократился (на 16,62%), чему способствовали принятые меры, прежде всего направленные на сокращение сверхсмертности от COVID-19 (возрастание доли вакцинированного населения).

Рис. 4. Динамика численности населения России, данные на 1 января 2012–2024 гг., и дельта прироста по перерасчетам с учетом итогов ВПН-2020

* Данные по численности населения на 01.01.2022–2024 гг. пересчитаны с учетом итогов ВПН-2020.

Источник: данные Росстата.

Таблица 1. Условный коэффициент депопуляции в России

Год	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999
Условный коэффициент депопуляции	1,138	1,544	1,634	1,616	1,596	1,600	1,550	1,765
Темп прироста, %	20,85	35,64	5,84	-1,12	-1,23	0,24	-3,14	13,91
Год	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007
Условный коэффициент депопуляции	1,757	1,719	1,670	1,601	1,528	1,581	1,464	1,292
Темп прироста, %	-0,49	-2,13	-2,89	-4,08	-4,60	3,48	-7,37	-11,76
Год	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Условный коэффициент депопуляции	1,211	1,141	1,134	1,072	1,002	0,987	0,984	0,983
Темп прироста, %	-6,26	-5,78	-0,64	-5,47	-6,50	-1,49	-0,30	-0,09
Год	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Условный коэффициент депопуляции	1,001	1,080	1,140	1,214	1,489	1,746	1,456	1,392
Темп прироста, %	1,80	7,90	5,52	6,51	22,61	17,29	-16,62	-4,42

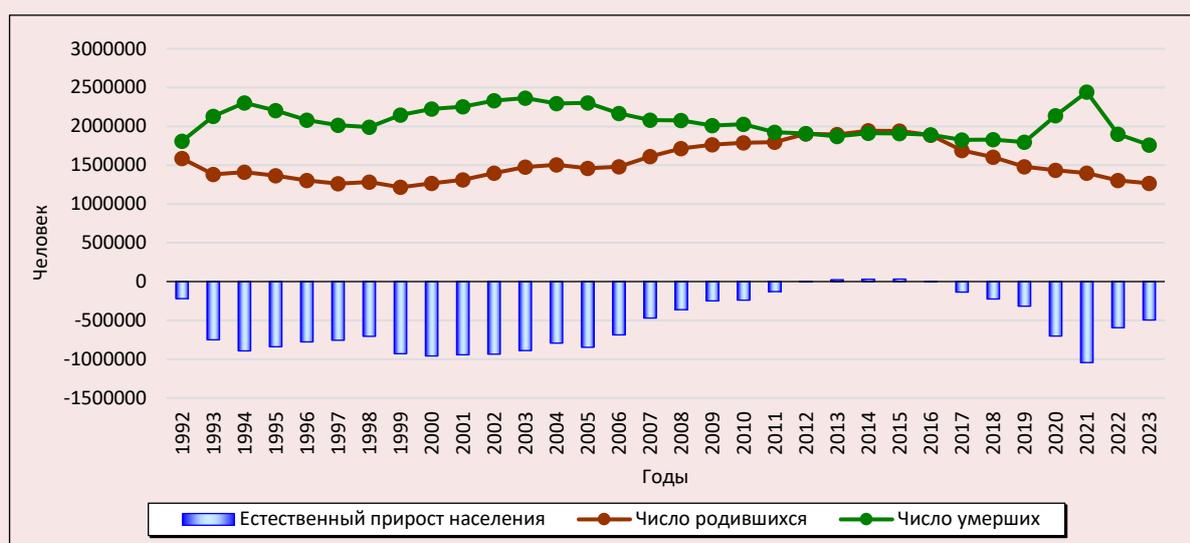
■ – усугубление депопуляции; ■ – преодоление депопуляции.
 Источник: данные Росстата.

Дальнейшее снижение условного коэффициента депопуляции (в 2023 г.) также определено сокращением смертности, а не ростом рождаемости (рис. 5).

В 1992 году впервые в послевоенный период численность умерших (во время реформ, но в мирное время) превысила численность родившихся (естественный прирост населения сменился убылью) и соответствующие кривые, отображающие динамику показателей, пересеклись. Это явление получило название «русский крест» (Римашевская, 1999).

Естественная убыль населения в 1992 году составила 219 тыс. 797 человек и была определена как ростом смертности (численность умерших возросла за год на 6,91%), так и сокращением рождаемости (число родившихся уменьшилось на 11,53%), при этом динамика рождаемости, исходя из сопоставимости скоростей роста, определенно оказала более существенное негативное влияние, чем динамика смертности. Ситуация усугубилась в 1993 году – превышение числа умерших над родившимися достигло 750 тыс. 356 человек, при этом уси-

Рис. 5. Динамика численности родившихся, умерших и естественного прироста / убыли населения в России за 1992–2023 гг.

Источник: данные Росстата.

лилось сокращение числа рожденных (за год на 13,42%), но уже доминирующим фактором стал сверхсильный рост смертности (численность умерших за год увеличилась на 17,81%). Колебания численности умерших на протяжении анализируемого периода определялись то периодами сокращения (например, с 1995 по 1998, с 2006 по 2009, с 2011 по 2013, с 2015 по 2017 год и т. д.), то ростом. В динамике численности родившихся прослеживаются более ярко выраженные / длительные периоды роста (с 2000 по 2004, с 2006 по 2012 год), но при этом фиксируются и длительные временные лаги сокращения, в первую очередь на современном этапе: с 2015 года по настоящее время численность родившихся ежегодно уменьшается (с 1 млн 940 тыс. 579 до 1 млн 264 тыс. 938 детей в 2023 году).

Подобное развитие демографических процессов, которое наложилось на ранее сформированные демографические волны и отчасти

ими же было predeterminedено, сформировало основные особенности демографического развития на современном этапе и в обозримом будущем: снижение рождаемости при высоком уровне старения населения.

Бесспорно, представленные на *рисунке 6* ключевые факторы депопуляции населения среди других являются наиболее острыми демографическими угрозами. В силу демографической конъюнктуры населения (Агеев, Золотарева, 2023) и демографических установок в обществе (Ростовская и др., 2021) сегодня вызовы демографической безопасности обоснованно определены в качестве приоритетных в базовом стратегическом документе – Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной 2 июля 2021 г. Указом Президента Российской Федерации¹².

Оценка демографического старения населения по шкале Ж. Божё-Гарнье – Э. Россета представлена в *таблице 2*.

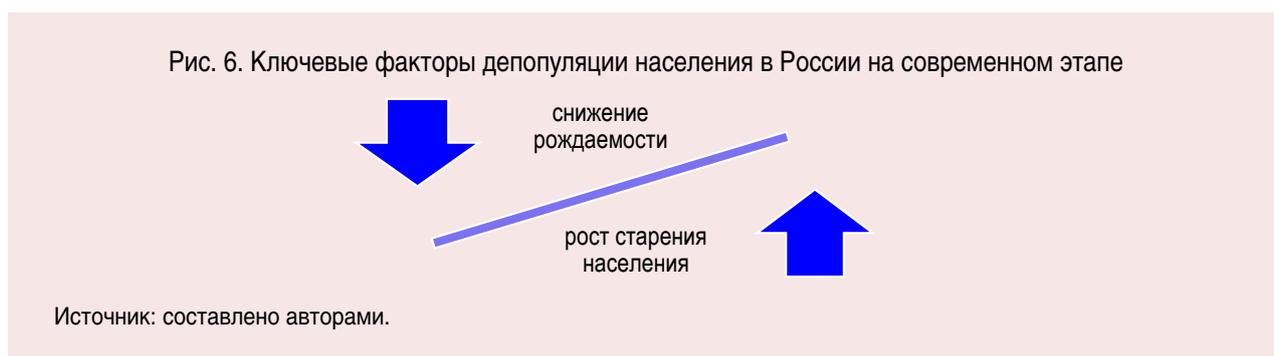

Таблица 2. Развитие процесса старения населения в России

Год	Доля населения в возрасте 60 лет и старше, %	Этап развития процесса старения
1897	6,84	Демографическая молодость
1920	8,25	Преддверие старости
1939	6,72	Демографическая молодость
1959	8,98	Преддверие старости
1970	11,93	Собственно старость
1979	13,65	Демографическая старость начальный уровень
1989	15,3	средний уровень
2002	18,5	очень высокий уровень
2010	18,9	очень высокий уровень
2022	23,1	очень высокий уровень

Источник: данные переписей населения.

¹² О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401325792/>

Существующая в настоящее время возрастная структура населения (Агеев, Золотарева, 2023) не предполагает в ближайшем будущем выход на уровень демографической старости, предшествующий «очень высокому». Процесс старения населения становится одной из наиболее значимых социальных трансформаций двадцать первого века, влияющей на все стороны жизни общества, что признается на мировом уровне. Перспективы уровня старения в мире, по оценкам ООН, говорят о том, что к 2050 году число людей в возрасте 65 лет и старше во всем мире будет в два раза превышать число детей в возрасте до 5 лет и почти сравняется с числом детей в возрасте до 12 лет¹³.

Прогнозы ООН по развитию старения в ряде стран мира, основанные на перспективных оценках показателя демографической нагрузки пожилыми, представляющего соотношение численности населения в возрасте 65 лет и старше и численности населения в возрасте 15–64 лет¹⁴, неутешительны (рис. 7).

Согласно представленному ООН прогнозу, в России в 2050 году соотношение численности населения в возрасте 65 лет и старше и численности населения в возрасте 15–64 лет составит 40,6%, в 2100 году – 48,4% (при уровне в 2020 году 22,8%), однако это далеко не самые «страшные» цифры. Например, в Японии данный показатель уже к 2050 году предположительно составит 73%.

Как было указано ранее, другим серьезным демографическим вызовом для России является низкая рождаемость, более точно – суженое воспроизводство населения на протяжении всего анализируемого периода (32 года), то есть тенденция, определяющая уровень суммарного коэффициента рождаемости, ниже среднего значения 2,12 рождения на одну женщину в фертильном возрасте (уровня простого воспроизводства населения; рис. 8). Справочно, в 1988 году суммарный коэффициент рождаемости составлял 2,13, но в дальнейшем уровня простого воспроизводства показатель не достигал.

Рис. 7. Соотношение численности населения в возрасте 65 лет и старше и численности населения в возрасте 15–64 лет в странах мира, включая прогнозные оценки, %

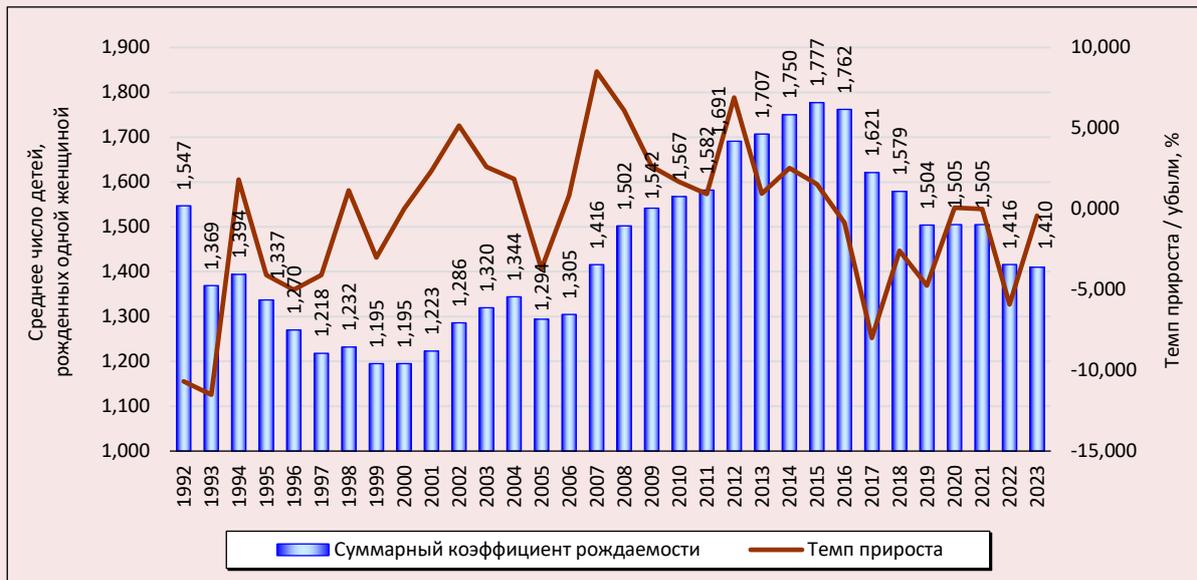

Источник: данные Росстата.

¹³ ООН. Мир, достоинство и равенство на здоровой планете. Старение. URL: <https://www.un.org/ru/global-issues/ageing>

¹⁴ ООН. Департамент по экономическим и социальным вопросам. Отдел народонаселения. URL: <https://population.un.org/wpp/Download/Standard/Population/>

Рис. 8. Суммарный коэффициент рождаемости в России в динамике за период с 1992 по 2023 год

Источник: данные Росстата.

Ретроспективная динамика суммарного коэффициента рождаемости позволила выделить три вехи в его развитии (две последних обоснованы в статье А.И. Агеева и О.А. Золотаревой).

1. 1992–2006 гг.: динамика рождаемости в это время формировалась в очень сложных условиях, как социально-экономических, так и демографического перехода, влияние которого на рождаемость широко представлено в трудах отечественных¹⁵ (Борисов, 2007; Рязанцев и др., 2022) и зарубежных¹⁶ (Coleman, 2006) авторов. Эти условия в целом изменяли образ жизни и мировоззрение общества. Первые годы периода характеризовались деградацией института семьи, снижением ценности семьи с детьми, изменением модели демографического поведения населения: граждане стали создавать семьи в более позднем возрасте, легче идти на разводы, распространились внебрачная рождаемость и всевозможные неформальные союзы, снизилась ценность «детности» (Агеев, Золотарева, 2023). Демографической политике не уделялось долж-

ного внимания со стороны государства. Среднее ежегодное значение суммарного коэффициента рождаемости за 15 лет составило 1,302; в среднем ежегодно показатель сокращался на 1,21%, с 1,547 в 1992 году до уровня 1,305 рожденных на одну женщину в отчетном 2006 году. При этом внутри периода отмечено катастрофическое падение показателя до уровня 1,195 в 1999 году (исторический минимум с 1958 года¹⁷).

2. 2007–2015 гг.: начался рост рождаемости под влиянием введенных мер активной демографической политики. В частности, в 2006 году Президентом Российской Федерации в Послании Федеральному Собранию было предложено основное решение — ввести «материнский капитал», утверждение которого последовало в 2007 году в «Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года»¹⁸; также особое внимание уделялось

¹⁷ По данным Росстата (Демографический ежегодник России — 2002 год). URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/B02_16/IssWWW.exe/Stg/d010/i010200r.htm; сайта Демоскоп Weekly. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/pril.php>

¹⁸ Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года: Указ Президента Российской Федерации от 09.10.2007 № 1351. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/26299>

¹⁵ Захаров С.В. Рождаемость в России: первый и второй демографический переход. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/knigi/konfer/konfer_08.html

¹⁶ Livi Bacci M. Future demographic trends and scenarios URL: <https://paperfoodandmigration.netlify.app/en/chapters/future-demographic-trends-and-scenarios/>

восстановлению института семьи, декларируется значимость традиционных семейных ценностей — приняты и реализуются «Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года»¹⁹ и ряд других государственных инициатив, прямо или косвенно направленных на увеличение рождаемости. Среднее ежегодное значение суммарного коэффициента рождаемости в России за 9 лет составило 1,615; в среднем ежегодно показатель увеличивался на 2,88%, с 1,416 до 1,777 ребенка на одну женщину (максимум за 32 года).

3. 2016–2023 гг.: изменения рождаемости в это время детерминировались совокупностью действующих федеральных и региональных мер, их нарастанием и усилением. Например, разработаны национальные проекты, в соответствии с актуальными национальными целями²⁰, в 2017 году утверждена Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2017–2022 годы²¹ и т. д. Однако, судя по цифрам, воздействие на население не дает желаемого эффекта, наблюдаемого в предыдущем десятилетии. Среднее ежегодное значение суммарного коэффициента рождаемости за 8 лет составило 1,538; в среднем ежегодно показатель сокращался на 3,13% (до уровня 1,410 рожденных на одну женщину в отчетном 2023 году — это минимум с периода введения «материнского капитала», т. е. с 2007 года).

В работе принципиально не будет представлено сравнение уровня рождаемости в России и в других странах, так как авторы считают недо-

пустимым ориентироваться на тенденции, например, характерные для западных стран (см. Bergnehr, 2009; Frejka, 2008; Sobotka, 2004; Waldenström, 2016). Подобные сопоставления зачастую могут формировать понимание нормальности негативных изменений, а тогда возможна «самодезориентация» в целях и ценностях, подмена системы базовых / традиционных ценностей (что наблюдалось в 90-е годы XX века).

В статье акцент сделан на динамике численности населения, компонент естественного движения населения, условного коэффициента депопуляции, коэффициента старения (структурного фактора) и суммарного коэффициента рождаемости как базовых для обеспечения демографической безопасности²² (Агеев, Золотарева, 2023; Рязанцев и др., 2022; Рыбаковский, 2003а; Рыбаковский, 2003b). Охват более широкого пула индикаторов предполагает написание монографии (как пример приведем уже ранее упоминавшийся труд Эпштейн и др., 2013). При этом по представленной аналитике явно определяется значимость проведения государственной политики, направленной на обеспечение демографической безопасности страны. Сегодня важно видеть необходимость в дальнейшей проработке мер, прежде всего нацеленных на увеличение рождаемости и продолжительности жизни населения, сокращение смертности.

Прогноз

Получение достоверного и точного прогноза демографических параметров общества возможно на основе применения как специальных демографических методов прогнозирования (например, передвижкой возрастов), так и методов эконометрического моделирования (особого внимания заслуживают адаптивные методы прогнозирования).

В нашей работе представлен разработанный на основе адаптивных методов прогноз суммарного коэффициента рождаемости. Выбор именно данного показателя для оценки перспектив демографического развития предопределяет-

¹⁹ Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года: Распоряжение Правительства РФ от 25.08.2014 № 1618-п. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_167897/1ae3172271088ff17d13f732abf826846524ab91/

²⁰ Национальные цели развития Российской Федерации на период до 2030 года: первой из перечисленных прописана цель «сохранение населения, здоровье и благополучие людей». URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63728>; разработаны и реализуются национальные проекты «Демография». URL: <https://национальныепроекты.рф/projects/demografiya>; «Здравоохранение». URL: <https://национальныепроекты.рф/projects/zdravookhranenie> и др.

²¹ Об утверждении Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2017–2022 годы: Распоряжение Правительства РФ от 08.03.2017 № 410-п. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_213740/647900e93e6b68b5770bca253de3c639d8719f8f/

²² Алешковский И.А. Демографический кризис как угроза национальной безопасности России. URL: <http://www.intelros.ru/vek-globalizacii/ya2-2012/18423-demograficheskij-krizis-kak-ugroza-nacionalnoy-bezopasnosti-rossii.html>

ся необходимостью понимания того, будет ли усиливаться угроза естественного сокращения населения. Следует также пояснить отказ авторов представлять демографический прогноз численности населения – решение определено тем обстоятельством, что в ближайшей перспективе в численность населения России будет включена численность жителей новых присоединенных территорий (до настоящего времени данные государственной статистики предоставляются без них) и рассчитанный прогноз теряет свою значимость и актуальность.

Как было сказано выше, первично экспертом построения моделей на базе программного обеспечения IBM SPSS Statistics получена модель экспоненциального сглаживания Брауна (Brown) (табл. 3).

Результат прогноза по модели Брауна свидетельствует о возможном значимом сокращении суммарного коэффициента рождаемости к 2028

году в сравнении с 2021 годом (на -11,33%), что характеризуется заниженным показателем с учетом активно проводимой политики, но обоснованным на фоне сформированных тенденций рождаемости в период с 2016 года по настоящее время (третья описанная веха изменений показателя). Данный прогноз можно рассматривать как пессимистический/регрессивный сценарий, предполагающий «замораживание» мер и мероприятий, прежде всего касающихся поддержки семей с детьми.

Этот результат прогноза дает основания для поиска альтернативных моделей и получения портфеля моделей, позволяющего отобрать наилучшую из них, в частности с более высокими параметрами качества.

Сравнительный анализ статистик по моделям, полученным на основе «перебора» (в таблице 4 представлено несколько моделей из пакета для сравнения), показал, что модель

Таблица 3. Модель экспоненциального сглаживания Брауна для суммарного коэффициента рождаемости

Модель Brown			2024	2025	2026	2027	2028
Коэффициент детерминации (R ²)	Средняя абсолютная процентная ошибка (MAPE)	Прогноз	1,38	1,34	1,31	1,28	1,25
0,873	3,287	Верхняя граница	1,50	1,56	1,64	1,73	1,83
		Нижняя граница	1,25	1,12	0,99	0,83	0,67

Источник: данные расчета в IBM SPSS Statistics.

Таблица 4. Адаптивные прогнозные модели суммарного коэффициента рождаемости

Модель/Model	Основные критерии качества прогнозных моделей / Fit statistics of forecast models	
	Коэффициент детерминации (R ²) / Coefficient of determination (R-squared)	Средняя абсолютная процентная ошибка / MAPE – «Mean Absolute Percentage Error»
Хольта / Holt	0,884	3,059
ARIMA (0,1,0)	0,870	3,402
ARIMA (1,1,0)	0,881	3,247
ARIMA (0,1,1)	0,911	2,961
ARIMA (0,1,2)	0,917	2,741
ARIMA (0,1,3)	0,918	2,703
ARIMA (0,1,4)	0,918	2,739
ARIMA (1,1,1)	0,885	3,050
ARIMA (2,1,1)	0,885	3,044
ARIMA (2,1,2)	0,887	2,953
ARIMA (2,2,2)	0,897	2,821
ARIMA (3,2,1)	0,898	2,743
ARIMA (3,1,1)	0,885	3,023
ARIMA (3,1,2)	0,888	2,961
ARIMA (3,1,3)	0,889	3,064
ARIMA (7,1,2)	0,939	2,374
ARIMA (8,1,2)	0,903	2,977

Источник: данные расчета в IBM SPSS Statistics.

ARIMA (7,1,2) наиболее хорошо аппроксимирует оценку тенденций изменения суммарного коэффициента рождаемости на ближайшие пять лет.

Приведенные характеристики качества прогнозных моделей позволяют из множества отобрать наилучшую (наиболее хорошо аппроксимируемую). Это модель Бокса – Дженкинса ARIMA (7,1,2): статистика модели R^2 имеет максимальное значение – 0,939 при наименьшем значении средней абсолютной процентной ошибки (MAPE) – 2,374. Параметры модели ARIMA (7,1,2) даны в *таблице 5*.

Модельные значения довольно точно описывают динамику фактических изменений суммарного коэффициента рождаемости (*рис. 9*).

Сопоставим полученные авторские результаты прогноза суммарного коэффициента рождаемости населения в России по модели ARIMA (7,1,2) с прогнозными значениями Росстата²³ (*табл. 6*).

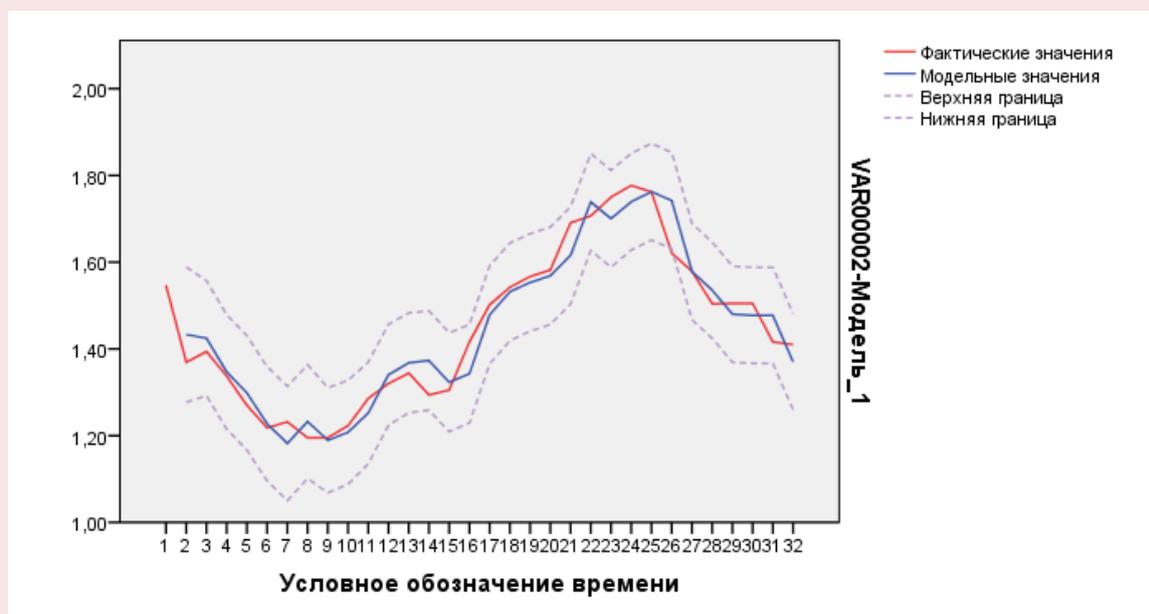
Результаты прогноза по модели ARIMA (7,1,2) говорят о предполагаемом в ближайшие пять лет среднем ежегодном росте прогнозных значений суммарного коэффициента рождаемости на 3,37% до уровня 1,609 к 2028 году. В сравнении со значением 2023 года увеличение показателя к 2028 году составит 14,11%. Однако значение не достигнет максимума, зафиксированного в 2015 году, а будет примерно на уровне 2017–2018 гг. Данные прогнозные значения, по сути, определяют оптимистичный сценарий.

Таблица 5. Параметры модели ARIMA (7,1,2)

Модель	Constant	AR							Difference	MA	
		φ_1	φ_2	φ_3	φ_4	φ_5	φ_6	φ_7		θ_1	θ_2
ARIMA (7,1,2)	-0,15	0,632	0,383	-0,162	0,029	0,079	0,052	-0,371	1	0,444	0,555

Источник: данные расчета в IBM SPSS Statistics.

Рис. 9. Фактические и модельные значения суммарного коэффициента рождаемости согласно модели ARIMA (7,1,2)

Источник: расчет в IBM SPSS Statistics.

²³ Росстат. Демографический прогноз. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>

Таблица 6. Прогнозные значения суммарного коэффициента рождаемости населения в России (модель ARIMA (7,1,2) и Росстата)

Период прогноза / Forecast period	Модель ARIMA (7,1,2)			Прогноз Росстата		
	Нижняя граница прогноза / Lower bound of the forecast	Прогнозные значения / Forecasted values	Верхняя граница прогноза / Upper bound of the forecast	Низкий вариант прогноза	Средний вариант прогноза	Высокий вариант прогноза
2024	1,331	1,441	1,552	1,311	1,321	1,419
2025	1,298	1,472	1,647	1,290	1,332	1,428
2026	1,320	1,539	1,759	1,303	1,352	1,436
2027	1,339	1,591	1,842	1,323	1,374	1,448
2028	1,373	1,609	1,867	1,347	1,412	1,463

Источник: данные расчета в IBM SPSS Statistics и данные Росстата.

Они выше высокого варианта прогноза Росстата. Следует отметить, что средний вариант прогноза Росстата выглядит неутешительным и предполагает в 2024 году уменьшение суммарного коэффициента рождаемости до 1,321, что «откидывает» к значениям показателя, характерным до разработки и введения таких мер, направленных на рост рождаемости, как материнский капитал. По модели ARIMA (7,1,2) при инерционном или регрессивном сценарии также предполагается уменьшение суммарного коэффициента рождаемости.

В целях более серьезной проработки перспектив достижения демографической безопасности и выявления угроз обратимся к прогнозу численности населения, разработанному Росстатом. Анализ изменений численности населения России в ближайшие пять лет по среднему варианту представлен в *таблице 7*.

В ближайшие 5 лет предполагается сокращение населения примерно на 2 млн жителей. Такое уменьшение может быть покрыто перерасчетом численности при включении жителей новых территорий. Однако сама имеющаяся тенденция определяет угрозу демографической безопасности страны. Более того, предполагается, что в населении будет сокращаться доля детей, к 2028 году удельный вес численности населения моложе трудоспособного возраста (0–15 лет) составит 17,0% (что соответствует прогнозируемым Росстатом тенденциям рождаемости), в то время как доля лиц старше трудоспособного возраста будет равна 22,5%. Эти демографические изменения в среднесрочной перспективе неизбежно затронут рынок труда России, задавая возможные рамки изменения численности рабочей силы.

Таблица 7. Прогноз численности населения России до 2028 года, на начало года (средний вариант)

Год	Численность населения, тыс. человек	Абсолютный прирост / убыль, тыс. человек	Темп прироста / убыли, %
2023*	146150,8	-	-
2024	146079,7	-71,1	-0,04864
2025	145631,8	-447,9	-0,30661
2026	145159,3	-472,5	-0,32445
2027	144672,2	-487,1	-0,33556
2028	144181,3	-490,9	-0,33932
Изменения за 5 лет	-	-1969,5	-1,34757

* Данные отчетного периода, пересчитанные с учетом итогов ВПН-2020.
Источник: данные Росстата.

Дискуссия

Анализ ретроспективной динамики ряда демографических показателей не просто определяет этапы депопуляции населения, но и говорит о серьезных преградах для достижения демографической безопасности России.

Прогноз суммарного коэффициента рождаемости и анализ прогноза численности населения, представленного Росстатом, позволили определить следующие угрозы и вызовы на ближайшую перспективу:

- продолжающаяся тенденция депопуляции населения;
- суженное воспроизводство населения (при инерционном сценарии уменьшение суммарного коэффициента рождаемости);
- старение населения.

Рост и без того довольно высокой доли населения в пожилом возрасте определяет нагрузку на систему здравоохранения.

Сокращение доли детей требует существенно увеличить финансирование сферы образования и науки, без чего не представляется возможным обеспечение опережающего экономического развития.

Базовыми угрозами демографической безопасности являются снижение рождаемости и, соответственно, сокращение численности населения.

В целях повышения рождаемости (достижения оптимистичного сценария) государство должно максимально поддержать семьи, предложить более гибкие меры поддержки, для того чтобы семьи могли рассчитывать на помощь от рождения ребенка до начала его взрослой жизни.

Среди основных рекомендаций первоочередными являются:

- введение дифференцированного подхода по материнскому капиталу: отдельные суммы на первого, второго, третьего и последующих детей, то есть необходимо вернуть маткапитал в полном объеме на второго ребенка (без вычета за первенца); на второго ребенка он должен быть минимум в 1,5 раза больше, чем на первого; на третьего и последующих по числу детей он должен также составлять отдельную сумму, не менее двукратного размера маткапитала на первенца;

- изменение главного критерия получения пособий семьями с детьми до 17 лет и беременными женщинами, вставшими на учет в ранние сроки: доступность при критерии нуждаемости в размере среднедушевого дохода семьи, не превышающего как минимум двукратную величину прожиточного минимума трудоспособного населения в конкретном субъекте Российской Федерации;

- ежегодное увеличение единого пособия на детей должно определяться гибко: либо на базе индексации исходя из индекса цен, рассчитанного для категории детских товаров (в случае если он выше инфляции); либо на базе индексации прожиточного минимума на индекс потребительских цен (в случае если индекс цен на категорию детских товаров ниже инфляции);

- разработка механизма выдачи ипотечных жилищных кредитов на индивидуальное жилищное строительство; при этом возможны два сценария развития событий: ипотеку для индивидуального жилищного строительства можно ввести вместо действующих программ льготного ипотечного кредитования, или же она будет дополнять существующие программы; в первом случае у массового потребителя не останется схожих по стоимости альтернатив, и потому большая часть семей, изъявляющих потребность в жилье, воспользуется представленными льготами и оформит ипотечные жилищные кредиты на индивидуальное жилищное строительство; во втором случае государству следует повысить сравнительную привлекательность ипотечных жилищных кредитов на индивидуальное жилищное строительство, и сделать это может следующими способами:

- 1) средневзвешенная ставка по ипотечному кредиту на индивидуальное жилищное строительство должна быть меньше средневзвешенной ставки по ипотечному кредиту на приобретение квартиры в черте города;

- 2) предоставление субсидий на приобретение автотранспортных средств (в целях нивелирования влияния фактора транспортной доступности при принятии решения о типе оформляемого ипотечного кредита).

Предложенная мера по ипотечному кредитованию на индивидуальное жилищное строи-

тельность обоснована тем, что сегодня приобретает масштабность платформенная занятость. Эпоха цифровизации ознаменовала переход при осуществлении трудовой деятельности от ежедневного посещения офиса в сторону гибридных или полностью удаленных форматов работы. Это, в свою очередь, способствует повышению привлекательности индивидуального жилищного строительства в сельской местности. Развитие рынка электронной коммерции и доставки продуктов питания и продовольственных товаров позволяет населению за чертой города получать все те же блага, доступность которых ранее была чрезвычайно затруднена.

Указанное, в частности, позволит достичь определенной сбалансированности между семьей и занятостью, что должно способствовать увеличению рождаемости.

В заключение необходимо отметить, что государственная поддержка семей с детьми представляет зарекомендовавший себя с положительных сторон инструмент влияния на репродуктивное поведение и установки населения. Представляется возможным, расширяя направления и масштабы государственной поддержки, преломить текущие негативные тенденции, минимизировать вызовы и угрозы демографической безопасности.

Литература

- Агеев А.И., Золотарева О.А. (2023). Демографическая политика в России: оценка результативности // Вопросы статистики. Т. 30. № 2. С. 53–71. DOI: <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2023-30-2-53-71>
- Алешковский И.А. (2012). Демографический кризис как угроза национальной безопасности России // Век глобализации. № 2. С. 96–114.
- Баркалов Н.Б. (1984). Моделирование демографического перехода М.: Издательство Московского университета. 80 с.
- Бахитова, Р.Х., Лакман, И.А., Шамсутдинова, Н.К. (2016). Применение ARIMA-моделей для краткосрочного прогнозирования показателей рождаемости в г. Уфа // Уровень жизни населения регионов России. Т. 12. № 3. С. 214–219. DOI: 10.12737/22310
- Борисов В.А. (2007). Демографическая дезорганизация России: 1897–2007. Избранные демографические труды / редактор-составитель А.И. Антонов. М., NOTA BENE. 752 с.
- Васильева Е.Н., Ростовская Т.К., Сулейманлы А. (2021). Демографические угрозы национальной безопасности в политическом дискурсе РФ (1992–2019) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. Т. 26. № 2. С. 255–272.
- Рязанцев С.В., Ростовская Т.К. [и др.] (2022). Демографическое благополучие России. Национальный демографический доклад / отв. ред. С.В. Рязанцев; ФНИСЦ РАН. М.: Перспектива. 108 с.
- Эпштейн Н.Д., Егорова Е.А., Карманов М.В., Смелов П.А., Карманов А.М. (2013). Методология анализа демографической безопасности и миграции населения. Москва: Финансы и статистика. 168 с.
- Павловский Е.В. (2017). Модели ARIMA в краткосрочном прогнозировании внутренней миграции в России // Вопросы статистики. № 10. С. 53–63.
- Римашевская Н.М. (1999). Русский крест // Природа. № 6. С. 3–10.
- Ростовская Т.К., Кучмаева О.В., Золотарева О.А. (2021). Ценность семьи глазами россиян: социологический анализ // ДЕМИС. Демографические исследования. Т. 1. № 4. С. 59–71. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.4.5>
- Ростовская Т.К., Золотарева О.А. (2022). Демографическая стабильность как приоритет демографической политики Российской Федерации // Вопросы управления. № 3. С. 6–18. DOI: 10.22394/2304-3369-2022-3-6-18
- Ростовская Т.К., Золотарева О.А. (2023). Модели прогнозирования рождаемости: пример Республики Тыва // Экономика регионов. Т. 19. № 3. С. 801–812. DOI: <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2023-3-14>
- Рыбаковский Л.Л. (2003а). Демографическая безопасность: популяционные и геополитические аспекты. М.: Экон-Информ. 55 с.
- Рыбаковский Л.Л. (2023б). Демографическое будущее России: прогнозы и реальность // Народонаселение. Т. 26. № 3. С. 4–15. DOI: 10.19181/population.2023.26.3

- Рязанцев С.В., Мирязов Т.Р. (2021). Демографическое благополучие: теоретические подходы к определению и методика оценки // ДЕМИС. Демографические исследования. Т. 1. № 4. С. 5–19. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.4.1>
- Садовникова Н.А., Золотарева О.А. (2020). Covid-19 в России: реалии, обоснованные статистической аналитикой и прогностикой // Экономические стратегии. Т. 170. № 4. С. 42–53. DOI: [10.33917/es-4.170.2020.42-53](https://doi.org/10.33917/es-4.170.2020.42-53)
- Соболева С.В., Смирнова Н.Е., Чудаева О.В. (2016). Демографическая безопасность России: региональные измерители, оценка результатов // Мир новой экономики. № 4. С. 142–153.
- Шахотько Л.П., Привалова Н.Н. (2001). Демографическая безопасность: сущность, задачи, система показателей и механизм реализации // Вопросы статистики. № 7. С. 19–20.
- Bergnehr D. (2009). Social Influence and the Timing of Parenthood. *Interpersona: An International Journal on Personal Relations*, 3, 61–83. DOI: <https://doi.org/10.5964/ijpr.v3isupp1.69>.
- Coleman D. (2006). Immigration and Ethnic Change in Low-Fertility Countries: A Third Demographic Transition. URL: https://u.demog.berkeley.edu/~jrw/Biblio/Eprints/%20A-C/coleman.2006_PDR_3rd.DT.pdf
- Frejka T. (2008). Parity Distribution and Completed Family Size in Europe: Incipient Decline of the Two-Child Family Model? *Demographic Research*, 19 (4), 47–71. URL: https://www.researchgate.net/publication/298951099_Parity_distribution_and_completed_family_size_in_Europe_Incipient_decline_of_the_two-child_family_model
- Garcia F., Guijarro F., Moya I., Oliver J. (2012). Estimating returns and conditional volatility: A comparison between the ARMA-GARCH-M models and the backpropagation neural network. *International Journal of Complex Systems in Science*, 1(2), 21–26.
- Gorbey S., James D., Poot J. (1999). Population forecasting with endogenous migration: An application to trans-Tasman migration. *International Regional Science Review*, 22, 69–101.
- Keilman N., Pham D.Q., Hetland A. (2002). Why population forecasts should be probabilistic - illustrated by the case of Norway. *Demographic Research*, 36, 409–454.
- Lawrence R.C. (1996). Forecasting U.S. mortality: A comparison of Box-Jenkins ARIMA and structural time series models. *The Sociological Quarterly*, 37, 127–144.
- Maniatis, P. (2012). Forecasting The Exchange Rate Between Euro And USD: Probabilistic Approach Versus ARIMA And Exponential Smoothing Techniques. *Journal of Applied Business Research (JABR)*, 28(2), 171-192. DOI: <https://doi.org/10.19030/jabr.v28i2.6840>
- Sobotka T. (2004). Postponement of Childbearing and Low Fertility in Europe. *Population*, 59 (5). URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/Postponement-of-Childbearing-and-Low-Fertility-in-Sobotka/079a0f946e16381fb6bab9c85756ad3b26f3af72>
- Waldenström U. (2016). Postponing Parenthood to Advanced Age. *Uppsala Journal of Medical Sciences*, 121 (4), 235–243. DOI: <https://doi.org/10.1080/03009734.2016.1201553>

Сведения об авторах

Ольга Анатольевна Золотарева – кандидат экономических наук, доцент, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (119991, Российская Федерация, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4; e-mail: OAMahova@yandex.ru); доцент кафедры, РТУ МИРЭА (119454, Российская Федерация, г. Москва, Проспект Вернадского, д. 78)

Дмитрий Владимирович Накисбаев – кандидат политических наук, доцент, заместитель директора, Институт современных языков, межкультурной коммуникации и миграций, Российский университет дружбы народов (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6; e-mail: nakisbaev-dv@rudn.ru)

Zolotareva O.A., Nakisbaev D.V.

Demographic Security of Russia: Trends and Forecasts

Abstract. Currently, the analysis of trends and the assessment of promising parameters characterizing the situation regarding demographic security in Russia attract the attention of the country's leading scientists, officials, managers of various levels, and politicians. Such interest is due to the understanding of the role of the demographic component as the key one in ensuring national security. The parameters of demographic security are contained in several strategic initiatives, in particular in the National Security Strategy of the Russian Federation. This determines not just the relevance, but also a dramatic increase in the importance of analyzing the current state and trends of demographic indicators, as well as building their forecast estimates in order to design and construct more favorable parameters for the development of society. Methodological basis of the study includes techniques and methods of comparative analytics, descriptive statistics and adaptive forecasting. The analysis and development of forecasts were carried out on the basis of official statistics provided by Rosstat. When assessing differences in population dynamics in accordance with current accounting and with the data obtained as a result of recalculation using the results of the 2020 All-Russian Population Census, we identified different periods of depopulation. The analysis of retrospective data on demographic parameters and the demographic forecasts determine in the short term the continuation of the second wave of depopulation, while its attenuation and the vector toward achieving demographic security are possible if an optimistic scenario is implemented. An optimistic scenario (achieving an increase in the birth rate) is assumed when developing a mechanism that allows implementing the proposed set of recommendations – measures aimed at increasing the birth rate.

Key words: demographic security, challenges and threats, depopulation, total fertility rate, maternity capital, measures to support families with children.

Information about the Authors

Olga A. Zolotareva – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Lomonosov Moscow State University (27, building 4, Lomonosovsky Avenue, Moscow, 119991, Russian Federation; e-mail: OAMahova@yandex.ru); associate professor of department, MIREA – Russian Technological University (78, Vernadsky Avenue, Moscow, 119454, Russian Federation)

Dmitriy V. Nakisbaev – Candidate of Sciences (Politics), Associate Professor, deputy director, Institute of Modern Languages, Intercultural Communication and Migration, RUDN University (6, Miklukho-Maklay Street, Moscow, 117198, Russian Federation; e-mail: nakisbaev-dv@rudn.ru)

Статья поступила 22.04.2024.

DOI: 10.15838/esc.2024.3.93.10

УДК 316.4, ББК 60.52

© Назарова И.Б., Карпова В.М., Ляликова С.В.

Потенциал здоровья населения: состояние и взаимосвязь с характеристиками российских регионов

**Инна Борисовна
НАЗАРОВА**
ИСЭПН ФНИСЦ РАН
Москва, Российская Федерация
e-mail: inna-nazarova@mail.ru
ORCID: 0000-0001-8086-1617; ResearcherID: M-7786-2016

**Вера Михайловна
КАРПОВА**
ИСЭПН ФНИСЦ РАН
Москва, Российская Федерация
e-mail: wmkarpova@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-2560-6140; ResearcherID: AAQ-5849-2021

**Софья Викторовна
ЛЯЛИКОВА**
ИСЭПН ФНИСЦ РАН
Москва, Российская Федерация
e-mail: lyalikova@socio.msu.ru
ORCID: 0000-0002-9043-8158; ResearcherID: K-4715-2018

Для цитирования: Назарова И.Б., Карпова В.М., Ляликова С.В. (2024). Потенциал здоровья населения: состояние и взаимосвязь с характеристиками российских регионов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 3. С. 174–189. DOI: 10.15838/esc.2024.3.93.10

For citation: Nazarova I.B., Karpova V.M., Lyalikova S.V. (2024). Public health potential: Current state and relation to Russian regions' features. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 17(3), 174–189. DOI: 10.15838/esc.2024.3.93.10

Аннотация. В статье актуализируются вопросы изучения здоровья населения и его потенциала в контексте современных вызовов. Определение потенциала здоровья как комплексного понятия опирается на взаимосвязь различных аспектов здоровья (физического, эмоционального, нравственного, социального) и благополучия индивида в различных сферах жизнедеятельности. Цель работы заключается в анализе потенциала здоровья населения в различных регионах Российской Федерации на основе данных о самооценках здоровья индивидуумов и текущего социально-экономического положения региона. Исследование опирается на данные Выборочного наблюдения состояния здоровья населения, проведенного Росстатом в 2019–2022 гг., в ходе которого обследовано более 100 тысяч человек. Дополнительно учитывались статистические данные о социально-экономическом положении регионов. Методы анализа включают иерархический кластерный анализ для классификации регионов по уровню самооценки здоровья с использованием метода Варда для определения близости кластеров. В рамках исследования выявлено два основных типа сохранения потенциала здоровья населения в российских регионах. Первый тип связан с хорошей экологической обстановкой в регионах с широким распространением сельских территорий и поддержанием традиции заботы о здоровье, второй объясняется высоким уровнем социально-экономического развития региона, развитой системой здравоохранения и высоким уровнем образования граждан. Важным фактором, влияющим на самооценку здоровья, является возрастная структура населения. Анализ демографических показателей позволил установить, что регионы с высоким потенциалом здоровья характеризуются более молодым населением. Столичные регионы выделяются высоким уровнем социально-экономического развития и образования, что выражается в наиболее высоких показателях здоровья населения. Сравнение групп регионов, более привлекательных по потенциалу здоровья населения, с регионами, характеризующимися низким потенциалом здоровья жителей, свидетельствует, что низкий уровень жизни, бедность и высокая смертность населения в трудоспособном возрасте оказывают негативное влияние на самооценку и общий потенциал здоровья. Потенциал здоровья является важным индикатором качества жизни населения, а внимание к факторам, влияющим на его формирование, позволит выявить ресурсы для улучшения здоровья населения и предотвратить негативные тенденции в социально-экономическом и демографическом развитии региона.

Ключевые слова: здоровье, самооценка здоровья, человеческий потенциал, потенциал здоровья, региональная статистика, Выборочное наблюдение состояния здоровья населения.

Введение

Во главе угла развития общества, технологий и основных отраслей стоит Человек и его потенциал (подробнее см.: Локосов, 2023). Здоровье является одной из важнейших компонент человеческого потенциала (ЧП) наряду с образованием, экономическим, духовным и другими ресурсами индивида или населения в целом (Римашевская, 2001; Римашевская, 2009). Это обуславливает важность определения человеческого потенциала и его составляющих, в том числе потенциала здоровья. В связи с этим необходимы поиск показателей, способных характеризовать здоровье населения на макроуровне, с возможностью включения этих показателей в анализ с другими макропоказателями, а также определение методологии ана-

лиза потенциала здоровья и расчёт потенциала здоровья в отношении страны и регионов, что поможет разрабатывать политику в отношении здоровья на уровне регионов с учётом их особенностей.

Мы предполагаем, что потенциал здоровья населения связан с социально-экономическими характеристиками региона и может существенно различаться в субъектах Российской Федерации.

Цель исследования – определить потенциал здоровья населения в различных регионах Российской Федерации посредством анализа данных о субъективных показателях индивидуального здоровья личности и актуального социально-экономического положения региона,

в котором личность проживает. В рамках статьи произведена идентификация основных групп регионов РФ, сформированных на основе потенциала здоровья, определенного через самооценку здоровья населения.

Материалы и методы

В рамках изучения человеческого потенциала, под которым понимается совокупность имеющихся демографических, социально-экономических и социокультурных свойств населения, которые возможно реализовать при наличии мотивационной готовности и определенных социально-исторических и природно-географических условий (Локосов, 2023), исследователи фокусируют внимание на качестве населения и прежде всего на внутренних характеристиках людей (Федотов, 2017), на совокупности существенных признаков, свойств, особенностей и оценок населения (человека) (Федотов, 2021). Самооценка здоровья, на наш взгляд, может быть таким свойством, характеристикой населения (человека).

Человеческий потенциал включает и социально-физиологические свойства населения, в том числе здоровье, которое измеряется при помощи объективных статистических показателей (например, заболеваемость), синтетических, т. е. расчётных, показателей, сформированных на основе объективных и субъективных данных (продолжительность здоровой жизни, приверженность здоровой жизни), а также субъективно-объективных, примером которых может выступить самооценка здоровья.

Рассматривая самооценку здоровья как свойство, характеристику индивида и как составляющую человеческого потенциала, определяющую продолжительность жизни человека (в том числе здоровой жизни)¹, через субъективные оценки здоровья был определен потен-

циал здоровья, выраженный в категориальной дифференциации самооценок здоровья. Эмпирическим индикатором потенциала здоровья обозначен хороший и очень хороший уровень здоровья. Понимание и исследование потенциала здоровья как комплексного потенциала, т. е. отражающего не только самочувствие человека, но и характеристику физического и психологического здоровья, с учетом связи самооценок с объективными оценками специалистов (Корхова, 2001), основываются на толковании здоровья в соответствии с определением ВОЗ, зафиксированным в преамбуле Устава Всемирной организации здравоохранения в 1948 году. Подчёркивается, что здоровье — это такое состояние человека, которому свойственно не только отсутствие болезней или физических дефектов, но и полное физическое, душевное и социальное благополучие. Здоровый человек — благополучный человек, имеющий хорошее здоровье любого типа: физическое, психическое, душевное, эмоциональное². В отчетах Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) самооценка здоровья также демонстрирует целостное измерение психического и физического здоровья³.

Использование показателя на основе самооценки здоровья: обзор и обоснование

Выбор этого показателя обоснован, его релевантность подтверждена научными исследованиями. Самооценка здоровья рассматривается как достаточно устойчивый показатель, отражающий не только субъективное, но и объективное состояние здоровья. Например, в ходе Таганрогского исследования было установлено соответствие результатов самооценки здоровья с объективным состоянием здоровья пациентов (Корхова, 2001). Таким образом, самооценка здоровья является сложным показателем, который включает в себя комплекс характеристик здоровья, а не один из его параметров. Также

¹ Самооценка здоровья входит в расчет индекса Росстата — ожидаемой продолжительности здоровой жизни. Методика расчета показателя «Ожидаемая продолжительность здоровой жизни (лет)» утверждена приказом Росстата от 25 февраля 2019 года № 95. Данные по состоянию здоровья получаются на основе итогов выборочного наблюдения состояния здоровья населения в соответствии с позицией 1.8.15 Федерального плана статистических работ. Расчет показателя осуществляется в соответствии с позицией 2.9.1 Федерального плана статистических работ.

² Комплексный план действий в области психического здоровья на 2013–2030 [Comprehensive mental health action plan 2013–2030]. Женева: Всемирная организация здравоохранения. 2022. Термин «mental health» введен ВОЗ в 1979 году.

³ Health at a Glance 2023: OECD Indicators, OECD Publishing, Paris, <https://doi.org/10.1787/7a7afb35-en> (дата обращения 08.05.2024).

доказана связь между самооценкой здоровья и уровнем смертности (Kaplan, Camacho, 1983), смертностью и потребностью в медицинской помощи (Palladino et al., 2016). Данные самооценок активно используются как критерий качества жизни, связанный со здоровьем, при разработке и оценке эффективности профилактических программ охраны материнства и детства (Сурмач, Епифанов, 2019).

В периоды социальных стрессов статистика не всегда предоставляет полную информацию о состоянии здоровья населения, которая бы позволила оценить ситуацию на уровне поведения и самочувствия индивидов, ответственных за своё здоровье и здоровье окружающих. В таких ситуациях результаты социологических исследований могут стать важным источником информации, позволяющим понять социальную реальность в системе здоровья и здравоохранения и дополнить данные официальной статистики. В свою очередь массовые явления общественной жизни, изучаемые статистическими методами, становятся основой для социологического анализа, что помогает более точно воспринимать действительность (Маслов, 1967). Данные социологических исследований дополняют статистический материал, предоставляя дополнительные иллюстрации к пониманию объективных процессов, поэтому самооценки здоровья используются такими международными организациями, как ОЭСР⁴, ВОЗ⁵ и, начиная с 2019 года, Росстат⁶. Показатель самооценки рекомендуется мониторить и использовать в том числе для оценки состояния здоровья населения в период эпидемий наряду с объективными показателями (см., напр.: Назарова, 2022). Важным обстоятельством является и то, что показатель самооценки здоровья обеспечен репрезентативностью в целом по России и в разрезе регионов.

⁴ Health at a Glance 2023: OECD Indicators, OECD Publishing, Paris, <https://doi.org/10.1787/7a7afb35-en> (дата обращения 08.05.2024).

⁵ Самооценка состояния здоровья. ВОЗ. 2020. URL: https://gateway.euro.who.int/ru/indicators/hbhc_14-self-rated-health/#id=26248 (дата обращения 20.03.2024).

⁶ Выборочное наблюдение состояния здоровья населения. Росстат. 2019–2024 гг. URL: <https://03.rosstat.gov.ru/szn#> (дата обращения 20.03.2024).

Вместе с тем, независимо от того что самооценка здоровья учитывается международными организациями наравне со статистическими данными, характеризующими население, а также применяется в качестве компоненты в расчёте показателя ожидаемой продолжительности здоровой жизни, сочетание самооценок с макропоказателями практически не используется. В настоящем исследовании предполагается перейти от перспективы обследования населения в рамках опроса к перспективе оценок макрорегионов.

К примерам перспективы подобного исследования можно отнести обнаружение связи самооценок здоровья населения и макропоказателей в разрезе города и сельских поселений, проверенной с учётом различий в обеспечении медицинского обслуживания: жители городов могут иметь более высокий уровень самооценок здоровья в том числе из-за лучшего доступа к услугам здравоохранения (Dorélien, Xu, 2020), а также связи самооценок с уровнем смертности (Kaplan, Camacho, 1983).

Типология регионов, в том числе на основе кластерного анализа, была предложена в разрезе основных макропоказателей, включая показатели, косвенно характеризующие здоровье: продолжительность жизни, численность контингентов больных алкоголизмом и наркоманией наряду с уровнем образования, естественный прирост населения (Локосов и др., 2019).

Типология регионов России по состоянию здоровья жителей на основе комплексного показателя, включающего уровень заболеваемости людей по всем причинам и среднюю продолжительность жизни, позволил выделить лучшие субъекты: Республика Ингушетия, Москва, Чеченская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Северная Осетия – Алания, Республика Дагестан и Кабардино-Балкарская Республика. Худшими по уровню здоровья являются регионы, наиболее отдалённые от центра России, которые характеризуются низкой средней продолжительностью жизни и высоким уровнем заболеваемости населения (возможные причины: алкогольная зависимость населения, низкий уровень здравоохранения, низкий уровень социального обеспечения) (Рыбакова, Романченко, 2014).

Условно «лучшие» и «худшие» кластеры определены в соответствии с показателями санитарно-эпидемиологического благополучия и образа жизни в результате ранжирования среднекластерных значений показателей субъектов Российской Федерации. Лучшими в части санитарно-эпидемиологического благополучия оказались Ленинградская, Тульская, Белгородская области и др. (Клейн и др., 2022).

Исследования демонстрируют связь самооценок с социально-демографическими и экономическими показателями, однако не подтверждают связи самооценок с макропоказателями в разрезе стран и регионов. Большинство исследований, основанных на анализе самооценок здоровья и взаимосвязи с другими показателями, например с экономическим статусом индивида (Карцева, Кузнецова, 2023, Кислицына, 2015), дают возможность предположить, что макроэкономические показатели, характеризующие экономическое благополучие региона, также могут быть связаны с уровнем здоровья населения, выраженным в самооценках.

Эмпирическая основа исследования

В ходе анализа использовались результаты Выборочного наблюдения состояния здоровья населения (СЗН) за период с 2019 по 2022 год⁷ по всем регионам Российской Федерации. Обследовано 60 тысяч домохозяйств, включающих более 100 тысяч человек, при этом проведены опросы всех членов этих домохозяйств. Кроме того, использовались статистические данные, отражающие социально-экономическое положение регионов⁸ и социально-демографические характеристики населения. Данные исследования представительны для всей Российской Федерации. Анализ материалов Росстата для регионов России позволил сопоставить результаты самооценок с объективными данными, отражающими уровень заболеваемости и другие аспекты здоровья населения. Учтены данные о респондентах в возрасте от 15 лет и старше.

⁷ Выборочное наблюдение состояния здоровья населения. Росстат. 2019–2024 гг. URL: <https://03.rosstat.gov.ru/szn#> (дата обращения 20.03.2024).

⁸ Социально-экономическое положение России. Январь 2022 года / Минэкономразвития России; Росстат. М: Федеральная служба государственной статистики. 2022. 388 с. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-01-2022.pdf> (дата обращения 20.01.2024).

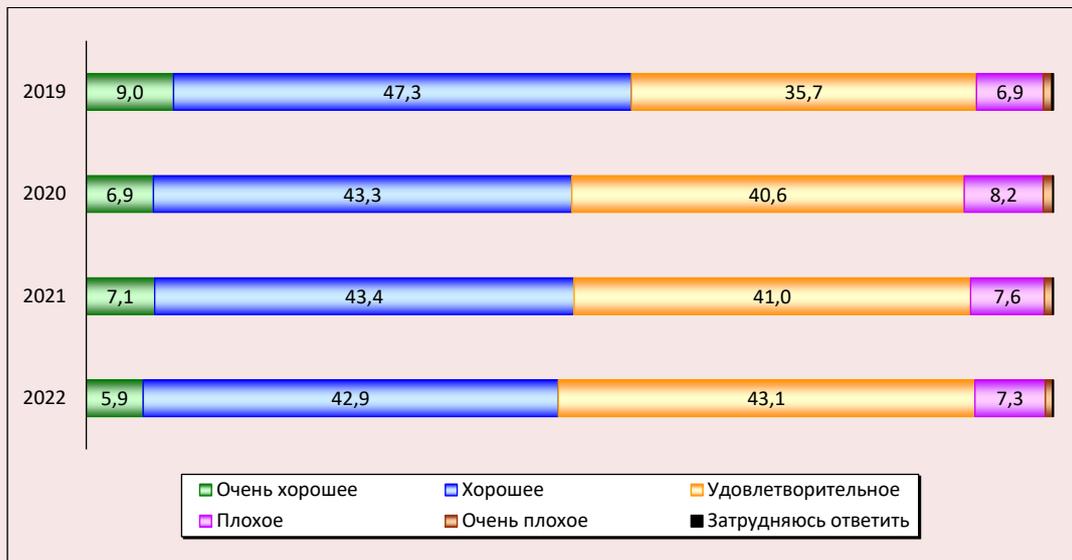
Для классификации регионов по уровню самооценки здоровья применялся иерархический кластерный анализ с использованием евклидова расстояния и метода Варда в целях определения близости кластеров. Анализ проводился для каждого года отдельно, что позволило не просто оценить устойчивость кластеризации, но и изучить динамику самооценки здоровья в терминах перемещения регионов между кластерами для получения качественной характеристики. Этот метод выбран из-за невозможности заранее определить количество кластеров, так как в распределении самооценок наблюдались значительные выбросы (более трёх межквартильных интервалов), группирующиеся в один или два отдельных кластера. Использование иерархического кластерного анализа позволило выявить моменты образования кластеров с выбросами и выделить их для дальнейшего анализа. Другие исследователи также проводили кластеризацию регионов, используя в анализе социально-экономические и демографические показатели, характеризующие положение российских регионов в общей структуре (подробнее: Локосов и др., 2019).

Для сравнительного анализа социально-демографических и экономических характеристик групп регионов использовался однофакторный дисперсионный анализ, а также попарное сравнение средних значений при помощи *t*-теста с соответствующей поправкой Бонферрони на множественные сравнения. Пороговое *p*-значение для определения статистически значимых отличий принято за 0,05. Ключевыми принципами формирования групп регионов оказались принадлежность к кластеру с учётом потенциала здоровья, выявленного на основе самооценок, и изменение этой принадлежности в течение анализируемого периода (с 2019 по 2022 год).

Результаты и обсуждение

Динамика самооценок здоровья населения в России в период с 2019 по 2022 год носит слабо выраженный негативный характер (рис. 1). Этот тренд проявляется в постепенном снижении доли тех, кто даёт своему здоровью хорошие оценки (4–5 баллов из 5), с 56,4% в 2019 году до 48,8% в 2022 году, на фоне увеличения доли удовлетворительных оценок (с 35,7% до 43,1%) и достаточно стабильной доли тех, кто

Рис. 1. Динамика самооценки здоровья населения России в 2019–2022 гг., %*

* Значения менее 1% в подписях данных не обозначены.
Источник: СЗН, расчёты авторов.

оценивает свое здоровье негативно (1–2 балла из 5). Подобное характерно и для описания динамики средних оценок. Так, за четыре года отмечается равномерное снижение значений показателя с 3,57 балла в 2019 году до 3,46 балла в 2022 году (в 2020/2021 гг. — 3,47/3,48 балла). Обращает на себя внимание, что негативная динамика самооценок здоровья выходит за пределы 2020–2021 гг., что могло бы объясняться влиянием пандемии COVID-19, сохраняясь и в 2022 году. Это позволяет выдвинуть гипотезу о том, что пандемия оказала негативное влияние не только на смертность в период пика заболеваемости, но и на здоровье индивидов в долгосрочной перспективе (Амиров и др., 2021; Хасанова и др., 2021).

Мониторинг RLMS-HSE демонстрирует отличные от Росстата данные: 2019 год — 3,27 балла; 2020 год — 3,30; 2021 год — 3,31, 2022 год — 3,29 (т. е. тенденция не формируется). Возможно, это связано с формулировкой вопроса-шкалы в отношении самооценки здоровья. У Росстата центральная категория градации при оценке самооценки здоровья именуется как «удовлетворительное», а в RLMS — «среднее, не хорошее, но и не плохое», что ближе по смысловой нагрузке

к варианту «затрудняюсь ответить» и оказывается, вероятнее всего, более привлекательным для респондентов.

Общая характеристика здоровья населения в регионах

Группировка регионов с различным потенциалом здоровья населения, рассчитанным посредством анализа самооценок здоровья, производилась в два этапа.

1 этап — кластеризация регионов в каждом году исследования в зависимости от уровня самооценки здоровья их жителей. На данной стадии использовался иерархический кластерный анализ для определения региональных особенностей самооценки здоровья населения в регионах России. На каждый год исследования (2019, 2020, 2021 и 2022) приходилось три значимых кластера, а иногда формировался дополнительный кластер, включавший регионы с существенными отклонениями (кластер выбросов). Значительные отклонения в сторону завышенных самооценок здоровья наблюдались в Чеченской Республике (в 2019, 2021 и 2022 гг.) и Республике Ингушетии (в 2019 и 2022 гг.). В случае, если названные субъекты не входили в кластер выбросов, они уверен-

Рис. 2. Динамика доли респондентов, оценивших здоровье как «очень хорошее», в Российской Федерации и ряде регионов в 2019–2022 гг., %

Источник: СЗН, расчёты авторов.

но занимали лидирующие позиции в кластере с наиболее высокими оценками здоровья. Однако для некоторых регионов, особенно для Чеченской Республики, самооценки здоровья были настолько высоки, что вызывали сомнения в достоверности (это дало основание исключить их из дальнейшего анализа; рис. 2). Таким образом, на протяжении всего периода исследования (2019–2022 гг.) ежегодно регионы группировались в три кластера (за исключением Республики Ингушетии и Чеченской Республики), которые статистически значимо отличались по уровню самооценки здоровья (все p -значения проведённого однофакторного дисперсионного анализа менее 0,01).

Первый кластер представлен регионами с высокими оценками здоровья (выше доля ответивших «очень хорошее» и «хорошее» при соответствующих более низких показателях «плохое» и «очень плохое»), второй кластер сформировали регионы со средними оценками, третий – с наиболее низкими.

2 этап – определение динамики потенциала здоровья в регионах. В рамках данного этапа проведен анализ динамики принадлежности регионов к определенным кластерам. Это позволило выявить как восходящую динамику,

когда регион переходил в кластер с более высокими оценками здоровья (например, из «средних» в «лучшие»), так и нисходящую. В целом по России наблюдалась негативная динамика самооценки здоровья, которая усугублялась переходом некоторых регионов в кластер с более низкими самооценками.

Исходя из обобщенного анализа принадлежности регионов к кластерам по уровню самооценки здоровья и их динамики, выделено 7 групп регионов (таблица). Первый набор составляют три стабильных кластера, в которых самооценки здоровья в течение всего исследуемого периода оставались неизменными. Второй набор включает четыре вариативных кластера, в которые вошли регионы, переходившие из одного кластера в другой в течение периода мониторинга (т. е. жители этих регионов изменяли свои оценки здоровья с каждым последующим исследованием).

Группа 1 – первый устойчивый кластер с самооценкой здоровья (потенциал здоровья жителей) выше среднего, объединяющий шесть регионов с наивысшими оценками здоровья жителей. Средняя самооценка здоровья – 3,7 балла. В этих регионах доля населения, оценивающего свое здоровье как очень хорошее или хорошее, превышает долю тех, кто оценивает его

Структура регионов в соответствии с самооценками здоровья населения в 2019–2022 гг.

Типы кластеров – групп регионов			
Устойчивые кластеры – стабильно неизменные самооценки			
Группа 1 «самооценки здоровья выше среднего»	Группа 2 «средние самооценки здоровья»	Группа 3 «самооценки здоровья ниже среднего»	
Подгруппа 1.1: 1. Астраханская обл. 2. Кабардино-Балкарская Республика 3. Республика Дагестан 4. Республика Тыва	1. Архангельская обл. 2. Костромская обл. 3. Краснодарский край 4. Московская обл. 5. Пермский край 6. Тамбовская обл. 7. Ярославская обл.	1. Алтайский край 2. Кировская обл. 3. Курганская обл. 4. Орловская обл. 5. Псковская обл. 6. Республика Коми 7. Республика Марий Эл	
Подгруппа 1.2: 5. г. Москва 6. г. Санкт-Петербург			
Вариативные кластеры – изменчивые самооценки			
Негативная динамика		Позитивная динамика	Нестабильные
Группа 4 «от высоких к средним»	Группа 5 «от средних к низким»	Группа 6 «от низких к средним»	Группа 7 «улучшение и снижение»
1. г. Севастополь 2. Иркутская обл. 3. Карачаево-Черкесская Республика 4. Кемеровская обл. 5. Красноярский край 6. Ленинградская обл. 7. Оренбургская обл. 8. Приморский край 9. Республика Адыгея 10. Республика Бурятия 11. Республика Крым 12. Республика Северная Осетия – Алания 13. Республика Татарстан 14. Республика Хакасия 15. Ростовская обл. 16. Сахалинская обл. 17. Ставропольский край 18. Томская обл. 19. Тюменская обл. 20. Чукотский АО	Подгруппа 5.1 – стабильная отрицательная динамика: 1. Воронежская обл. 2. Забайкальский край 3. Калининградская обл. 4. Калужская обл. 5. Тверская обл. 6. Удмуртская Республика Подгруппа 5.2 – колебания с последующим падением 7. Вологодская обл. 8. Еврейская АО 9. Ивановская обл. 10. Новосибирская обл. 11. Омская обл. 12. Пензенская обл. 13. Республика Калмыкия 14. Рязанская обл. 15. Ульяновская обл. 16. Чувашская Республика	Подгруппа 6.1 – стабильное улучшение: 1. Брянская обл. 2. Новгородская обл. 3. Смоленская обл. 4. Камчатский край 5. Республика Башкортостан 6. Челябинская обл. Подгруппа 6.2 – преодоление ямы: из среднего кластера в низкий с дальнейшим возвращением в средний: 7. Амурская обл. 8. Липецкая обл. 9. Магаданская обл. 10. Республика Карелия 11. Республика Мордовия 12. Саратовская обл. 13. Тульская обл. 14. Хабаровский край Подгруппа 6.3 – колебания между средним и низким кластерами: 15. Волгоградская обл. 16. Курская обл. 17. Самарская обл.	1. Белгородская обл. 2. Владимирская обл. 3. Мурманская обл. 4. Нижегородская обл. 5. Республика Алтай 6. Республика Саха (Якутия) 7. Свердловская обл.
Источник: составлено авторами.			

как плохое или очень плохое. Они оставались в кластере с высокими самооценками на протяжении всего периода исследования, демонстрируя более высокие показатели по сравнению с другими регионами. В рамках данного кластера сформировались две подгруппы:

– *подгруппа 1.1* – средняя самооценка здоровья составила 3,7 балла, в частности 62,0% опрошенных оценили здоровье как очень хорошее или хорошее, 5,2% – как плохое или очень

плохое: Астраханская область, Кабардино-Балкарская Республика, Республика Дагестан, Республика Тыва;

– *подгруппа 1.2* – средняя самооценка здоровья составила 3,7 балла, здесь в разной степени положительно оценили состояние своего здоровья 64,8% респондентов, 5,8% – придерживались резко противоположного мнения: города федерального значения Москва и Санкт-Петербург.

Регионы в подгруппах значительно различаются по своим демографическим характеристикам, именно поэтому были выделены две подгруппы: с одной стороны, это два крупнейших города России, с другой, субъекты, совокупная численность населения которых меньше, чем в каждом из вышеупомянутых городов. Подобный подход в дальнейшем позволит более дифференцированно проанализировать основные социально-демографические и экономические характеристики регионов. Кроме этого, следует отметить, что в группу попали регионы, в которых показатели, характеризующие здоровье – неконсистентны, например, Республика Тыва, несмотря на высокие самооценки здоровья, характеризуется относительно низким уровнем ожидаемой продолжительности жизни, что требует отдельного анализа.

Города федерального значения и ранее выделялись на фоне остальных субъектов России, например, ценность здоровья выше в регионах, однако реальную заботу о своем здоровье в силу разных факторов проявляют столичные жители⁹, а жители регионов в целом имеют низкую валеологическую культуру (Новоселова, 2020).

Группа 2 – второй устойчивый кластер со средним потенциалом здоровья населения. Средняя самооценка здоровья – 3,4 балла. Менее 50% граждан оценили свое здоровье как очень хорошее или хорошее (46,7%), в то время как число тех, кто присвоил ему негативные оценки, составило 8,1%. Кластер включает семь регионов со средними оценками здоровья жителей: Архангельская область, Костромская область, Краснодарский край, Московская область, Пермский край, Тамбовская область, Ярославская область.

Группа 3 – третий устойчивый кластер с потенциалом здоровья ниже среднего. Средняя самооценка здоровья – 3,3 балла. В данной группе оказалось максимальное число тех, кто оценил состояние своего здоровья как плохое или очень плохое – 11,7%, в то время как

противоположного мнения придерживались 37,5% участников исследования (аналогично наименьшее значение по всем группам). Регионы, характеризующиеся «низкими самооценками здоровья»: Алтайский край, Кировская область, Курганская область, Орловская область, Псковская область, Республика Коми, Республика Марий Эл.

Группа 4 – вариативный кластер «от лучшего к среднему», в котором потенциал здоровья ухудшался в годы исследования. Средняя самооценка здоровья – 3,5 балла. Каждый второй гражданин, проживающий в данных регионах, в разной степени положительно оценил состояние своего здоровья (53,5%), доля представителей противоположной стороны 7,8%. К данной группе отнесено 20 регионов, которые попадали в группу «лучших» один раз за исследуемый период, но в 2022 году были отнесены к среднему кластеру. Большинство из них повторяет тенденции, характерные для России в целом: средний уровень самооценки снизился в 2020 году, затем немного повысился в 2021 году и вновь начал снижаться в 2022 году.

Группа 5 – вариативный кластер «от среднего к худшему». Средняя самооценка здоровья – 3,4 балла. Группа представлена 16 регионами, в которых 44,8% респондентов оценили свое здоровье как хорошее или очень хорошее, а каждый десятый – как плохое или очень плохое (9,5%). Регионы из данной группы в 2022 году попали в кластер с наиболее низкими оценками потенциала здоровья, хотя в прошлом занимали место в более высоких категориях, но на протяжении последних лет последовательно теряли своё положение. Среди них можно выделить подгруппы:

– *подгруппа 5.1* – регионы со стабильно отрицательной динамикой (каждый год переходившие в кластер с более низкими оценками здоровья населения): Воронежская область, Забайкальский край, Калининградская область, Калужская область, Тверская область, Удмуртская Республика;

– *подгруппа 5.2* – регионы, положительная динамика показателя в которых сменилась снижением в 2022 году: Вологодская область, Еврейская автономная область, Ивановская область, Новосибирская область, Омская

⁹ Ценности семейно-детного образа жизни (Се-ДОЖ–2019): Аналитический отчет по результатам межрегионального социолого-демографического исследования (2020). Москва: МАКС Пресс. 486 с. DOI: 10.29003/m857.SeDOJ-2019

область, Пензенская область, Республика Калмыкия, Рязанская область, Ульяновская область, Чувашская Республика.

Группа 6 – вариативный кластер «от худшего к среднему». Средняя самооценка здоровья – 3,4 балла. В разной степени хорошим свое здоровье назвали 42,6% респондентов, каждый десятый придерживался противоположного мнения (10,2%). В группу вошли 17 регионов, отнесенных в 2022 году к среднему кластеру, однако ранее занимавших более низкие позиции по потенциалу здоровья населения. Среди них также можно выделить несколько подгрупп:

– *подгруппа 6.1* – регионы, демонстрирующие стабильное улучшение положения (Брянская область, Новгородская область, Смоленская область, Камчатский край, Республика Башкортостан, Челябинская область);

– *подгруппа 6.2* – регионы, преодолевающие падение; так, из кластера со средними самооценками здоровья происходит переход в категорию с самыми низкими оценками с последующим возвращением в кластер порядком выше (Амурская область, Липецкая область, Магаданская область, Республика Карелия, Республика Мордовия, Саратовская область, Тульская область, Хабаровский край);

– *подгруппа 6.3* – колебания между группой со средними и низкими самооценками (Волгоградская область, Курская область, Самарская область).

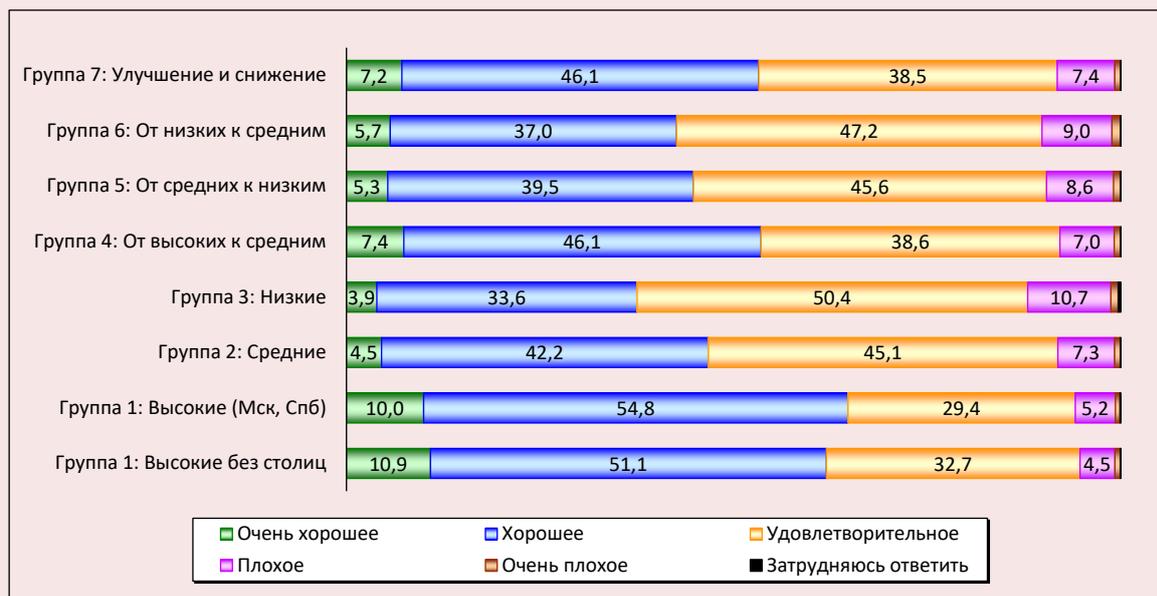
Группа 7 – вариативный кластер «рост и снижение». Средняя самооценка здоровья – 3,5 балла. Примерно каждый второй житель оценил состояние своего здоровья в целом позитивно (53,2%), в то время как негативных взглядов придерживались 8,2% опрошенных. Для семи регионов группы характерна стабильная положительная динамика перехода в кластеры с более высокими оценками до 2021 года и возврат в средний кластер в 2022 году. Субъекты, попавшие в эту категорию: Белгородская область, Владимирская область, Мурманская область, Нижегородская область, Республика Алтай, Республика Саха (Якутия), Свердловская область.

Анализируя физическое здоровье населения регионов, выраженное в самооценках, можно

сказать, что позитивное состояние (в регионах со стабильно высокими оценками) и позитивная динамика (в регионах, которые показали в годы исследования переход от низких самооценок к высоким) характерны только для 22 регионов (*группа 1 и группа 6*). Негативное состояние (большинство жителей отмечают низкие самооценки здоровья) или негативную динамику (большинство представителей регионов снизили свою самооценку здоровья) продемонстрировали 23 региона (*группа 3 и группа 5*). Для остальных характерны неявно выраженная динамика (7 регионов – *группа 7*) и преимущественно средние показатели (26 регионов – *группы 2 и 4*).

3 этап – характеристика самооценки здоровья в 2021 году по группам регионов. Анализ показателей самооценки здоровья по группам регионов позволяет сформировать представление об актуальном восприятии индивидом состояния своего здоровья с учетом места проживания. Регионам, входящим в состав группы 1, характеризующейся «самооценками здоровья выше среднего» (подгруппы 1.1 и 1.2), свойственна высокая доля положительных оценок здоровья (более 60%), а также средних значений самооценки (3,7 балла). Упомянутые подгруппы близки по значениям показателей, что свидетельствует о корректности кластерного анализа. Однако данная группа неоднородна по другим социально-демографическим и экономическим показателям, о чем будет подробнее сказано ниже. Группы 4 и 7 занимают третье место по средним значениям самооценки здоровья (3,5 балла), среди их представителей около половины респондентов оценили своё здоровье положительно. Далее следуют группы 2, 5 и 6 («средние», «от средних к низким» и «от низких к средним») со средней оценкой 3,4 балла, при этом в них сохраняется доля респондентов, в разной степени хорошо оценивших состояние своего здоровья, свыше 40%. Наихудшее положение по самооценке состояния здоровья населения наблюдается в регионах группы 3 («стабильно ниже средних»): здесь лишь 37,5% опрошенных дали хорошие оценки своему здоровью, а 11,7% оценили его как плохое (рис. 3).

Рис. 3. Самооценка здоровья населения в 2021 году по группам регионов, %*

* Значения менее 3% в подписях данных не обозначены.

Источник: СЗН, расчёт авторов.

4 этап – анализ показателей социально-демографического и экономического развития регионов. Сравнение средних значений показателей социально-экономического развития в группах регионов проводилось на основе анализа ключевых показателей за 2021 год, который был выбран из-за наличия достаточного объема статистических данных. Далее анализ осуществлялся путем сравнения отдельных тематических групп показателей, включая демографическое развитие, медицинское обслуживание, образование, экономическое развитие на макроуровне, а также развитие науки, культуры, спорта, досуга и др.

Анализ ряда индикаторов, отражающих качество человеческого потенциала (Римашевская и др., 2014), позволяет выявить характер влияния различных факторов на потенциал здоровья населения. Результаты исследования свидетельствуют, что в данном вопросе особую значимость имеет возрастная структура населения. Регионы группы 1, за исключением подгруппы, включающей города федерального значения, характеризуются высокой долей населения моложе трудоспособного возраста, одновременно с этим низкой долей пенсионе-

ров, что, учитывая тенденцию более высоких оценок здоровья, характерную для молодого населения, приводит к высоким показателям потенциала здоровья в целом по региону.

В подгруппе 1.2 среднее число пенсионеров составило 260,3 чел. на 1000 человек населения, в подгруппе 1.1 – 239,4 чел. на 1000 человек населения, а в группе 3 с самыми низкими самооценками здоровья их количество достигло 339,8 чел. на 1000 человек населения. Среднее число занятых, приходящихся на одного пенсионера, в среднем за 2021 год в группе 3 составило 1,3 человека (для сравнения: в подгруппе 1.1 – 1,6 чел., в подгруппе 1.2 – 2,5 чел.). В группе 1 лучше и другие демографические показатели, которые характеризуют социальное здоровье регионов, например наиболее благоприятная ситуация в брако-разводной сфере: в подгруппе 1.1 на 1000 браков приходится 766,6 разводов, в подгруппе 1.2 – 717,5, а в группе 3 значение достигает 819,4. Общий коэффициент разводимости на 1000 человек населения в подгруппе 1.1 равен 3,6, в подгруппе 1.2 – 4,3, в группе 3 – 4,5; общий коэффициент брачности на 1000 человек населения в подгруппе 1.1 – 4,7, в подгруппе 1.2 – 8,2, в группе 3 – 5,5.

Группа 3, имеющая самый низкий потенциал здоровья жителей, отличается наиболее негативной средней оценкой, характеризующей прирост населения, более высоким коэффициентом смертности – 19,2 (в группе 1 – 10,6), в том числе высокой смертностью населения в трудоспособном возрасте – 658,4 (в группе 1 – 427,5). Среднее значение показателя «прерывание беременности» (аборт) на 1000 женщин от 15 до 49 лет в подгруппе 1.1 составило 14,8, в подгруппе 1.2 – 10,5, в группе 3 – 20,1 и на 100 родов – 23,8, 26,0 и 51,9 соответственно.

Регионы в группе 1 характеризуются самыми низкими показателями младенческой смертности, смертности лиц в трудоспособном возрасте, а также смертности от дорожно-транспортных происшествий, что может косвенно свидетельствовать о хорошем медицинском обслуживании, его высокой доступности и большем распространении практик самосохранительного поведения. В подгруппе 1.2 смертность от дорожно-транспортных происшествий на 100 000 человек населения составляет 4,2, в то время как в других группах среднее значение показателя более чем в два раза выше.

Субъекты, входящие в подгруппу 1.2 (Москва и Санкт-Петербург), практически полностью состоят из городского населения. К концу 2021 года доля городских жителей в этой подгруппе составила 99,2%, в то время как в подгруппе 1.1 соответствующий показатель был самым низким среди всех групп регионов – 54,6%. Это может служить подтверждением гипотезы о том, что городские районы характеризуются более развитой системой здравоохранения, в то время как в регионах подгруппы 1.1 сохраняются более здоровый образ жизни и лучшая экология, возможно, и качество продуктов питания за счет высокой доли сельских жителей, которые, вероятнее всего, имеют собственное хозяйство.

Частично более высокие оценки здоровья в подгруппе 1.2 можно объяснить более высоким уровнем образования жителей столичных регионов, поскольку образование является одним из наиболее важных факторов, влияющих на здоровье человека (Назарова, 2007; Назарова, 2014). Более трети респондентов, распределенных в подгруппу 1.1, обладают высшим образо-

ванием (34,8%), в подгруппе 1.2 число жителей с высшим образованием достигает 47,8%. Для сравнения, в группе 3 таковых всего 28,7%, а доля лиц со средним профессиональным образованием, напротив, больше – 48,3% (в подгруппе 1.1 – 36,2%, в подгруппе 1.2 – 41,9%).

Следует упомянуть об уровне заболеваемости и особенностях системы здравоохранения. Так, в подгруппе 1.1 зарегистрировано 646,8 случаев заболеваний у пациентов с диагнозом, установленным впервые в жизни, в расчете на 1000 человек населения (в подгруппе 1.2 – 958,2, что может объясняться высоким уровнем выявляемости заболеваемости), а в группе 3 значение показателя выше в 1,5 раза (996,0). В группе 3 также неблагоприятная ситуация и по отдельным видам заболеваний: болезни системы кровообращения (зарегистрировано заболеваний у пациентов с диагнозом, установленным впервые в жизни) в подгруппе 1.1 – 21,0, подгруппе 1.2 – 22,6, группе 3 – 31,1; болезни органов дыхания – 283,1; 433,1; 490,2 соответственно и некоторые другие.

В группе 3 обнаружена незначительная доля граждан, которые ежегодно проходят профилактические медицинские осмотры или диспансеризацию. Доля граждан, ведущих здоровый образ жизни, также невелика: в подгруппе 1.1 она составляет 7,8%, в подгруппе 1.2 – 6,8%, чуть больше в группе 3 – 8,5%. Однако в целом по России доля людей, ведущих здоровый образ жизни, крайне мала (десятая часть населения), что на данном уровне говорит о незначительном вкладе в потенциал здоровья населения в различных регионах. Мощность амбулаторно-поликлинических организаций на конец 2021 года на 10 000 человек населения в группе 3 составила 321,7 тыс. посещений в смену, в подгруппе 1.2 – 364,4. Численность врачей всех специальностей на 10 000 человек населения в группе 3 – 41,0 человек, в подгруппе 1.2 вдвое выше – 82,3, а среднее число больничных коек на 10 000 человек населения, наоборот, выше в группе 3 (88,4), в подгруппе 1.1 – 83,1, в Москве и Санкт-Петербурге – 74,1. Обеспеченность населения больничными койками в группе 3 составила 113,6 человек на одну больничную койку, что несколько ниже, чем в группе 1 (подгруппа 1.1 – 125,4, подгруппа 1.2 – 124,3).

Важную роль для здоровья играет экономическое благополучие граждан. Среднее значение оплаты труда в подгруппе 1.2 – 65,9% от общего объёма денежных доходов, в подгруппе 1.1 – 38,0%, в группе 3 – 55,1%. Другие доходы (включая «скрытые») в подгруппе 1.1 составляют 25,5% от общего объёма денежных доходов, в подгруппе 1.2 – 3,7%, в группе 3 – 5,2%. Доходы от предпринимательской деятельности в подгруппе 1.1 – 9,3% от общего объёма денежных доходов, в подгруппе 1.2 – 4,8%; в группе 3 – 5,9%. Ежемесячные потребительские расходы в среднем на душу населения самые большие в подгруппе 1.2 – 54 250 рублей, в группе 3 они составляют 22 378 рублей, в подгруппе 1.1 – 20 947 рублей. Траты на покупку продуктов питания по итогам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств в подгруппе 1.1 оказались выше, чем в других регионах, составив 42,1%, в подгруппе 1.2 – 32,3%, в группе 3 – 35,3%.

Остальные группы регионов не столь значительно различаются между собой за исключением группы 4 «от высоких к средним», которая выделяется более молодой структурой населения (но недостаточно молодой, чтобы конкурировать с первой группой). У регионов группы 4 есть резерв для улучшения своего положения по потенциалу здоровья населения. Группа 2 (со средними оценками потенциала здоровья) тяготеет по общей характеристике к группе 3 (с низкими оценками потенциала здоровья). Остальные группы включают регионы, в которых жители по-разному оценивают состояние своего здоровья, но при этом не имеют существенных различий. Тем не менее они обладают определенным ресурсом, позволяющим им сохранить свое положение, не снижая потенциал здоровья жителей. Во всех группах по сравнению с группой 1 выше общие коэффициенты смертности и показатели смертности в трудоспособном возрасте, что является негативным фактором, связанным с уровнем здоровья их населения.

Выводы

Ряд субъектов России с устойчиво высокой самооценкой здоровья жителей демонстрирует два типа сохранения потенциала здоровья населения: первый – с учётом в регионах хорошей экологии для людей, преимущественно прожи-

вающих вне городских агломераций, поддержание традиции заботы о здоровье, здоровое питание значительной части сельских жителей; второй – посредством поддержания высокого уровня жизни, высокого уровня образования и доходов, развития инфраструктуры здравоохранения. В первом типе регионов – высокая доля населения моложе трудоспособного возраста, низкая доля пенсионеров. Молодое население оценивает здоровье преимущественно положительно, в то время как представители старшего поколения считают потенциал своего здоровья более низким.

Анализ показателей демографического развития регионов свидетельствует, что прежде всего самооценка здоровья связана с возрастной структурой населения. Регионы подгруппы со стабильно высокими показателями самооценки здоровья (подгруппа 1.1) характеризуются самой высокой долей населения моложе трудоспособного возраста, самой низкой долей пенсионеров, что, учитывая тенденцию более высоких оценок здоровья в молодом возрасте, приводит к более высоким показателям потенциала здоровья в целом по региону. Однако даже в этих субъектах высокие оценки здоровья были бы невозможны в случае невысокого уровня социально-экономического развития и благополучия граждан. Города федерального значения характеризуются высоким уровнем социально-экономического развития, более высоким уровнем образования населения, в них отмечен более низкий уровень младенческой смертности, а также смертности лиц в трудоспособном возрасте. Упомянутой группе регионов противостоит группа с самым низким потенциалом здоровья, выраженным в самооценках жителей, на протяжении нескольких лет исследования. Низкий потенциал здоровья в этих регионах связан с высоким уровнем смертности населения в трудоспособном возрасте, с высоким уровнем бедности, а также существенным уровнем алкоголизации и наркотизации населения.

Потенциал здоровья является важным индикатором качества жизни и общего благосостояния общества. Для Москвы и Санкт-Петербурга ключевыми факторами принадлежности к кластеру с высоким потенциалом здоровья выступают социально-экономиче-

ское развитие и благополучие жителей, отраженные в том числе в высоких показателях ожидаемой продолжительности жизни. В ряде регионов, где происходят изменения в самооценке потенциала здоровья, благоприятным считается кратковременное появление низких оценок, которые могут быть скорректированы в лучшую сторону благодаря наличию и активизации определенных ресурсов. Однако по-

стоянное снижение потенциала здоровья населения и приверженность низким позициям по самооценкам здоровья являются тревожными знаками. Негативные факторы, такие как низкий уровень жизни, бедность и высокий уровень смертности, представляют серьезные препятствия для достижения хорошего уровня здоровья населения и реализации его потенциала.

Литература

- Амиров Н.Б., Давлетшина Э.И., Васильева А.Г., Фатыхов Р.Г. (2021). Постковидный синдром: мультисистемные «дефициты» // Вестник современной клинической медицины. № 6. С. 94–104. DOI: 10.20969/VSKM.2021.14(6).94-104
- Карцева М.А., Кузнецова П.О. (2023). Здоровье, доходы, возраст: эмпирический анализ неравенства в здоровье населения России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 2. С. 160–185. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.2.2355>
- Кислицына О.А. (2015). Влияние социально-экономических факторов на состояние здоровья: роль абсолютных или относительных лишений // Журнал исследований социальной политики. Т. 13. № 2. С. 289–302. URL: <https://jsps.hse.ru/article/view/3331>
- Клейн С.В., Онищенко Г.Г., Зайцева Н.В., Глухих М.В. (2022). Ожидаемая продолжительность жизни в субъектах Российской Федерации с различным уровнем санитарно-эпидемиологического благополучия и образа жизни населения: резервы управления // Анализ риска здоровью. № 4. С. 18–32. DOI: 10.21668/health.risk/2022.4.02
- Корхова И.В. (2001). Методы оценки здоровья // Женщина, мужчина, семья в России: последняя треть XX века. Проект «Таганрог» / под ред. Н.М. Римашевской. М.: ИСЭПН. С. 224–252.
- Локосов В.В. (2023). Человеческий потенциал: концептуальные подходы и методики измерения // Народонаселение. Т. 26. № 4. С. 4–14. DOI: 10.19181/population.2023.26.4.1
- Локосов В.В., Рюмина Е.В., Ульянов В.В. (2019). Кластеризация регионов России по показателям качества жизни и качества населения // Народонаселение. Т. 22. № 4. С. 4–17. DOI: 10.24411/1561-7785-2019-00035
- Маслов П.П. (1967). Социология и статистика. М.: Статистика. 294 с.
- Назарова И.Б. (2007). Здоровье занятого населения. Москва: МАКС Пресс. 525 с.
- Назарова И.Б. (2014). Здоровье и качество жизни жителей России // Социологические исследования. № 9 (365). С. 139–145.
- Назарова И.Б. (2022). Мониторинг состояния здоровья населения и факторов риска для здоровья (к методологии изучения здоровья) // Вестник РУДН. Серия: Социология. Т. 22. № 3. С. 616–629. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2022-22-3-616-629>
- Новоселова Е.Н. (2021). Здоровье как ценность и результат деятельности: проблемы и противоречия // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. № 3. С. 80–103. DOI: 10.24290/1029-3736-2021-27-3-80-103
- Римашевская Н.М. (2001). Качественный потенциал населения России: взгляд в XXI век // Проблемы прогнозирования. № 3. С. 34–48.
- Римашевская Н.М. (2009). Качество человеческого потенциала в условиях инновационной экономики // Народонаселение. № 3. С. 16–29.
- Римашевская Н.М., Мигранова Л.А., Токсанбаева М.С. (2014). Человеческий и трудовой потенциал российских регионов // Народонаселение. № 3 (65). С. 106–119.
- Рыбакова Д.А., Романченко В.С. (2014). Регионы России: влияние различных факторов на здоровье населения // Вестник МИЭП. № 4 (17). С. 41–53.
- Сурмач М.Ю., Епифанова А.К. (2019). Возможности применения самооценки здоровья как критерия, связанного со здоровьем, качества жизни в разработке и оценке эффективности профилактических

программ охраны материнства и детства // Вопросы организации и информатизации здравоохранения. № 1 (98). С. 17–22.

Федотов А.А. (2017). Качество жизни и человеческий потенциал – сущность и отличия понятий // Народонаселение. № 2 (76). С. 62–69.

Федотов А.А. (2021). Качество жизни и человеческий потенциал в концепциях устойчивого и человеческого развития (часть первая) // Народонаселение. Т. 24. № 2. С. 53–65. DOI: 10.19181/population.2021.24.2.5

Хасанова Д.Р., Житкова Ю.В., Васкаева Г.Р. (2021). Постковидный синдром: обзор знаний о патогенезе, нейропсихиатрических проявлениях и перспективах лечения // Неврология, нейропсихиатрия, психосоматика. № 3. С. 93–98. DOI: 10.14412/2074-2711-2021-3-93-98

Dorélien A., Xu H. (2020). Estimating rural–urban disparities in self-rated health in China. *Demographic Research*, 43(49), 1429–1460. DOI: 10.4054/DemRes.2020.43.49

Kaplan G.A., Camacho T. (1983). Perceived health and mortality: A nine-year follow up of the human population laboratory cohort. *American Journal of Epidemiology*, 117(3), 292–304.

Palladino R., Tayu Lee J., Ashworth M., Triassi M., Millett C. (2016). Associations between multimorbidity, healthcare utilisation and health status: Evidence from 16 European countries. *Age and Ageing*, 45(3), 431–435. DOI: <https://doi.org/10.1093/ageing/afw044>

Сведения об авторах

Инна Борисовна Назарова – доктор экономических наук, главный научный сотрудник, Институт социально-экономических проблем народонаселения имени Н.М. Римашевской, ФНИСЦ РАН (117218, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский пр., д. 32; e-mail: inna-nazarova@mail.ru)

Вера Михайловна Карпова – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социально-экономических проблем народонаселения имени Н.М. Римашевской, ФНИСЦ РАН (117218, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский пр., д. 32; e-mail: wmkarpova@yandex.ru)

Софья Викторовна Ляликова – научный сотрудник, Институт социально-экономических проблем народонаселения имени Н.М. Римашевской, ФНИСЦ РАН (117218, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский пр., д. 32; e-mail: lyalikova@socio.msu.ru)

Nazarova I.B., Karpova V.M., Lyalikova S.V.

Public Health Potential: Current State and Relation to Russian Regions' Features

Abstract. The article investigates issues related to public health and its potential in the context of modern challenges. Understanding health potential as a complex concept is based on the interrelation of various aspects of health (physical, emotional, moral, social) and well-being of an individual in various spheres of life. The aim of the work is to analyze public health potential in various regions of the Russian Federation based on individuals' self-reported health data and the current socio-economic situation in the region. The study is based on the Selective Observation of the State of Public Health Survey conducted by Rosstat in 2019–2022, covering more than 100 thousand people. Additionally, statistical data on the socio-economic situation in the regions were taken into consideration. The analysis methods include hierarchical cluster analysis to classify regions according to the level of self-rated health using Ward's method to determine the proximity of clusters. The study revealed two main types of health potential preservation in Russian regions. The first type is associated with a good environmental situation in the regions alongside a wide spread of rural areas and the maintenance of a tradition of health care, the second type is due to the high level of socio-economic development in the region, an effective health

care system and a high level of citizens' education. The age structure of the population turns out to be an important factor influencing self-reported health. The analysis of demographic indicators reveals that regions with high health potential have younger population. The metropolitan regions are distinguished by a high level of socio-economic development and education, which is reflected in the highest indicators of public health. The comparison of more attractive groups of regions in terms of health potential with regions characterized by low health potential shows that low living standards, poverty and high mortality of the working-age population have a negative impact on self-reported health and overall health potential. Health potential is an important indicator of the quality of life; and attention to the factors influencing its formation will allow identifying resources to improve public health and prevent negative trends in the socio-economic and demographic development of the region.

Key words: health, self-reported health, human potential, health potential, regional statistics, sampling observation, public health.

Information about the Authors

Inna B. Nazarova – Doctor of Sciences (Economics), Chief Researcher, N.M. Rimashevskaya Institute of Socio-Economic Studies of Population, FCTAS RAS (32, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117218, Russian Federation; e-mail: inna-nazarova@mail.ru)

Vera M. Karpova – Candidate of Sciences (Sociology), Leading Researcher, N.M. Rimashevskaya Institute of Socio-Economic Studies of Population, FCTAS RAS (32, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117218, Russian Federation; e-mail: wmkarpova@yandex.ru)

Sofya V. Lyalikova – Researcher, N.M. Rimashevskaya Institute of Socio-Economic Studies of Population, FCTAS RAS (32, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117218, Russian Federation; e-mail: lyalikova@socio.msu.ru)

Статья поступила 15.04.2024.

Влияние прекаризации на качество занятости и уровень жизни домохозяйств работников среднего поколения

Игорь Алексеевич

ШИЧКИН

Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова

Москва, Российская Федерация

e-mail: shichkinia@mail.ru

ORCID: 0000-0002-3158-0648; ResearcherID: AAC-6086-2022

Марина Олеговна

КОЖЕВНИКОВА

Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова

Москва, Российская Федерация

e-mail: Kozhevnikova.MO@rea.ru

Аннотация. Актуальность темы исследования обусловлена возрастающим влиянием прекаризации на качество занятости и уровень жизни поколенных групп экономически активного населения. Возможности и угрозы современной занятости во взаимосвязи с уровнем жизни в разной мере проявляются в поколенных группах, в особенности среди представителей среднего поколения. Цель работы заключается в исследовании влияния прекаризации на качество занятости и уровень жизни домохозяйств работников среднего поколения. Информационная база исследования составлена на основе репрезентативных данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (РМЭЗ НИУ ВШЭ) за 2021 год. Сформирована выборка из числа занятых и безработных лиц среднего поколения в возрастном диапазоне от 36 лет до пенсионных границ. Полученные результаты свидетельствуют о том, что наличие высо-

Для цитирования: Шичкин И.А., Кожевникова М.О. (2024). Влияние прекаризации на качество занятости и уровень жизни домохозяйств работников среднего поколения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 3. С. 190–205. DOI: 10.15838/esc.2024.3.93.11

For citation: Shichkin I.A., Kozhevnikova M.O. (2024). The impact of precarity on quality of employment and living standards of households of the middle generation workers. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 17(3), 190–205. DOI: 10.15838/esc.2024.3.93.11

кого уровня образования и специализированных ИКТ-навыков позволяет квалифицированным представителям среднего поколения обеспечить устойчивую занятость и минимизировать риски прекаризации. В целом более высокий уровень ИКТ-навыков повышает шансы среднего поколения реализовать имеющийся трудовой потенциал в сфере занятости. Установлено, что проблема прекаризации занятости не ограничивается исключительно бедными слоями населения. В той или иной степени она распространена среди всех социальных групп по стандартам уровня жизни, при этом наиболее выражена среди низкообеспеченных домохозяйств работников среднего поколения с душевыми доходами 1–2 прожиточных минимума. С учетом положения лиц среднего поколения в сфере занятости, их квалификационных и образовательных характеристик, а также уровня ИКТ-навыков в рамках исследования сформулированы практические рекомендации, которые будут способствовать нейтрализации угроз прекаризации, а также реализации профессионального потенциала представителей среднего поколения для повышения уровня жизни их домохозяйств.

Ключевые слова: прекаризация, неустойчивая занятость, поколенные группы, домохозяйства, работники среднего поколения, качество занятости, уровень жизни, образование, ИКТ-навыки.

Благодарность

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01043, <https://rscf.ru/project/22-28-01043/>, в Российском экономическом университете имени Г.В. Плеханова.

Введение

В современной экономической динамике, навязанной капитализмом, шанс быть занятым в долгосрочной перспективе воспринимается как привилегия (Eichhorst, Marx, 2015). Неолиберальная парадигма, доминирующая в российской системе социально-трудовых отношений на протяжении последних 20 лет, способствовала общему расширению прекаризации и появлению новых форм нестандартной занятости. Это стало ключевым фактором роста неравенства доходов, социальных проблем и падения общественного доверия к деятельности государственных институтов (Vassaro, Howell, 2017).

Технологические изменения и развитие информационного общества привели к тому, что ИКТ-навыки и уровень образования стали эффективными драйверами профессионального развития. Они помогают людям успешно адаптироваться к изменяющимся требованиям рынка труда и повышают их конкурентоспособность (Бобков и др., 2016). Уровни образования и ИКТ-навыков – это неотъемлемые составляющие трудового потенциала, которые могут найти применение как у занятых лиц, так и у безработных. Они являются показателем качества занятости, отражая уровень профессиональной подготовки и роль в системе

разделения труда, что приводит к различиям в концентрации индикаторов прекаризации в разрезе различных поколенных групп, а также влияет на уровень жизни занятого населения (Бобков и др., 2022а; Бобков и др., 2022b). Между тем не все представители поколенных групп обладают одинаковым уровнем ИКТ-навыков и образования, что создает неравенство между людьми и может оказать влияние на их трудоустройство, возможности карьерного роста и уровень жизни. Поэтому для более глубокого понимания и анализа указанной проблемы проводится данное исследование, в рамках которого уровни ИКТ-навыков, квалификации и образования рассматриваются в качестве факторов, влияющих на сегментацию занятых и безработных граждан среднего поколения по наличию и концентрации индикаторов прекаризации. Полученные результаты свидетельствуют о наличии зависимости между уровнями образования, квалификации, ИКТ-навыков среднего поколения и рисками прекаризации, которым подвержены представители данной возрастной группы. Установлено, что проблема прекаризации занятости распространена среди всех социальных групп по стандартам уровня жизни. Взаимосвязь концентрации индикаторов прекаризации и поло-

жения в сфере занятости лиц среднего поколения (далее по тексту также — поколенная группа «Среднее поколение», «средняя поколенная группа») актуализирует необходимость выработки предложений, направленных на нейтрализацию угроз прекаризации, реализацию образовательного потенциала и применение ИКТ-навыков среднего поколения для повышения уровня жизни домохозяйств. Таким образом, цель работы состоит в исследовании влияния прекаризации на качество занятости и уровень жизни домохозяйств работников среднего поколения. Гипотеза исследования содержит ряд взаимосвязанных предположений о разной степени участия представителей среднего поколения в неустойчивой занятости и его последствиях для уровня жизни их домохозяйств в зависимости от положения работников среднего поколения в сфере занятости, уровня квалификации, образования и ИКТ-навыков.

Научная новизна исследования заключается в установлении взаимосвязи концентрации индикаторов прекаризации с уровнями ИКТ-навыков, квалификации и образования представителей среднего поколения, определяющей их положение в сфере занятости и уровень жизни. Практическая значимость исследования определяется возможностью использовать полученные результаты в деятельности органов государственной власти, бизнес-сообщества, образовательных учреждений и профсоюзных организаций.

Степень проработанности проблемы

В ряде исследований отмечено наличие взаимосвязи между рисками неустойчивой занятости и половозрастными характеристиками индивидов (Broughton et al., 2016; Burgess et al., 2013). Молодые люди, как правило, начинают карьеру на прекаризованных рабочих местах. По мере достижения среднего возраста, сопряженного с более высоким уровнем образования и квалификации, увеличенным трудовым стажем, риски прекаризации снижаются (MacDonald, 2016; Grimshaw et al., 2016).

Молодежь и лица предпенсионного, пенсионного возраста чаще, чем люди среднего возраста, работают в условиях неполной, временной, неформальной, эпизодической занятости,

являющихся формами прекаризации (Прекариат ..., 2020).

В исследовании В.Н. Бобкова, Е.В. Одинцовой, Н.В. Бобкова представлены результаты изучения уровня и качества занятости в поколенных группах трудоспособного населения (молодежь, среднее и старшее поколения) и ее влияния на его распределение с учетом соответствия душевых денежных доходов домохозяйств социальным стандартам. Выявлен уровень занятости и ее качество в аспекте распространенности индикаторов неустойчивой (прекаризованной) занятости, а также получено распределение поколенных групп по душевым денежным доходам в домохозяйствах с учетом наличия занятости и индикаторов неустойчивой занятости (Бобков и др., 2021).

А.В. Попов провел анализ и обобщил отечественный и зарубежный опыт идентификации поколенных групп в ракурсе тематики социально-трудовых отношений. Выделены два подхода: первый базируется на теории поколений У. Штрауса и Н. Хоу, второй основан на возрастном критерии. Охарактеризованы преимущества и недостатки приведенных подходов (Попов, 2022a; Попов, 2022b).

А.В. Кученковой рассмотрены возрастные различия в степени прекаризации занятости и в характере ее взаимосвязи с субъективным благополучием работников, восприятием нестабильных условий занятости и трудовой деятельности. На основе данных всероссийского опроса работающего населения автор сравнивает три возрастные группы занятых: до 29 лет, 30–49 лет, 50 лет и старше. В результате анализа сделан вывод о том, что отдельные признаки прекаризации чаще распространены среди молодежи, при этом реже встречаются у представителей старшего возраста и работников средних лет (Кученкова, 2022).

В статье Р. Доннелли «Неустойчивая занятость в среднем возрасте: долгосрочные последствия для здоровья и смертности женщин и мужчин» выявлена корреляция прекаризованной занятости людей среднего возраста с неблагоприятными последствиями для здоровья в более старших возрастах. Установлено негативное влияние неустойчивой занятости на физическое и психическое здоровье работников

в ассоциации с возрастающими рисками преждевременной смертности вследствие продолжительного пребывания в прекаризированном положении (Donnelly, 2022).

В ходе анализа дифференциации оплаты труда в поколенных группах российского населения на основе микроданных Выборочного наблюдения доходов населения и участия в социальных программах (ВНДН), выполненного В.Е. Гимпельсоном и Д.И. Зинченко, установлено, что пиковые ее значения наблюдаются в возрасте до 40 лет, впоследствии они имеют нисходящую тенденцию. Авторы связывают снижение заработной платы, которое начинается задолго до наступления предпенсионного возраста, с устаревшим и не вполне адекватным настоящему времени человеческим капиталом старшего поколения. Исследователи полагают, что в перспективе можно ожидать перераспределения фонда заработной платы в пользу средних возрастных групп (Гимпельсон, Зинченко, 2019).

В целом зарубежные и отечественные исследования неустойчивой занятости фокусируются на проблемах молодежи и старшего поколения (Неустойчивость занятости..., 2017; Doellgast et al., 2018). Между тем недостаточно проработанными остаются аспекты прекаризации занятости во взаимосвязи с качеством занятости и уровнем жизни лиц среднего поколения, что предопределило значимость этой проблематики.

Исследование влияния прекаризации на качество занятости и уровень жизни домохозяйств работников среднего поколения представляется важным с точки зрения не только более широкого численного представительства данной поколенной группы, но и ее транзитивного свойства, детерминирующего связь молодого поколения со старшей возрастной группой. Идентификация рисков прекаризации занятости во взаимосвязи с качеством занятости и уровнем жизни лиц среднего поколения обеспечивает методологический и нормативно-правовой фундамент для усиления трудового потенциала молодежи и минимизации влияния на нее рисков прекаризации в процессе перехода в среднюю поколенную группу. Понимание природы влияния прекаризации на каче-

ство занятости и уровень жизни домохозяйств работников среднего поколения способствует выработке действенного инструментария в целях нейтрализации угроз прекаризации, реализации образовательного потенциала и применения ИКТ-навыков среднего поколения для обеспечения к моменту перехода в группу старшего поколения необходимого качества занятости и уровня жизни домохозяйств.

Материалы и методы исследования

Для проведения исследования на основе репрезентативных данных 30-й волны (2021 г.) Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (РМЭЗ НИУ ВШЭ) была сформирована выборка из числа лиц среднего поколения в возрастном диапазоне от 36 лет до пенсионных границ (в соответствии с переходным периодом пенсионной реформы на 2021 год для женщин – 56,5 года; для мужчин – 61,5). Среди них были выделены занятые и безработные (в соответствии с критериями МОТ), для которых проводился анализ согласно выработанной методологии. Исследуемая выборка составила 3100 чел. Используемые в рамках исследования методологические решения, позволяющие осуществлять группировку представителей среднего поколения по уровню квалификации, ИКТ-навыков, образования и стандартам уровня жизни, основаны на оригинальных авторских подходах, опубликованных ранее (Бобков и др., 2022а; Бобков и др., 2022б; Неустойчивая занятость..., 2019). При этом авторы осознают, что анализируемая в работе категория в возрастном диапазоне от 36 лет до пенсионных границ – это достаточно неоднородная социальная группа, охватывающая людей с различными жизненными перспективами, установками, ценностями, трудовым потенциалом и поведением, семейным положением, составом домохозяйств и др. В рамках последующих более глубоких теоретических разработок, касающихся обозначенной проблематики, целесообразно рассмотреть особенности влияния прекаризации на качество занятости и уровень жизни домохозяйств работников среднего поколения с учетом вышеупомянутых социально-демографических характеристик.

В настоящем исследовании представители среднего поколения по положению в сфере занятости представлены тремя категориями (группами):

I. Занятые наиболее квалифицированным трудом;

II. Занятые квалифицированным трудом;

III. Занятые неквалифицированным трудом.

На основе принадлежности к группе занятый согласно Общероссийскому классификатору занятий (ОКЗ) представители первой группы обладают третьим и четвертым (высшим) уровнем квалификации (группы 1–3 и 01–02 по ОКЗ). В составе этой группы находятся руководители, специалисты высшего и среднего уровня квалификации, офицеры, неофицерский состав военнослужащих. Занятые квалифицированным трудом имеют второй уровень квалификации (группы 4–8 по ОКЗ), к ним относятся служащие, занятые подготовкой и оформлением документации, учетом и обслуживанием; работники сферы обслуживания и торговли, охраны граждан и собственности; квалифицированные работники сельского и лесного хозяйства, рыбоводства и рыболовства; квалифицированные рабочие промышленности, строительства, транспорта и рабочие родственных занятий; операторы производственных установок и машин, сборщики и водители. Первый (наименьший) уровень квалификации (группы 9 и 03 по ОКЗ) типичен для занятых неквалифицированным трудом из числа рабочих без квалификации и рядового состава военнослужащих.

Спецификации каждой группы по положению в сфере занятости определяются уровнем образования и ИКТ-навыков у работников. Градация образовательных характеристик предполагает наличие занятых и безработных лиц

средней поколенной группы как со средним профессиональным образованием и выше, так и без профессионального образования. Ранжирование ИКТ-навыков базируется на трехуровневой классификации, где:

– третий (высший) уровень ИКТ-навыков включает специализированные навыки (ИКТ-специалисты);

– второй (средний) уровень ИКТ-навыков предполагает пользовательские навыки, связанные с профессиональной деятельностью;

– первый (низкий) уровень ИКТ-навыков охватывает базовые навыки, не связанные с профессиональной деятельностью (Бобков и др., 2022b).

Для идентификации наличия и концентрации неустойчивой занятости среди лиц среднего поколения использовалась оригинальная авторская классификация, включающая две группы индикаторов прекаризации занятости (табл. 1).

Занятые по наличию и концентрации индикаторов прекаризации в процентном выражении по каждой группе распределены на три категории.

1. Устойчиво занятые (отсутствие индикаторов у занятых).

2. Переходная группа (занятые с 1–4 неключевыми индикаторами).

3. Неустойчиво занятые (три уровня концентрации индикаторов прекаризации):

3.1. Умеренная – занятые с 1–2 ключевыми индикаторами;

3.2. Высокая – у занятых наблюдается 1–2 ключевых и 1–4 неключевых индикатора;

3.3. Наиболее высокая – занятые с 3–5 ключевыми индикаторами, которые могут сопровождаться 1–4 неключевыми индикаторами (Одинцова, 2023).

Таблица 1. Классификация индикаторов неустойчивой занятости

Ключевые индикаторы прекаризации занятости	Неключевые индикаторы прекаризации занятости
(1) Занятость по найму на основе устной договоренности без оформления документов (2) Уровень доходов от основной занятости, не обеспечивающий устойчивости материального положения домохозяйств (3) Вынужденный неоплачиваемый отпуск по инициативе работодателя (4) Отсутствие оплачиваемого отпуска (5) Уменьшение работодателем заработной платы или сокращение часов работы	(1) Занятость не по найму в неформальном секторе (2) Задолженность по заработной плате (3) Неофициальный (частично или полностью) доход от занятости (4) Отклоняющееся от стандартного рабочее время: продолжительность рабочей недели более 40 часов или не более 30 часов (по основному месту работы)
Составлено по: (Одинцова, 2023; Уровень и качество жизни..., 2022).	

Данная типология с идентичным статусным диапазоном взята за основу при осуществлении группировки занятых и безработных лиц среднего поколения по стандартам уровня жизни. По критериям размера доходов и потребления выделены четыре категории домохозяйств:

- наименее обеспеченные (бедные);
- низкообеспеченные;
- обеспеченные ниже среднего;
- средне- и высокообеспеченные (Бобков и др., 2022а).

Результаты и их обсуждение

Анализируя распределение занятых наиболее квалифицированным трудом поколенной группы «Среднее поколение» по наличию и концентрации индикаторов прекаризации и положению в сфере занятости, следует отметить, что наибольшая доля устойчиво (48%) и неустойчиво занятых с различными уровнями концентрации индикаторов прекаризации (9,3% – с наиболее высокой концентрацией индикаторов) обладает вторым (средним) уровнем ИКТ-навыков (пользовательские навыки, связанные с профессиональной деятельностью;

табл. 2). Это может быть связано с более высоким уровнем владения ИКТ-навыками в средней возрастной группе относительно старшего поколения, а также распространенностью соответствующих профессий в возрастных группах до 50 лет.

Наименее представительными являются группы занятых среднего поколения со средним профессиональным образованием и выше, имеющие третий (высший) уровень ИКТ-навыков (специализированные навыки). Доля устойчиво занятых в данной категории составила 7,3%. Между тем среди занятых наиболее квалифицированным трудом с третьим уровнем ИКТ-навыков не выявлено занятых с наиболее высокой концентрацией индикаторов прекаризации. Это свидетельствует, что работники с высоким уровнем образования и владения ИКТ имеют более стабильные рабочие места и реже сталкиваются с проблемой прекаризации занятости. В переходной группе наблюдается высокая доля (25,2%) занятых среднего поколения со вторым (средним) уровнем ИКТ-навыков.

Таблица 2. Распределение занятых наиболее квалифицированным трудом поколенной группы «Среднее поколение» по наличию и концентрации индикаторов прекаризации и положению в сфере занятости, 2021 год

Характеристики группы по положению в сфере занятости	Группы по наличию и концентрации индикаторов прекаризации, % по каждой группе				
	Устойчиво занятые	Переходная группа	Неустойчиво занятые		
			С умеренной концентрацией индикаторов	С высокой концентрацией индикаторов	С наиболее высокой концентрацией индикаторов
Третий (высший) уровень ИКТ-навыков (специализированные навыки) – ИКТ-специалисты / Среднее профессиональное и выше	7,3	1,9	1,7	0,7	0,0
Второй (средний) уровень ИКТ-навыков (пользовательские навыки, связанные с профессиональной деятельностью) / Среднее профессиональное и выше, а также без профессионального образования	48,0	25,2	39,6	22,3	9,3
Первый (низкий) уровень ИКТ-навыков (базовые навыки, не связанные с профессиональной деятельностью) / Среднее профессиональное и выше, а также без профессионального образования	10,9	9,3	11,3	10,8	3,1

Примечание: суммарное значение столбцов составляет 100%.
Источник: оценка авторов на основе данных РМЭЗ НИУ ВШЭ.

Занятые среднего поколения, обладающие первым (низким) уровнем ИКТ-навыков (базовые навыки, не связанные с профессиональной деятельностью, но необходимые для применения в повседневной жизни: для общения, учебы, развлечения и т. п.), равномерно распределены в группах по наличию и концентрации индикаторов прекаризации (от 10,9% — устойчиво занятые до 10,8% — неустойчиво занятые с высокой концентрацией индикаторов). В этом случае отсутствие специализированных навыков в области ИКТ в силу их вторичности в профессиональной деятельности не выступает фактором прекаризации занятости.

При более детальном анализе данных таблицы 2 становится очевидно, что средний уровень ИКТ-навыков играет значимую роль в обеспечении занятости среднего поколения. Возможно, это связано с тем, что современные рабочие места все чаще требуют использования компьютерных технологий и навыков работы с информацией. Таким образом, наличие среднего уровня ИКТ-навыков может быть важным

фактором профессионального развития. Это также указывает на необходимость совершенствования ИКТ-навыков у работников с целью обеспечения конкурентоспособности на рынке труда.

В структуре занятых квалифицированным трудом граждан среднего поколения по наличию и концентрации индикаторов прекаризации и положению в сфере занятости преобладают лица с низким уровнем ИКТ-навыков (базовые навыки, не связанные с профессиональной деятельностью), без профессионального образования. При этом среди них значительна доля неустойчиво занятых с высокой (31,8%) и наиболее высокой (49,7%) концентрацией индикаторов прекаризации (табл. 3).

Отсутствие профессионального образования и наличие базовых, не связанных с профессиональной деятельностью ИКТ-навыков у занятых квалифицированным трудом средней поколенной группы определяет не только высокую концентрацию индикаторов прекаризации, но и их присутствие в переходной группе

Таблица 3. Распределение занятых квалифицированным трудом поколенной группы «Среднее поколение» по наличию и концентрации индикаторов прекаризации и положению в сфере занятости, 2021 год

Характеристики группы по положению в сфере занятости	Группы по наличию и концентрации индикаторов прекаризации, % по каждой группе				
	Устойчиво занятые	Переходная группа	Неустойчиво занятые		
			С умеренной концентрацией индикаторов	С высокой концентрацией индикаторов	С наиболее высокой концентрацией индикаторов
Уровень ИКТ-навыков / Уровень образования					
Второй (средний) уровень ИКТ-навыков (пользовательские навыки, связанные с профессиональной деятельностью) / Среднее профессиональное и выше	4,0	1,6	4,5	3,9	2,5
Первый (низкий) уровень ИКТ-навыков (базовые навыки, не связанные с профессиональной деятельностью) / Среднее профессиональное и выше	11,6	24,4	15,4	19,9	22,4
Второй (средний) уровень ИКТ-навыков (пользовательские навыки, связанные с профессиональной деятельностью) / Без профессионального образования	1,8	1,1	1,9	2,0	2,5
Первый (низкий) уровень ИКТ-навыков (базовые навыки, не связанные с профессиональной деятельностью) / Без профессионального образования	13,8	33,6	19,5	31,8	49,7
Примечание: суммарное значение столбцов составляет 100%. Источник: оценка авторов на основе данных РМЭЗ НИУ ВШЭ.					

(33,6%), вынуждая данную категорию граждан балансировать между устойчивой и прекаризированной занятостью. Снижение прекаризации и увеличение устойчивой занятости охваченных квалифицированным трудом граждан среднего поколения коррелируют с расширением вариативности ИКТ-навыков, связанных с профессиональной деятельностью, а также ростом уровня образования до среднего профессионального и выше.

Рассматривая распределение занятых неквалифицированным трудом в средней поколенной группе по наличию и концентрации индикаторов прекаризации и положению в сфере занятости, можно выделить небольшое преобладание неустойчиво занятых без профессионального образования с первым (низким) уровнем ИКТ-навыков (базовые навыки, не связанные с профессиональной деятельностью; табл. 4).

Так, доля лиц с наиболее высокой концентрацией индикаторов прекаризации составляет 6,8%. Заметно ниже аналогичные показатели у неустойчиво занятых лиц с образованием на уровне среднего профессионального и выше. Данное значение указывает на то, что образование может выступать в качестве одного из факторов снижения прекаризации занятости. Чем

выше уровень образования, тем больше шансов на стабильную и высокооплачиваемую работу. Лица с высокой концентрацией индикаторов прекаризации зачастую не имеют профессионального образования.

Безработные (носители крайней формы прекаризации – временной незанятости) со средним и выше профессиональным образованием и высшим уровнем ИКТ-навыков (специализированные навыки; ИКТ-специалисты) – составляют лишь 6% от общего числа безработных средней поколенной группы (табл. 5), что полностью соответствует значению третьей группы безработных без профессионального образования и со средним уровнем ИКТ-навыков. Между тем доля безработных со средним уровнем ИКТ-навыков (пользовательские навыки, связанные с профессиональной деятельностью) многократно выше (26%). Наиболее высокие риски приобретения статуса безработного ассоциированы с первым (низким) уровнем ИКТ-навыков (базовые навыки, не связанные с профессиональной деятельностью) и фактом отсутствия профессионального образования. Доля носителей крайней формы прекаризации с вышеуказанными характеристиками составила 48% от безработных средней поколенной группы.

Таблица 4. Распределение занятых неквалифицированным трудом поколенной группы «Среднее поколение» по наличию и концентрации индикаторов прекаризации и положению в сфере занятости, 2021 год

Характеристики группы по положению в сфере занятости	Группы по наличию и концентрации индикаторов прекаризации, % по каждой группе				
	Устойчиво занятые	Переходная группа	Неустойчиво занятые		
			С умеренной концентрацией индикаторов	С высокой концентрацией индикаторов	С наиболее высокой концентрацией индикаторов
Первый (низкий) уровень ИКТ-навыков (базовые навыки, не связанные с профессиональной деятельностью) / Среднее профессиональное и выше	1,1	0,5	1,7	2,2	3,7
Первый (низкий) уровень ИКТ-навыков (базовые навыки, не связанные с профессиональной деятельностью) / Без профессионального образования	1,5	2,4	4,4	6,4	6,8

Примечание: суммарное значение столбцов составляет 100%.
Источник: оценка авторов на основе данных РМЭЗ НИУ ВШЭ.

Таблица 5. Распределение безработных (носители крайней формы прекаризации – временной незанятости) поколенной группы «Среднее поколение» по положению в сфере занятости, 2021 год

Группа	Характеристики группы по положению в сфере занятости		% от безработных поколенной группы «Среднее поколение»
	Уровень ИКТ-навыков	Уровень образования	
I. Безработные со средним и выше профессиональным образованием и высоким уровнем ИКТ-навыков	Третий (высший) уровень ИКТ-навыков (специализированные навыки), ИКТ-специалисты	Среднее профессиональное и выше	6,0
	Второй (средний) уровень ИКТ-навыков (пользовательские навыки, связанные с профессиональной деятельностью)	Среднее профессиональное и выше	26,0
II. Безработные со средним и выше профессиональным образованием и низким уровнем ИКТ-навыков	Первый (низкий) уровень ИКТ-навыков (базовые навыки, не связанные с профессиональной деятельностью)	Высшее образование и выше	-
	Первый (низкий) уровень ИКТ-навыков (базовые навыки, не связанные с профессиональной деятельностью)	Среднее профессиональное	14,0
III. Безработные без профессионального образования и с низким и средним уровнем ИКТ-навыков	Второй (средний) уровень ИКТ-навыков (пользовательские навыки, связанные с профессиональной деятельностью)	Без профессионального образования	6,0
	Первый (низкий) уровень ИКТ-навыков (базовые навыки, не связанные с профессиональной деятельностью)	Без профессионального образования	48,0

Примечание: «-» – недостаточно наблюдений для проведения оценивания.
Источник: оценка авторов на основе данных РМЭЗ НИУ ВШЭ.

Исходя из данных таблицы 5, можно заключить, что наличие профессионального образования и специализированных пользовательских навыков, связанных с профессиональной деятельностью, не является гарантией защиты от крайней формы прекаризации – временной незанятости. Подобная ситуация может свидетельствовать о дисбалансе спроса и предложения на рынке труда либо о невысокой востребованности и неконкурентоспособности этих ИКТ-навыков. Приобретение статуса безработного связано с рисками падения уровня жизни, продолжительной безработицы, снижения квалификации, усугубляет положение безработного в случае отсутствия у него профессионального образования и низкого уровня навыков в области информационно-коммуникационных технологий. По данным исследования, почти половина безработных граждан среднего поколения подвержена высоким рискам прекаризации и снижения уровня жизни.

Влияние прекаризации на уровень жизни домохозяйств работников среднего поколения

Оценивая представителей среднего поколения по наличию и концентрации индикаторов прекаризации сквозь призму стандартов уровня

жизни, необходимо отметить, что наиболее репрезентативной с точки зрения охвата как устойчиво, так и неустойчиво занятых является категория низкообеспеченных домохозяйств работников с душевыми доходами 1–2 прожиточных минимума (ПМ) и с доходами, используемыми на потребление, в размере 1–2 потребительские корзины (ПК). Доля устойчиво занятых с душевыми доходами 1–2 ПМ составляет 37,6%, а с доходами, используемыми на потребление, 1–2 ПК – 56,8% (табл. 6).

Далее в группе устойчиво занятых граждан среднего поколения в порядке убывания следуют домохозяйства работников, обеспеченные ниже среднего, с душевыми доходами 2–3,1 ПМ – 31,4%, средне- и высокообеспеченные с душевыми доходами 3,1 ПМ и выше – 26,3%. Замыкает перечень малочисленная группа наименее обеспеченных (бедных) домохозяйств работников среднего поколения с душевыми доходами менее 1 ПМ – 4,7%. В данной группе доля устойчиво занятых граждан с доходами, используемыми на потребление, менее 1 ПК составляет 19,9%. Среди обеспеченных ниже среднего с доходами, используемыми на потребление, 2–3,1 ПК – 15,8%.

Таблица 6. Распределение экономически активного населения (ЭАН) поколенной группы «Среднее поколение» по наличию и концентрации индикаторов прекаризации и уровню жизни, 2021 год

Группа по стандартам уровня жизни	Группы по наличию и концентрации индикаторов прекаризации, % по каждой группе					
	Устойчиво занятые	Переходная группа	Неустойчиво занятые			
			С умеренной концентрацией индикаторов	С высокой концентрацией индикаторов	С наиболее высокой концентрацией индикаторов	Безработные
<i>Наименее обеспеченные (бедные)</i>						
С душевыми доходами менее 1 ПМ	4,7	12,2	11,0	10,6	15,3	44,7
С доходами, используемыми на потребление, менее 1 ПК	19,9	30,0	28,0	28,5	25,4	34,3
<i>Низкообеспеченные</i>						
С душевыми доходами 1–2 ПМ	37,6	42,5	53,0	54,1	61,0	45,6
С доходами, используемыми на потребление, 1–2 ПК	56,8	55,4	58,8	58,3	60,2	60,2
<i>Обеспеченные ниже среднего</i>						
С душевыми доходами 2–3,1 ПМ	31,4	31,5	27,9	26,0	20,0	7,9
С доходами, используемыми на потребление, 2–3,1 ПК	15,8	10,9	10,9	10,5	13,3	4,6
<i>Средне- и высокообеспеченные</i>						
С душевыми доходами 3,1 ПМ и выше	26,3	13,8	8,1	9,3	3,7	1,8
С доходами, используемыми на потребление, 3,1 ПК и выше	7,5	3,7	2,3	2,7	1,1	0,9
Источник: оценка авторов на основе данных РМЭЗ НИУ ВШЭ.						

В категории средне- и высокообеспеченных с доходами, используемыми на потребление, 3,1 ПК и выше доля устойчиво занятых находится на уровне 7,5%.

Чрезвычайно высокий уровень (61%) прекаризации с наибольшей концентрацией индикаторов наблюдается среди низкообеспеченных домохозяйств работников среднего поколения с душевыми доходами 1–2 ПМ. Высока также доля низкообеспеченных домохозяйств работников среднего поколения с умеренной (53%) и высокой (54,1%) концентрацией индикаторов прекаризации. В разрезе каждой группы неустойчиво занятых по концентрации индикаторов прекаризации низкообеспеченные домохозяйства работников с доходами, используемыми на потребление, в размере 1–2 ПК в среднем составляют около 60%. Это сви-

детельствует, что неустойчивая занятость является проблемой, затрагивающей значительную часть низкообеспеченного сегмента населения среднего возраста. Такие граждане сталкиваются с повышенным риском прекаризации занятости, что значительно затрудняет их финансовую стабильность и социальное положение. В то же время высокий процент прекаризации среди участников этой группы указывает на необходимость принятия мер, направленных на улучшение их экономического положения.

Относительно высокие значения неустойчивой занятости характерны для домохозяйств работников среднего поколения, обеспеченных ниже среднего. Однако в отличие от низкообеспеченных домохозяйств данная категория лиц с душевыми доходами 2–3,1 ПМ демонстрирует противоположную динамику, выраженную

в преобладании занятых с умеренной концентрацией индикаторов прекаризации (27,9%) над лицами с наиболее высокой концентрацией индикаторов (20%). Доля неустойчиво занятых с наиболее высокой концентрацией индикаторов и доходами на потребление 2–3,1 ПК относительно первых двух групп невысока (13,3%).

Процентное выражение неустойчиво занятых среди наименее обеспеченных (бедных) с душевыми доходами менее 1 ПМ варьирует в диапазоне от 11% – группа с умеренной концентрацией индикаторов, что примерно на одном уровне со средне- и высокообеспеченными, до 15,3% – группа с наиболее высокой концентрацией индикаторов прекаризации. Свыше 28% наименее обеспеченных (бедных) с доходами, используемыми на потребление, менее 1 ПК характеризуются как умеренной, так и высокой концентрацией индикаторов прекаризации занятости.

Наименьшая концентрация неустойчиво занятых выявлена среди средне- и высокообеспеченных домохозяйств работников среднего поколения с доходами, используемыми на потребление, 3,1 ПК и выше. Наряду с этим представители данной группы с относительно высокими стандартами уровня жизни достаточно редко выступают носителями крайней формы прекаризации и практически не подвержены рискам временной незанятости в силу наличия профессионального образования и ИКТ-навыков, коррелирующих с высокими стандартами уровня жизни.

Доля безработных в группе средне- и высокообеспеченных с душевыми доходами 3,1 ПМ и выше составляет всего 1,8%, а среди лиц с доходами, используемыми на потребление, 3,1 ПК и выше – не более 1% (0,9%). По мере снижения уровня доходов в домохозяйствах работников среднего поколения увеличивается доля безработных в разрезе представленных групп по стандартам уровня жизни. Если среди обеспеченных ниже среднего данное значение варьирует в диапазоне от 4,6 до 7,9%, то среди бедных и низкообеспеченных с душевыми доходами не более 2 ПМ доля безработных составляет около 45%. Такое высокое значение указывает на серьезные проблемы, связанные с обеспечением занятости указанных групп и недостаточной поддержкой со стороны государства. Высокий уровень безработицы (60,2%)

наблюдается в группе низкообеспеченных с доходами, используемыми на потребление, в разрезе 1–2 ПК. Почти вдвое ниже процент безработных среди наименее обеспеченных (бедных) с доходами, используемыми на потребление, менее 1 ПК. Это связано с малым относительно других поколенных групп представительством лиц среднего поколения в данной группе по стандартам уровня жизни и их преобладанием в группе низкообеспеченных граждан. В переходной группе по стандартам уровня жизни находятся 42,5 и 55,4% низкообеспеченных домохозяйств работников среднего поколения. Также там представлены наименее обеспеченные (бедные) с доходами, используемыми на потребление, менее 1 ПК – 30%, и обеспеченные ниже среднего с душевыми доходами 2–3,1 ПМ – 31,5%.

Модели уровня жизни домохозяйств работников среднего поколения в зависимости от концентрации индикаторов прекаризации и характеристики положения в сфере занятости

Результаты проведенного исследования о распределении занятых и безработных по уровню доходов в целом характеризуют современную модель социально-экономической дифференциации, абсолютизирующую ограниченные возможности в получении для подавляющей части домохозяйств работников среднего поколения более высоких трудовых доходов и, как следствие, повышении стандартов уровня жизни. Данные показывают значительный разрыв между теми, кто имеет доступ к высокооплачиваемой работе, и теми, кто зарабатывает ниже среднего уровня дохода. Важно отметить, что такая дифференциация не только усугубляет социальное неравенство, но и создает серьезные преграды для повышения уровня жизни населения страны.

У работников среднего поколения, обладающих более высокими уровнями ИКТ-навыков, выше шансы получить доходы от занятости, необходимые для обеспечения среднего и выше материального достатка в домохозяйствах. Вероятно, чем выше уровень ИКТ-навыков, тем шире диапазон возможностей «конвертировать» их в более высокие доходы от занятости. Это утверждение справедливо без учета дифференциации доходов от занятости в зависимости от отрасли: занятость при одном и том же уровне ИКТ-навыков, но в разных от-

раслях может обеспечивать разный уровень доходов. Анализ доли безработных в разных группах с различными уровнями доходов позволяет сделать вывод о том, что чем ниже доходы, тем выше доля безработных. Это обстоятельство требует повышенного внимания и принятия мер со стороны правительства для сокращения безработицы и поддержки малообеспеченных граждан.

Характеризуя модели уровня жизни домохозяйств работников среднего поколения в зависимости от концентрации индикаторов прекаризации и спецификации их положения в сфере занятости, следует выделить некоторые особенности, присущие исследуемым группам по стандартам уровня жизни.

Наименее обеспеченные (бедные)

Примерно четверть наименее обеспеченных домохозяйств работников среднего поколения подвержены рискам прекаризации и почти 45% являются носителями крайней формы прекаризации – временной незанятости. Общеизвестно, что безработные граждане, особенно в течение длительного периода, находятся в неблагоприятном положении и испытывают финансовые трудности. Проблемы низкого качества занятости и невысокого размера трудовых доходов негативно влияют на уровень жизни безработных, малообеспеченных граждан и членов их домохозяйств. Данные домохозяйства сталкиваются с необходимостью выживать на недостаточный для удовлетворения базовых человеческих потребностей размер доходов, обладая ограниченными возможностями для улучшения собственного положения. Преодоление такой ситуации требует системных мер по борьбе с прекаризацией и созданию реальных условий для достойного труда.

Низкообеспеченные

Как отмечалось выше, неустойчивая занятость широко распространена в большей степени среди низкообеспеченных домохозяйств работников среднего поколения с душевыми доходами 1–2 ПМ. Низкообеспеченные домохозяйства работников среднего поколения находятся в сложной противоречивой ситуации. Они не попадают в категорию бедных, но и не могут считаться обеспеченными. Трудовая деятельность, приносящая доход менее 2 ПМ, указывает на низкое качество занятости и невысокий уровень жизни. Низкий уровень до-

ходов может быть результатом недостаточной оплаты труда, отсутствия стабильной занятости или ограниченных возможностей для профессионального роста, что выступает ключевыми маркерами прекаризации, концентрация индикаторов которой является наиболее выраженной в данной группе. Низкий уровень доходов от основной занятости может привести к финансовому дефициту, затрудняющему покрытие основных потребностей занятого и его семьи в качественном питании, медицинском обслуживании, жилье, образовании. В связи с этим необходима государственная политика, направленная на повышение доходов и обеспечение равных возможностей для всех занятых граждан.

Обеспеченные ниже среднего

Среди домохозяйств работников указанной группы с доходами, используемыми на потребление, в размере 2–3,1 ПК преобладают занятые, у которых концентрация индикаторов прекаризации является умеренной. Это может быть связано с тем, что у данной категории лиц имеется определенная стабильность доходов и более высокий относительно первых двух групп уровень жизни. Несмотря на это, в группе также представлена немалая доля занятых с высокой (26%) и наиболее высокой (20%) концентрацией индикаторов прекаризации, что может быть вызвано недостатком квалификации, отсутствием возможностей для карьерного роста или неполной занятостью. При этом группа не является однородной, внутри нее могут быть люди с разными профессиями, возрастными когортами, образованием и уровнем ИКТ-навыков. Указанные факторы могут детерминировать качество занятости и способствовать повышению уровня жизни представителей этой категории.

Средне- и высокообеспеченные

Представители данной группы домохозяйств в меньшей степени подвержены рискам прекаризации, в том числе в крайней ее форме, вследствие наличия профессионального образования и развитых ИКТ-навыков. Однако эта категория домохозяйств может сталкиваться с другими проблемами, такими как стресс, перенапряжение и дисбаланс в соотношении «работа – семья – личная жизнь». В рамках указанной проблематики необходимы дополнительные исследования, которые позволят уста-

новить взаимосвязь вышеперечисленных негативных эффектов с прекаризацией занятости средне- и высокообеспеченных домохозяйств работников среднего поколения.

В современных реалиях интенсификации глобализационных процессов и стремительно-го развития информационно-коммуникационных технологий стратегический вектор на ограничение распространения неустойчивой занятости, повышение уровня жизни и качества трудовой занятости для всех трудящихся, в том числе представителей среднего поколения, должен быть безусловным приоритетом государственной политики. Считаем целесообразным сформулировать ряд практических рекомендаций, направленных на нейтрализацию угроз прекаризации, реализацию образовательного потенциала и применение ИКТ-навыков среднего поколения для повышения уровня жизни домохозяйств:

- минимизировать долю срочных трудовых соглашений и временных контрактов в секторе, а также сократить в нем использование подрядчиков, временных и внештатных должностей;

- создавать транзитивные программы перехода от временных к постоянным рабочим местам;

- сделать социальную защиту более инклюзивной для обеспечения базовых гарантий и облегчения доступа работников среднего поколения с высокой концентрацией рисков прекаризации;

- использование временных работников следует регулировать законодательными ограничениями;

- устанавливать достойные рабочие места в качестве доминанты над транснациональными прибылями в торговых соглашениях;

- поддерживать регулярные групповые встречи или активное получение обратной связи для анализа проблем и идей работников среднего поколения, а также осуществлять партнерство с ними для поиска решений проблем или улучшения условий труда;

- продвигать инклюзивные кадровые инициативы, такие как планирование карьеры в начале любого периода непостоянной работы и расширение возможностей обучения для устройства работников среднего поколения на нестандартные рабочие места;

- создавать целевые фонды для оказания временной финансовой поддержки работников средней поколенной группы с наиболее высокой концентрацией индикаторов прекаризации и низким уровнем ИКТ-навыков;

- проводить регулярное повышение квалификации по программам цифровой грамотности для работников среднего поколения с низким уровнем ИКТ-навыков, занятых на низкооплачиваемых и нестабильных рабочих местах в сфере здравоохранения, ухода за престарелыми и детьми;

- расширить перечень электронных сервисов и интернет-ресурсов, ориентированных на пользователя с любым уровнем ИКТ-навыков, предназначенных для безработных граждан среднего поколения, которые испытывают трудности в поиске работы;

- применять инструментарий социально ответственной реструктуризации в процессе высвобождения работников среднего поколения с высокой и наиболее высокой концентрацией индикаторов прекаризации.

Заключение

Резюмируя результаты проведенного исследования, следует заключить, что наличие высокого уровня образования и специализированных ИКТ-навыков коррелирует с устойчивой занятостью и наиболее низкими рисками прекаризации. Вследствие повышения качества занятости, определяемого более высоким уровнем ИКТ-навыков, уровнем квалификации и специализацией, уменьшаются риски прекаризации. Проблема прекаризации занятости не ограничивается только бедными слоями населения. В той или иной степени она распространена среди всех социальных групп по стандартам уровня жизни. Прекаризация затрагивает не только экономическую сферу, но и негативным образом воздействует на психологическое и физическое здоровье людей, ведет к снижению уровня их жизни и к социальной нестабильности.

Занятые россияне обладают более развитыми цифровыми компетенциями, чем безработные. Среди безработных, имеющих низкий и средний уровень ИКТ-навыков, выявлены высокие риски не реализовать свой трудовой потенциал (48%). Работники среднего поколения с профессиональным образованием имеют более широкие возможности на рынке труда

и чаще претендуют на достойные рабочие места. В то же время неквалифицированный труд остается одним из основных источников прекаризации, что выражается в низких уровнях ИКТ-навыков и отсутствии профессионального образования у данной группы работников. Однако прекаризация труда не ограничивается охватом неквалифицированных работников. В некоторых случаях лица с высоким уровнем образования, в том числе занятые наиболее квалифицированным трудом, подвержены рискам прекаризации занятости вследствие неблагоприятной экономической конъюнктуры, технологических сдвигов и ряда других

факторов. Поэтому для повышения конкурентоспособности и адаптивности к изменениям рынка труда важно осуществлять непрерывное обучение и совершенствование ИКТ-навыков¹.

В условиях возрастающего влияния прекаризации на качество занятости и уровень жизни домохозяйств работников среднего поколения для всех заинтересованных сторон чрезвычайно важно проводить системную деятельность по минимизации негативных эффектов данного феномена и максимального использования образования и ИКТ-навыков для повышения уровня жизни данной поколенной группы.

Литература

- Бобков В.Н., Одинцова Е.В., Иванова Т.В., Чашина Т.В. (2022a). Значимые индикаторы неустойчивой занятости и их приоритетность // *Уровень жизни населения регионов России*. Т. 18. № 4. С. 501–519.
- Бобков В.Н., Одинцова Е.В., Шичкин И.А. (2022b). Влияние профессионально-квалификационных навыков использования информационно-коммуникационных технологий на доходы от занятости: поколенная дифференциация // *Российский экономический журнал*. № 4. С. 93–113. URL: <https://doi.org/10.33983/0130-9757-2022-4-93-113>
- Бобков В.Н., Одинцова Е.В., Бобков Н.В. (2021). Влияние уровня и качества занятости в поколенных группах на распределение трудоспособного населения по душевым денежным доходам // *Социально-трудовые исследования*. № 3 (44). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-urovnya-i-kachestva-zanyatosti-v-pokolennyh-gruppah-na-raspredelenie-trudosposobnogo-naseleniya-po-dushevym-denezhnym>
- Бобков В.Н., Новикова И.В., Шичкин И.А., Бобков Н.В. (2016). Современные информационные технологии регулирования занятости от неустойчивых к устойчивым формам // *Уровень жизни населения регионов России*. № 4 (202). С. 47–59. DOI: 10.12737/24233
- Гимпельсон В.Е., Зинченко Д.И. (2019). Цена возраста: заработная плата работников в старших возрастах: препринт / *Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики»*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. (Серия WP3 «Проблемы рынка труда»). 40 с.
- Кученкова А.В. (2022). Прекаризация занятости и субъективное благополучие работников разных возрастных групп // *Социологический журнал*. Т. 28. № 1. С. 101–120. DOI: 10.19181/socjour.2022.28.1.8840
- Неустойчивая занятость в Российской Федерации: теория и методология выявления, оценивание и вектор сокращения: научная монография (2019) / гл. науч. ред. В.Н. Бобков. Москва: КНОРУС. 342 с.
- Неустойчивость занятости: международный и российский контексты будущего сферы труда: монография (2017) / гл. науч. ред. В.Н. Бобков. М.: РеалПринт. 560 с.
- Одинцова Е.В. (2023). Реализация трудового потенциала работников в качестве их занятости и уровне жизни домохозяйств // *Уровень жизни населения регионов России*. Т. 19. № 1. С. 99–111. DOI: 10.52180/1999-9836_2023_19_1_8_99_111
- Попов А.В. (2022a). Последствия прекаризации в ракурсе поколенных групп населения: прямые и косвенные эффекты // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. Т. 15. № 6. С. 167–181. DOI: 10.15838/esc.2022.6.84.10
- Попов А.В. (2022b). Поколенные группы населения в ракурсе тематики социально-трудовых отношений: теоретические аспекты // *Экономика труда*. Т. 9. № 12. С. 1971–1984. DOI: 10.18334/et.9.12.116697
- Прекариат: становление нового класса: коллективная монография (2020) / под ред. Ж.Т. Тошенко. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга. 400 с.

¹ From precarious work to decent work: outcome document to the workers' symposium on policies and regulations to combat precarious employment (2012) / International Labour Office, Bureau for Workers' Activities. Geneva: ILO.

- Уровень и качество жизни населения России: от реальности к проектированию будущего: [монография] (2022) / под ред. В.Н. Бобкова (отв. ред.), Н.В. Локтюхиной, Е.Ф. Шамаевой; ФНИСЦ РАН. М.: ФНИСЦ РАН. 274 с. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-388-1.2022
- Vaccaro L, Howell Ch. (2017). *Trajectories of Neoliberal Transformation: European Industrial Relations since the 1970s*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Broughton A., Green M., Rickard C. et al. (2016). *Precarious Employment in Europe: Patterns, Trends and Policy Strategies*. Brussels: European Parliament, Committee on Employment and Social Affairs.
- Burgess J., Connell J., Winterton J. (2013). Vulnerable workers, precarious work and the role of trade unions and HRM. *International Journal of Human Resource Management*, 24(22), 4083–4093.
- Doellgast V., Lillie N., Pulignano V. (2018). *Reconstructing Solidarity: Labour Unions, Precarious Work, and the Politics of Institutional Change in Europe*. Oxford: Oxford University Press.
- Donnelly R. (2022). Precarious work in midlife: Long-term implications for the health and mortality of women and men. *Journal of Health and Social Behavior*, 63(1), 142–158. DOI: <https://doi.org/10.1177/00221465211055090>
- Eichhorst W., Marx P. (Eds.). (2015). *Non-standard Employment in Post-Industrial Labour Markets*. Cheltenham: Edward Elgar.
- Grimshaw D., Johnson M., Rubery J., Keizer A. (2016). *Reducing Precarious Work. Protective Gaps and the Role of Social Dialogue in Europe*. Manchester: European Work and Employment Research Centre, University of Manchester.
- MacDonald R. (2016). Precarious work: The growing precariat of youth. In: Furlong A. (Ed.). *Routledge Handbook of Youth and Young Adulthood*. London: Routledge.

Сведения об авторах

Игорь Алексеевич Шичкин – кандидат экономических наук, доцент кафедры, ведущий научный сотрудник, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова (117997, Российская Федерация, г. Москва, Стремянный пер., д. 36; e-mail: shichkinia@mail.ru)

Марина Олеговна Кожевникова – ассистент и аспирант кафедры, ведущий специалист, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова (117997, Российская Федерация, г. Москва, Стремянный пер., д. 36; e-mail: Kozhevnikova.MO@rea.ru)

Shichkin I.A., Kozhevnikova M.O.

The Impact of Precarity on Quality of Employment and Living Standards of Households of the Middle Generation Workers

Abstract. The relevance of the research topic is due to the growing impact of precarity on the quality of employment and standard of living among generational groups of economically active population. The opportunities and threats of current employment associated with standard of living may be manifested differently in these generational groups, especially among representatives of the middle generation. Information base of the study is compiled on basis of representative data from the Russia Longitudinal Monitoring Survey of HSE (RLMS-HSE) for 2021. A sample has formed among employed and unemployed people of the middle generation in age from 36 years up to retirement age. The results obtained denote that the presence of a high level of education and specialized ICT skills enables qualified representatives of the middle generation to ensure sustainable employment and minimize precarity risks. In general, a higher level of ICT skills increases the possibilities of the middle generation to apply their present labor capacities in the labor market. It was discovered that precarious employment is found not only in poor population. It is common among all social groups according to living standards, while it is most evident among low-income households of middle generation workers with per capita incomes of 1–2 subsistence minimums. Taking into account the position of middle-generation people in employment, their qualification and educational characteristics, as well as level of ICT skills, this research has produced

some recommendations, which will contribute to neutralize precarity threats and implement professional potential of middle-generation workers in order to enhance living standards of their households.

Key words: precarity, precarious employment, generational groups, households, middle-generation workers, quality of employment, standard of living, education, ICT-skills.

Information about the Authors

Igor A. Shichkin – Candidate of Sciences (Economics), associate professor of department, Leading Researcher, Plekhanov Russian University of Economics (36, Stremyanny Lane, Moscow, 117997, Russian Federation; e-mail: shichkinia@mail.ru)

Marina O. Kozhevnikova – Assistant and graduate student of department, Leading Specialist, Plekhanov Russian University of Economics (36, Stremyanny Lane, Moscow, 117997, Russian Federation; e-mail: Kozhevnikova.MO@rea.ru)

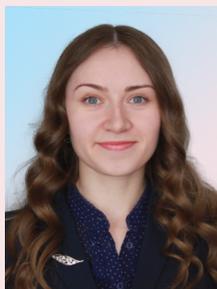
Статья поступила 02.11.2023.

DOI: 10.15838/esc.2024.3.93.12

УДК 314.727, ББК 60.546.2

© Короленко А.В., Калачикова О.Н.

Современная территориальная и социально-демографическая специфика вахтовой трудовой миграции в России

**Александра Владимировна
КОРОЛЕНКО**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация
e-mail: coretra@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-7699-0181; ResearcherID: I-8201-2016

**Ольга Николаевна
КАЛАЧИКОВА**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация
e-mail: onk82@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-4681-4344; ResearcherID: I-9562-2016

Аннотация. Неравномерность пространственного развития России проявляется не только в неоднородности расселения жителей, но и в трансформации социально-экономической сферы, в том числе в сжатии локальных рынков труда, что неминуемо отражается на миграционной мобильности населения. Одним из распространенных видов миграции становится возвратная краткосрочная трудовая миграция населения (отходничество), в частности вахтовая миграция. С учетом социально-экономических и социокультурных контрастов городской и сельской местности важным представляется понимание различий как в масштабах вахтовой трудовой миграции, так и в портрете самих мигрантов. Цель исследования заключалась в оценке региональных

Для цитирования: Короленко А.В., Калачикова О.Н. (2024). Современная территориальная и социально-демографическая специфика вахтовой трудовой миграции в России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 3. С. 206–225. DOI: 10.15838/esc.2024.3.93.12

For citation: Korolenko A.V., Kalachikova O.N. (2024). Modern territorial and socio-demographic specifics of long-distance commuting in Russia. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 17(3), 206–225. DOI: 10.15838/esc.2024.3.93.12

различий во вкладе сельского и городского населения в вахтовую трудовую миграцию, выявлении социально-демографических особенностей сельских и городских вахтовых трудовых мигрантов. Информационную базу составили данные Всероссийской переписи населения 2020 года и Выборочного наблюдения использования суточного фонда времени населением 2019 года. Подтверждено, что сельское население больше вовлечено в вахтовую трудовую миграцию. Несмотря на то, что городские и сельские вахтовики в основном осуществляют долговременные миграции, среди первых заметно выше доля долгосрочных отъездов, тогда как среди вторых чаще встречаются краткосрочные поездки. Установлено, что большинство горожан уезжает на заработки в другие регионы, тогда как каждый третий вахтовый мигрант из сельской местности выезжает на работу в пределах своего субъекта. Показано, что регионы России заметно дифференцированы как по доле городских и сельских жителей в общем числе вахтовых трудовых мигрантов, так и по соотношению вклада горожан и селян в общую, краткосрочную и долгосрочную вахтовую трудовую миграцию, а также во внутрирегиональную и межрегиональную вахту. В социально-демографическом портрете вахтовых трудовых мигрантов были подтверждены типичные черты и выявлены сельско-городские различия.

Ключевые слова: отходничество, вахтовая трудовая миграция, сельско-городские различия, социально-демографический портрет.

Благодарность

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда «Причины и социально-демографические последствия отходничества в контексте регулирования миграционных процессов в современной России» (проект № 23-28-01395).

Введение

Одним из проявлений пространственных трансформаций России, выражающихся в сжатии социально-экономического пространства, его поляризации и неоднородности расселения жителей по территории страны, становится отходничество — возвратная краткосрочная трудовая миграция. Усиление поляризации городов и сельской местности приводит к повышению интенсивности трудовой мобильности населения, а невозможность заработка в месте проживания и блокирование вертикальной мобильности населения способствуют ее перерастанию в мобильность горизонтальную (пространственную)¹. Исследования муниципальных районов Нечерноземья доказали широкую распространённость вахтовой миграции среди сельского трудоспособного населения. В зависимости от особенностей географического положения и социально-экономической ситуации такие перемещения затрагивают от

$\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{2}$ трудоспособного населения (Аверкиева, 2013, с. 110). Ключевым фактором вахтовой трудовой миграции из сельской местности становятся массовое банкротство и ликвидация сельскохозяйственных предприятий, что особенно актуально для регионов с низким агроклиматическим потенциалом в Нечерноземной зоне Европейской части России (Фокин, 2016, с. 85). Распространённость вахты в малых городах заметно выше, чем в более крупных и крупнейших, которые сами являются акцепторами трудовой миграции. Основными причинами вахтовой трудовой миграции из малых городов становятся низкая заработная плата в своем городе, отсутствие работы, увольнение и желание изменить посредством миграции свою жизнь². Общей чертой отхода из сельской и городской местности с целью заработка признаётся его вынужденный характер во многом за счёт потребности прокормить семью в условиях

¹ Нефедова Т.Г. (2015). Отходничество в системе миграций в постсоветской России. Предпосылки // Демоскоп Weekly. № 641–642. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2015/0641/tema01.php> (дата обращения 09.04.2024).

² Мкртчян Н.В., Флоринская Ю.Ф. (2017). Трудовая миграция из городов российской глубинки // Демоскоп Weekly. № 735–736. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2017/0735/tema01.php> (дата обращения 09.04.2024).

сжатия местных рынков труда или несоответствия наличных рабочих мест навыкам и потребностям населения (Аверкиева, 2016, с. 26).

В связи со сказанным важно определить социально-демографический портрет вахтовых трудовых мигрантов, а именно в чём заключается половозрастная, брачно-семейная, образовательная, профессиональная и доходная специфика этой группы. Ввиду выраженных социально-экономических и социокультурных различий в городской и сельской местности изучение портрета таких мигрантов целесообразно проводить в отношении горожан и селян.

Несмотря на внимание ученых к тематике временной (возвратной) трудовой миграции и отходничества в последние десятилетия, необходимо углублённое изучение отдельных видов, в том числе вахтовой трудовой миграции. **Цель нашего исследования** заключается в оценке региональных различий во вкладе сельского и городского населения в вахтовую трудовую миграцию, выявлении социально-демографических особенностей сельских и городских вахтовых трудовых мигрантов.

Первой гипотезой исследования стало предположение о различиях в степени вовлечённости сельского и городского населения в вахтовую трудовую миграцию, в том числе разной периодичности (кратковременную и долгосрочную) и направленности (внутрирегиональную и межрегиональную). Кроме того, предполагается, что регионы России заметно дифференцированы по вкладу селян и горожан в вахтовую трудовую миграцию. Согласно второй гипотезе, существуют выраженные различия в социально-демографическом портрете вахтовиков-селян и горожан, обусловленные социально-экономической и социокультурной спецификой сельских и городских территорий и уклада жизни населения.

Теоретико-методологические аспекты исследования

Исследовательский интерес к возвратной мобильности населения возник во второй половине XX века. Его обусловили рост интенсивности и разнообразия таких потоков на различных территориальных уровнях (от международного до локального), усиление роли временной миграции в повседневной жизни

и все более осязаемое влияние на расселение и хозяйство (Махрова и др., 2022). Масштабы и поселенческие особенности возвратной трудовой миграции в первую очередь стали изучаться в экономической географии, в частности в рамках *концепций мобильного перехода* (Zelinsky, 1971) и *«новой мобильности»* (Sheller, Urry, 2006), *контрурбанизации* (Halfacree, 2012), *дифференциальной урбанизации и эволюции расселения* (Fielding, 1989; Зайончковская, 1991; Нефёдова и др., 2015), *центр-периферийной концепции пространственного развития* (Swiaczny et al., 2009; Мкртчян, Флоринская, 2016).

Явление дореволюционного отходничества (массового отхода крестьян в города) активно изучалось советскими историками С.Л. Буркиным (Буркин, 1978), Б.В. Тихоновым (Тихонов, 1978), П.Г. Рындзюнским (Рындзюнский, 1983). Затем данная тематика на некоторое время выпала из поля зрения учёных. С середины 1980-х гг. исследования отходничества возобновились. Анализировалось новое явление выездного «шабашничества» (неофициальных сезонных работ за пределами региона постоянного проживания), получившее широкое распространение в 1960-е–1980-е гг. (Валетов, 2008). В начале 1990-х гг. в связи с усилением интенсивности внутренней возвратной трудовой миграции на фоне серьёзных социально-экономических потрясений в России появились первые работы, посвящённые современному, или новому, отходничеству (Шабанова, 1992). В 2000-е гг. оно изучалось российскими экономистами, географами и социологами (Плюснин и др., 2013; Нефёдова, 2015а; Нефёдова, 2015b; Лексин, 2021 и др.)

Во втором десятилетии 2000-х гг. благодаря публикации итогов Всероссийской переписи населения 2010 года и выборочных обследований рабочей силы (с 2011 года) появилась возможность оценить распространённость возвратной трудовой миграции населения. Однако, как отмечает Е.В. Антонов, если данные выборочных обследований, репрезентативные на уровне субъектов РФ, представлены в генерализованном виде и не позволяют изучать региональную дифференциацию трудовой мобильности, проводить анализ на уровне муниципальных образований и поселений, то такую

возможность предоставила перепись (Антонов, 2016, с. 55). В этот период появились работы, посвящённые не только общестрановым масштабам, но и географическим, поселенческим особенностям отходничества (Нефёдова, 2015b; Флоринская и др., 2015; Аверкиева и др., 2016; Антонов, 2016). По данным исследований, главным «центром притяжения» внутренних трудовых мигрантов (в т. ч. отходников) является столичный регион (Москва и Московская область), «донорами» для которого часто становятся субъекты Центрального федерального округа и Приволжья. Для нефтегазовых регионов Урала (Тюменской области, Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого АО) «донорами» выступают субъекты Приволжья, Сибири и другие уральские регионы (Флоринская и др., 2015, с. 34–35). Вопрос отходничества из сельской местности и его роли в обеспечении занятости сельского населения изучался К.В. Аверкиевой (Аверкиева, 2016), отход населения из городской местности, в частности из малых и средних городов, подробно рассматривался Т.Г. Рощиной, Ю.Ф. Флоринской и Н.В. Мкртчяном³ (Рощина, 2007; Мкртчян, Флоринская, 2019).

В работах Ю.Ф. Флоринской и соавторов на данных выборочных обследований рабочей силы изучены социально-демографические характеристики временных трудовых мигрантов (Флоринская и др., 2015). В ряде исследований для выявления портрета современного отходника, в том числе вахтовика, привлекались социологические методы (Плюснин и др., 2013; Жидкевич, 2016; Туракаев, Баймурзина, 2022). По их результатам вахтовиком чаще всего является мужчина среднего возраста (30–49 лет), житель сельской местности, трудящийся на рабочей должности на предприятии газонефтяной промышленности или строительства, состоящий в браке и имеющий детей (Туракаев,

Баймурзина, 2022; Касаткина и др., 2023). Оценки уровня образования вахтовых работников разнятся: в одних случаях среди данной категории преобладают люди с начальным или средним специальным образованием (Жидкевич, 2016; Туракаев, Баймурзина, 2022), в других же — с высшим или незаконченным высшим (Касаткина и др., 2023).

Однако представляется важным рассмотрение социально-демографического портрета вахтовика в поселенческом разрезе, поскольку тип населённого пункта (сельский или городской) признаётся базовым географическим фактором трудовой мобильности населения наряду с пространственным положением муниципалитета относительно ближайшего регионального центра и напряженностью на локальном рынке труда (Аверкиева и др., 2016, с. 175). Поэтому в рамках нашего исследования внимание будет сосредоточено на различиях городских и сельских вахтовых мигрантов.

Мы придерживаемся подхода, согласно которому вахтовая трудовая миграция наряду с маятниковой, сезонной и челночной является разновидностью *нового отходничества*, представляющего собой *возвратную краткосрочную (на срок менее 12 месяцев) трудовую миграцию* (Соколова, Калачикова, 2023). При этом вахтовая миграция, как и маятниковая, относится к регулярной форме отходничества. Регулярность обеспечивается определенным трудовым графиком и предполагает систематические отрезки времени для возвращения к постоянному месту жительства мигранта (Соколова, Калачикова, 2023). Таким образом, под *вахтовой трудовой миграцией* в данной работе понимается *возвратная краткосрочная регулярная трудовая миграция*. Отличие маятниковой и вахтовой трудовой миграции прежде всего заключается в частоте и длительности перемещений. Если первая подразумевает более частые (ежедневные или с периодичностью несколько раз в неделю) и менее длительные поездки, то вторая — более редкие и с большей длительностью. Отдельно стоит обозначить, что в ходе работы как синонимы использовались понятия «отходничество», «новое отходничество» и «отход», а также «вахтовые трудовые мигранты», «вахтовые работники» и «вахтовики».

³ Флоринская Ю.Ф., Рощина Т.Г. (2004). Трудовая миграция из малых городов России: масштабы, направления, социальные эффекты // Демоскоп Weekly. № 175–176. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2004/0175/analit03.php> (дата обращения 12.04.2024); Мкртчян Н.В., Флоринская Ю.Ф. (2017). Трудовая миграция из городов российской глубинки // Демоскоп Weekly. № 735–736. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2017/0735/tema01.php> (дата обращения 12.04.2024).

Материалы и методы

К сожалению, в России не ведётся всеобщий статистический учёт вахтовых трудовых мигрантов, хотя органами статистики собирается информация о численности таких работников на предприятиях. Из-за отсутствия статданных о численности вахтовых трудовых мигрантов в стране и регионах исследователям приходится обращаться к альтернативным и зачастую косвенным источникам информации – данным социологических опросов, выборочных обследований и переписей населения. В представленном исследовании источником информации о распространённости вахтовых трудовых миграций в регионах России выступили *данные Всероссийской переписи населения – 2020 (ВПН-2020)*. За вахтовых трудовых мигрантов условно принимались лица, выезжающие на работу за пределы своего населённого пункта с периодичностью несколько раз в месяц или один раз в месяц и реже, что позволяет отделить их от маятниковых мигрантов, выезжающих на заработки ежедневно или несколько раз в неделю (Соколова, Калачикова, 2023, с. 314). При этом под *кратковременными вахтовыми миграциями* понимался выезд на заработки с периодичностью несколько раз в месяц, а под *долговременными* – с периодичностью один раз в месяц и реже. Такой подход соответствует авторским критериям вахтовой трудовой миграции: возвратность, краткосрочность и регулярность.

Несмотря на ограничения данных ВПН-2020 (среди лиц, выезжающих на заработки с периодичностью несколько раз в месяц и реже, могут быть маятниковые и челночные мигранты, сезонно занятые вне места проживания, а также их переходные формы; нет возможности определить регионы, принимающие вахтовых мигрантов, возраст мигрантов, уровень образования и профессию), их преимуществом выступает возможность оценить общестрановые масштабы вахтовой трудовой миграции, её региональные особенности и направления, а также выявить поселенческую специфику (Королёнок, 2023, с. 196).

Для *анализа распространённости вахтовой трудовой миграции среди городского и сельского населения* вычислялась доля вахтовиков в общей численности занятых, работающих за предела-

ми своего населённого пункта и отметивших периодичность таких поездок. Для *определения вклада горожан и селян в вахтовую трудовую миграцию* вычислялся их удельный вес в общем числе вахтовых трудовых мигрантов. Для *выявления сельско-городских различий в региональных масштабах вахтовой трудовой миграции* сначала осуществлялись группировки субъектов РФ по доле городского и сельского населения в общем числе вахтовых мигрантов, по соотношению вклада городского и сельского населения в общую, краткосрочную и долгосрочную, внутрирегиональную и межрегиональную вахтовую трудовую миграцию; затем строилась матрица соотношения типов регионов РФ по вкладу городского и сельского населения в вахтовую трудовую миграцию разной периодичности и направленности. Для *визуализации результатов* использовались таблично-графические методы.

Источником данных о социально-демографических характеристиках городских и сельских вахтовых трудовых мигрантов выступили результаты *Выборочного наблюдения использования суточного фонда времени населением, осуществленного в 2019 году*. Индивидуальная анкета обследования содержала вопрос о графике работы⁴, одним из вариантов ответа на которой была «работа вахтовым методом». Респонденты, выбравшие данный вариант ответа, причислялись к вахтовым трудовым мигрантам. Несмотря на косвенность подхода к выделению исследуемой категории мигрантов (по вопросу о графике работы), он вполне согласуется с определением вахтовой трудовой миграции, поскольку, согласно Трудовому кодексу РФ, вахтовый метод подразумевает работу вне места проживания (когда не может быть обеспечено ежедневное возвращение к месту жительства), с ограниченными сроками пребывания (не более 1–3 месяцев), чередованием периодов труда и отдыха (в соответствии с графиком работы)⁵, что обеспечивает возвратность, краткосрочность и регулярность таких поездок.

⁴ Вопрос «Какой у Вас график работы?» задавался работающим информантам.

⁵ Глава 47. Особенности регулирования труда лиц, работающих вахтовым методом (ст. 297–302) // Трудовой кодекс РФ (ТК РФ). URL: <https://base.garant.ru/12125268/3201b9e922528de35860ae879600576e/> (дата обращения 06.06.2024).

Число вахтовых мигрантов в общей выборке составило 497 человек, или 1,3% среди работающих информантов, что соответствует данным ВПН-2020 – 2% занятого населения России (Короленко, 2023, с. 197). Анкета также содержала вопросы о поле и возрасте респондентов, регионе проживания, типе территории и населённого пункта, семейном положении и составе домохозяйства, уровне образования, особенностях занятости, уровне доходов, которые позволяют изучить социально-демографический портрет сельского и городского вахтового работника. К недостаткам данной информационной базы стоит отнести ограниченность размера выборки, не позволяющую углублять анализ (например, в разрезе регионов РФ); давность сроков проведения обследования; преобладание городских жителей над сельскими среди вахтовых работников (304 человека против 194), что расходится с результатами других исследований и во многом объясняется особенностями выборки (нерепрезентативна по типу поселения работников с вахтовым режимом труда). Тем не менее возможность изучения портрета вахтового мигранта на поселенческом уровне благодаря наличию сведений о типе населённого пункта проживания «перевешивает» методологические ограничения данных переписи.

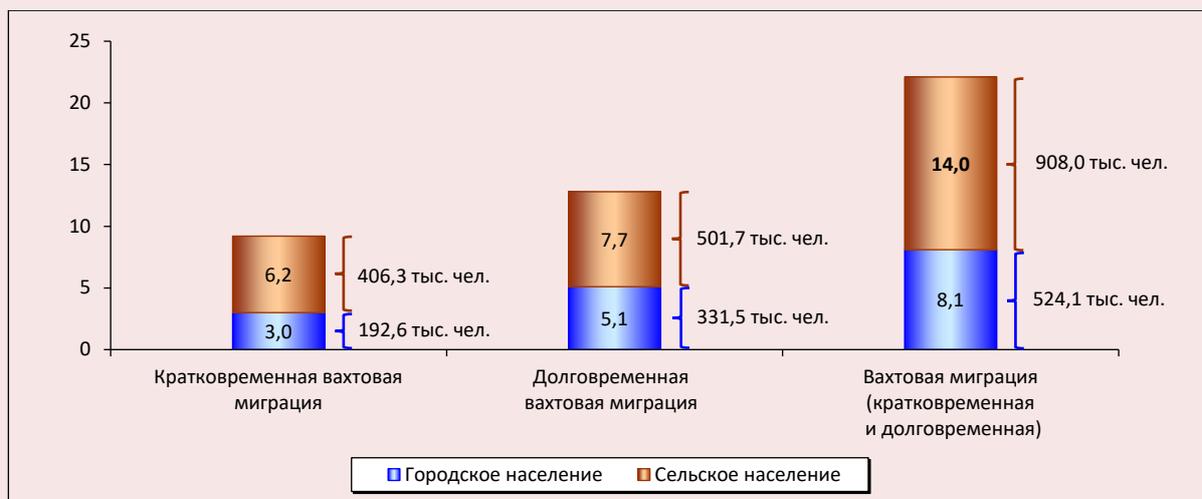
Основные результаты

Сельская и городская вахтовая трудовая миграция: различия и региональная специфика

Вахтовые трудовые мигранты составляют 22% в общем числе занятого населения, работающего за пределами своего населённого пункта, из них 14% сельских и 8% городских жителей (рис. 1). Среди вахтовых мигрантов больше распространены долговременные выезды (13% в общем числе занятого населения, выезжающего на заработки, из них 8% – сельские жители и 5% – городские). Доля кратковременных вахтовых мигрантов составляет 9%, из них 6% – сельские жители и 3% – городские.

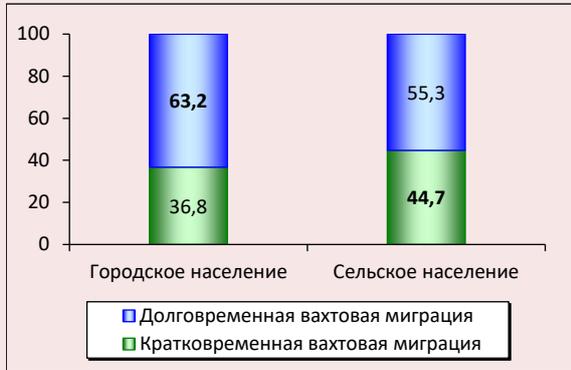
И среди городского, и среди сельского населения, выезжающего вахтой на заработки, преобладают долговременные миграции, однако среди первых их доля выше (63% против 55), тогда как среди вторых чаще встречаются краткосрочные поездки (45% против 37; рис. 2). Городские вахтовые мигранты по сравнению с сельскими больше вовлечены в межрегиональные перемещения (78% против 63), в то время как более трети сельских мигрантов осуществляют поездки в пределах региона проживания (36% против 18% у городских; рис. 3).

Рис. 1. Вахтовые трудовые миграции разной периодичности выезда на работу по представленности в них городского и сельского населения, % от числа занятого населения, работающего за пределами своего населённого пункта и указавшего периодичность выезда

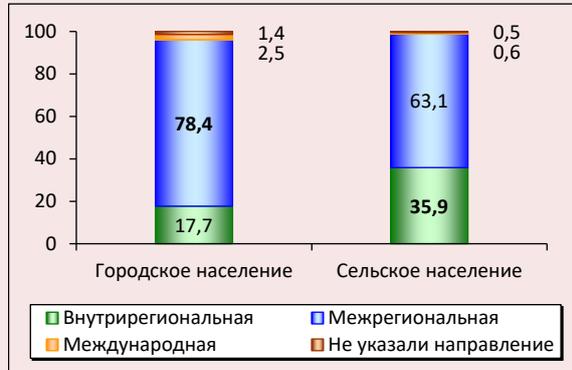
Источник: Итоги ВПН-2020. Том 10. Рабочая сила. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom10_Rabochaya_sila

Рис. 2. Вахтовые трудовые миграции городского и сельского населения по периодичности выезда на работу, % от числа занятого населения, работающего за пределами своего населённого пункта и указавшего периодичность выезда

Источник: Итоги ВПН-2020. Том 10. Рабочая сила. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Том10_Rabochaya_sil

Рис. 3. Вахтовые трудовые миграции городского и сельского населения по направлению выезда, % от числа занятого населения, работающего за пределами своего населённого пункта и указавшего периодичность выезда

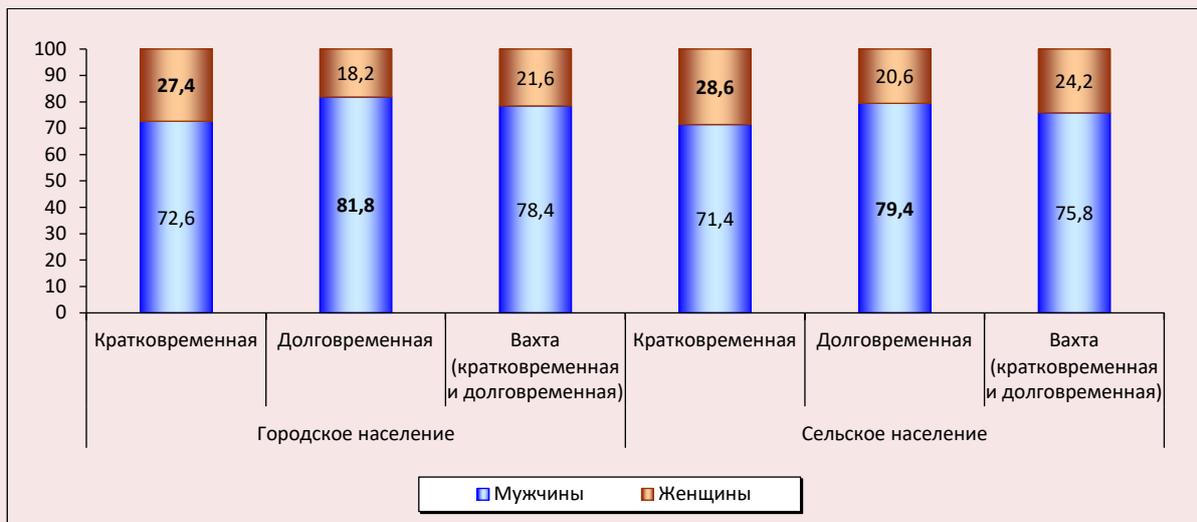

Источник: Итоги ВПН-2020. Том 10. Рабочая сила. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Том10_Rabochaya_sil

По полу среди городских и сельских вахтовых трудовых мигрантов преобладают мужчины (78 и 76% соответственно; рис. 4). Наибольший удельный вес мужчин отмечается в категории осуществляющих долговременные выезды на

заработки (82% среди городского населения и 79% среди сельского). Доля женщин несколько больше среди кратковременных вахтовых мигрантов (29% сельских и 27% городских), но всё равно уступает удельному весу мужчин.

Рис. 4. Вахтовые трудовые миграции городского и сельского населения по полу мигрантов, % от числа занятого населения, работающего за пределами своего населённого пункта и указавшего периодичность выезда

Источник: Итоги ВПН-2020. Том 10. Рабочая сила. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Том10_Rabochaya_sil

Остановимся на региональных различиях сельской и городской вахтовой трудовой миграции. По соотношению городских и сельских вахтовых трудовых мигрантов регионы России были разделены на три группы (табл. 1). Более половины субъектов РФ оказались в группе регионов с преобладанием сельского населения в общем числе вахтовых мигрантов (48 из 85). Наибольший удельный вес сельских жителей, выезжающих вахтой на заработки, характерен для республик Чечня (92%), Дагестан (91%), Карачаево-Черкесия (83%), Калмыкия (81%), Алтай (79%), Тыва (78%), Липецкой (83%) и Воронежской (80%) областей. Это прежде всего регионы с высокой долей сельского населения в его общей численности: в 2021 году в Алтае она достигала 71%, в Чечне – 62%, в Карачаево-Черкесии – 57%, в Дагестане – 55%,

в Калмыкии – 54%, в Тыве – 46%. Часть из них характеризуются низким уровнем жизни населения, особенно сельского, и занимают последние позиции в рейтинге субъектов РФ по уровню среднедушевых денежных доходов (Тыва, Алтай, Калмыкия)⁶, а также первые места по уровню безработицы (Дагестан, Карачаево-Черкесия, Чечня, Алтай, Тыва, Калмыкия)⁷. Данный факт подтверждается результатами российских исследований, согласно которым наиболее важным выталкивающим фактором для отхода выступают низкие зарплаты или доходы населения (Аверкиева и др., 2016, с. 146). Кроме того, для регионов Северного Кавказа и Юга России свойственна высокая плотность населения в сельской местности и, как следствие, проблема перенаселённости. Т.Г. Нефёдова и Н.В. Мкртчян отмечают, что модерни-

Таблица 1. Регионы РФ по соотношению вклада городского и сельского населения в общую вахтовую трудовую миграцию

Группа	Число	Регионы
Регионы с преобладанием СН в числе вахтовых мигрантов (60% и более)	48	Омская (60%), Амурская (60%), Архангельская (62%), Самарская (62%), Калужская (63%), Томская (63%), Новосибирская (63%), Ульяновская (63%), Нижегородская (64%), Курская (65%), Ростовская (65%), Тюменская (65%), Саратовская (66%), Орловская (66%), Астраханская (68%), Курганская (68%), Пензенская (68%), Вологодская (70%), Волгоградская (71%), Белгородская (71%), Рязанская (71%), Тамбовская (73%), Оренбургская (74%), Воронежская (80%), Липецкая (83%) обл. , респ. Татарстан (65%), Кабардино-Балкария (66%), Крым (66%), Саха (Якутия) (67%), Марий Эл (71%), Адыгея (71%), Чувашия (71%), Башкортостан (72%), Северная Осетия – Алания (72%), Удмуртия (73%), Мордовия (73%), Бурятия (74%), Ингушетия (74%), Тыва (78%), Алтай (79%), Калмыкия (81%), Карачаево-Черкесия (83%), Дагестан (91%), Чечня (92%), Чукотский АО (70%), Краснодарский (70%), Алтайский (74%), Ставропольский (77%) края
Регионы с преобладанием ГН в числе вахтовых мигрантов (60% и более)	10	Кемеровская (63%), Сахалинская (64%), Московская (64%), Магаданская (87%), Мурманская (88%) обл., ЯНАО (79%) и ХМАО (71%), г. Севастополь (95%), г. Москва (100%), г. Санкт-Петербург (100%)
Регионы с равным вкладом ГН и СН в числе вахтовых мигрантов (от 40 до 60%)	27	Калининградская (59% и 41%), Ивановская (59% и 41%), Кировская (57% и 43%), Костромская (55% и 45%), Челябинская (54% и 46%), Ярославская (54% и 46%), Свердловская (52% и 48%), Владимирская (49% и 51%), Иркутская (48% и 52%), Ленинградская (47% и 53%), Тверская (46% и 54%), Новгородская (44% и 56%), Тульская (42% и 58%), Смоленская (42% и 58%), Брянская (42% и 58%), Псковская (40% и 60%) обл., Еврейская авт. обл. (45% и 55%), Ненецкий АО (57% и 43%), Камчатский (54% и 46%), Хабаровский (52% и 48%), Красноярский (50% и 50%), Приморский (49% и 51%), Забайкальский (45% и 55%), Пермский (41% и 59%) края, респ. Коми (52% и 48%), Карелия (51% и 49%), Хакасия (43% и 57%)
Здесь и далее: ГН – городское население, СН – сельское население. Составлено по: Итоги ВПН-2020. Том 10. Рабочая сила. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom10_Rabochaya_sila		

⁶ Неравенство и бедность. Уровень денежных доходов населения в целом по России и по субъектам Российской Федерации (новая методология) // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723>

⁷ Рейтинг регионов по уровню безработицы // РИА-рейтинг. URL: <https://riarating.ru/infografika/20230227/630237190.html?ysclid=Ivezwrlw3k621004137>

зация сельского хозяйства и превалирование нетрудоемкого растениеводства в южных регионах выявили сельскую перенаселенность и стимулировали трудовые миграции населения в города (Нефёдова, Мкртчян, 2017, с. 63). Липецкая и Воронежская области, относящиеся к Черноземным регионам Европейской части России, характеризуются повышенной долей несельскохозяйственной занятости сельского населения на отходе, что связано с неконкурентоспособностью местных рабочих мест по сравнению с работой в столичном регионе (Нефёдова, Мкртчян, 2017, с. 65).

К числу регионов с превалированием городского населения среди вахтовиков кроме городов федерального значения (Москвы, Санкт-Петербурга и Севастополя) были отнесены 7 субъектов – Мурманская, Магаданская, Сахалинская, Московская, Кемеровская области, ЯНАО и ХМАО. Это высокоурбанизированные регионы: доля городского населения в 2021 году в Санкт-Петербурге составляла 100%, Москве – 98%, Магаданской области – 96%, Севастополе – 94%, ХМАО – 93%, Мурманской области – 92%, Кемеровской области – 86%, ЯНАО – 84%, Сахалинской и Московской областях – по 82%. Лидерство ЯНАО и ХМАО по данному показателю объясняется отходом горожан в места нефтедобычи – на территории юга Тюменской области, в ХМАО и в южной части ЯНАО, в места газовых месторождений – северные районы Тюменской области, центральной и северной части ЯНАО, северо-запада ХМАО (Солодников, 2015, с. 51). Большая вовлечённость в вахтовую миграцию городского населения Магаданской, Сахалинской и Кемеровской областей может быть связана с высокой интенсивностью перемещений из пригородов в региональные столицы и их агломерации: Магадан, Южно-Сахалинск и Кемерово (Аверкиева и др., 2016, с. 192–193). Московская область, с одной стороны, в составе столичного региона сама является центром притяжения временных трудовых мигрантов, с другой стороны, выступает поставщиком временных возвратных трудовых мигрантов, чаще всего маятниковых, для Москвы. Преобладание городского населения региона в числе вахтовых мигрантов по аналогии с маятниковыми объясняется действием центр-стремительного факто-

ра, когда в погоне за большим уровнем дохода жители городов Московской области уезжают в столицу на заработки, но из-за разрыва цен на жильё между Москвой и областью их трудовая миграция носит возвратный характер⁸.

В число регионов с равным вкладом городского и сельского населения в вахту попали 27 субъектов РФ. Это довольно разнородная группа, представленная регионами Центра, Северо-Запада, Урала и Дальнего Востока России.

В таблице 2 представлена матрица регионов РФ по соотношению вклада городского и сельского населения в вахтовую трудовую миграцию разной периодичности и направленности. В 31 регионе России сельское население преобладает как в кратковременной и долговременной, так и во внутрирегиональной и межрегиональной вахте (т. н. «регионы исхода сельских вахтовых мигрантов»). В 14 субъектах РФ сельское население превалирует в кратковременной и внутрирегиональной вахте и наблюдается равный вклад горожан и селян в долговременную и межрегиональную вахту. То есть трудовые миграции в пределах этих регионов осуществляют сельские жители, тогда как в поездки на заработки в другие регионы в равной степени вовлечены жители городской и сельской местности. В шести субъектах РФ (города федерального значения Москва и Санкт-Петербург, а также ХМАО, Магаданская, Мурманская и Сахалинская области) в большинство вахтовых миграций разной периодичности (кратковременные и долговременные) и направленности (внутрирегиональную и межрегиональную) вовлечены горожане. В Челябинской, Свердловской, Калининградской, Костромской и Ивановской областях долговременные и межрегиональные поездки с целью заработка в основном осуществляет городское население, а в пределах региона – сельские жители. В то же время в кратковременной вахте в равной степени задействованы выходцы из городской и сельской местности перечисленных регионов. В числе кратковременных, долговременных и межрегиональных вахтовых мигрантов из Тульской, Брянской, Тверской, Новгородской

⁸ Махрова А.Г., Бочкарев А.Н. (2017). Маятниковая миграция в Московском регионе: новые данные // Демоскоп Weekly. 2017. № 727–728. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2017/0727/tema01.php>

областей, Еврейской автономной области одинаково представлены горожане и селяне, тогда как во внутрирегиональные перемещения значительно чаще вовлечены сельские жители. Среди кратковременных и долговременных, внутрирегиональных вахтовых мигрантов

из Северной Осетии, Томской, Ростовской, Тюменской областей, Чукотского АО преобладают сельские жители, тогда как в поездки за пределы данных регионов в равной степени вовлечены селяне и горожане. Остальные типы регионов оказались немногочисленными.

Таблица 2. Матрица регионов РФ по соотношению вклада городского и сельского населения в вахтовую трудовую миграцию разной периодичности и направленности

		Группы регионов по соотношению вклада ГН и СН во внутрирегиональную и межрегиональную вахту						
		1	2	3	4	5	6	
		Преобладание ГН во внутрирегиональной и межрегиональной вахте	Преобладание ГН в межрегиональной вахте и равный вклад ГН и СН во внутрирегиональную вахту	Равный вклад ГН и СН в межрегиональную вахту (внутрирегиональной вахты нет)	Преобладание СН во внутрирегиональной вахте, равный вклад ГН и СН в межрегиональную вахту	Преобладание СН во внутрирегиональной и межрегиональной вахте	Преобладание СН во внутрирегиональной вахте и ГН в межрегиональной вахте	
Группы регионов по	1	Преобладание ГН в кратковременной и долговременной вахте	6 г. Москва, г. Санкт-Петербург, ХМАО, Магаданская, Мурманская, Сахалинская обл.	1 г. Севастополь	-	-	-	1 ЯНО
	2	Преобладание ГН в долговременной вахте и равный вклад ГН и СН в кратковременную вахту	2 Сахалинская, Кемеровская обл.	-	-	3 Ленинградская, Владимирская, Ярославская обл.	-	5 Челябинская, Свердловская, Калининградская, Костромская, Ивановская обл.
	3	Равный вклад ГН и СН в кратковременную и долговременную вахту	-	2 Камчатский, Красноярский края	1 Ненецкий АО	5 Тулльская, Брянская, Тверская, Новгородская обл., Еврейская авт. обл.	-	2 Кировская обл. Хабаровский край
	4	Преобладание СН в кратковременной вахте и равный вклад ГН и СН в долговременную вахту	-	1 Респ. Коми	-	14 Пермский и Забайкальский края, респ. Крым, Татарстан, Хакасия, Новосибирская, Вологодская, Архангельская, Амурская, Нижегородская, Омская, Самарская, Калужская, Смоленская обл.	1 Ульяновская обл.	2 Респ. Саха (Якутия), Иркутская обл.

Окончание таблицы 2

			Группы регионов по соотношению вклада ГН и СН во внутрирегиональную и межрегиональную вахту					
			1	2	3	4	5	6
			Преобладание ГН во внутрирегиональной и межрегиональной вахте	Преобладание ГН в межрегиональной вахте и равный вклад ГН и СН во внутрирегиональную вахту	Равный вклад ГН и СН в межрегиональную вахту (внутрирегиональной вахты нет)	Преобладание СН во внутрирегиональной вахте, равный вклад ГН и СН в межрегиональную вахту	Преобладание СН во внутрирегиональной и межрегиональной вахте	Преобладание СН во внутрирегиональной вахте и ГН в межрегиональной вахте
5	Преобладание СН в кратковременной и долговременной вахте		-	-	-	5 Северная Осетия – Алания, Томская, Ростовская, Тюменская обл. Чукотский АО	31 Респ. Чечня, Башкортостан, Карачаево-Черкесия, Дагестан, Калмыкия, Тыва, Мордовия, Удмуртия, Кабардино-Балкария, Алтай, Бурятия, Адыгея, Ингушетия, Марий Эл, Чувашия, Астраханская, Воронежская, Липецкая, Волгоградская, Оренбургская, Тамбовская, Белгородская, Саратовская, Рязанская, Курганская, Пензенская, Орловская, Курская обл., Краснодарский, Алтайский, Ставропольский края	-
6	Преобладание СН в кратковременной вахте и ГН в долговременной вахте		-	1 Приморский край	-	1 Псковская обл.	-	1 Респ. Карелия
Зелёной заливкой выделены регионы, для которых свойственна согласованность периодичности и направлений вахтовых трудовых миграций по векторам «краткосрочные – внутрирегиональные» и «долгосрочные – межрегиональные».								
Составлено по: Итоги ВПН-2020. Том 10 Рабочая сила. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom10_Rabochaya_sila								

Кроме того, стоит отметить, что для 53 субъектов России характерна согласованность периодичности и направлений вахтовых трудовых миграций по векторам «краткосрочные – внутрирегиональные» и «долгосрочные – межрегиональные», при этом либо с одинаковой вовлечённостью в них селян и/или горо-

жан, либо с большей включённостью сельских жителей в вектор перемещений «краткосрочные – внутрирегиональные» и городских – в вектор «долгосрочные – межрегиональные». В остальных регионах встречаются иные вариации участия в вахте сельского и городского населения.

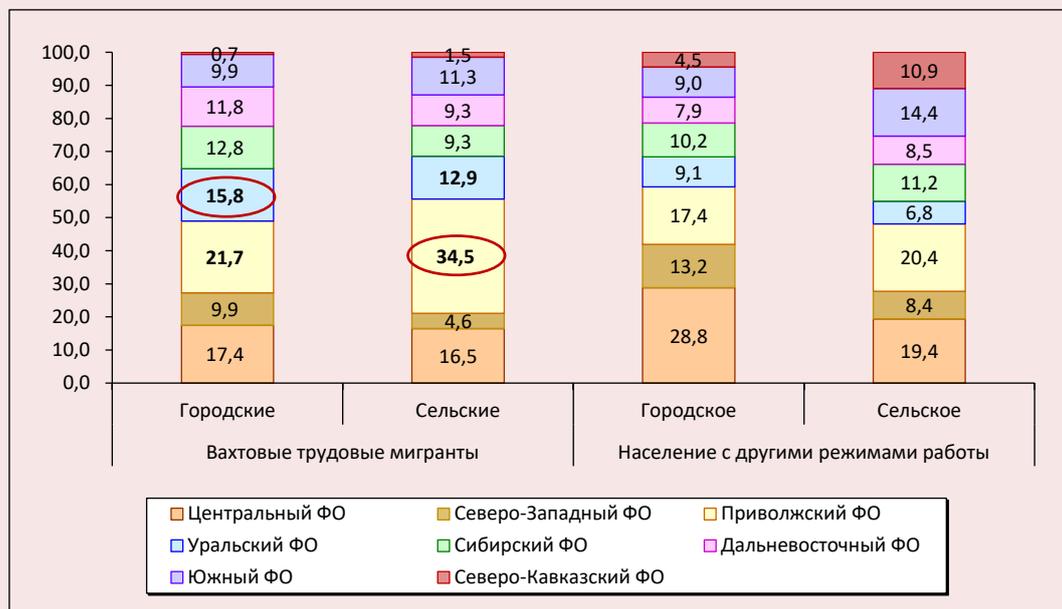
Социально-демографические характеристики сельских и городских вахтовых трудовых мигрантов

По данным выборочного наблюдения, макрорегионом исхода сельских вахтовиков более чем в трети случаев является Приволжский федеральный округ (35%; рис. 5), что во многом согласуется с результатами других исследований, подтверждающими его «донорскую» роль в перетоке трудовых мигрантов (Флоринская и др., 2015, с. 32). Среди городских вахтовых работников доля выходцев из Приволжья ниже (22%), чем среди сельских, но несколько выше удельный вес жителей Уральского (16%) и Сибирского (12%) макрорегионов. По сравнению с другими категориями работников среди городских и сельских вахтовых мигрантов значительно меньше представителей Центрального федерального округа (по 17% соответственно против 29% горожан и 19% селян с иными режимами работы).

Более половины городских вахтовых работников являются жителями малых городов с численностью населения менее 50 тыс. человек (58%), 45% сельских вахтовиков проживают в средних сельских населённых пунктах с численностью от 200 до 1000 человек (табл. 3). Данный факт подтверждает выводы исследователей о большей распространённости трудовой миграции среди населения малых городов, посёлков и населённых пунктов сельской местности⁹ (Карачурина, Мкртчян, 2012; Мкртчян, Флоринская, 2019).

Подавляющее большинство городских и сельских вахтовых работников – мужчины (89 и 94% соответственно; табл. 4), что также согласуется с выводами других исследователей о «мужском лице» вахтовой трудовой миграции (Туракаев, Баймурзина, 2022; Касаткина и др., 2023). Для сравнения: среди городского и сельского населения с другими режимами работы наблюдается иная ситуация (женщин больше, чем мужчин). Среди вахтовых мигрантов по

Рис. 5. Распределение городских и сельских вахтовых трудовых мигрантов по федеральным округам проживания, %

Составлено по: Выборочное наблюдение использования суточного фонда времени населением 2019. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/population/urov/sut_fond19/index.html

⁹ Нефёдова Т. (2015). Отходничество в системе миграций в постсоветской России. География // Демоскоп Weekly. № 643–644. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2015/0643/demoscope643.pdf> (дата обращения 24.04.2024).

Таблица 3. Распределение городских и сельских вахтовых трудовых мигрантов по людности населённого пункта проживания, %

Людность населенного пункта проживания, тыс. чел.	Городское население	
	Вахтовые трудовые мигранты	Население с другими режимами работы
Менее 50,0	58,2	34,1
50,0–99,9	11,2	11,0
100,0–249,9	9,9	10,7
250,0–499,9	8,2	11,2
500,0–999,9	5,3	8,6
1 млн и более	7,2	24,3
Людность насел. пункта проживания, чел.	Сельское население	
До 200	5,7	4,8
201–1000	45,4	34,3
1001–5000	32,0	37,1
Более 5000	17,0	23,9

Составлено по: Выборочное наблюдение использования суточного фонда времени населением 2019. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/population/urov/sut_fond19/index.html

Таблица 4. Распределение городских и сельских вахтовых трудовых мигрантов по полу и возрасту, %

Пол	Вахтовые трудовые мигранты		Население с другими режимами работы	
	Городские	Сельские	Городское	Сельское
Мужчины	89,1	94,3	44,1	46,9
Женщины	10,9	5,7	55,9	53,1
Возраст	Городские	Сельские	Городское	Сельское
До 29 лет	12,1	6,7	12,4	9,6
30–39 лет	27,2	30,3	26,5	22,8
40–49 лет	25,4	28,4	22,2	25,0
50–59 лет	18,5	24,0	18,2	24,6
60 и более лет	4,6	3,8	8,2	8,4
Возрастная группа	Городские	Сельские	Городское	Сельское
Моложе трудоспособного возраста	0,0	0,0	0,0	0,0
Трудоспособного возраста	94,1	94,8	85,2	84,3
Старше трудоспособного возраста	5,9	5,2	14,8	15,7

Составлено по: Выборочное наблюдение использования суточного фонда времени населением 2019. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/population/urov/sut_fond19/index.html

сравнению с другими категориями работников выше доля трудоспособного населения: 94% городских и 95% сельских вахтовиков против 85% горожан и 84% селян с другим режимом работы.

В группах городских и сельских вахтовых работников преобладают состоящие в зарегистрированном браке (62 и 66% соответственно; табл. 5). При этом доля «семейных» среди вахтовиков заметно выше по сравнению с другими категориями работников. В остальном брачно-семейная структура не имеет существенных различий.

Как городские, так и сельские вахтовые мигранты чаще других работников проживают в супружеской паре и имеют детей: 41% городских и 42% сельских вахтовиков против 33% горожан и 33% селян с другим режимом работы. Таким образом, вахтовые трудовые мигранты вне зависимости от территории исхода характеризуются более «семейным» образом жизни, что подтверждает тезис о превалировании стремления «прокормить семью» над другими мотивами отходничества (Аверкиева, 2016, с. 26).

Таблица 5. Распределение городских и сельских вахтовых трудовых мигрантов по брачному состоянию и типу семейной единицы, %

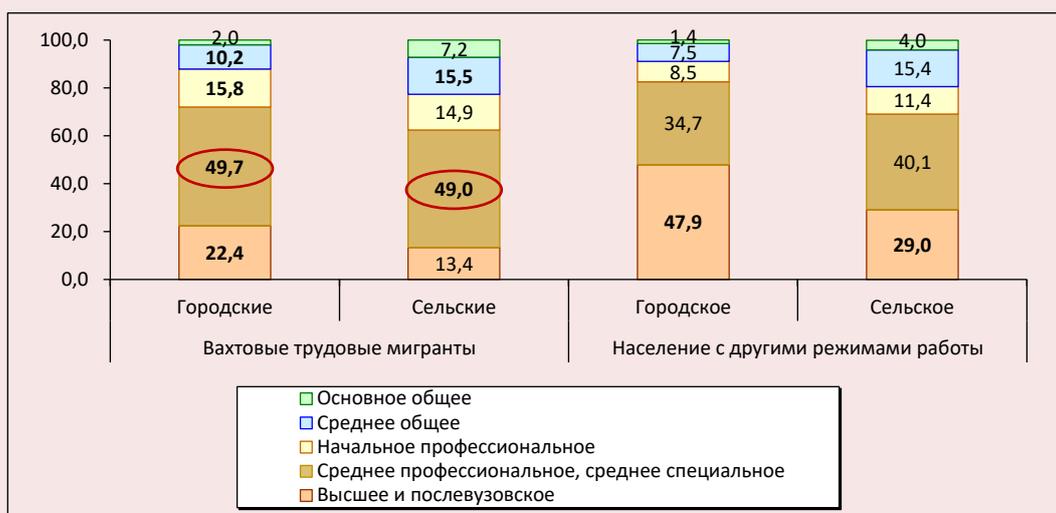
Брачное состояние	Вахтовые трудовые мигранты		Население с другими режимами работы	
	Городские	Сельские	Городское	Сельское
Состоит в зарегистрированном браке	61,5	66,0	56,6	60,3
Состоит в незарегистрированном браке	7,2	6,2	6,1	5,6
Вдовец/вдова	5,3	2,1	5,9	6,8
Разведен (а)	12,2	12,4	16,9	13,6
Разошелся (лась)	2,3	3,6	2,2	2,2
Никогда не состоял(а) в браке	11,5	9,8	12,3	11,5
Тип семейной единицы	Городские	Сельские	Городское	Сельское
Супружеская пара с детьми до 18 лет	41,1	42,3	32,5	32,6
Одиночка	28,9	26,3	28,9	26,6
Супружеская пара	27,3	28,9	30,1	33,1
Одиночка с детьми до 18 лет	2,6	2,6	8,5	7,8

Составлено по: Выборочное наблюдение использования суточного фонда времени населением 2019. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/population/urov/sut_fond19/index.html

Вахтовики по сравнению с другими категориями работников чаще имеют среднее профессиональное, среднее специальное и начальное профессиональное образование, заметно реже высшее, особенно выходцы из сельской местности (рис. 6). Среди вахтовых мигрантов из городов по сравнению с сельскими больше доля специалистов с высшим образованием (22% против 13), тогда как среди сельских – со средним общим (16% против 10) и основным общим образованием (7% против 2).

Вахтовые мигранты чаще либо трудятся на открытых объектах, вне помещения (46% городских и 50% сельских), либо имеют разъездной характер работы (15% городских и 20% сельских; табл. 6). Примечательно, что среди городских вахтовиков по сравнению с сельскими больше занятых в производственных, торговых и офисных помещениях (23% против 14), в то время как для сельских вахтовых работников больше свойственно работать в менее комфортных условиях – на улице или в разъезде.

Рис. 6. Распределение городских и сельских вахтовых трудовых мигрантов по уровню образования, %

Составлено по: Выборочное наблюдение использования суточного фонда времени населением 2019. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/population/urov/sut_fond19/index.html

Таблица 6. Распределение городских и сельских вахтовых трудовых мигрантов по характеру работы и группе занятий, %

Характер работы	Вахтовые трудовые мигранты		Население с другими режимами работы	
	Городские	Сельские	Городское	Сельское
Работают на открытом объекте или рынке, на улице, на стройке, в транспортном средстве и другом месте вне помещения	46,1	50,0	9,8	17,7
Имеют разъездной характер работы	15,1	20,1	4,9	6,6
Работают внутри специального объекта, сооружения (ангар, павильон, киоск, теплица, бытовка, автосервис и т. п.)	15,5	15,5	10,0	14,3
Работают в производственном, торговом или офисном помещении внутри здания, дома у заказчика (работодателя)	23,0	14,4	73,2	60,0
Работают дистанционно (с использованием сети Интернет)	0,3	0,0	1,0	0,3
Работают дома (надомная работа)	0,0	0,0	1,1	1,1
Группа занятий	Городские	Сельские	Городское	Сельское
Операторы, аппаратчики, машинисты установок и машин	35,8	38,2	9,4	13,3
Квалифицированные работники сельского хозяйства, промышленности	24,1	22,5	11,4	12,5
Работники сферы обслуживания, ЖКХ	13,0	18,8	16,4	17,7
Специалисты среднего уровня квалификации	12,4	8,4	13,7	12,0
Неквалифицированные рабочие	4,3	8,9	5,7	12,5
Специалисты высшего уровня квалификации	7,7	2,6	32,5	22,5
Руководители (представители) органов власти и управления	2,0	0,5	5,1	4,4
Работники, занятые подготовкой информации, оформлением документов	0,7	0,0	5,8	5,1
Составлено по: Выборочное наблюдение использования суточного фонда времени населением 2019. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/population/urov/sut_fond19/index.html				

К сожалению, данные выборочного обследования не позволяют проанализировать отраслевую структуру занятости вахтовых работников. Однако исследование компании HeadHunter выявило тенденцию повышения востребованности вахтовых работников в тех сферах, в которых раньше такой формат работы массово не применялся. По данным за 2021 год, на 127% выросло число вахтовых вакансий в компаниях из сферы ресторанного и гостиничного бизнеса, на 149% — в компаниях из сферы ЖКХ и на 100% — в компаниях, создающих товары народного потребления. Аналитики объясняют этот тренд влиянием «кадрового голода», подтолкнувшего работодателей к расширению географии поиска вахтовых работников¹⁰.

По данным выборочного обследования, вахтовики чаще заняты на рабочих специальностях: операторы, аппаратчики, машинисты установок и машин (36% городских и 38% сельских) или являются квалифицированными работниками сельского хозяйства, промышленности (24% городских и 23% сельских). Среди городских вахтовых работников несколько выше доля специалистов среднего и высшего уровня квалификации (12 и 8% соответственно), тогда как среди сельских — работников сферы обслуживания и ЖКХ (19%), неквалифицированных кадров (9%), что во многом соотносится с различиями в уровне образования. Тот факт, что почти каждый пятый вахтовый мигрант из сельской местности является работником сферы обслуживания или ЖКХ,

¹⁰ Работа вахтовым методом: итоги 2021 года // HeadHunter. URL: <https://hh.ru/article/29806?ysclid=lvb0js2i9i457507615> (дата обращения 25.04.2024).

подтверждает тенденцию изменения в отраслевой структуре спроса на работников данной категории.

Примечательно, что вахтовые мигранты по сравнению с другими категориями работников реже имеют фиксированное время начала и окончания рабочего дня: 61% городских и 67% сельских вахтовиков против 82% горожан и 79% селян с другим графиком (табл. 7). Как следствие, средняя продолжительность рабочей недели вахтовых работников превышает аналогичный показатель у населения с другим режимом работы: 50 ч у вахтовиков-горожан и 48 ч у вахтовиков-селян против 38 ч у городских и 38 ч у сельских работников с иным графиком. При этом средняя длительность отпуска у вахтовых мигрантов соответствует его продолжительности у других категорий работников. Однако

среди сельских вахтовиков оказалась меньше доля тех, кто имеет оплачиваемый отпуск (75% против 82% среди городских вахтовиков и 81% сельских жителей с другими режимами работы). То есть у ¼ вахтовых работников из сельской местности отсутствует возможность (желание) уйти в оплачиваемый отпуск.

Уровень денежных доходов вахтовых трудовых мигрантов заметно выше по сравнению с другими категориями работников (табл. 8). Так, в 2019 году чистый месячный доход вахтовиков находился в диапазоне от 30 до 50 тыс. руб. (у 42% городских и 54% сельских), тогда как у работников с другим графиком его размер чаще не превышал 30 тыс. руб. (у 55% городских и 79% сельских). Средний размер чистого месячного дохода городского вахтового работника составил 46545,0 руб., что на 67% выше, чем

Таблица 7. Характеристики режима работы городских и сельских вахтовых трудовых мигрантов

Характеристика	Вахтовые трудовые мигранты		Население с другими режимами работы	
	Городские	Сельские	Городское	Сельское
Наличие фиксированного времени начала рабочего дня, %	60,9	66,5	81,8	78,5
Наличие фиксированного времени конца рабочего дня, %	60,5	65,5	80,6	77,1
Количество рабочих часов в неделю, в среднем	50	48	38	38
Наличие оплачиваемого отпуска, %	82,2	74,7	86,7	81,4
Продолжительность оплачиваемого отпуска, количество дней в среднем	33	34	38	34
Составлено по: Выборочное наблюдение использования суточного фонда времени населением 2019. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/population/urov/sut_fond19/index.html				

Таблица 8. Распределение городских и сельских вахтовых трудовых мигрантов по размеру чистого месячного дохода и среднего дохода домохозяйства, в том числе на одного члена, %

Интервал чистого месячного дохода	Вахтовые трудовые мигранты		Население с другими режимами работы	
	Городские	Сельские	Городское	Сельское
До 30 тыс. руб.	23,7	29,8	54,8	79,0
От 30 до 50 тыс. руб.	41,9	54,4	28,8	16,3
От 50 до 70 тыс. руб.	22,6	7,0	9,5	3,2
От 70 до 90 тыс. руб.	7,5	5,3	3,9	1,2
От 90 тыс. руб. и более	4,3	3,5	2,9	0,3
Размер среднего дохода	Городские	Сельские	Городское	Сельское
Чистый месячный доход, руб.	46545,0	35368,6	27870,9	20164,5
Средний доход домохозяйства, в месяц, руб.	61266,4	45492,3	51010,4	36257,8
Денежный доход в среднем на члена домохозяйства, в месяц, руб.	29770,0	20988,6	23538,5	15648,1
Вклад дохода работника в средний доход домохозяйства, %	76,0	77,7	54,6	55,6
Составлено по: Выборочное наблюдение использования суточного фонда времени населением 2019. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/population/urov/sut_fond19/index.html				

у горожан с другим режимом работы. У сельских вахтовиков чистый доход за месяц в среднем достигал 35368,6 руб., что на 75% больше по сравнению с другими категориями сельских работников. Разрыв в уровне дохода городских и сельских вахтовиков составляет 32%, что сопоставимо с разницей в уровне дохода горожан и селян с другими режимами работы (38%).

Средний доход домохозяйств вахтовых мигрантов больше аналогичного показателя у других категорий работников (у городских вахтовиков – на 20%, у сельских – на 26%), что отражается и в более высоком уровне душевого дохода на одного члена домохозяйства (у городских вахтовиков – на 27%, у сельских – на 34%). При этом разрыв в среднем доходе домохозяйства вахтовиков из городской и сельской местности достигает 35% (у остальных категорий работников – 41%), в среднедушевом доходе члена домохозяйства – 42% (у остальных – 50%).

Примечательно, что вклад чистого месячного дохода вахтовых мигрантов в общий доход домохозяйства в среднем на 20% выше по сравнению с другими категориями работников: у выходцев из городской местности – 76% против 55, у выходцев из сельской местности – 78% против 56. Данный факт подтверждает значение вахтовых трудовых миграций для повышения уровня благосостояния не только самого работника, но и всей его семьи.

Обсуждение результатов и выводы

Проведённое исследование позволило проверить поставленные гипотезы, выявив сельско-городские различия в распространённости вахтовой трудовой миграции и в портрете вахтовых трудовых мигрантов.

В ходе работы подтверждено, что сельское население по сравнению с городским больше вовлечено в вахтовую миграцию. Городские и сельские жители, выезжающие вахтой на заработки, в основном вовлечены в долговременные миграции. Тем не менее среди первых заметно выше доля долгосрочных отъездов, тогда как среди вторых чаще встречаются краткосрочные выезды. Эта закономерность находит отражение и в направлениях отъезда вахтовых мигрантов: большинство городских жителей уезжает на заработки в другие регионы, тогда как каждый третий вахтовый мигрант из сельской местности выезжает на работу в пределах своего региона проживания. Таким образом,

можно заключить, что миграционный вектор вахтовиков-селян значительно короче по сравнению с вектором вахтовиков-горожан. С одной стороны, это может быть связано с более выраженной «привязанностью» первых к личному подсобному хозяйству, тогда как городские жители, не имея подобного «бремени», могут позволить себе отъезды на большие расстояния и на более длительные сроки. С другой стороны, вахтовые трудовые миграции сельских жителей могут быть связаны со стремлением работать в более развитых и крупных близлежащих населённых пунктах, в которых больше возможностей для трудоустройства и заработка, в то время как городскими жителями движет то же стремление, но только в отношении более развитых регионов.

Субъекты РФ заметно дифференцированы как по доле городских и сельских жителей в общем числе вахтовых трудовых мигрантов, так и по соотношению вклада горожан и селян в общую, краткосрочную и долгосрочную вахтовую трудовую миграцию, а также во внутрирегиональную и межрегиональную вахту. Построенная матрица субъектов РФ по соотношению вклада городского и сельского населения в вахтовую трудовую миграцию разной периодичности и направленности позволила установить, что для 53 регионов характерна согласованность периодичности и направлений вахтовых трудовых миграций по векторам «краткосрочные – внутрирегиональные» и «долгосрочные – межрегиональные» (либо с одинаковой вовлечённостью в них селян и/или горожан, либо с большей включённостью сельских жителей в первый вектор и городских во второй), тогда как в остальных регионах встречаются разные вариации участия сельского и городского населения в вахте.

В ходе анализа социально-демографического портрета вахтовых трудовых мигрантов были подтверждены его типичные черты: мужчина трудоспособного возраста (30–49 лет), выходец из регионов Приволжья, житель малого города или среднего сельского населённого пункта, имеющий семью, со средним специальным или средним профессиональным образованием, рабочий или квалифицированный специалист сельского хозяйства, промышленности, работающий на открытых объектах или имеющий разъездной характер работы, имеющий срав-

нительно высокий уровень дохода, вносящий наибольший вклад в бюджет домохозяйства. По сравнению с другими категориями работников ваховики реже имеют фиксированный рабочий день, продолжительность их рабочей недели больше при сопоставимой длительности отпуска. Таким образом, косвенно можно утверждать, что данная категория работников подвержена большим физическим и психическим нагрузкам.

В исследовании выявлены различия в портрете городских и сельских ваховых мигрантов. Ваховики-горожане обладают более высоким уровнем образования и, как следствие, чаще занимают должности специалистов среднего и высшего уровня квалификации, работают в более комфортных условиях, имеют более высокий уровень доходов. Ваховики-селяне характеризуются более низким уровнем образования, чаще являются специалистами сферы обслуживания и ЖКХ или неквалифицированными работниками, трудятся в менее комфортных условиях, реже имеют оплачиваемый от-

пуск, отличаются меньшим уровнем дохода по сравнению с городскими ваховиками, но более высоким по сравнению с другими категориями сельских работников.

Таким образом, проведённое исследование вносит вклад в развитие представлений о поселенческих особенностях ваховой трудовой миграции, в том числе региональных различиях и социально-демографической специфике городских и сельских ваховых мигрантов. Выявленное разнообразие регионов по вкладу городского и сельского населения в разные виды ваховой трудовой миграции подтверждает необходимость учёта при разработке и проведении мероприятий миграционной и социально-экономической политики. Понимание социально-демографических различий городских и сельских ваховых мигрантов важно для управления внутренними миграционными процессами, поскольку возвратная трудовая миграция всё чаще рассматривается как инструмент поддержания занятости и благополучия населения при сохранении места жительства.

Литература

- Аверкиева К.В. (2013). Сельская местность Нечерноземья: депопуляция и возможные пути адаптации к новым условиям // Вопросы географии. Сб. 135: География населения и социальная география / отв. ред. А.И. Алексеев, А.А. Ткаченко. М.: Кодекс. С. 108–125.
- Аверкиева К.В. (2016). Рынки труда и роль отходничества в занятости сельских жителей российского Нечерноземья // Известия РАН. Серия географическая. № 1. С. 25–37.
- Аверкиева К.В., Антонов Е.В., Кириллов П.Л. [и др.] (2016). Между домом... и домом. Возвратная пространственная мобильность населения России / под ред. Т.Г. Нефедовой, К.В. Аверкиевой, А.Г. Махровой. М.: Новый хронограф. 504 с.
- Антонов Е.В. (2016). Трудовая мобильность населения России по данным Всероссийской переписи 2010 года // Вестник Московского университета. Серия 5: География. № 2. С. 54–63.
- Буркин С.Л. (1978). Численность отходников в России в конце XIX в. // Вопросы истории. № 9. С. 201–205.
- Валетов Т.Я. (2008). Самоорганизованные сезонные бригады (шабашники) в СССР в 1960–1980-х гг.: экономические и социальные аспекты // Экономическая история. Обзорение. Выпуск 14 / под ред. Л.И. Бородкина. М.: Изд-во МГУ. С. 203–226.
- Жидкевич Н.Н. (2016). Социальный портрет современного российского отходника // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 19. № 1. С. 73–89.
- Зайончковская Ж.А. (1991). Демографическая ситуация и расселение. М.: Наука. 132 с.
- Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В. (2012). Потенциал пространственной мобильности безработных в России // Социологические исследования. № 2. С. 40–53.
- Касаткина Н.П., Кирдяшкина Т.И., Курмышкина О.Н. (2023). Ваховые работники из Мордовии: контуры социальной группы // Ваховая занятость жителей Республики Мордовия: бюллетень Научного центра социально-экономического мониторинга / под ред. Л.Н. Курышовой, В.П. Миничкиной. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та. № 2 (18). С. 6–9.
- Короленко А.В. (2023). Ваховые трудовые миграции как разновидность отходничества: масштабы, причины и последствия // Проблемы развития территории. Т. 27. № 6. С. 191–212. DOI: 10.15838/ptd.2023.6.128.12

- Лексин В.Н. (2021). Новое отходничество и вахтовая организация труда в процессах депопуляции и заселения территорий // Регион: экономика и социология. № 3 (111). С. 133–153. DOI: 10.15372/REG20210306
- Махрова А.Г., Бабкин Р.А., Кириллов П.Л. [и др.] (2022). Исследования и оценки масштабов возвратной мобильности и пульсаций населения в пространстве современной России // Известия Российской академии наук. Серия географическая. Т. 86. № 3. С. 332–352. DOI: 10.31857/S2587556622030104
- Мкртчян Н.В., Флоринская Ю.Ф. (2019). Жители малых и средних городов России: трудовая миграция как альтернатива безвозвратному отъезду // Журнал Новой экономической ассоциации. № 3 (43). С. 78–94. DOI: 10.31737/2221-2264-2019-43-3-4
- Мкртчян Н.В., Флоринская Ю.Ф. (2016). Социально-экономические эффекты трудовой миграции из малых городов России // Вопросы экономики. № 4. С. 103–123.
- Нефёдова Т.Г. (2015а). Занятость и отходничество населения в Ставропольском крае // Вестник Московского университета. Серия 5. География. № 2. С. 93–100.
- Нефёдова Т.Г. (2015б). Миграционная подвижность населения и отходничество в современной России // Известия РАН. Серия географическая. № 3. С. 41–56.
- Нефёдова Т.Г., Мкртчян Н.В. (2017). Миграция сельского населения и динамика сельскохозяйственной занятости в регионах России // Вестник Московского университета. Серия 5. География. С. 58–67.
- Нефёдова Т.Г., Покровский Н.Е., Трейвиш А.И. (2015). Урбанизация, дезурбанизация и сельско-городские сообщества в условиях роста горизонтальной мобильности // Социологические исследования. № 12. С. 60–69.
- Плюснин Ю.М., Заусаева Я.Д., Жидкевич Н.Н. [и др.] (2013). Отходники: монография. М.: Новый Хронограф. 288 с.
- Рощина Т.Г. (2007). Трудовая миграция как фактор повышения уровня жизни населения малых городов России // Вестник РАН. Т. 77. № 9. С. 827–830.
- Рындзюнский П.Г. (1983). Крестьяне и город в капиталистической России второй половины XIX века: взаимоотношение города и деревни в социально-экономическом строе России. М.: Наука. 270 с.
- Соколова А.А., Калачикова О.Н. (2023). Современное отходничество: анализ территориальной специфики по данным переписи населения России // Демографические факторы адаптации населения к глобальным социально-экономическим вызовам: сб. науч. ст. / ред. О.А. Козлова, А.П. Багирова, Г.Е. Корнилов, И.А. Кулькова, Б.Ю. Берзин, Н.П. Неклюдова, О.А. Пышминцева; Рос. акад. наук, Урал. отд-ние, Ин-т экономики. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН. С. 312–322. DOI: 10.17059/udf-2023-3-7
- Солодников А.Ю. (2015). Состояние сырьевой базы нефти и газа в Тюменской области // Вестник Тюменского государственного университета. Экология и природопользование. Т. 1. № 2 (2). С. 50–61.
- Тихонов Б.В. (1978). Переселения в России во второй половине XIX в.: по материалам переписи 1897 г. и паспортной статистики. М.: Наука. 212 с.
- Туракаев М.С., Баймурзина Г.Р. (2022). Работа вахтовым методом глазами временных трудовых мигрантов из Башкортостана // Проблемы развития территории. Т. 26. № 6. С. 115–133. DOI: 10.15838/ptd.2022.6.122.7
- Флоринская Ю.Ф., Мкртчян Н.В., Малева Т.М. [и др.] (2015). Миграция и рынок труда. М.: Дело. 108 с.
- Фокин В.Я. (2016). Влияние ликвидации сельскохозяйственных предприятий на вахтовую миграцию сельских жителей // Дискуссия. № 6 (69). С. 84–90.
- Шабанова М.А. (1992). Современное отходничество как социокультурный феномен // Социологические исследования. № 4. С. 55–63.
- Fielding A. (1989). Migration and counter urbanization in Western Europe since 1950. *Geographical Journal*, 155, 60–69. DOI: 10.2307/635381
- Halfacree K. (2012). Heterolocal identities? Counter-urbanisation, second homes, and rural consumption in the era of mobilities. *Population, Space and Place*, 18(2), 209–224. DOI: 10.1002/psp.665
- Sheller M., Urry J. (2006). The new mobilities paradigm. *Environment and Planning A: Economy and Space*, 38(2), 207–226. DOI: 10.1068/a37268
- Swiaczny F., Graze P., Schlömer C. (2009). Spatial impacts of demographic change in Germany. *Zeitschrift für Bevölkerungswissenschaft*, 33, 181–205. DOI: 10.1007/s12523-009-0010-9
- Zelinsky W. (1971). The hypothesis of the mobility transition. *Geographical Review*, 61(2), 219–249. DOI: 10.2307/213996

Сведения об авторах

Александра Владимировна Короленко – научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: coretra@yandex.ru)

Ольга Николаевна Калачикова – кандидат экономических наук, доцент, заместитель директора по научной работе, заведующий отделом, ведущий научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: onk82@yandex.ru)

Korolenko A.V., Kalachikova O.N.

Modern Territorial and Socio-Demographic Specifics of Long-Distance Commuting in Russia

Abstract. The uneven spatial development of Russia is manifested not only in the heterogeneity of residents' settlement, but also in the transformation of the socio-economic sphere, including local labor markets shrinkage, which inevitably affects migration mobility. One of the most common types of migration is return short-term labor migration (otkhodnichestvo), in particular, long-distance commuting. Taking into account the socio-economic and socio-cultural contrasts of urban and rural areas, it is important to understand the differences in the scale of long-distance commuting and in the portrait of migrants themselves. The aim of the research is to assess regional differences in the contribution of rural and urban population to long-distance commuting, to identify socio-demographic characteristics of rural and urban rotational labor migrants. The information base includes data from the All-Russian Population Census-2020 and the selective monitoring of the use of the daily temporal resource by the population-2019. It is confirmed that rural population is more involved in long-distance commuting. Despite the fact that urban and rural long-distance commuting workers are involved mainly in long-term migration, the proportion of long-term departures is noticeably higher among the former, while short-term trips are more common among the latter. It is established that the majority of urban residents leave for work to other regions, while every third long-distance commuting migrant from rural areas leaves for work within the region of their residence. It is shown that Russia's regions are markedly differentiated by the share of urban and rural residents in the total number of long-distance commuting migrants, and by the ratio of the contribution of urban and rural residents to general, short-term and long-term long-distance commuting, as well as intraregional and interregional long-distance commuting work. Typical features were confirmed in the socio-demographic portrait of long-distance commuting migrants, and rural–urban differences were revealed.

Key words: otkhodnichestvo, long-distance commuting, rural–urban differences, socio-demographic portrait.

Information about the Authors

Aleksandra V. Korolenko – Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: coretra@yandex.ru)

Olga N. Kalachikova – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, deputy director for science, head of department, Leading Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: onk82@yandex.ru)

Статья поступила 14.05.2024.

DOI: 10.15838/esc.2024.3.93.13

УДК 334.021, ББК 65.050

© Мухин М.А., Урасова А.А.

Оценка взаимодействия некоммерческих организаций с системой муниципального управления

Михаил Александрович**МУХИН**

Институт экономики УрО РАН, Пермский филиал

Пермь, Российская Федерация

e-mail: cseed@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0799-678X; ResearcherID: Q-7220-2018

Анна Александровна**УРАСОВА**

Институт экономики УрО РАН, Пермский филиал

Пермь, Российская Федерация

e-mail: urasova.aa@uiec.ru

ORCID: 0000-0002-0598-5051; ResearcherID: JXO-0643-2024

Аннотация. Представленная работа актуализирует вопрос повышения эффективности системы муниципального менеджмента на основе задействования ресурса некоммерческих организаций. Авторы задались целью оценить взаимодействие некоммерческих организаций в форме территориального общественного самоуправления с субъектами муниципального управления в системе муниципального менеджмента города Перми. В качестве гипотезы исследования выдвинуто предположение о том, что деятельность некоммерческих организаций в форме территориального общественного самоуправления в системе муниципального менеджмента приводит к значимым экономико-управленческим эффектам, что повышает эффективность системы муниципального менеджмента, муниципальной экономики. Методическую основу работы составил синтез методов экспертного опроса, факторного анализа, моделирования структурными урав-

Для цитирования: Мухин М.А., Урасова А.А. (2024). Оценка взаимодействия некоммерческих организаций с системой муниципального управления // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 3. С. 226–241. DOI: 10.15838/esc.2024.3.93.13

For citation: Mukhin M.A., Urasova A.A. (2024). Assessing the interaction between non-profit organizations and the municipal management system. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 17(3), 226–241. DOI: 10.15838/esc.2024.3.93.13

нениями (SEM). Авторам удалось получить ряд значимых результатов: обосновать ключевые научные категории, определив базовое понятие взаимодействия некоммерческих организаций и субъектов муниципального управления, обозначив границы системы муниципального менеджмента; разработать методику оценки взаимодействия некоммерческих организаций в системе муниципального менеджмента и апробировать ее на примере организаций в форме территориального общественного самоуправления города Перми. В частности, доказано, что показатели деятельности некоммерческих организаций в совокупности индикаторов задействования дополнительных ресурсов и населения устойчиво и значимо взаимосвязаны с индикаторами развития территории; взаимодействие с системой муниципального менеджмента устойчиво и значимо взаимосвязано с индикаторами развития территории; деятельность некоммерческих организаций опосредованно взаимосвязана с индикаторами, отражающими развитие территории, что обусловлено процессами взаимодействия с системой муниципального менеджмента. Таким образом, продемонстрировано наличие прямых и косвенных эффектов от деятельности некоммерческих организаций на территории, возникающих в процессе взаимодействия с субъектами муниципального управления. Наличие таких эффектов обосновало значимость деятельности некоммерческих организаций в форме территориального общественного управления в решении вопросов местного значения, в организации и реализации мероприятий местного значения, в привлечении дополнительных средств для решения социально-экономических вопросов территории.

Ключевые слова: некоммерческая организация, территориальное общественное самоуправление, система муниципального менеджмента, субъекты муниципального управления.

Благодарность

Статья подготовлена в соответствии с планом НИР Института экономики УрО РАН.

Введение

Современные экономические условия, возникшие в РФ, ориентируют все сектора экономики на активизацию резервов и поиск точек роста в достижении ключевых стратегических приоритетов. Такая установка вызывает необходимость усиленного развития субъектов хозяйственной деятельности, в том числе «третьего сектора», к которым относятся некоммерческие организации. Учитывая все многообразие форм некоммерческих организаций, следует говорить об их совокупности как о значимом ресурсе, задействование которого может увеличивать результативность хозяйственной деятельности на территории и способствовать экономическому росту.

Привлечение такого рода ресурса в целях реализации потенциала территории нуждается в разработке и апробации соответствующих управленческих механизмов, основой которых выступает взаимодействие некоммерческого сектора с субъектами управления на всех уровнях экономики (федеральном, региональном, муниципальном). В связи с этим исследование

управленческих практик отдельных некоммерческих организаций (далее – НКО) и процессов их взаимодействия с субъектами муниципального, регионального, федерального управления представляется актуальной научной проблемой. Ее решение в конечном счете ориентировано на формирование индикаторов экономического роста, в основе которых лежат метрики, отражающие результативность взаимодействия и экономико-управленческие эффекты, прежде всего в муниципальных образованиях.

Обозначенное исследовательское поле актуализирует вопросы взаимодействия субъектов муниципального управления и особых форм некоммерческих организаций, способных решать широкий спектр вопросов, аккумулировать территориальные потенциалы и резервы, при этом получать значимые экономико-управленческие эффекты. Такая постановка вопроса вызвала потребность в рамках данного исследования обратиться к некоммерческим организациям в форме территориального общественного самоуправления (далее – ТОС), которые

обладают значимым потенциалом взаимодействия в муниципальной экономике, становясь одним из основных субъектов хозяйственной деятельности. Так, по данным ежегодного совместного мониторинга Общенациональной ассоциации территориального общественного самоуправления и Министерства юстиции РФ, в Российской Федерации насчитывается более 34874 ТОС в 84 субъектах РФ¹. Отметим, что, выступая уникальной формой НКО в теоретическом плане, не все ТОС зарегистрированы в качестве НКО. Тем не менее считаем возможным и целесообразным рассмотреть ТОС как теоретико-методическую категорию, непосредственно выступающую формой НКО.

В рамках статьи в качестве гипотезы исследования выдвигается предположение о том, что взаимодействие некоммерческих организаций в форме территориального общественного самоуправления с субъектами муниципального управления приводит к значимым экономико-управленческим эффектам, что влечет повышение эффективности системы муниципального менеджмента, рост муниципальной экономики.

С целью проверки данного утверждения представлена оценка взаимодействия некоммерческих организаций в форме территориального общественного самоуправления с субъектами муниципального управления в отдельном муниципальном образовании.

Теоретико-методологические основы

Прежде всего необходимо определить границы системы муниципального управления и муниципального менеджмента. Классическая система муниципального управления включает субъекты муниципального управления в состав выборных и иных органов местного самоуправления, деятельность которых направлена на развитие территории и обеспечение населения в ключевых социально-экономических сферах. Такая управленческая практика, апро-

бированная несколькими десятилетиями, выявила ряд недостатков, связанных с ограниченностью ресурсов, значительной дистанцией между населением и органами власти, сложностью взаимодействия посредством бюрократических процедур и пр.²

Встречающиеся в научном поле определения указывают на то, что муниципальный менеджмент включает муниципальное образование и систему местного самоуправления (Макарова, Деменко, 2016); муниципальный менеджмент представляет собой социально-экономические отношения, формирующиеся в процессе развития территории; муниципальный менеджмент включает органы муниципального управления и самоуправления (Деменко, Макарова, 2016).

В научной литературе встречается несколько подходов к определению муниципального менеджмента (Фадеекина и др., 2019): 1) синонимично муниципальному управлению, направленному на реализацию полномочий органов власти в части социально-экономического развития региона, расходования муниципальных финансов (Ашмаров, 2019); 2) как процесс решения вопросов местного значения, то есть практика регулирования социально-экономических отношений (Маркина и др., 2018); 3) как совокупность взаимоотношений населения и органов муниципального управления, в процессе развития которых (Фадеекин, Фадеекина, 2002; Уханова и др., 2022) формируется система взаимодействия с властными институтами, хозяйствующими субъектами, НКО и пр.; в конечном счете муниципальный менеджмент — вид управления, направленный на вовлечение местного населения в процессы управления (Новоянц, Кириллюк, 2018); 4) менеджмент как часть системы муниципального управления, связанная с отдельными направлениями деятельности органов власти, например проектный менеджмент³, менеджмент муниципальных финансов и пр. (Айрапетов, 2017).

¹ Стратегия развития территориального общественного самоуправления в Российской Федерации до 2030 года. URL: https://xn--43-emcmd.xn-p1ai/wpcontent/uploads/2021/11/%D0%A1%D1%82%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%B3%D0%B8%D1%8F-%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%B2%D0%B8%D1%82%D0%B8%D1%8F-%D0%A2%D0%9E%D0%A1-%D0%B2-%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B9-%D0%A4%D0%B5%D0%B4%D0%B5%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B8-%D0%B4%D0%BE_2030-9.03.2021.pdf

² Экономические последствия нового законодательства о некоммерческих организациях (2007). Ин-т гражданского анализа, Ин-т нац. проекта «Общественный договор». Москва: [СПРОС], 117 с.

³ Современные проблемы менеджмента и развития государственного и муниципального управления (2023). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный экономический университет. 159 с.

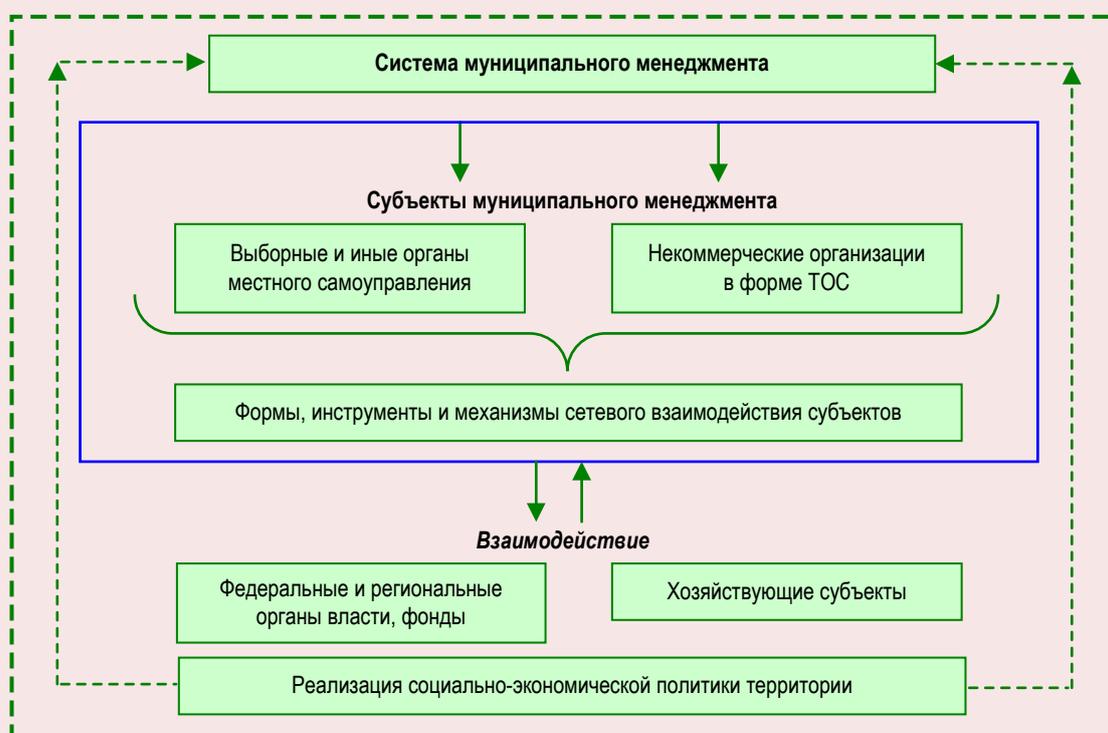
С нашей точки зрения, система муниципального менеджмента отличается возможностью взаимодействия некоммерческой организации с субъектами муниципального управления, деятельность которых направлена на решение социально-экономических задач территории и удовлетворение потребностей местного населения. Такой подход позволяет увеличить количество источников дополнительного финансирования, использовать ресурсы самой НКО, использовать НКО как форму взаимодействия, вовлекая население в управленческие процессы в муниципалитете (Малахов, Якобсон, 2021), рассматривать НКО как инструмент взаимодействия с другими хозяйствующими субъектами.

В свою очередь взаимодействие НКО в системе муниципального менеджмента можно определить как систему взаимоотношений между некоммерческими организациями, предоставляющими услуги, и субъектами муниципального менеджмента, при которой организа-

ции выступают в роли узлов в конкретной сфере деятельности (Бек и др., 2014). При этом все участники имеют схожие интересы, связанные с реализацией потребностей местного населения, и общие цели, направленные на улучшение благосостояния граждан, что в совокупности определяет конкретные формы взаимодействия (Груздева, 2016; Олескин, 2016). Таким образом, ключевое значение для участников такого взаимодействия имеет обмен опытом и управленческой практикой в целях формирования единого вектора развития территории (рис. 1).

В контексте развития системы муниципального менеджмента существенной составляющей взаимодействия некоммерческих организаций являются ресурсы (Косыгина, 2021). Следует отметить положительные эффекты такого взаимодействия: использование опыта организаций, методическая поддержка, возможность обучения и пр. (Попкова и др., 2022).

Рис. 1. Место НКО в форме ТОС в системе муниципального менеджмента

Источник: составлено авторами.

Некоммерческие организации, выступая хозяйствующими субъектами, создают условия для выстраивания партнерских отношений между властью, бизнесом и населением. При этом недостаток ресурсов некоммерческих организаций может быть устранен именно в рамках взаимодействия как с другими некоммерческими организациями, так и с субъектами муниципального управления.

Имеющаяся практика взаимодействия некоммерческих организаций демонстрирует укрепление потенциала организаций за счет обмена практиками, технологиями работы, а также общих ресурсов, что может быть выражено в появлении ряда эффектов в развитии соответствующей территории (Косыгина, 2022).

Вопрос о роли конкретных форм НКО с позиции возможности взаимодействия в системе муниципального менеджмента рассматривается в разных контекстах (Шохрина, Медведева, 2023). Так, в последние годы в научной литературе все чаще можно встретить работы, предметом рассмотрения в которых становится территориальное общественное самоуправление как особая форма НКО (Залиев, Усманова, 2018; Медведева и др., 2021). Большинство исследователей сходятся в том, что ТОС – это НКО, обладающая рядом характеристик, определяющей из которых выступает возможность взаимодействия в системе муниципального менеджмента в целях решения широкого круга социально-экономических вопросов (Бадягина, 2011; Медведева и др., 2021).

Таким образом, ТОС как особая форма НКО имеет возможность участвовать в привлечении дополнительных средств для развития территории и решения значимых социально-экономических вопросов из федеральных (например, фонда Президентских грантов), региональных (фонда губернаторских грантов Пермского края) источников и др. Такая поддержка может иметь целый ряд эффектов как для ТОС (рост доходов, экономия собственных ресурсов за счет использования материально-технической базы муниципалитета, увеличение целевой аудитории НКО ТОС за счет участия большего количества граждан и пр.), так и для системы муниципального менеджмента (повышение бюджетной эффективности реализации муниципальных проектов, рост уровня доверия населения, увеличение скорости реализации ме-

роприятий в рамках муниципальных проектов и пр.).

Представляется целесообразным более детально рассмотреть процесс взаимодействия НКО ТОС с системой муниципального менеджмента, для того чтобы выявить и конкретизировать значимые экономико-управленческие эффекты.

Взаимодействие некоммерческих организаций и субъектов муниципального управления можно определить как управленческую деятельность в системе муниципального менеджмента, основанную на реализации потенциала участников за счет обмена практиками, технологиями работы, ресурсами в целях повышения эффективности социально-экономического развития территории.

Методы и методики оценки участия некоммерческих организаций в системах государственного и муниципального менеджмента являются предметом исследований целого ряда авторов.

Можно отметить методику Л.А. Третьяковой, Т.В. Целютиной, Ж.Н. Авиловой, которые связывают характер влияния НКО на систему регионального управления с увеличением создаваемого валового регионального продукта. Основой их методики выступает расчет интегральных показателей на основе данных официальной статистики с применением методов детерминированной мультипликативной факторной модели, базирующейся на расчете средней геометрической (Третьякова и др., 2016). Такой методический подход позволил авторам учитывать социально-экономический и политический контекст участия НКО в системе регионального управления.

В.Ю. Кулькова предлагает при выстраивании методик оценки деятельности НКО в системах публичного управления различного уровня синтезировать два ключевых подхода: динамический и транзакционный. Динамические инструменты анализа позволяют метрически описывать деятельность НКО, выстраивать интегральные показатели, вырабатывать синтетические индикаторы развития НКО в контексте организации, финансирования, участия и пр. в системе публичного управления. В свою очередь транзакционный подход связан с мониторингом взаимодействия некоммерческой организации с заинтересованными сто-

ронами: органами публичного управления, хозяйствующими субъектами, населением (Кулькова, 2016).

Подобный синтез можно наблюдать в исследовании Е.Б. Дворянкиной, Д.М. Простовой, которые на основе применения метода линейного масштабирования рассчитывают частные индексы функционирования НКО, а также сводный индекс функционирования НКО в экономическом пространстве региона (Дворянкина, Простова, 2021).

Ряд авторов говорят о системе показателей, отражающей эффективность деятельности НКО ТОС, упоминая общие индикаторы, характеризующие организационную деятельность органов НКО ТОС; социальные параметры, связанные с оказанием социальных услуг населению, а также экономические компоненты, выраженные в положительной динамике развития территории (Максимов, 2004; Сычева, Шрамченко, 2020). В частности, предлагается оценивать экономические результаты деятельности НКО ТОС, т. е. стоимостные показатели, например затраты на предоставляемые услуги, объем привлеченных в развитие территории средств и пр. (Перфильев, Кузнецова, 2015).

Другие исследователи предлагают систему критериев, позволяющих оценить НКО в форме ТОС, учитывая направленность деятельности НКО. При этом сбор и обработка показателей по данным критериям может быть произведена различными методами, наиболее популярными из которых являются экспертный опрос и метод статистического анализа (Веретнова, 2019).

К методам экспертного анализа применительно к муниципальной экономике и муниципальному управлению обращались многие исследователи. Так, экспертные опросы как основа методологии заложены во многих зарубежных исследованиях (Crowe, 2006; Hallegatte et al., 2019), раскрывающих вопросы реализации муниципальных ресурсов, саморазвития территории, развития социальной инфраструктуры и пр. (Sharp et al., 2016; Szajnowska-Wysocka, 2009).

С методической точки зрения экспертный опрос можно охарактеризовать рядом специфических черт: 1) компетентность эксперта; 2) возможность представления данных как в качественном, так и в количественном виде;

3) различное количество экспертов, определяемое сложностью предметного поля.

Исследователи полагают, что рост численности экспертной группы не всегда влияет на достоверность оценок. Так, традиционно при проведении очного исследования оптимальная численность группы экспертов должна варьироваться от 5 до 7 человек, а при заочных опросах численность экспертной группы должна составлять порядка 20–30 чел. (при максимуме 60–80 чел.) (Нечаев и др., 2012).

Отдельные авторы применительно к анализу экспертных оценок применяют метод частичных наименьших квадратов в целях проверки сразу нескольких гипотез. Такой подход позволяет оценить вклад каждой наблюдаемой переменной в итоговый показатель⁴.

Отметим исследование с применением полужформализованной анкеты, которое позволило получить содержательные и развернутые компетентные ответы по целому ряду специфических вопросов, связанных с работой муниципальных образований Крайнего Севера Российской Федерации (Кондратович, 2022).

Модель оценки уровня организационного развития НКО, разработанную на основе анализа и систематизации более 40 соответствующих методик, используемых за рубежом, предложили ученые Высшей школы экономики⁵. Методика содержит 12 показателей по ключевым направлениям деятельности НКО. В частности, эксперты оценили финансовую устойчивость, внешние коммуникации, организационную культуру и пр. В опросе приняли участие более 590 НКО. Отметим также опрос, проведенный учеными ВШЭ, посвященный оценке внешних условий деятельности НКО, включающий представителей НКО из 61 региона восьми федеральных округов и предлагающий итоговое значение индекса внешней среды развития НКО как среднее значение шести показателей, включенных в модель⁶.

⁴ Молодчик М.А. (2021). Управление знаниями потенциалом организации: методология и практика : дис. ... доктора экон. наук : 08.00.05. Пермь. 315 с.

⁵ Оценка уровня организационного развития НКО (2023). ВШЭ: Пульс НКО. 55 с. URL: <https://drive.google.com/file/d/1g851gNVK9SNdg8fmEljFt1nofBEQb9KY/view>

⁶ Оценка внешней среды развития. (2022). ВШЭ: Пульс НКО. 42 с. URL: <https://drive.google.com/file/d/1IoTZQRKe1rgly4FWt1Ff4-CHERpm9f6/view>

Оценка конкретных экономико-управленческих эффектов от взаимодействия НКО сопряжена с проблематикой оценки эффективности НКО как таковой. В частности, применительно к НКО критерии прибыльности, рентабельности и капитализации не могут быть использованы, поскольку к данным услугам не применимо рыночное ценообразование. В случае НКО можно говорить о нескольких концепциях измерения эффективности, в основе которых лежат различные критерии (Herman, 1990; Herman, Heimovics, 1994).

Так, эффективность НКО может трактоваться как степень достижения целей (Price, 1972), способность обеспечить ресурсы (Yuchtman, 1967; Ивановский, 2023); многоэлементный показатель (Connolly et al., 1980; Косыгина, 2020). В рамках нашего исследования предлагается, основываясь на данных экспертного опроса, выстроить собственную методику оценки взаимодействия НКО в форме ТОС с системой муниципального менеджмента, которая бы позволила выявить и конкретизировать значимые экономико-управленческие эффекты данного процесса.

Данные и методы

В отсутствие общепринятого подхода представляется целесообразным предложить методику оценки сетевого взаимодействия НКО в форме ТОС с субъектами муниципального менеджмента, основанную на экспертных оценках (табл. 1).

На основе данных о взаимодействии НКО ТОС в системе муниципального менеджмента

г. Перми были сформулированы вопросы, отражающие основные характеристики такого взаимодействия, и составлена анкета экспертного опроса. В течение июня – августа 2023 года в опросе приняли участие руководители НКО ТОС. ТОС были проверены и верифицированы на соответствие понятию «некоммерческая организация» (автономность от государственных и бизнес-структур, самоуправляемость и ориентированность на оказание общественно значимых услуг, изменение социально и экономически значимых условий развития муниципальной экономики). В состав экспертов включено 85 человек.

Степень согласия с каждым утверждением оценивалась респондентами по 10-балльной шкале на основе ответов руководителей НКО ТОС на вопросы онлайн-анкеты (табл. 2).

Таблица 2. Шкала оценки для респондентов

Совсем не влияет
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
Влияет сильно

Таблица 1. Этапы анализа взаимодействия некоммерческих организаций в системе муниципального менеджмента

Этап 1. Выбор экспертов. Описание выборки	Отобрано 85 экспертов – руководителей НКО ТОС г. Перми Пермского края
Этап 2. Выбор показателей и шкалы оценки	Выбор 14 индикаторов, основанных на данных мониторинга сетевого взаимодействия НКО ТОС в системе муниципального менеджмента г. Перми. Ответы экспертов оценивались по 10-балльной шкале
Этап 3. Первичная обработка экспертных оценок и формирование компонент взаимодействия	Производится расчет и анализ средник экспертных оценок. Компоненты сетевого взаимодействия формируются в соответствии с направлениями деятельности НКО ТОС в системе муниципального менеджмента: функциональное, организационное и процессное
Этап 4. Проведение PCA-анализа и построение SEM-модели взаимодействия	Диагностика уровня сетевого взаимодействия НКО ТОС по ключевым компонентам выявления прямых и косвенных эффектов сетевого взаимодействия
Источник: составлено авторами.	

Значение каждого индикатора рассчитывалось как среднее значение по всем утверждениям, входящим в него. При этом для каждого респондента было определено индивидуальное среднее значение показателя. Характеризуя всех экспертов в целом, фиксировалось среднее значение всех индивидуальных средних. Если респондент затруднился ответить на более чем 50% утверждений, значение исключалось. Итоговое значение индикатора рассчитано как среднее значение всех составляющих, включенных в методику оценки. В результате обработки результатов опроса были сформированы четырнадцать индикаторов, ставших основой для SEM-моделирования.

Результаты

Пермский край по уровню активности населения и динамике создания НКО ТОС является одним из лидеров. Так, на сегодняшний день количество ТОС в Пермском крае достигло 647, из них 110 — сосредоточены в г. Перми. С 2017 года НКО ТОС участвуют в конкурсах на получение субсидии из федерального бюджета. За период 2017–2022 гг. от НКО ТОС Пермского края поступило заявок на общую сумму 24 930 025,48 рублей. Из них получили финансирование только 23%.

НКО ТОС г. Перми наиболее активно участвуют в реализации мероприятий, закрепленных в муниципальных программах (около 100 мероприятий в год), и мероприятиях, направленных на развитие социальной инфраструктуры территории (порядка 60–70 мероприятий в год). Кроме того, они активны в части бюджетного планирования (25 инициатив). Такие тенденции позволили рассматривать ТОС с позиции возможностей взаимодействия с субъектами муниципального управления.

Первичный анализ средних экспертных оценок дает целый спектр аргументов, обосновывающих возможности и эффекты взаимодействия НКО ТОС в системе муниципального менеджмента г. Перми. Так, полученные данные позволили выделить три ключевых компонента взаимодействия.

Компонента 1 «Сетевое взаимодействие НКО с субъектами муниципального управления» в составе индикаторов: поддержка некоммерческих организаций со стороны органов власти; привлечение дополнительных средств

на развитие территорий; непосредственное участие НКО в управлении территорией; заинтересованность муниципального образования в работе НКО.

Компонента 2 «Развитие территории» в составе индикаторов: уровень взаимосвязи показатели развития с показателями развития муниципального образования; уровень влияния НКО на качество и эффективность работы администрации; влияние деятельности некоммерческих организаций на развитие муниципальных образований; влияние деятельности некоммерческих организаций на развитие муниципального менеджмента; степень развития некоммерческого сектора на территории.

Компонента 3 «Деятельность НКО» в составе индикаторов: эффективность НКО как партнера местной администрации; эффективность НКО как элемента системы муниципального менеджмента; уровень сетевого взаимодействия НКО в развитии экономики муниципального образования.

Рассчитанные методом главных компонент факторные нагрузки для каждой компоненты представлены в *таблице 3*.

Таким образом, на основе анализа полученных данных можно сделать несколько выводов:

- компонента 1 связана с развитием муниципального образования в различных сферах, включая инфраструктуру, экономику и социальную сферу;
- компонента 2 отражает развитие территории, где развивается взаимодействие системы муниципального менеджмента с НКО;
- компонента 3 связана с деятельностью НКО ТОС, включая привлечение дополнительных ресурсов.

Представим данные по расчету объясненной дисперсии: компонента 1 объясняет 29,5% общей вариации, с накопительным процентом 29,5%; компонента 2 объясняет 24,4% общей вариации, с накопительным процентом 53,8%; компонента 3 объясняет 14,1% общей вариации, с накопительным процентом 67,9% (*табл. 4*). Они показывают, что выделенные компоненты объясняют большую часть вариации в данных. Однако, поскольку накопительный процент не достигает 100%, существует дополнительная вариация, которая не объясняется этими компонентами.

Таблица 3. Факторные нагрузки компонент (1 «Сетевое взаимодействие НКО с субъектами муниципального управления», 2 «Развитие территории», 3 «Деятельность НКО»)

Название	Компонента 1	Компонента 2	Компонента 3	Уникальность
Влияние деятельности некоммерческих организаций на развитие муниципальных образований	0,599			0,627
Влияние деятельности некоммерческих организаций на развитие муниципального менеджмента			0,814	0,321
Степень развития некоммерческого сектора на территории			0,548	0,603
Уровень поддержки некоммерческих организаций со стороны органов власти			0,748	0,412
Уровень привлечения дополнительных средств на развитие территорий		0,854		0,257
Уровень непосредственного участия НКО в управлении территорией	0,317	0,839		0,188
Уровень заинтересованности администрации муниципального образования в работе НКО	0,316	0,772		0,259
Уровень активности населения в муниципальном управлении	0,431	0,781		0,196
Уровень влияния НКО на качество и эффективность работы администрации	0,659			0,493
Эффективность НКО как партнера местной администрации	0,816			0,239
Эффективность НКО как элемента системы муниципального менеджмента	0,797			0,206
Уровень взаимосвязи показателей развития с показателями развития муниципального образования	0,828	0,376		0,158
Уровень влияния НКО на развитие экономики муниципального образования	0,765	0,400		0,216

Метод главных компонент, метод вращения: Варимакс, количество компонент определяется на основе собственных значений > 1.
 Источник: расчеты выполнены в Jamovi (Version 2.3) (The jamovi project (2022). jamovi. (Version 2.3) [Computer Software]. URL: <https://www.jamovi.org>)

Таблица 4. Объясненная дисперсия по каждой компоненте

Компонента	Нагрузка	Различия, %	Совокупный %
1	3,83	29,50	29,50
2	3,17	24,40	53,80
3	1,83	14,10	67,90

Источник: расчеты выполнены в Jamovi (Version 2.3) (The jamovi project (2022). jamovi. (Version 2.3) [Computer Software]. URL: <https://www.jamovi.org>)

Таким образом, в целях детализации компонент, объясняющих данную вариацию, проведем моделирование с помощью структурных уравнений (SEM)⁷ (табл. 5).

Рассмотрим внешние веса для оценки латентных переменных и относительный вклад каждого индикатора в создание оценки своей латентной переменной. Так, наблюдаемая переменная «Уровень поддержки некоммерческих организаций со стороны органов власти» имеет вес 0,190

для скрытой переменной «Сетевое взаимодействие НКО с субъектами муниципального управления», t-статистика равна 4,292, а р-значение 0,000, следовательно, этот вес статистически значим. Наблюдаемая переменная «Степень развития некоммерческого сектора на территории» имеет вес 0,339 по отношению к скрытой переменной «Развитие территории», t-статистика равна 10,340, а р-значение 0,000, что указывает на очень сильную и значимую взаимосвязь.

Таблица 5. Результаты моделирования с помощью структурных уравнений для компонент (1 «Сетевое взаимодействие НКО с субъектами муниципального управления», 2 «Развитие территории», 3 «Деятельность НКО»)

Внешние нагрузки	Значение внешней нагрузки	Среднее значение подвыборок	Стандартное отклонение	Среднее значение / подвыборок / стандартное отклонение	Статистическая значимость
Уровень поддержки некоммерческих организаций со стороны органов власти < Сетевое взаимодействие НКО с субъектами муниципального управления	0,190	0,185	0,044	4,292	0,000
Уровень привлечения дополнительных средств на развитие территорий <- Сетевое взаимодействие НКО с субъектами муниципального управления	0,301	0,305	0,032	9,522	0,000
Уровень непосредственного участия НКО в управлении территориями < Сетевое взаимодействие НКО с субъектами муниципального управления	0,318	0,317	0,026	12,197	0,000
Уровень заинтересованности администрация муниципального образования в работе НКО <- Сетевое взаимодействие НКО с субъектами муниципального управления	0,332	0,333	0,032	10,340	0,000
Уровень влияния НКО на качество и эффективность работы администрации < Развитие территории	0,242	0,242	0,036	6,749	0,000
Влияние деятельности некоммерческих организаций на развитие муниципальных образований < Развитие территории	0,273	0,273	0,024	11,289	0,000
Влияние деятельности некоммерческих организаций на развитие муниципального менеджмента < Развитие территории	0,314	0,314	0,027	11,522	0,000
Степень развития некоммерческого сектора на территории < Развитие территории	0,339	0,340	0,029	11,639	0,000
Эффективность НКО как партнера местной администрации < Деятельность НКО	0,505	0,493	0,113	4,451	0,000
Эффективность НКО как элемента системы муниципального менеджмента < Деятельность НКО	0,417	0,413	0,116	3,584	0,000
Уровень сетевого взаимодействия НКО в развитии экономики муниципального образования < Деятельность НКО	0,429	0,425	0,117	3,657	0,000
Источник: расчеты выполнены в Jamovi (Version 2.3) (The jamovi project (2022). jamovi. (Version 2.3) [Computer Software]. URL: https://www.jamovi.org)					

⁷ Моделирование структурными уравнениями (SEM) выполнялось в SmartPLS 4: Ringle C.M., Wende S., Becker J.-M. (2022). *SmartPLS 4*. Oststeinbek: SmartPLS GmbH. Available at: <http://www.smartpls.com>

В целом таблица 5 показывает, что все взаимосвязи являются статистически значимыми при р-значениях 0,000, а весовые коэффициенты варьируются от умеренных до сильных (от 0,190 до 0,505). Согласованность статистической значимости и сила весовых коэффициентов для различных наблюдаемых переменных позволяют предположить, что модель зафиксировала надежные взаимосвязи между наблюдаемыми и скрытыми переменными.

Далее перейдем к анализу для проверки теоретических моделей путем измерения взаимосвязей между несколькими переменными, основываясь на гипотезе: существуют значимые прямые и косвенные эффекты от воздействия скрытых переменных на наблюдаемые компоненты.

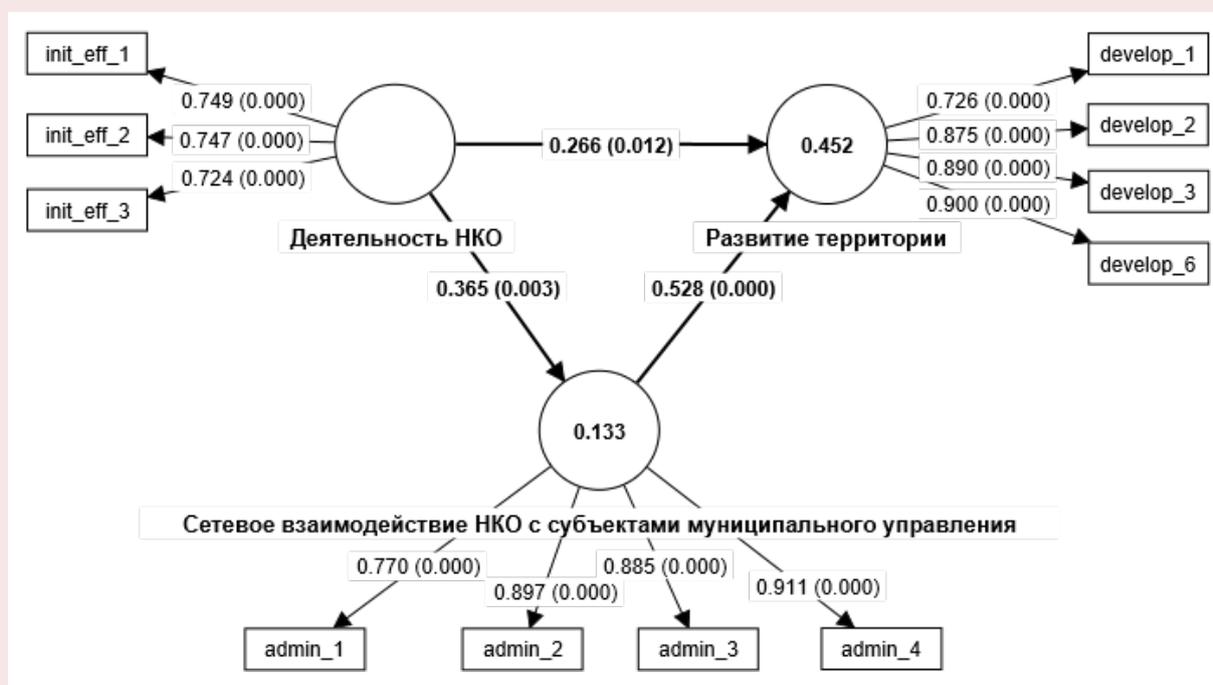
Моделирование в направлении «Развитие территории» > «Деятельность НКО» > «Сетевое взаимодействие НКО с субъектами муниципального управления» с учетом мультиколлинеарности выглядит следующим образом (рис. 2).

Анализ полученной модели позволяет говорить о прямых и косвенных эффектах (табл. 6).

Согласно данным, деятельность НКО оказывает прямое влияние на взаимодействие НКО с субъектами муниципального управления в размере 0,365 при стандартном отклонении 0,121; t-статистика равна 3,012, р-значение 0,003, что указывает на статистически значимый эффект. Сетевое взаимодействие НКО с субъектами муниципального управления оказывает прямое влияние на развитие территории в размере 0,528 при стандартном отклонении 0,106; t-статистика равна 4,965, р-значение 0,000, что свидетельствует об очень статистически значимом эффекте.

Таким образом, все перечисленные взаимосвязи являются статистически значимыми, причем «Сетевое взаимодействие НКО с субъектами муниципального управления -> Развитие территории» демонстрирует самый сильный эффект и наивысшую значимость (табл. 7).

Рис. 2. Моделирование с помощью структурных уравнений для компонент «Развитие территории» > «Деятельность НКО» > «Сетевое взаимодействие НКО с субъектами муниципального управления»

Источник: выгружено из Jamovi (Version 2.3) (The jamovi project (2022). jamovi. (Version 2.3) [Computer Software]. URL: <https://www.jamovi.org>)

Таблица 6. Прямые эффекты, выявленные на основе анализа полученной SEM-модели

Прямой эффект	Коэффициенты пути	Среднее значение подвыборки	Стандартное отклонение	t-статистика	p-значимость
Деятельность НКО -> Развитие территории	0,266	0,277	0,107	2,501	0,012
Деятельность НКО -> Сетевое взаимодействие НКО с субъектами муниципального управления	0,365	0,386	0,121	3,012	0,003
Сетевое взаимодействие НКО с субъектами муниципального управления -> Развитие территории	0,528	0,522	0,106	4,965	0,000

Таблица 7. Косвенные эффекты, выявленные на основе анализа полученной SEM-модели

Косвенный эффект	Коэффициенты пути	Среднее значение подвыборки	Стандартное отклонение	t-статистика	p-значимость
Деятельность НКО > Сетевое взаимодействие НКО с субъектами муниципального управления > Развитие территории	0,192	0,201	0,074	2,610	0,009

Таблица 8. Полный эффект, выявленный на основе анализа полученной SEM-модели

Полный эффект	Коэффициенты пути	Среднее значение подвыборки	Стандартное отклонение	t-статистика	p-значимость
Деятельность НКО -> Развитие территории	0,459	0,477	0,105	4,357	0,000
Деятельность НКО -> Сетевое взаимодействие НКО с субъектами муниципального управления	0,365	0,386	0,121	3,012	0,003
Сетевое взаимодействие НКО с субъектами муниципального управления -> Развитие территории	0,528	0,522	0,106	4,965	0,000

Косвенный эффект предполагает, что НКО на развитие территории воздействуют косвенно через сетевое взаимодействие с субъектами муниципального управления. Специфический косвенный эффект представляет собой произведение эффектов, которые участвуют в пути: $0,192 = 0,365 \times 0,528$ (табл. 8).

Переменная «Деятельность НКО» имеет полный размер эффекта 0,459 на «Развитие территории» в нашем случае, и этот размер эффекта выше, чем прямой эффект (0,266) и косвенный эффект через сетевое взаимодействие НКО с субъектами муниципального управления (0,192), подтверждая, что он представляет общий эффект (сумма прямого и косвенного эффектов) $(0,459) = 0,192 + 0,266$ ⁸. Стандарт-

⁸ Из-за округлений значений в программе появилась погрешность 0,001 (сумма = 0,458).

ное отклонение, равное 0,105, говорит об относительно небольших различиях в оценках величины эффекта по выборкам, что приводит к t-статистике, равной 4,357; p-value = 0,000 ($p < 0,001$), предоставляя очень убедительные статистические доказательства эффекта⁹.

Таким образом, во-первых, показатели деятельности НКО в совокупности индикаторов взаимодействия дополнительных ресурсов и населения устойчиво и значимо взаимосвязаны с индикаторами развития территории. Во-вторых, компонента, отражающая взаимодействия с системой муниципального менеджмента, устойчиво и значимо взаимосвязана с индикаторами развития территории. Данные эффекты являются

⁹ Как насыщенная, так и оценочная модели имеют SRMR 0,087, что немного выше предпочтительного порога, но все же указывает на приемлемое соответствие.

прямыми и обладают высокой статистической значимостью. В-третьих, компонента «Деятельность НКО» опосредованно взаимосвязана с индикаторами, отражающими развитие территории. Такая взаимосвязь обусловлена процессами взаимодействия с системой муниципального менеджмента. Следовательно, однозначно можно говорить о существовании косвенных эффектов от деятельности НКО на территории, которые возникают в процессе взаимодействия с системой муниципального менеджмента.

Построенная модель отражает степень влияния компоненты «Развитие территории» в совокупности наблюдаемых переменных (1-6) на компоненты «Деятельность НКО» (три переменные), «Сетевое взаимодействие НКО с субъектами муниципального управления» (четыре переменные). Анализ полученных параметров достоверности модели говорит о правильности отобранных данных и подтверждает наличие взаимосвязи между обозначенными компонентами. Полученные экспертные оценки обладают необходимым уровнем согласованности, представляют собой качественную выборку данных.

По итогам проведенного анализа была подтверждена гипотеза о том, что взаимодействие НКО в форме ТОС с субъектами муниципального менеджмента выражается в виде сетевой взаимосвязи, отражающей социально-экономическое развитие территории и деятельность НКО ТОС, имеющей прямые и косвенные эффекты.

Заключение

Проведенный анализ позволил оценить процесс взаимодействия НКО ТОС в системе муниципального менеджмента г. Перми. Этот процесс можно охарактеризовать как сетевой и отражающий трансформацию функций муниципального менеджмента. Вместе с тем в ходе анализа были выявлены некоторые сложности в оценочных процедурах, связанные с отсутствием регулярно наблюдаемых данных по ряду направлений, необходимостью анализа отдельных кейсов, сложностью выявления и интерпретации управленческих эффектов в развитии системы муниципального менеджмента, обусловленных именно участием НКО, а не иными процессами и явлениями.

Однако эти обстоятельства выступили обосновывающими факторами при выборе комплекса методов для проведения оценки в форме синтеза методов мониторинга отдельных кейсов НКО ТОС, экспертных оценок и факторного анализа, включающих комплекс метрик, в совокупности отражающих характер происходящего процесса взаимодействия.

Новизна исследования состоит в формировании авторского инструментария оценки, позволившего выявить и обосновать экономико-управленческие эффекты взаимодействия НКО и субъектов муниципального управления, отражающие количественные метрики деятельности НКО ТОС в решении вопросов местного значения, в организации и реализации мероприятий местного значения, в привлечении дополнительных средств для решения социально-экономических вопросов территории.

В контексте возможностей практического применения полученные результаты исследования могут вызывать интерес различных групп лиц: представителей активно развивающихся некоммерческих организаций; системы управления муниципальным образованием, ориентированной на поиск и активное задействование дополнительных ресурсов.

С учетом того, что для большинства НКО в форме ТОС свойственна обособленность в вопросах организации, характеризующаяся слабой активностью в проектах сетевого взаимодействия и незначительным использованием муниципальных ресурсов, однозначно существует высокий потенциал для наращивания форм и форматов взаимодействия с субъектами муниципального управления за счет участия НКО ТОС во всех муниципальных программах по социально-экономическому развитию территории; участия ТОС в разработке отдельных муниципальных проектов; проведения совместных мероприятий, задействующих максимальное количество граждан, отдельных групп населения; повышения согласованности организационной деятельности субъектов (НКО ТОС, субъектов муниципального управления); наращивания активности привлечения дополнительных средств на развитие территории.

Литература

- Айрапетов А.В. (2017). Сити-менеджмент как современная форма управления муниципальным образованием // Вопросы совершенствования системы государственного управления в современной России: международ. сб. науч. статей. Москва: МАКС Пресс. С. 13–21.
- Ашмаров И.А. (2019). Стратегия развития региона как инструмент государственного и муниципального менеджмента // Регион: государственное и муниципальное управление. № 1 (17). С. 3.
- Бадягина А.В. (2021). Сравнительная характеристика ТОС, ТСЖ и общественных объединений // Местное право. № 4. С. 49–55.
- Медведева Н.В. Особенности организации и проблемы развития ТОС в условиях территориальной дифференциации // Социодинамика. № 4. С. 94–101.
- Бек М.А., Бек Н.Н., Бузулукова Е.В. (2014). Методология исследования сетевых форм организации бизнеса. Москва: Высшая школа экономики. 448 с.
- Веретнова И.П. (2019). Оценка эффективности деятельности территориального общественного самоуправления на уровне муниципальных образований // Тенденции развития науки и образования. № 46-4. С. 22–29.
- Груздева М.Л. (2016). Реализация сетевого взаимодействия вузов // Вестник Мининского университета. № 2 (15). С. 10.
- Дворяркина, Е.Б., Простова, Д.М. (2021). Социально ориентированные некоммерческие организации в региональной экономике: дифференциация исследовательских методических программ // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. № 2. С. 17–28.
- Деменко О.Г., Макарова И.Г. (2016). Муниципальный менеджмент и местное самоуправление в России: теория и перспективы развития // Вестник Университета (Государственный университет управления). № 11. С. 25–27.
- Залиев А.Р., Усманова Р.М. (2018). К вопросу о понятии ТОС в РФ // E-Scio. № 11 (26). С. 32–37.
- Ивановский В.С., Латфуллин Г.Р., Сомова О.В. (2023). Социально-партнерское взаимодействие институциональных структур при подготовке кадров для сферы услуг // Инновации и инвестиции. № 5. С. 94–96.
- Кондратович Д.Л. (2022). Повышение эффективности управленческих решений на уровне муниципальных образований на основе применения метода экспертного опроса // Экономика и управление: проблемы, решения. № 10 (130). С. 85–93. DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2022.10.03.10
- Косыгина К.Е. (2020). Межсекторное взаимодействие: типы отношений и тенденции развития в современном российском обществе // Проблемы развития территории. № 6 (110). С. 50–66. DOI: 10.15838/ptd.2020.6.110.4
- Косыгина К.Е. (2021). Инструменты развития некоммерческого сектора в регионе // Проблемы развития территории. № 6. С. 67–81.
- Косыгина К.Е. (2022). Некоммерческий сектор в экономике региона. Вологда: ВолНИЦ РАН. 207 с.
- Кулькова В.Ю. (2016). Трансформация устойчивости социально ориентированных некоммерческих организаций в Российской Федерации. Казань: ПечатьСервис XXI век. 87 с.
- Макарова И.Г., Деменко О.Г. (2016). Некоторые аспекты муниципального менеджмента // Успехи современной науки и образования. № 11. С. 98–100.
- Максимов В.П. (2004). Оценка эффективности территориального общественного самоуправления и его вклада в социально-экономическое развитие муниципального образования // Вестник Челябинского государственного университета. № 1. С. 63–75.
- Малахов Д.И., Якобсон Л.И. (2021). Корпоративное управление и информационная открытость в российских НКО // Прикладная эконометрика. № 62. С. 101–124.
- Маркина С.А., Безрядина И.М., Федорова М.Р. (2018). Разработка механизма мониторинга качества муниципального менеджмента // Актуальные вопросы налогообложения, налогового администрирования и экономической безопасности: сб. науч. ст. II Всерос. науч.-практ. конф., Курск: Изд-во Юго-Западного гос. ун-та. С. 256–261.
- Медведева Н.В., Фролова Е.В., Рогач О.В. (2021). Взаимодействие и перспективы партнерства территориального общественного самоуправления с местной властью // Социологические исследования. № 10. С. 72–82.

- Нечаев В.С., Чудинова И.Э., Нисан Б.А. (2012). К вопросу об экспертной оценке организационных аспектов государственно-частного партнерства в здравоохранении // Социология медицины. № 1. С. 21–23.
- Новоянц К.А., Кирилюк Р.А. (2018). Отличие корпоративного и муниципального менеджмента // Аллея науки. № 4 (20). С. 594–598.
- Олескин А.В. (2022). Сетевое общество. Необходимость и возможные стратегии построения. Сетевая (ретикулярная) социально-экономическая формация. Квазисоциалистические принципы и меритократия. М.: Ленанд. 200 с.
- Перфильев С.В., Кузнецова О.И. (2015). Проблемы оценки экономической эффективности территориального общественного самоуправления // Личность. Культура. Общество. № 1-2 (85-86). С. 191–198.
- Попкова А.А., Фомичев И.Ю., Шляков А.В. (2022). Сетевое взаимодействие некоммерческих организаций в системе развития территорий: ценности и направления // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. № 2. С. 77–89.
- Сычева С.М., Шрамченко Т.Б. (2020). Роль системы сбалансированных показателей в проектно-ориентированных организациях // Вестник университета. № 2. С. 148–155. DOI: 10.26425/1816-4277-2020-2-148-155
- Третьякова Л.А., Целютина Т.В., Авилова Ж.Н. (2016). Определение характера участия некоммерческих организаций в развитии экономического пространства региона // Вестник Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова. № 10. С. 237–243.
- Уханова Ю.В., Косыгина К.Е., Смолева Е.О. [и др.]. (2022). Гражданское участие: региональные особенности и барьеры развития / Вологодский научный центр Российской академии наук. Вологда: ВолНЦ РАН. 237 с.
- Фадеекина Н.В., Новоселов В.В., Глущенко Р.В. (2019). Место менеджмента публичных ценностей в системе нового государственного и муниципального менеджмента // Сибирская финансовая школа. № 2 (133). С. 3–8.
- Фадеекин Г.А., Фадеекина Н.В. (2002). Направления совершенствования финансового контроля за деятельностью субъектов государственного и муниципального секторов экономики // Сибирская финансовая школа. № 3. С. 166–170.
- Шохрина М.С., Медведева Н.В. (2023). Механизмы взаимодействия органов муниципальной власти с местным сообществом в малых городах // Социальная политика и социология. № 1 (146). С. 160–168.
- Connolly T., Conlon E., Deutsh S. (1980). Organizational effectiveness: A multiple constituency approach. *Academy of Management Review*, 5(2), 211. DOI: 10.2307/257430
- Crowe J.A. (2006). *Community Economic Development Strategies in Rural Washington: Toward a Synthesis of Natural and Social Capital*. DOI: 10.1526/003601106781262043.
- Hallegatte S., Rentschler Ja., Rozenberg Ju. (2019). *Lifelines: The Resilient Infrastructure Opportunity*. DOI: 10.1596/978-1-4648-1430-3
- Herman R. (1990). Methodological issues in studying the effectiveness of nongovernmental and nonprofit organizations. *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*, 3. DOI:10.1177/089976409001900309
- Price J. (1972). The study of organizational effectiveness. *Sociological Quarterly*, 13(1), 3–15. DOI: 10.1111/j.1533-8525.1972.tb02100.x
- Herman R.D., Heimovics R.D. (1994). A cross-national study of a method for researching non-profit organisational effectiveness. *Voluntas*, 5, 86–100. DOI: <https://doi.org/10.1007/BF02353953>
- Herman R., Renz D. (1997). Multiple constituencies and the social construction of nonprofit organization effectiveness. *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*, 26. DOI:10.1177/0899764097262006
- Sharp J.S., Agnitsch K. et al. (2002). *Social Infrastructure and Community Economic Development Strategies: The Case of Self-Development and Industrial Recruitment in Rural Iowa*. DOI: 10.1016/s0743-0167(02)00011-6
- Szajnowska-Wysocka A. (2009). Theories of regional and local development abridged review. DOI: 10.2478/v10089-009-0005-2
- Yuchtman E., Seashore S. (1967). A system resource approach to organizational effectiveness. *American Sociological Review*, 32(6), 891–903. DOI: 10.2307/2092843

Сведения об авторах

Михаил Александрович Мухин – младший научный сотрудник, Институт экономики УрО РАН, Пермский филиал (614000, Российская Федерация, г. Пермь, ул. Ленина, д. 50, оф. 91а; e-mail: cseed@mail.ru)

Анна Александровна Урасова – доктор экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт экономики УрО РАН, Пермский филиал (614000, Российская Федерация, г. Пермь, ул. Ленина, д. 50, оф. 91а; e-mail: urasova.aa@uiec.ru)

Mukhin M.A., Urasova A.A.

Assessing the Interaction between Non-Profit Organizations and the Municipal Management System

Abstract. The work brings to the fore the issue of improving the effectiveness of the municipal management system with the help of non-profit organizations' resource. Our goal is to assess the interaction of non-profit organizations in the form of territorial public self-government with municipal administration subjects in the municipal management system of the city of Perm. The study hypothesis suggests that the activities of non-profit organizations in the form of territorial public self-government in the municipal management system should produce significant economic and managerial effects, thus increasing the effectiveness of the municipal management system and the municipal economy. Methodologically, the work is based on a synthesis of expert survey methods, factor analysis, and structural equation modeling (SEM). We obtained a number of significant results: we substantiated key scientific categories, defined the basic concept of interaction between non-profit organizations and subjects of municipal government, determined the boundaries of the municipal management system; worked out a methodology for assessing the interaction of non-profit organizations in the municipal management system and tested it on the example of organizations in the form of territorial public self-government in the city of Perm. In particular, we proved that the performance indicators of non-profit organizations in the aggregate of indicators of the use of additional resources and the population are consistently and significantly interconnected with territorial development indicators; interaction with the municipal management system is consistently and significantly interconnected with territorial development indicators; the activities of non-profit organizations are indirectly interconnected with indicators reflecting the development of the territory, due to the processes of interaction with the municipal management system. Thus, we show the presence of direct and indirect effects from the activities of non-profit organizations in the territory, arising in the process of interaction with subjects of municipal government. The presence of such effects substantiates the importance of the activities of non-profit organizations in the form of territorial public administration in addressing issues of local importance, in organizing and implementing local events, in attracting additional funds to solve socio-economic issues of the territory.

Key words: non-profit organization, territorial public self-government, municipal management system, municipal management subjects.

Information about the Authors

Mikhail A. Mukhin – Junior Researcher, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Perm Branch (50, Lenin Street, office 91a, Perm, 614000, Russian Federation; e-mail: cseed@mail.ru)

Anna A. Urasova – Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, Leading Researcher, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Perm Branch (50, Lenin Street, office 91a, Perm, 614000, Russian Federation; e-mail: urasova.aa@uiec.ru)

Статья поступила 15.04.2024.

Тренды развития национальной экономики в фокусе ведущих научных журналов

Юлия Геннадьевна

МЫСЛЯКОВА

Институт экономики УрО РАН
Екатеринбург, Российская Федерация

e-mail: myslyakova.ug@uiec.ru

ORCID: 0000-0001-7635-3601; ResearcherID: B-6076-2018

Наталья Павловна

НЕКЛЮДОВА

Институт экономики УрО РАН
Екатеринбург, Российская Федерация

e-mail: neklyudova.np@uiec.ru

ORCID: 0000-0002-5026-1394; ResearcherID: E-5849-2014

Аннотация. В настоящее время перед российским научным сообществом стоит важная задача, связанная с информационным обеспечением научно-технологического развития национальной экономики, направленным в том числе на минимизацию последствий усиливающейся информационной изоляции, меняющейся устоявшиеся издательские уклады и разрушающей работающие модели научных журналов. Гипотеза авторского исследования заключается в том, что журналы, находящиеся на этапе жизненного цикла, для которого характерен непрерывный рост публикационной цитируемости, обладают научной зрелостью, отвечающей за интеграцию базовых трендов развития национальной экономики. Поэтому целью данного исследования служит разработка теоретико-методического подхода к выявлению базовых трендов развития национальной экономики посредством контент-анализа пула ведущих российских журналов между-

Для цитирования: Мыслякова Ю.Г., Неклюдова Н.П. (2024). Тренды развития национальной экономики в фокусе ведущих научных журналов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 3. С. 242–257. DOI: 10.15838/esc.2024.3.93.14

For citation: Myslyakova Yu.G., Neklyudova N.P. (2024). National Economy Development Trends Highlighted by Leading Scholarly Journals. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 17(3), 242–257. DOI: 10.15838/esc.2024.3.93.14

народного уровня, находящихся на этапе научной зрелости. Методологическую базу составляет совокупность подходов к моделированию жизненного цикла: научной школы, научного исследования, научных данных, научной публикации, научного цитирования и других элементов научной деятельности, адаптированных к специфике функционирования периодических изданий. Для доказательства гипотезы и достижения целевого ориентира разработан показатель «индекс научной зрелости журнала», структурными элементами которого выступают двухлетние импакт-факторы, пятилетние импакт-факторы, число просмотров статей за год, число загрузок статей за год, вероятность цитирования после прочтения. В качестве методического обеспечения моделирования применяется инструментарий оценивания, позволяющий определить вектор комплексного развития журнала по показателям цитируемости. Разработанный методический подход к моделированию жизненного цикла апробирован на примере таких журналов, как «Вестник МГИМО-Университета», «Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика», «Журнал новой экономической ассоциации», «Мировая экономика и международные отношения», «Современная Европа», «Вопросы экономики», «Форсайт», «Экономическая политика», «Экономика региона», «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз». В результате было установлено, что научные журналы, обладающие научной зрелостью, интегрируют идеи, способные стать определителем новых направлений экономического развития страны. Полученные выводы будут полезны органам власти, занимающимся разработкой базовых трендов развития национальной экономики.

Ключевые слова: национальная экономика, базовые тренды, жизненный цикл, научный журнал, моделирование развития, научная зрелость, цитируемость.

Введение

Формирование и реализация базовых приоритетов развития национальной экономики невозможны без активизации научно-исследовательской деятельности и обеспечения доступности ее результатов для гражданского общества. Данные целевые ориентиры закреплены в нормативно-правовых документах федерального значения начиная с 2011 года:

– *Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года* (утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 8 декабря 2011 г. № 2227-р) содержала такие целевые индикаторы-задачи, как увеличение доли публикаций российских исследователей в общем количестве публикаций в мировых научных журналах до трех процентов к 2020 году (в 2010 году – 2,08 процента), а также рост количества цитирований в расчете на одну публикацию российских исследователей в научных журналах, индексируемых в базе данных «Сеть науки» (Web of Science), до четырех ссылок к 2020 году (в 2010 году – 2,4 ссылки на статью);

– *Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации* (утверждена Указом Президента Российской Федерации от

1 декабря 2016 г. № 642) ставит задачу сформировать эффективную систему коммуникации, обеспечивающую повышение восприимчивости экономики и общества к инновациям, создание условий для развития наукоемкого бизнеса;

– *Национальный проект «Наука и образование» (2019–2030 гг.)* ориентирует научные сообщества на повышение удельного веса Российской Федерации в общем числе статей в областях, определяемых приоритетами научно-технологического развития, в изданиях, индексируемых в международных базах данных;

– *Указ Президента РФ*, в котором десятилетие до 2031 года объявлено Десятилетием науки и технологий; в качестве основной цели в указе отмечается «повышение доступности информации о достижениях и перспективах российской науки для граждан Российской Федерации»¹.

¹ Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия науки и технологий: Указ Президента Российской Федерации от 25.04.2022 № 231. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47771>

Все перечисленные документы ориентированы на формирование надежной коммуникационной платформы исследователей, ученых, представителей бизнеса и органов власти, в рамках которой возможны генезис, эволюция и экспансия новых научных идей. Элементами данной платформы будут востребованные обществом научные периодические издания, обеспечивающие доступ к качественно новым знаниям, позволяющим в дальнейшем разрабатывать идеи, необходимые для обеспечения устойчивого развития экономики страны и повышения ее научно-технологической независимости на мировой арене. Это, в свою очередь, служит посылом для формулировки авторской **гипотезы** исследования: страницы журналов, находящихся на этапе жизненного цикла, для которого характерен непрерывный рост цитирования, интегрируют базовые тренды развития национальной экономики. Постановка гипотезы обусловлена информационной изоляцией российских ученых, проявляющейся в ограниченной доступности результатов зарубежных исследований. Это актуализирует значимость научной зрелости российских журналов, которая, с одной стороны, отражает уровень их востребованности среди ученых, с другой — гарантирует актуальность и качество научного контента в целом. В связи со сказанным **целью** данного исследования служит разработка теоретико-методического подхода к выявлению базовых трендов развития национальной экономики посредством контент-анализа пула ведущих российских журналов международного уровня, находящихся на этапе научной зрелости.

Для достижения цели необходимо решить следующие задачи:

- предложить авторский взгляд на идею жизненного цикла научного журнала с учетом экспресс-анализа теорий жизненного цикла элементов научной деятельности;

- определить пиковые этапы развития наиболее значимых российских научных журналов экономической направленности с фокусом на региональные исследования (периоды непрерывного роста цитируемости или научной зрелости изданий), проанализировать контент наиболее цитируемых публикаций за эти периоды;

- выявить и визуализировать базовые тренды развития национальной экономики, нашедшие отражение в публикациях журналов, обладающих научной зрелостью.

Полученные выводы будут полезны органам власти, занимающимся разработкой базовых трендов развития национальной экономики, в том числе оказывающим нормативно-правовую поддержку развития научных журналов в регионах РФ.

Степень изученности

Теория жизненного цикла применительно к элементам научной деятельности имеет достаточно продолжительную историю. Хронологически первым объектом для приложения этой теории стала *творческая активность ученых*. В 1953 году американский психолог Харви Леман опубликовал монографию «Возраст и достижения», в которой изложил результаты исследований взаимосвязи возраста и творческой активности (Lehman, 2017). Он сделал вывод, что пик творческой активности у большинства ученых приходится на возраст 30–35 лет, к 45 годам имеет место значительный спад и к 70 годам творческая активность практически сходит на нет. Леман также приводит примеры высокой активности ученых в позднем возрасте, однако рассматривает их как исключения из выведенной им закономерности (Lehman, 1958). Goodwin и Sauer (Goodwin, Sauer, 1995) отмечают, что творческая активность ученых несколько снижается после того, как они получают административную должность, однако она достигает пиковых значений (на протяжении всего цикла) в момент перевыборов. Творческая активность на протяжении жизненного цикла ученых также рассматривалась в работах (Diamond, 1984; Diamond, 1986; Levin, Stephan, 1991; Horlings, Gurney; 2013; Rauber, Ursprung, 2006; Rauber, Ursprung, 2008). Baser и Pema (Baser, Pema, 2004) анализировали творческую активность ученых-экономистов.

О.И. Нечаев применяет теорию жизненного цикла к исследованию *научной школы*, выделяя при этом следующие этапы: работа узкого круга единомышленников, формирование коллектива исследователей по актуальным направлениям специальности и выделение отдельных направлений с формированием новых лидеров (изучеников) и их последователей. О.И. Нечаев

отмечает, что научная школа утрачивает свою активность после ухода лидера, «объединяющего сотрудников на основе не столько административных, сколько моральных качеств» (Нечаев, 2019). Также известны исследования, посвященные *жизненному циклу научного направления* (Bochkaryov, Guseva, 2019; Tattershall et al., 2021); *жизненному циклу научного исследования* (Humphrey, 2006; Allan, 2009) и *жизненному циклу научной организации* (Бузни, Трошин, 2020).

Довольно часто теория жизненного цикла применяется к *данным и управлению данными, в том числе научными*. Наиболее полный обзор по этому направлению выполнен Комитетом по спутниковым системам для наблюдения за Землей (США). В 2012 году Комитет опубликовал отчет, в котором представлено 55 моделей жизненного цикла данных².

В России *жизненный цикл научных данных* рассматривался Ю.И. Шокиным и А.В. Юрченко (Шокин, Юрченко, 2019). Согласно авторам, работа с научными данными вращается вокруг цикла «получение – хранение – использование – утилизация». При этом научные данные в отличие от других видов данных имеют следующие особенности: множественность источников; неоднородность самих данных и их форматов; разное качество и больший объем. Работа с ними также характеризуется рядом отличительных свойств, связанных с: 1) необходимостью обмениваться и делиться данными; 2) необходимостью верификации результатов исследований; 3) разнообразием методов и средств для анализа данных; 4) потребностью в интеграции разнородных данных. Жизненный цикл работы с научными данными авторы разбили на 22 этапа. С появлением феномена *больших данных (big data)* теория жизненного цикла стала применяться и к нему (Балякин и др., 2020).

Жизненный цикл научной публикации впервые был раскрыт в 2002 году, когда редактор

журнала «*Statistica Neerlandica*» Р.Н. Franses проанализировал 66 опубликованных работ (Franses, 2002). Согласно его выводам жизненный цикл научной публикации состоит из двух этапов. Первый этап охватывает концепцию статьи, ее отправку в журнал, возможную доработку в связи с замечаниями рецензентов и принятие рукописи. Второй этап измеряется оценкой цитирования. Помимо подробного описания этого процесса, автор дополнительно приходит к следующим выводам:

1) статьи специального выпуска цитируются чаще;

2) редакционный процесс занимает все больше времени;

3) более длинные статьи, у которых больше ссылок, получают больше цитирований.

Также вопросы жизненного цикла научной публикации рассмотрены в работе (Chaitow, 2019). Появление электронных форм научных статей вызвало интерес у многих ученых. Так, например, *жизненный цикл электронной научной публикации* стал объектом исследований Е.Н. Бабина, А.М. Елизарова, Д.С. Зуева и Е.К. Липачёва (Бабин и др., 2013; Елизаров и др., 2014).

Отдельно стоит отметить исследование (Darling et al., 2013), посвященное роли соцсетей в жизненном цикле научной публикации. По мнению авторов, именно соцсети способны оказать значительное влияние на популяризацию научных идей, поскольку публикация материалов на таких информационных площадках помогает донести результаты работ до широкой аудитории других исследователей, лиц, принимающих решения, журналистов и общественности в короткие сроки, а это может усилить научное и социальное воздействие публикаций, т. е. сформировать нарративы, соответствующие «реальной картине мира», и определить приоритеты экономического развития национальной экономики. Несмотря на то, что статья была опубликована почти 10 лет назад, эти рекомендации актуальны и сегодня. Авторы предлагают использовать соцсети в качестве неофициальной площадки для предварительного просмотра незавершенных работ (препринтов), т. е. одного из источников формирования первого этапа жизненного цикла научной публикации.

² Committee on Earth Observation Satellites (CEOS) Working group on Information Systems and Services (2012). Data life cycle models and concepts, CEOS Version 1.2. Available at: https://ceos.org/document_management/Working_Groups/WGISS/Interest_Groups/Data_Stewardship/White_Papers/WGISS_Data-Lifecycle-Models-And-Concepts.pdf (accessed 15 May 2022).

Жизненный цикл научной публикации напрямую зависит от ее цитирования, которое, в свою очередь, также имеет свой цикл. А. Avramescu впервые в 1979 году предположил существование трех типов кривых *жизненного цикла цитирований научных публикаций* в пределах одной категории (Avramescu, 1979). На их основе он выделил три типа научных работ: высокоцитируемая, едва замеченная и гениальная.

V. Cano и N. Lind выявили два типа кривых жизненного цикла цитирования. Анализ проводился на базе работ 10 классиков по медицине и биохимии. Первый тип характеризуется относительно быстрым накоплением цитирований в первые годы существования статьи (4–7 лет после публикации), за которым следует постепенное снижение. Он характерен для статей с низкой и средней цитируемостью. Второй тип характеризуется умеренным цитированием в первые шесть лет с последующим устойчивым взлетом цитирования. Эта закономерность была обнаружена в частности для статей по биохимии и для высокоцитируемых работ (Cano, Lind, 1991). P. Wouters рассматривал жизненный цикл цитирований как инструмент наукометрии, позволяющий представить науку:

1) в виде информации о результатах работы исследователей, научно-исследовательских институтов или других субъектов с точки зрения определенных показателей;

2) в виде карт науки;

3) в форме рейтингов, например, журналов с точки зрения импакт-факторов (Wouters, 1997).

Н. Vouabid предлагает модель для прогнозирования будущих или ожидаемых цитирований для корпуса научных публикаций (Vouabid, 2011). В статье (Gou et al., 2021) выявлено четыре этапа жизненного цикла научной статьи:

– этап I: цитируемость публикации соответствует модели нулевого роста, количество цитирований равно или приблизительно равно нулю;

– этап II: цитируемость публикации соответствует экспоненциальной модели и ускоряется;

– этап III: цитируемость публикации соответствует линейной модели, количество цитирований растет с плавной скоростью;

– этап IV: цитируемость публикации соответствует стадии замедления логистической модели, количество цитирований с годами уменьшается.

Жизненный цикл (научных) знаний рассматривается в работах (Swanson, 1993; Пейниграхи, 2011; Иванова, 2016). Так, D. Swanson отмечает, что научное знание по мере развития становится все более раздробленным на специальности. Однако объединение знаний из разных областей (дисциплин) может породить нечто новое. Следовательно, иногда знания могут проходить более одного жизненного цикла по мере формирования новых взаимосвязей, которые не были очевидны на момент первоначальной публикации (Swanson, 1993).

Таким образом, мы видим, что концепция жизненного цикла довольно активно применяется в исследованиях отдельных элементов научной деятельности. Однако исследований, касающихся жизненного цикла научного периодического журнала, до настоящего времени не проводилось ни отечественными, ни зарубежными учеными. Стоит отметить, что термин «*жизненный цикл журнала*» (journal's "life cycle") появился в 1992 году в статье (Maczelka, Zsindely, 1992), посвященной импакт-фактору и уровню самоцитирования журналов по химии. В то же время тема жизненного цикла журнала в статье оказалась нераскрытой. Среди российских работ можно выделить исследования, посвященные *жизненному циклу полиграфической продукции* (Левыкин, 2013; Анисимова, Назаренко, 2015). Однако эти работы также далеки от научной периодики.

В связи с этим научная актуальность нашего исследования обусловлена, в том числе, отсутствием работ, посвященных жизненному циклу научного периодического издания. Проведем исследование на примере пула ведущих экономических журналов.

Материалы и методы исследования

Выполненный выше обзор применения теории жизненного цикла к элементам научной деятельности позволяет отметить, что в настоящее время общепризнанное толкование понятия «*жизненный цикл научного периодического издания*» отсутствует. В то же время нами установлена концептуальная связь между жизненным циклом научного объекта и его цити-

рованием, выступающим важным фактором его развития, в связи с чем в рамках данного исследования в качестве базовой дефиниции мы будем понимать этапы эволюции журнала: от замысла создания до исчезновения цитирования его статей. Эти этапы достаточно сложно формализовать, не имея проработанной методологической основы.

Обобщив методологические особенности проектирования моделей жизненного цикла в работах зарубежных (Dauns, 1967; Lyppite, Shmidt, 1967; Katz, Kahn, 1978; Boulding, 1953; Miller, Friesen, 1984; Грейнер, 2002; Lester et al., 2003; Adizes, 2004) и российских ученых (Емельянов, Поварницына, 1996), можно отметить следующие универсальные черты его построения:

- кривая жизненного цикла строится с учетом двух параметров: времени и результатов функционирования;
- этапы жизненного цикла последовательны, т. е. каждый последующий этап является следствием предыдущего;
- у каждого этапа жизненного цикла индивидуальный контент;
- движение по жизненному циклу идет в одном направлении «от прошлого к будущему», что заложено в эволюционности любого экономического объекта, в том числе журнала;
- время прохождения этапов вариативно, у каждого научного издания оно индивидуализировано;
- определить этап жизненного цикла можно лишь «оглянувшись назад», т. е. по факту случившегося.

В качестве параметров проектирования траектории развития предлагаем использовать время и индекс научной зрелости журнала, который вводится для отражения комплексной результативности функционирования издания. Для расчета данного индекса будет применяться оценочный инструментарий, комплексно измеряющий интерес читателя за различные временные периоды функционирования журнала. Одними из базовых показателей будут выступать импакт-факторы нескольких временных периодов.

Стоит отметить, что импакт-факторы как элементы оценки научной деятельности наи-

более активно обсуждаются последние 15 лет (Archambault, Larivière, 2009; Kiesslich et al., 2021; Torres-Salinas et al., 2022; Третьякова, 2015), хотя началом зарождения таких наукометрических показателей можно считать 1927 год, когда стали составляться рейтинги журналов на основе их цитируемости для вопросов, связанных с выбором периодических журналов для комплектования библиотек (Gross, Gross, 1927). В 1955 году Ю. Гарфилдом был предложен собственный метод исчисления такой метрики, обозначенный как импакт-фактор научного журнала (Garfield, 1955). С этого же времени активно проводятся исследования с целью выявления наиболее значимых журналов в отдельных областях исследований.

Вынуждены признать, что, несмотря на более чем полувековую историю метрики, показатель «импакт-фактор» вызывает неоднозначную оценку, многие отечественные и зарубежные ученые его критикуют (Балацкий, 2015; Lariviere, Sugimoto, 2019; West et al., 2017). Самый популярный аргумент против его использования связан с неравномерностью распределения цитирований по публикациям (Seglen, 1997). Поэтому в рамках нашего исследования, для того чтобы импакт-факторы давали качественную оценку журнала, предлагается в авторской расчетной методике интегрировать их с другими показателями. Структура индекса научной зрелости журнала (Index of Scientific Maturity) отражена в *таблице*.

В качестве оценочного инструментария предлагаем использовать метод расчета длины вектора по его координатам, в котором значения координат равны метрическим индикаторам журнала (формула 1).

$$\text{Index of Scientific Maturity} = \sqrt{\sum_{i=1}^m a_i^2}, \quad (1)$$

где Index of Scientific Maturity – индекс научной зрелости журнала,

a_i – метрика цитируемости журнала;

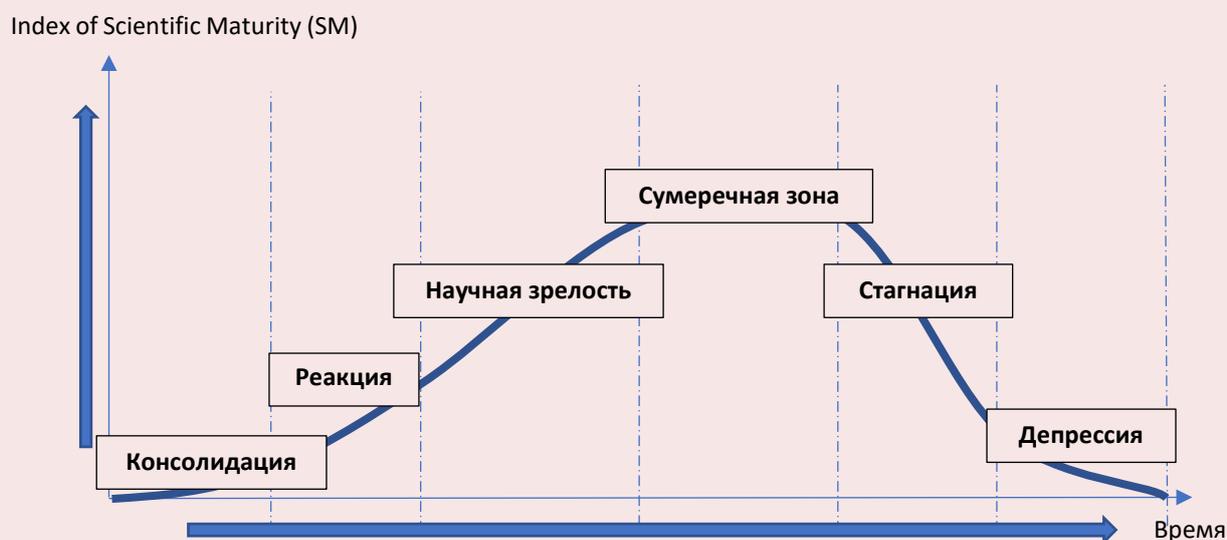
$i = 1, 2, \dots, m$ – количество используемых метрик.

Поведение индекса научной зрелости на этапах жизненного цикла журнала показано на *рисунке 1*.

Структура индекса научной зрелости (Index of Scientific Maturity) журнала

A_1	Метрика журнала	Содержание
A_1	Двухлетний импакт-фактор РИНЦ без самоцитирования	Число ссылок в текущем году из других журналов на статьи в данном журнале, опубликованные за предыдущие два года, поделенное на число этих статей
A_2	Двухлетний импакт-фактор РИНЦ с учетом цитирования из всех источников	Число цитирований в текущем году статей, опубликованных в журнале за предыдущие два года, поделенное на число этих статей; учитывается в том числе самоцитирование
A_3	Двухлетний импакт-фактор по ядру РИНЦ	Число цитирований в текущем году статей, опубликованных в журнале за предыдущие два года, поделенное на число этих статей; при этом учитываются ссылки только из журналов, входящих в ядро РИНЦ (т. е. включенных в WoS, Scopus или RSCI); учитывается самоцитирование (если журнал входит в ядро РИНЦ)
A_4	Двухлетний импакт-фактор по ядру РИНЦ без самоцитирования	Число ссылок в текущем году из других журналов на статьи в данном журнале, опубликованные за предыдущие два года, поделенное на число этих статей; учитываются ссылки только из журналов, входящих в ядро РИНЦ (т. е. включенных в WoS, Scopus или RSCI)
A_5	Пятилетний импакт-фактор РИНЦ	Число цитирований в текущем году статей, опубликованных в журнале за предыдущие пять лет, поделенное на число этих статей; учитывается в том числе самоцитирование
A_6	Пятилетний импакт-фактор РИНЦ без самоцитирования	Число ссылок в текущем году из других журналов на статьи в данном журнале, опубликованные за предыдущие пять лет, поделенное на число этих статей
A_7	Пятилетний импакт-фактор по ядру РИНЦ	Число цитирований в текущем году статей, опубликованных в журнале за предыдущие 5 лет, поделенное на число этих статей; при этом учитываются ссылки только из журналов, входящих в ядро РИНЦ (т. е. включенных в WoS, Scopus или RSCI); учитывается самоцитирование (если журнал входит в ядро РИНЦ)
A_8	Пятилетний импакт-фактор по ядру РИНЦ без самоцитирования	Число ссылок в текущем году из других журналов на статьи в данном журнале, опубликованные за предыдущие 5 лет, поделенное на число этих статей; учитываются ссылки только из журналов, входящих в ядро РИНЦ (т. е. включенных в WoS, Scopus или RSCI)
A_9	Число просмотров статей за год	Число просмотров страниц с аннотациями статей в журнале пользователями eLibrary.ru за год; учитываются статьи всех типов за все доступные годы; зависит не только от интереса читателей, но и от объема журнала и глубины размещенного на eLibrary.ru архива
A_{10}	Число загрузок статей за год	Число загрузок полных текстов статей в журнале пользователями портала eLibrary.ru за год; учитываются статьи всех типов за все доступные годы; зависит не только от интереса читателей, но и от объема журнала, глубины размещенного на eLibrary.ru архива и режима доступа (открытый или платный); повторные загрузки статьи одним и тем же пользователем не учитываются
A_{11}	Вероятность цитирования после прочтения, %	Рассчитывается как средняя по всем статьям за год доля авторов, процитировавших статью, среди авторов, скачавших полный текст этой статьи на портале eLibrary.ru; учитываются все цитирования и все загрузки статьи, сделанные с момента размещения статьи на eLibrary.ru
Источник: составлено авторами.		

Рис. 1. Модель жизненного цикла научного журнала

Консолидация	Реакция	Научная зрелость	Сумеречная зона	Стагнация	Депрессия
Продумывание издательской идеи поддержки научных исследований	Реализация идей	Запуск механизмов продвижения научного издания и формирование бренда	Все еще сильная позиция, но начат процесс старения издания	Отсутствует видение будущего	Потеря авторов и читателей Выход ученых из редколлегии
Интеграция ресурсов и усилий	Организация хранения изданных материалов	Интеграция результатов исследований в МНБД	Фокус на прошлых достижениях, которые перестают работать	Ухудшение метрики научного издания и статей	Остановка издательской деятельности
Активные коммуникации	Обеспечение доступности изданных материалов	Просветительская деятельность и работа с авторами	Порядок ради порядка – дальнейшая обучающая работа с авторами	Исключение издания из высокорейтинговых МНБД	Сокращение или полное прекращение финансовой поддержки учредителя
Принятие риска	Высокая уязвимость	Устойчивость или уверенность в завтрашнем дне	Опасная стабильность: если вы сидите на правильной дороге, то все равно с нее сойдете	Личное выживание	Стирается след, а «смерть» может занять годы
Index of SM = min	Index of SM → max	Index of SM = max	Index of SM =< max	Index of SM < max	Index of SM → min

Источник: составлено авторами.

Данный инструментарий может быть расширен индикаторами цитирования научного издания в других базах, если рассматриваемый журнал в них индексируется. Кроме того, в последнее время рекомендуется при наличии у журнала соответствующих интернет-метрик принимать во внимание число скачиваний статей оцениваемого журнала с его сайта, страниц соцсетей и других общедоступных источников, которые отражают интерес читателей к публикуемым материалам.

Таким образом, авторский методический подход к выявлению базовых трендов развития национальной экономики включает следующие исследовательские шаги.

1. Определить полигон исследования. В качестве источника предлагается база журналов РИНЦ, размещенных в открытом доступе Научной электронной библиотеки elibrary.ru.

Общее число журналов экономических специальностей на апрель 2024 года в elibrary.ru составляет 1542. Из них 533 журнала индексируются в РИНЦ; 364 журнала включены в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук; 44 журнала входят в ядро РИНЦ; 35 журналов включены в RSCI (коллекция лучших российских журналов на платформе Web of Science); 22 журнала индексируются в Scopus; 18 журналов индексируются в WoS (в целом WoS индексирует 1518 журналов по экономике; 1166 журналов по Economics, econometrics and Finance).

Отборочным фильтром для нашего исследования служит одновременное выполнение следующих условий: индексация журнала в Web of Science и Scopus, нахождение в базе данных RSCI, ядре РИНЦ и перечне ВАК. Таким условиям соответствуют на данный момент 8 российских журналов: «Вопросы экономики»; «Мировая экономика и международные отношения»; «Форсайт»; «Журнал Новой экономической ассоциации»; «Экономическая политика»; «Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика»; «Вестник МГИМО-Университета»; «Современная Европа».

Помимо вышеназванных, в выборку были включены еще два высокоцитируемых и входящих в первую десятку в своей дисциплине журнала: «Экономика региона» и «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз». В ходе общественной экспертизы РИНЦ эксперты выделили их как издания национального уровня, достойные включения в RSCI (Третьякова, 2020). Также эти журналы входят в рейтинг, составленный на основе анализа библиометрических параметров и экспертных оценок научного уровня (Балацкий, Екимова, 2019). Журналы «Экономика региона» и «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» включены в Алмазный список рейтинга, который образуют 13 лучших российских экономических изданий (занимая третье и десятое место соответственно).

Таким образом, в выборку исследования вошли 10 журналов.

2. Смоделировать кривую жизненного цикла каждого из отобранных журналов, рассчитав индекс научной зрелости на периоде 2014–2022 гг. Для выявления базовых трендов развития российской экономики следует рассматривать публикации этапа «научная зрелость», для которого характерен непрерывный рост цитируемости, отражающий высокий интерес читателей к опубликованным в журналах статьям.

3. Провести контент-анализ наиболее цитируемых публикаций этапа «научная зрелость» выбранных журналов. Единицами анализа будут служить ключевые слова этих статей, что обусловлено, «во-первых, тем, что ключевые слова обозначаются самими авторами как доминанты концептуального пространства их исследований, во-вторых, они представляют собой легко формализуемый конструкт даже в рамках большого корпуса текстов» (Белоусов, Зелянская, 2012). Частота использования того или иного ключевого слова помогает определить ядро онтологии предметной области и ее периферию.

Авторский подход позволит определить основные предлагаемые авторами и отобранные рецензентами актуальные темы исследований соответствующего временного периода для каждого журнала, в совокупности представляющие научную основу формирования трендов развития национальной экономики.

Результаты и обсуждение

Контент-анализ ключевых слов, представленных в наиболее рейтинговых по цитируемости статьях из отобранных ранее журналов, позволяет отметить, что в 2009–2013 гг. в большей степени обсуждались инновации, устойчивое развитие и экономическая безопасность регионов, инвестиции и человеческий капитал как факторы экономического роста национальной экономики. Начиная с 2014 года исследовательский интерес сместился в сторону цифровизации отраслей и становления цифровой экономики в целом. Также стал востребованным научный фокус на процессах импортозамещения как фактора экономического роста регионов в ответ на санкционное давление со стороны других государств. За 2018–2022 гг. тематика исследований, связанная с цифровой трансформацией, укрепила свои позиции, сформировав основной тренд развития национальной экономики (рис. 2).

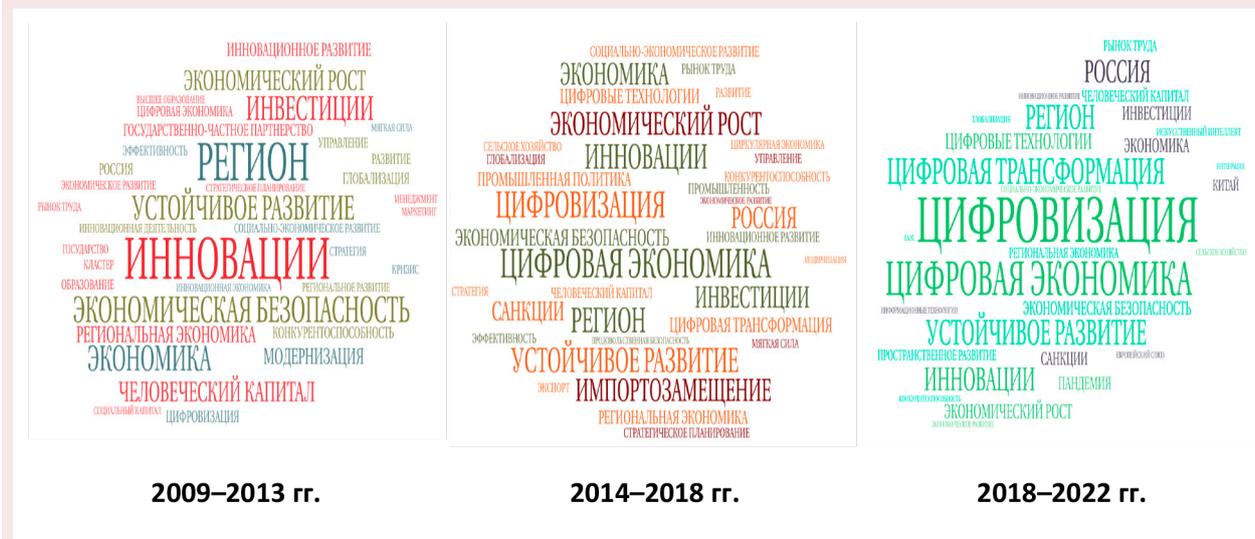
Расчет индекса научной зрелости журналов свидетельствует, что у всех журналов, за исключением «Вопросов экономики», наблюдается устойчивый рост, что позволяет фиксировать этап «научная зрелость» их жизненного цикла, формирующий надежные площадки для обсуж-

дения актуальных вопросов развития национальной экономики, служащие источниками генерации ответов на вызовы времени (рис. 3).

Контент-анализ первых двадцати наиболее цитируемых статей из исследуемых журналов на выявленных пиках цитируемости каждого из них позволил выявить основные тренды развития национальной экономики, которые сформировались в научном сообществе.

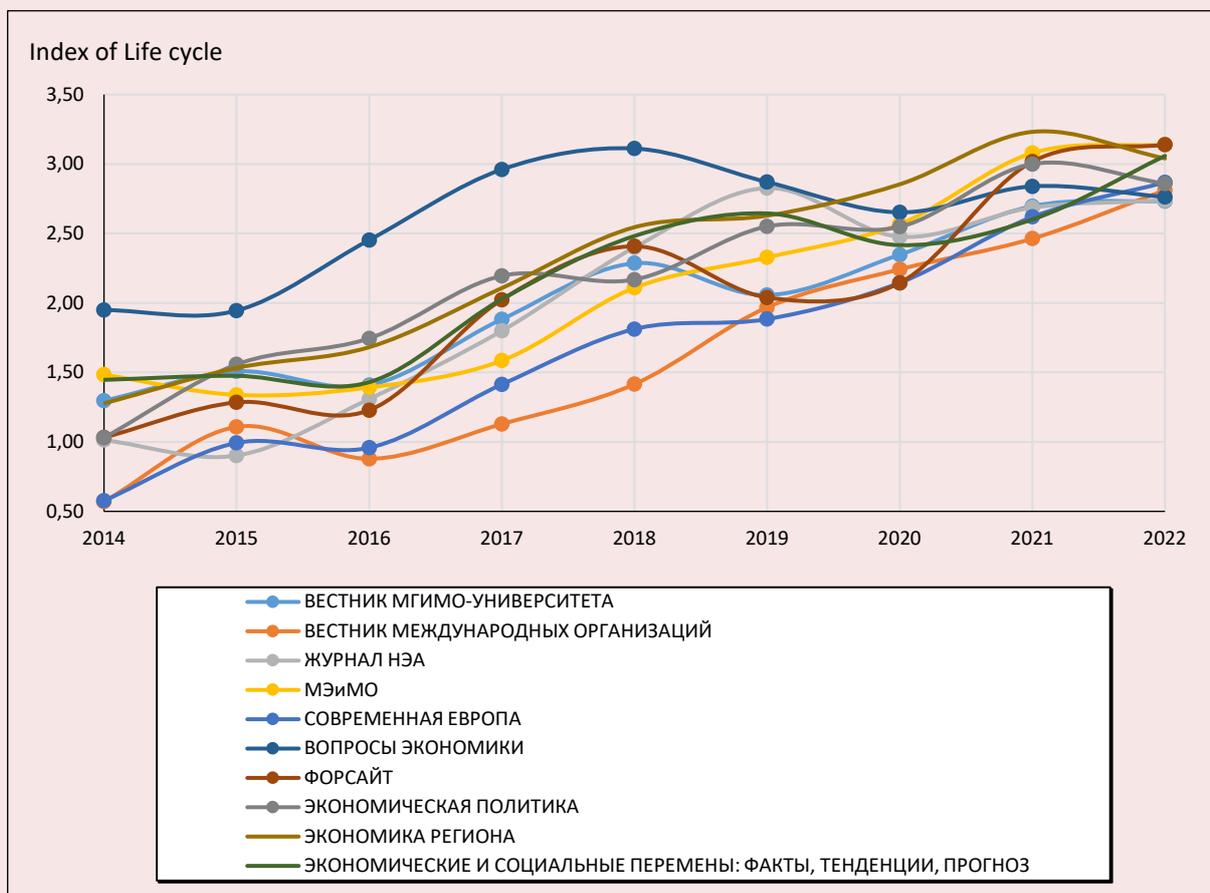
Наибольшее число авторов развивают тему цифровой экономики (20%). Вопросы регионального экономического развития, включая пространственные аспекты, были изучены 18% авторов рейтинговых статей; тематика, касающаяся зеленой экономики / альтернативной энергетики, была освещена 12% авторов; последствия влияния пандемии Covid-19 нашли отражение в статьях 10% авторов; исследования поведения различных субъектов хозяйствования в шоковых условиях или условиях неопределенности были затронуты 10% авторов; технологическая революция как фактор экономического роста представлена в статьях 5% авторов; влияние санкций затронуто в исследованиях 3% авторов рейтинговых статей. Однако по показателю цитируемости рейтинг тем выглядит несколько иначе (рис. 4).

Рис. 2. Ключевые слова в статьях высокорейтинговых российских научных журналов международного уровня, 2009–2022 гг.

Источник: составлено авторами.

Рис. 3. Жизненные циклы высокорейтинговых российских научных журналов международного уровня, 2014–2022 гг.

Источник: составлено авторами.

Рис. 4. Рейтинг тем исследований, заявленных в названиях статей, по показателю средней цитируемости статей, 2014–2022 гг.

Источник: составлено авторами.

Рис. 5. Контент-анализ ключевых слов наиболее популярных статей из высокорейтинговых журналов, находящихся на этапе «научной зрелости», 2014–2022 гг.

Источник: составлено авторами.

Контент-анализ ключевых слов наиболее популярных статей из высокорейтинговых журналов, находящихся на этапе «научная зрелость», также подтверждает выявленную приоритетность научных тематик (рис. 5).

Таким образом, на примере исследуемых журналов видно, что научное периодическое издание может служить источником интеграции базовых трендов развития национальной экономики при условии достижения в своем жизненном цикле этапа научной зрелости, для которого характерен непрерывный рост цитируемости статей.

Заключение

Представленное исследование направлено на решение задачи, связанной с усилением информационного обеспечения научно-технологического развития национальной экономики, а также минимизацией последствий растущей научной изоляции. Одним из вариантов ее комплексного решения, по мнению авторов, является укрепление национальной дискуссионной площадки. Элементами такой площадки служат российские журналы, научная зрелость которых обуславливает генезис, эволюцию и экспансию креативных идей и новых знаний, востребованных в условиях новой экономической реальности.

В рамках статьи авторы предприняли попытку перевести гипотетическую связь между формированием базовых направлений развития

национальной экономики в плоскость публикации реальной реальности с учетом жизненного цикла журналов. Для этого были разработаны теоретико-методологические аспекты моделирования жизненного цикла научных периодических изданий и предложен методический инструментарий, позволяющий установить, на каком эволюционном этапе развития находится конкретный журнал. Поэтому дополнительным исследовательским фильтром стало нахождение журналов на этапе научной зрелости, отражающем устойчивый рост их цитируемости, а значит и функционирования, обусловленного сформированной годами авторитетностью издания.

Следующим шагом, позволяющим не только выявить, но и оценить потенциал устойчивости развития национальной экономики, может служить сопоставление ключевых (по показателю цитирования) исследовательских тематик ведущих рейтинговых журналов, обладающих научной зрелостью, с ключевыми тематиками журналов из Перечня ВАК категории К1, сгруппированных по региональной характеристике учредителей. Максимальное пересечение тематик будет свидетельствовать о равномерном формировании базовых трендов развития. Т. е. при условии максимального совпадения на всем исследовательском периоде можно будет говорить о связности научного пространства, служащего фундаментальной основой экономического роста страны.

Литература

- Анисимова М.В., Назаренко О.М. (2015). Система поддержки принятия решений на элементах многопараметрического программирования для повышения качества управления жизненным циклом полиграфической продукции // Образование и наука в современных условиях. № 3. С. 202–205.
- Бабин Е.Н., Елизаров А.М., Липачёв Е.К. (2013). Открытые информационные системы управления научными публикациями как основа построения научных электронных библиотек казанского университета // Ученые записки ИСГЗ. Т. 11. № 1-1. С. 55–59.
- Балацкий Е.В. (2015). Проблема манипулирования в системе РИНЦ // Вестник УрФУ. Серия: Экономика и управление. Т. 14. № 2. С. 166–178. DOI: 10.15826/vestnik.2015.14.2.021
- Балацкий Е.В., Екимова Н.А. (2019). Конкуренция российских экономических журналов на мировом рынке // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. № 3. С. 124–139.
- Балякин А.А., Нурбина М.В., Тараненко С.Б. (2020). Импульсы жизненного цикла больших данных // Устойчивое развитие цифровой экономики и кластерных структур: теория и практика. СПб.: Политех-Пресс. С. 103–129.
- Белоусов К.И., Зелянская Н.Л. (2012). Онтология и онтография частнонаучных предметных областей и научная картина мира // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. № 4. С. 104–111.
- Бузни А.Н., Трошин Л.П. (2020). Характеристика жизненного цикла научной организации // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. № 156. С. 159–179.
- Грейнер Л. (2002). Эволюция и революция в процессе роста организаций // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия. Т. 8. С. 76–92.
- Елизаров А.М., Зуев Д.С., Липачёв Е.К. (2014). Управление жизненным циклом электронных публикаций в информационной системе научного журнала // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Системный анализ и информационные технологии. № 4. С. 81–88.
- Емельянов Е.Н., Поварницына С.Е. (1996). Жизненный цикл организационного развития // Организационное развитие. № 2. С. 25–39.
- Иванова Н.О. (2016). Обзор инструментов управления знанием в соответствии с этапами его жизненного цикла // Тенденции развития экономики и менеджмента. Казань: Инновационный центр развития образования и науки. С. 63–66.
- Левыкин И.В. (2013). Математическая модель жизненного цикла процесса выпуска полиграфической продукции // Вестник Академии таможенной службы Украины. Серия: «Технические науки». № 1 (49). С. 103–110.
- Нечаев О.И. (2019). К вопросу о жизненном цикле научной школы (на примере Пермской медицинской школы академика Е.А. Вагнера) // История медицины и образования города Перми – три века служения людям. Пермь: Пермский национальный исследовательский политехнический университет. С. 199–206.
- Пейниграхи Р. (2011). Понимание жизненного цикла знания: его рост, сохранение и распад // Международный форум по информации. Т. 36. № 1. С. 3–7.
- Третьякова О.В. (2015). Рейтинг научных журналов экономических институтов РАН // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. № 5 (41). С. 159–172. DOI: 10.15838/esc/2015.5.41.11
- Третьякова О.В. (2020). Оценка журналов RSCI по экономическим наукам в контексте создания национального индекса цитирования // Вестник Российской академии наук. № 4 (90). С. 364–380. DOI: 10.31857/S0869587320040143
- Шокин Ю.И., Юрченко А.В. (2019). О моделях организации хранения и использования научных данных: основные принципы, процессы и механизмы // Информационно-управляющие системы. № 3 (100). С. 45–54.
- Adizes I. (2004). *Managing Corporate Lifecycles*. The Adizes Institute Publishing.
- Allan R.N. (2009). *Virtual Research Environments: From Portals to Science Gateways*. Oxford: Chandos Publishing. 284 p.
- Archambault É., Larivière V. (2009). History of the journal impact factor: Contingencies and consequences. *Scientometrics*, 79(3), 635–649.

- Avramescu A. (1979). Actuality and obsolescence of scientific literature. *Journal of the American Society for Information Science*, 30(5), 296–303.
- Baser O., Pema E. (2004). Publications over the academic life-cycle: Evidence for academic economists. *Economics Bulletin*, 1(1), 1–8.
- Bochkaryov P., Guseva A.I. (2019). Identification of the stage of the life cycle of the scientific direction with the help of the research front. In: *2019 IEEE Conference of Russian Young Researchers in Electrical and Electronic Engineering (EIcon Rus)*.
- Bouabid H. (2011). Revisiting citation aging: A model for citation distribution and life-cycle prediction. *Scientometrics*, 88(1), 199–211.
- Boulding K.E. (1953). Toward a general theory of growth. *Canadian Journal of Economics and Political Science*, 19(3), 326–340.
- Cano V., Lind N. (1991). Citation life cycles of ten citation classics. *Scientometrics*, 22(2), 297–312.
- Chaitow S. (2019). The life-cycle of your manuscript: From submission to publication. *Journal of Bodywork and Movement Therapies*, 23(4), 683–689.
- Darling E.S., Shiffman D., Côté I.M., Drew J.A. (2013). The role of Twitter in the life cycle of a scientific publication. *Ideas Ecol. Evol.*, 6, 32–43. DOI: 10.4033/iee.2013.6.6.f
- Dauns A. (1967). Motive powers of growth: The strategic management of human resource. *Journal of European industrial training*, 13(1).
- Diamond A. (1984). An economic model of the life-cycle research productivity of scientists. *Scientometrics*, 6(3), 189–196.
- Diamond A. (1986). The life-cycle research productivity of mathematicians and scientists. *Journal of Gerontology*, 41(4), 520–525. DOI: <https://doi.org/10.1093/geronj/41.4.520>
- Franses P.H. (2002). From first submission to citation: An empirical analysis. *Statistica neerlandica*, 56(4), 496–509.
- Garfield E. (1955). Citation indexes for science: A new dimension in documentation through association of ideas. *Science*, 122(3159), 108–111.
- Goodwin T.H., Sauer R.D. (1995). Life cycle productivity in academic research: Evidence from cumulative publication histories of academic economists. *Southern Economic Journal*, 61(3), 728–743.
- Gou Z., Meng F., Chinchilla-Rodríguez Z., Bu Y. (2021). Revisiting the obsolescence process of individual scientific publications: Operationalisation and a preliminary cross-discipline exploration. In: *Proceedings of the 18th International Conference on Scientometrics and Informetrics (ISSI 2021)*.
- Gross P.L., Gross E.M. (1927). College libraries and chemical education. *Science*, 66(1713), 385–389.
- Horlings E., Gurney T. (2013). Search strategies along the academic lifecycle. *Scientometrics*, 94(3), 1137–1160.
- Humphrey C. (2006). *E-Science and the Life Cycle of Research*. University of Alberta.
- Katz D., Kahn R.L. (1978). Organizations and the system concept. In: *The Social Psychology of Organizations*. New York: John Wiley & Sons, Inc.
- Kiesslich T., Beyreis M., Zimmermann G., Traweger A. (2021). Citation inequality and the journal impact factor: Median, mean, (does it) matter? *Scientometrics*, 126(2), 1249–1269.
- Lariviere V., Sugimoto C.R. (2019). The journal impact factor: A brief history, critique, and discussion of adverse effects. In: *Springer Handbook of Science and Technology Indicators*. Springer, Cham.
- Lehman H.C. (1958). The chemist's most creative years: The 2500 ablest of the world's chemists attained their maximum production rate at ages 30 through 34. *Science*, 127(3308), 1213–1222.
- Lehman H.C. (2017). *Age and Achievement*. Princeton: Princeton University Press. DOI: <https://doi.org/10.1515/9781400886753>
- Lester D.L., Parnell J.A., Carraher S. (2003). Organizational life cycle: A five-stage empirical scale. *The international Journal of Organizational Analysis*, 1(4), 339–354.
- Levin S.G., Stephan P.E. (1991). Research productivity over the life cycle: Evidence for academic scientists. *American Economic Review*, 81(1), 114–132.
- Lyppte G.L., Shmidt W.A. (1967). Crisis in a developing organization. *Harvard Business Review*, 45(6), 102–112.
- Maczelka H., Zsindely S. (1992). All well if starts well? Citation infancy of recently launched chemistry journals. *Scientometrics*, 25(2), 367–372.

- Miller D., Friesen P.H. (1984) A longitudinal study of the corporate life cycle. *Management Science*, 30(1), 1161–1183.
- Rauber M., Ursprung H.W. (2006). *Life Cycle and Cohort Productivity in Economic Research: The Continental European Experience as Exemplified by the Case of Germany*. Mimeo: University of Konstanz.
- Rauber M., Ursprung H.W. (2008). Evaluation of researchers: A life cycle analysis of German academic economists. In: *Conferences on New Political Economy*, 25(1). Mohr Siebeck.
- Seglen P.O. (1997). Why the impact factor of journals should not be used for evaluating research. *Bmj*, 314(7079), 497.
- Swanson D.R. (1993). Intervening in the life cycles of scientific knowledge. *Library Trends*, 41, 606–636.
- Tattershall E., Nenadic G., Stevens R.D. (2021). Modelling trend life cycles in scientific research using the Logistic and Gompertz equations. *Scientometrics*, 126, 9113–9132. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11192-021-04137-0>
- Torres-Salinas D., Valderrama-Baca P., Arroyo-Machado W. (2022). Is there a need for a new journal metric? Correlations between JCR impact factor metrics and the Journal Citation Indicator—JCI. *Journal of Informetrics*, 16(3), 101315.
- West R., Stenius K., Kettunen T. (2017). Use and abuse of citations. In: *Addiction Science: A Guide for the Perplexed. Issue 191*.
- Wouters P. (1997). Citation cycles and peer review cycles. *Scientometrics*, 38, 39–55. DOI: <https://doi.org/10.1007/BF02461122>

Сведения об авторах

Юлия Геннадьевна Мыслякова – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт экономики УрО РАН (620014, Российская Федерация, г. Екатеринбург, д. 29; e-mail: mysliakova.ug@uiec.ru)

Наталья Павловна Неклюдова – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт экономики УрО РАН (620014, Российская Федерация, г. Екатеринбург, д. 29; e-mail: neklyudova.np@uiec.ru)

Myslyakova Yu.G., Neklyudova N.P.

National Economy Development Trends Highlighted by Leading Scholarly Journals

Abstract. Currently, the Russian academic community faces an important task of providing information support to the scientific and technological development of the national economy, aimed, among other things, at minimizing the consequences of increasing information isolation, which is changing the established publishing patterns and destroying the working models of scientific journals. The hypothesis of our research is that journals, which are at the stage of the life cycle characterized by a continuous increase in publication citation, possess scientific maturity enabling them to integrate basic trends in the development of the national economy. Therefore, the aim of our study is to design a theoretical and methodological approach to identifying basic trends in the development of the national economy through content analysis of a pool of leading Russian journals of international level that are at the stage of scientific maturity. Methodological base includes a set of approaches to life cycle modeling: scientific school, scientific research, scientific data, scientific publication, scientific citation and other elements of scientific activity adapted to the specifics of periodicals' functioning. To confirm the hypothesis and achieve the goal, the indicator "journal's scientific maturity index" has been developed, the structural elements of which are two-year impact factors, five-year impact factors, number of article views per year, number of article downloads per year, probability of citation after reading. Methodological support for modeling is carried out with the use of assessment tools that allow determining the vector of comprehensive development of the journal by citation indicators. The methodological approach to life cycle modeling that we developed has been tested on the example of such journals as *Vestnik MGIMO-Universiteta*; *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii: obrazovanie, nauka, novaya ekonomika*; *Zhurnal*

novoi ekonomicheskoi assotsiatsii; Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya; Sovremennaya Evropa; Voprosy ekonomiki; Forsait; Ekonomicheskaya politika; Ekonomika regiona; Ekonomicheskije i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz. As a result, we have found that academic journals which possess scientific maturity integrate ideas that can become the determinant of new directions for national economic development. The findings will be useful to the authorities involved in designing basic trends in the development of the national economy.

Key words: national economy, basic trends, life cycle, academic journal, development modeling, scientific maturity, citation.

Information about the Authors

Yuliya G. Myslyakova – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya Street, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: mysliakova.ug@uiec.ru)

Natalya P. Neklyudova – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya Street, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: neklyudova.np@uiec.ru)

Статья поступила 06.09.2023.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ

DOI: 10.15838/esc.2024.3.93.15

УДК 338.27(571.60), ББК 65.054

© Леонов С.Н., Заостровских Е.А.

Развитие внутреннего водного транспорта России и опыт Китая

Сергей Николаевич

ЛЕОНОВ

Институт экономических исследований Дальневосточного отделения РАН
Хабаровск, Российская Федерация

e-mail: Leonov@ecrin.ru

ORCID: 0000-0001-6936-5436; ResearcherID: V-3471-2019

Елена Анатольевна

ЗАОСТРОВСКИХ

Институт экономических исследований Дальневосточного отделения РАН
Хабаровск, Российская Федерация

e-mail: Zaost@ecrin.ru

ORCID: 0000-0002-7447-0406

Аннотация. В советское время внутренний водный транспорт играл определяющую роль в освоении отдаленных районов страны. Пик его развития пришелся на 1985 год, когда были достигнуты наивысшие в мире объемные показатели. В настоящее время мировым лидером в этом секторе выступает Китай, сумевший за 45 лет превратить внутренний водный транспорт из мало-заметного сектора экономики в динамично развивающийся вид транспорта. Достижения Китая заслуживают внимания, особенно с позиции масштабов и скорости процесса. Россия и Китай существенно различаются по показателям плотности населения, объемов производства, сезонности работы водного транспорта, однако есть и схожие характеристики (обширность территории, протяженность и конфигурация внутренних водных путей, возможность обслуживать слабо освоенные районы). В статье выделяются четыре этапа развития внутреннего водного транспорта,

Для цитирования: Леонов С.Н., Заостровских Е.А. (2024). Развитие внутреннего водного транспорта России и опыт Китая // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 3. С. 258–274. DOI: 10.15838/esc.2024.3.93.15

For citation: Leonov S.N., Zaostrovskikh E.A. (2024). Development of inland waterway transport in Russia and the experience of China. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 17(3), 258–274. DOI: 10.15838/esc.2024.3.93.15

отличающиеся целями, задачами, механизмами финансирования и инструментами реализации намеченных на конкретный этап целей развития. Показано, что развитие внутреннего водного транспорта Российской Федерации определяется как сложными экономико-географическими характеристиками страны, так и накопленными проблемами системного характера в развитии отрасли. К последним относятся недостаточное финансирование внутренних водных путей; дефицит современных судов; низкая инвестиционная привлекательность и недостаточный уровень инвестиций в отрасль; слабое взаимодействие с другими видами транспорта, что лишает внутренний водный транспорт части грузовой базы; дефицит современных перегрузочных комплексов; отток квалифицированных кадров из отрасли. Для возвращения российскому внутреннему водному транспорту возможности реально влиять на территориальное развитие страны необходимо использовать китайский опыт организации финансирования проектов в этой сфере, развития системы подготовки кадров, борьбы с межвидовой конкуренцией на транспорте. Научная значимость исследования заключается в выполнении теоретического анализа и сравнительной оценки уровня развития внутреннего водного транспорта России и Китая. Практическую значимость имеют предложения в части решения накопившихся проблем российского речного транспорта на базе использования опыта Китая по стимулированию деятельности внутреннего водного транспорта.

Ключевые слова: внутренний водный транспорт, опорная сеть внутренних водных путей, Россия, Китай.

Введение

Важность транспортной инфраструктуры всегда проявляется в переломные моменты развития страны. Повышение внимания к развитию инфраструктуры внутреннего водного транспорта (далее – ВВТ) России в настоящее время связано с действием санкций в отношении РФ, что обязывает создать магистрали особой важности, которые не только будут способствовать развитию внутренних перевозок, но и обеспечат эффективное функционирование международных транспортных коридоров¹. В этом плане Правительством РФ разработаны документы, предусматривающие «расшировку узких мест» и развитие опорной сети внутренних водных путей страны².

Ранее российский ВВТ играл определяющую роль в развитии и освоении территорий, особенно в отдаленных и труднодоступных регионах, а пик его развития пришелся на советское время, когда в 1985 году были достигнуты наивысшие объемные показатели (Милославская, Троценко, 2007).

¹ Музлова Г.И. (2024). Магистрали особой важности // Морские вести России. 12.01.2024. URL: <https://morvesti.ru/analitika/1690/106978/> (дата обращения 15.02.2024).

² Проект Концепции развития внутренних водных путей РФ на период до 2024 года. URL: <https://mintrans.gov.ru>; Транспортная стратегия РФ до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года от 27.11.2021 № 3363-р.

В настоящее время мировым лидером в секторе внутренних водных перевозок выступает Китай, сумевший в результате последовательных многолетних реформ в триаде «грузовая база, речные суда, водные пути» превратить ВВТ, бывший 40 лет назад малозаметным сектором его экономики, в динамично развивающийся вид транспорта. Резкий рост мощи ВВТ Китая способствовал развитию территорий вдоль берегов рек и превратил внутренние водные пути в экономические коридоры освоения западных территорий КНР (Aritua et al., 2020).

Достижения Китая в сфере развития системы ВВТ заслуживают внимания, особенно с позиции масштабов и скорости этого процесса. Безусловно, трудно сравнивать ВВТ разных стран с точки зрения объемов перевозки, размера судов и судоходных путей. Тем не менее опыт Китая исследуется во многих странах, для того чтобы возродить систему ВВТ³ (Amos et al., 2009).

Несомненно, Россия и Китай существенно различаются по плотности населения, объемам промышленного производства, сезонности работы ВВТ. Однако имеются схожие характе-

³ Promoting inland waterway transport in the People's Republic of China. Mandaluyong City, Philippines: Asian Development Bank, 2016. Available at: <https://www.adb.org/publications/promoting-inland-waterway-transport-prc> (accessed: February 15, 2024).

ристики: обширность территории, неравномерность развития производительных сил, а также протяженность эксплуатируемых внутренних водных путей, их конфигурация, возможность обслуживать глубинные и слабо освоенные регионы страны.

Попытаемся ответить на вопросы, как и почему за последние 45 лет в РФ сформировался столь серьезный провал в развитии ВВТ. Уготована ли российскому ВВТ участь гужевого транспорта, постигшая последний в начале XX века? При каких условиях в России может наступить период возрождения внутреннего водного транспорта, и какие выводы России следует извлечь из уроков Китая в части развития ВВТ?

Материалы и методы исследования

Методологической основой работы явились системный и сравнительный анализы, методы статистического анализа. Информационной базой послужили данные государственных программ развития водного транспорта, государственной и ведомственной статистики России и Китая, а также аналитические документы органов федеральной власти, официальная отчетность администрации водных бассейнов России.

Обзор литературы и постановка проблемы

Исследования о влиянии водного транспорта на развитие экономики региона формируют значительный раздел работ по классической инфраструктурной тематике. Отмечается, что наличие развитой транспортной инфраструктуры положительно влияет на регион и может проявляться в снижении транспортных издержек, повышении уровня транспортной доступности, развитии логистических услуг для населения, росте объема внешнеторговой деятельности, увеличении оборота денежных средств в регионе, увеличении объема инвестиций на развитие инфраструктуры, улучшении производительности труда, привлечении других видов экономической деятельности, росте занятых и повышении уровня благосостояния населения, росте агломераций (Fujita, Mori, 1996; Notteboom et al., 2009; Щербанин, 2011; Witte et al., 2014; Исаев, 2015; Park, Seo, 2016; Краснополюский, 2018; Мельников, 2019; Леонов, Заостровских, 2021; Xiao et al., 2022).

Как правило, развитие транспорта в увязке с экономикой региона идет последовательно: на первом этапе формируется скелет транспортных коммуникаций; на втором — увели-

чивается объем перевозок за счет развития производства; на третьем — создается сервис транспортных услуг; на четвертом — формируются международные транспортные коридоры. Последовательная смена одного этапа другим приводит к формированию сбалансированной единой транспортной системы и ее адекватных элементов, где ключевым является создание задела в опережении инфраструктурных элементов, для поддержания стабильного и устойчивого развития экономики региона и страны в целом (Белый, 2009; Персианов, Сакульева, 2014; Краснополюский, 2018).

В настоящее время ВВТ России — это значимый инфраструктурный комплекс, который обеспечивает транспортные связи с 52 субъектами федерации. Внутренние водные пути имеют разветвленную сеть водных коммуникаций, что позволяет использовать их как для транспортного обслуживания отдаленных районов, так и для районов, расположенных на пересечении основных магистралей страны. На внутренних водных путях функционируют 117 портов, из которых 8 открыты для международного сообщения и являются транспортными узлами для мультимодальных перевозок. На балансе речного флота находится 12,7 тыс. судов различного назначения, средний возраст которых составляет 33 года⁴. Особое место в структуре ВВТ занимает Единая глубоководная система (далее — ЕГС) европейской части РФ, которая объединяет восемь из тринадцати бассейнов страны. Значительная часть грузоперевозок России (82%) приходится на эти восемь бассейнов ЕГС, расположенных в освоенных регионах страны, где направления транспортных потоков преимущественно совпадают с внутренними водными путями «север — юг» (рис. 1).

Особенности развития ВВТ России определяются сложными экономико-географическими характеристиками: ограниченный срок навигации (на юге страны — 240 дней из-за обмеления рек, на севере — 120–150 дней из-за ледостава); меридиональное расположение магистральных рек при широтном направлении основных транспортных маршрутов; низкая плотность населения и промышленных предприятий вдоль берегов магистральных рек;

⁴ Транспортная стратегия РФ до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года от 27.11.2021 № 3363-р.

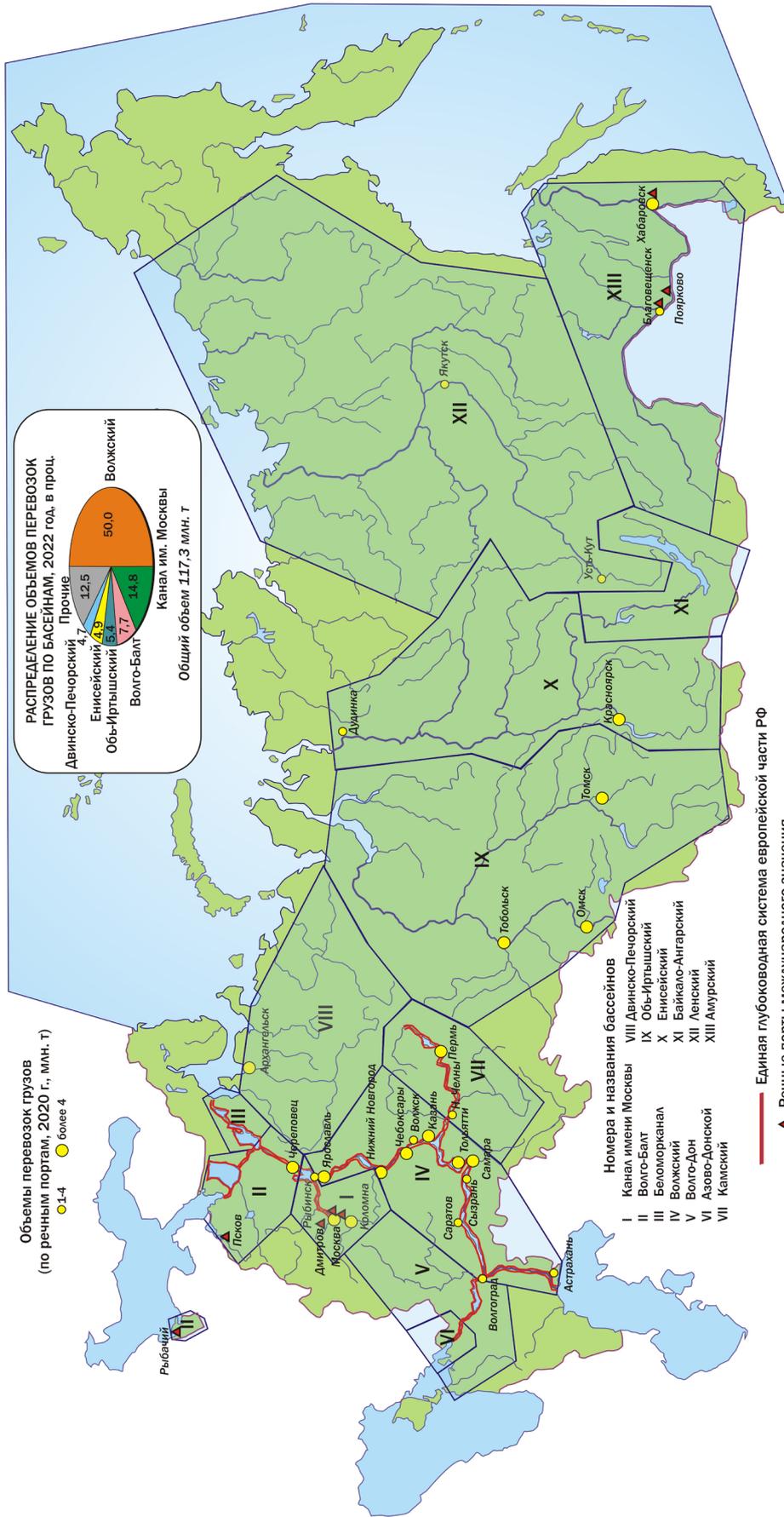

Рис. 1. Схема бассейнов внутренних водных путей федерального управления в России

Составлено по: Об определении бассейнов внутренних водных путей РФ: Приказ Минтранса РФ от 17.08.2012 № 316 (с изменениями и дополнениями от 29.09.2023); (Дмитриева, Маслова, 2023).

малые габариты судового хода; длинный период окупаемости речных судов ввиду ограниченно-го срока навигации (Егоров, 2021).

Наряду с отмеченными экономико-географическими особенностями выделяется ряд проблем системного характера в развитии ВВТ России: недостаточное финансирование внутренних водных путей и гидротехнических сооружений; дефицит современных судов, потребность в которых к 2035 году составит 500 единиц⁵; низкая инвестиционная привлекательность предприятий отрасли и недостаточный для кардинальной модернизации их основных фондов уровень инвестиций; слабое взаимодействие с другими видами транспорта, что лишает ВВТ части грузовой базы; дефицит современных перегрузочных комплексов и терминалов; отток квалифицированных кадров из отрасли (Щербанин, Голубчик, 2017).

Учитывая, что перед ВВТ поставлены грандиозные задачи по обеспечению внутренних и международных перевозок⁶, в ближайшее время России предстоит совершить «квантовый» скачок в строительстве и модернизации транспортной инфраструктуры, а также преобразовании систем финансирования, управления и подготовки кадров для данной отрасли.

Рассмотрим, как возникли и почему накопились проблемы в развитии внутреннего водного транспорта России.

Периодизация становления ВВТ России

Проблемы, свойственные для ВВТ РФ, формировались многие годы. На протяжении почти полувекового периода (1980–2023 гг.) выделяется четыре этапа становления российского ВВТ, различающихся декларируемыми целевыми установками, решаемыми задачами, системами финансирования, управления и подготовки кадров для отрасли (*таблица*).

Первый этап (1980–1990 гг.) связан с формированием единой транспортной системы и созданием крупномасштабных инфраструктурных проектов страны. На первый план были выдвинуты задачи по обеспечению взаимосвязи между ВВТ и другими отраслями народ-

ного хозяйства, а также между различными видами транспорта. Центральный научно-исследовательский институт экономики и эксплуатации водного транспорта (ЦНИИВЭТ) играл ключевую роль в разработке Генеральной схемы развития речного транспорта. Основной целью этой схемы, основанной на региональной и отраслевой специфике, стала разработка комплексного подхода, учитывающего соотношение объемов грузоперевозок, количество и структуру речных судов, специализацию портов и судоремонтных предприятий (Григорьев, 1982; Золотарёв и др., 1986; Заостровских, 2017). В рамках ускоренного промышленного освоения Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока ставилась задача формирования речных коммуникаций с выходом на Северный морской путь (Гончаренко и др., 2017). Под влиянием развернувшейся в мире контейнерной революции к середине данного этапа была сформулирована вторая задача – развитие транспортных узлов и формирование генеральной схемы контейнерной транспортной системы страны. Фактически этот этап характеризовался «соревнованием» не только по количественным показателям (тонны, т/км, пасс./км), но и по качественным, таким как скорость перевалки контейнеров в порту, коэффициент технической оснащенности и т. д. (Килин, 1980; Кривошей, 2010).

Благодаря созданной сбалансированной системе перевозок было осуществлено коренное перевооружение ВВТ. Созданная ЕГС протяженностью 6,5 тыс. км и глубиной 365 см позволяла использовать суда типа «река-море» и развивать международные перевозки. При помощи каналов ЕГС имела выход на пять морей: Белое, Балтийское, Черное, Азовское и Каспийское (Аксёнов, 1980). Пик развития российского ВВТ пришелся на 1985 год, когда протяженность эксплуатируемых внутренних водных путей составила 126,6 тыс. км, объем грузовых перевозок – 632,6 млн т, а на балансе администраций бассейнов внутренних водных путей числилось 26,3 тыс. судов технического назначения. Перевозки пассажиров составили 132 млн чел., пассажирооборот – 5,9 млрд пасс./км. Такие показатели вывели Россию в мировые лидеры по развитию ВВТ (Милославская, Троценко, 2007).

⁵ Огромный, но пока нереализованный потенциал // Морские вести России. 20.06.2023. URL: <https://morvesti.ru/news/1679/103357/> (дата обращения 15.02.2024).

⁶ Транспортная стратегия РФ до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года от 27.11.2021 № 3363-р.

Характеристика основных этапов развития ВВТ в России

	Первый этап 1980–1990 гг.	Второй этап 1991–2000 гг.	Третий этап 2001–2013 гг.	Четвертый этап 2014–2023 гг.
Генеральная цель	Формирование Единой водной транспортной системы страны	Преодоление диспропорций в развитии ВВТ, возникших из-за изменения транспортных связей	Модернизация инфраструктуры, повышение эффективности и конкурентоспособности ВВТ	Создание магистралей для развития внутренних и международных перевозок
Основные задачи	Создание ЕГС; формирование Генеральной схемы контейнерной системы страны	Модернизация, повышение эффективности и конкурентоспособности ВВТ	Переориентация массовых грузов с сухопутных на внутренние водные пути	Формирование речных транспортных коридоров для обеспечения Северного морского пути и направления «Север – Юг»
Взаимосвязь ВВТ и экономики регионов	Тесная взаимосвязь между производством и транспортом	Транспорт выделяется в самостоятельную систему		Возрождение производственно-транспортных систем
	Комплексное развитие ВВТ в увязке с потребностями страны; сбалансированное развитие перевозок грузов, судов, внутренних водных путей, портов и судоремонтной базы	Изменение транспортных связей, появление внутривидовой и межвидовой транспортной конкуренции; бессистемное развитие объектов транспортной инфраструктуры		Попытка комплексного обоснования развития перевозок грузов, судов, внутренних водных путей, портов и судоремонтной базы; межвидовая конкуренция
Финансирование	Плановое государственное финансирование объектов транспортной инфраструктуры ВВТ	Возникновение проблем финансовой обеспеченности. Акционирование речных пароходств и портов	Общий объем финансирования за 2001–2009 гг. составил 3,6 млрд руб. Федеральные субсидии пассажирских перевозок по межобластным маршрутам и завоза грузов на Крайний Север	Общий объем финансирования за период 2019–2024 гг. 281,96 млрд руб. Субсидирование из федерального бюджета пассажирских перевозок по межобластным маршрутам и завоза социально значимых грузов в районы Крайнего Севера
Нормативные документы развития ВВТ	Генеральная схема развития речного транспорта	Программа возрождения торгового флота России на 1993-2000 гг.	Подпрограмма «Внутренний водный транспорт» Федеральной целевой программы «Модернизация транспортной системы России»	Стратегия развития ВВТ РФ на период до 2030 г.; Концепции развития внутренних водных путей РФ на период до 2024 г.
Состояние ВВТ на последний год этапа	Объем перевозок грузов 516,7 млн т	Объем перевозок грузов 116,8 млн т	Объем перевозок грузов 137,3 млн т	Объем перевозок грузов 108,7 млн т
	Объем перевозки пассажиров 89,8 млн чел	Объем перевозки пассажиров 27,7 млн чел.	Объем перевозки пассажиров 13 млн чел	Объем перевозки пассажиров 10,5 млн чел.
	Объем перевозки грузов ВВТ в районы Крайнего Севера 49 млн т	Объем перевозки грузов ВВТ в районы Крайнего Севера 14 млн т	Объем перевозки грузов ВВТ в районы Крайнего Севера 18 млн т	Объем перевозки грузов ВВТ в районы Крайнего Севера 16 млн т
	Перевалка грузов в портах 917 млн т	Перевалка грузов в портах 150 млн т	Перевалка грузов в портах 176 млн т	Перевалка грузов в портах 125 млн т
Составлено по: Программа возрождения торгового флота России на 1993–2000 гг. от 30.12.2000, № 1034; Подпрограмма «Внутренний водный транспорт» ФЦП «Модернизация транспортной системы России (2002–2010 гг.)» от 19.11.2003 № МК-П-10-13850; Стратегия развития внутреннего водного транспорта РФ до 2030 года от 29.02.2016 № 372-р; Проект Концепции развития внутренних водных путей РФ на период до 2024 года (https://mintrans.gov.ru); Транспорт и связь в России: стат. сб. / Госкомстат России. М., 2001. 222 с.; Транспорт в России. 2022: стат. сб. / Росстат. М., 2022. 101 с.; (Золотарёв и др., 1986; Костыгина, 2004; Милославская, Троценко, 2007; Дмитриева, Маслова, 2023).				

Второй этап (1991–2000 гг.) был инициирован развалом Советского Союза, что привело транспортный сектор, подобно другим сферам экономики, к глубокому системному кризису. Из-за отмены единой системы обеспечения перевозки грузов изменились подходы к формированию спроса на грузовые перевозки и их планирование. А принятый в 1992 году закон об отмене поставок продукции и товаров для государственных нужд⁷ окончательно закрепил отказ от централизованного распределения материально-технических ресурсов, что породило масштабные проблемы обеспечения перевозок в районы Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока.

Первостепенными задачами развития ВВТ в этот период выступали преодоление кризисного состояния и создание транспортной инфраструктуры для обеспечения потребностей экономики страны⁸.

Поскольку на рынке транспортных услуг появилась конкуренция, то ВВТ развивался в рамках рыночных требований, увеличивая инфраструктурные ограничения. С целью выживания многие предприятия вынужденно занимались не свойственными им ранее видами деятельности. Речные порты, например, стали выполнять не только перегрузочные работы, хранение грузов и ремонт используемой техники, но и перевозку грузов. Трудней всего пришлось речным судам, так как себестоимость речных перевозок оказалась на 25–30% выше, чем на железнодорожном транспорте (Кривошей, 2010).

В это же время разернувшийся процесс акционирования и приватизации предприятий ВВТ нарушил плановые работы по обновлению речных судов, реконструкции ранее действовавших коммуникаций, а также увеличению гарантированной глубины на ЕГС с 365 до 400 см (Белов и др., 1987). Процесс реформирования проходил в условиях резкого спада объема перевозок, массовых взаимных неплатежей, роста цен на все материально-технические ресурсы. Не удивительно, что снижение объемов произ-

водства в основных грузообразующих отраслях резко сказалось на итоговых показателях ВВТ. В свою очередь отток населения из северных регионов, а также закрытие ряда промышленных производств привели к снижению завоза грузов в районы Крайнего Севера в 3,5 раза. За исследуемый период изменилась не только номенклатура грузов, но и объем перевозки по бассейнам страны (Милославская, Троценко, 2007). Объем грузовых перевозок сократился в 4,4 раза по сравнению с 1990 годом и в 2000 году составил 116,8 млн т (см. таблицу).

Третий этап (2001–2013 гг.) развития внутреннего водного транспорта был нацелен на преодоление негативных тенденций 1990-х гг. и от двух предыдущих отличался повышением уровня конкурентоспособности ВВТ за счет переориентации части массовых грузов с сухопутных маршрутов на внутренние водные пути. С методологической точки зрения важно было не только усовершенствовать систему ВВТ, но и разработать экономические методы по обеспечению «запаса» транспортной инфраструктуры в соответствии с международным требованием рынка транспортных услуг. Иначе говоря, важно было учитывать не только эксплуатационные расходы транспорта, но и внешние расходы общества на функционирование ВВТ (Бугроменко, 2009).

В качестве главных целей этапа декларировались модернизация, повышение эффективности и конкурентоспособности ВВТ за счет строительства судов нового поколения, развития портов с учетом современных требований. Для этого на трассе коридора «Север – Юг» планировалось провести замену перегрузочной техники в портах Самара, Усть-Донецк, Азов, Ейск, Астрахань, а также выполнить дноуглубительные работы до 4 м на всем протяжении ЕГС⁹.

Начиная с 2001 года наметилась положительная динамика в развитии грузовых перевозок ВВТ, объем которых с 2000 по 2008 год увеличился в 1,5 раза до 151 млн т. Однако экономический кризис сильно повлиял на показатели ВВТ. В 2009 году произошло падение объемов перевозок до 97 млн т (64% от уровня 2008 года),

⁷ Об организации работ по реализации Закона РФ от 28.05.1992 № 2859-1 «О поставках продукции и товаров для государственных нужд»: Постановление Правительства РФ от 27.08.1992 № 638.

⁸ ФЦП «Возрождение торгового флота России (1993–2001 гг.)», ФЦП «Модернизация транспортной системы России (2002–2020 годы)».

⁹ Подпрограмма «Внутренний водный транспорт» ФЦП «Модернизация транспортной системы России (2002–2010 гг.)» от 19.11.2003. Заметим, что задача обеспечения на ЕГС гарантированных глубин 400 см не решена до настоящего времени.

а по сравнению с 1989 годом объемы перевозок ВВТ в России снизились почти в шесть раз. Дефицит современных перегрузочных комплексов и портовых терминалов при избытке устаревшей и малоэффективной перегрузочной техники тормозил развитие перевозок контейнеров по водным магистралям (Милославская, Троценко, 2007). Это вынуждало грузовладельцев отказываться от перевозки грузов через речные порты, поэтому переключить массовые грузы с сухопутных маршрутов на внутренние водные пути не удалось. Как итог, нарушился перевозочный процесс единого производственно-технологического комплекса (речные суда, порты, судоремонтные базы).

Кроме того, в 2004 году в связи с объединением морской и речной служб Минтранса России¹⁰ структура управления речным транспортом претерпела серьезные изменения и фактически растворилась в Федеральном агентстве морского и речного транспорта (Кривошей, 2010). Как следствие, Научно-исследовательский институт экономики водного транспорта (ЦНИИВЭТ) фактически прекратил свою деятельность.

Вместе с тем остались без внимания и не были решены такие транспортные вопросы 1990-х гг., как рациональное распределение грузопотоков по отдельным видам транспорта, управление транспортными услугами «от двери до двери», сопоставление системы показателей ВВТ с другими видами транспорта (Заостровских, 2017).

В ходе четвертого этапа (2014–2023 гг.) планировалось переориентировать массовые грузы с сухопутных маршрутов на внутренние водные пути. В дальнейшем акцент предполагалось сместить в сторону создания магистралей особой важности для развития внутренних и международных перевозок. Это предполагало обеспечение роста конкурентоспособности ВВТ по отношению к другим видам транспорта, повышение доступности и качества его услуг для грузоотправителей¹¹.

Однако реализовать данные цели ВВТ не удастся. К 2024 году при неизменной общей протяженности внутренних водных путей (100–101 тыс. км) объем перевозки грузов по сравнению с 2014 годом сократился на 12,8%, а грузооборот – на 25,8% (рис. 2).

Рис. 2. Динамика перевозки грузов и грузооборот ВВТ России

Составлено по: Транспорт и связь в России: стат. сб. / Госкомстат России. М., 2001. 222 с.; Транспорт в России. 2022: стат. сб. / Росстат. М., 2022. 101 с.

¹⁰ О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти: Указ Президента РФ от 09.03.2004 № 314.

¹¹ Стратегия развития внутреннего водного транспорта РФ до 2030 г. от 29.02.2016 № 372-р.

Предпосылками снижения показателей к 2024 году явились, с одной стороны, международные экономические санкции, с другой — внутренние причины, вызванные маловодьем рек (речные суда работали с большим недогрузом), а также переориентация грузов на наземные виды транспорта после завершения строительства ряда крупных нефтегазовых проектов.

Фактически именно на этом этапе происходит определенное «затухание» деятельности ВВТ в России. Основные массовые грузы перемещаются с внутренних водных путей на железную дорогу и трубопроводный транспорт, а прочие грузы — на автомобильный транспорт. За анализируемые годы ВВТ России превратился в узкоспециализированный вид транспорта по перевозке минерально-строительных материалов¹², его доля в общем объеме грузовых перевозок транспортным комплексом страны неуклонно сокращалась. Если в 2000 году она составляла 4,5%, то по итогам 2023 года — лишь 1,3%.

Основные проблемы ВВТ России к настоящему времени

Приходится констатировать, что к настоящему моменту внутренний водный транспорт России потерял лидирующие позиции в мире, уступив их Китаю. В целом ВВТ на четвертом этапе, с одной стороны, в какой-то мере повторяет траекторию развития второй половины 1990-х гг., когда важным акцентом являлось сбалансированное развитие перевозки грузов, судов, внутренних водных путей, портов и судоремонтной базы. С другой стороны, имеется существенное отличие: развитие ВВТ сводится к формированию магистралей особой важности изнутри страны к портам с целью вывоза сырьевых грузов. При этом задачи освоения Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока, развития транспортных сообщений в целях обеспечения национальной безопасности страны учитываются слабо. Наиболее серьезными проблемами ВВТ России являются нехватка финансовых ресурсов, кадровый голод и разрушение системы комплексного развития ВВТ во взаимодействии с другими видами транспорта.

¹² Преобладающие грузы российского ВВТ: минерально-строительные материалы (43%), уголь (19%), цемент (6%) и зерно (3%).

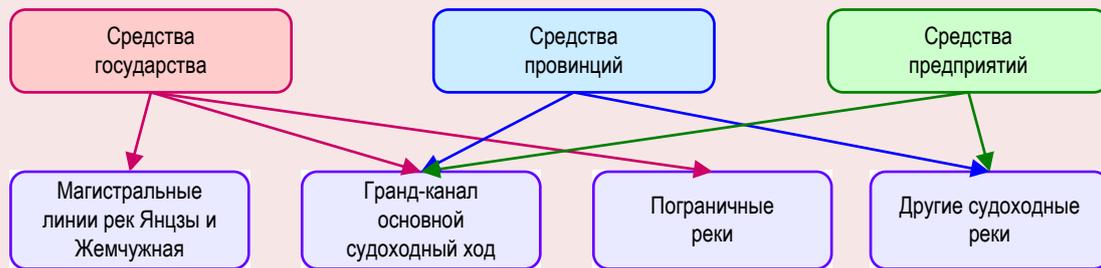
Чем интересен опыт реформирования ВВТ Китая для России

В отличие от России Китай за 45 лет (1978–2023 гг.) сумел превратить собственную систему ВВТ из малозаметной инфраструктурной отрасли в самый загруженный вид транспорта. Протяженность внутренних водных путей за этот период увеличилась на 19% и составила 128 тыс. км; объем перевозки грузов вырос в 10 раз (с 436 млн т до 4,4 млрд т), а грузооборот ВВТ увеличился в 14,5 раза и достиг 1,9 млрд т/км. Объем перевалки грузов в речных портах КНР в 2022 году превысил 5,5 млрд т грузов, из них 58% во внутреннем сообщении и 42% — в международном. Фактически ВВТ стал одним из ключевых видов транспорта в обеспечении перевозок внутри Китая (17%), обогнав по этому показателю железнодорожный транспорт (10%) (Aritua et al., 2020). Модернизация инфраструктуры ВВТ Китая потребовала огромных инвестиций в рамках созданной многоканальной системы финансирования реформы ВВТ, реформирования системы образования и подготовки кадров, изменения системы управления ВВТ.

1. Изменение системы управления ВВТ в Китае. Наличие большой по протяженности сети внутренних водных путей потребовало четкого распределения ответственности на всех уровнях власти, поэтому ВВТ Китая находится под юрисдикцией Министерства транспорта и департаментов транспорта провинций. Министерство транспорта несет общую ответственность за политику и администрирование внутренних водных путей, а также за планирование деятельности каналов национального значения. Департаменты транспорта провинций отвечают за водные пути местного значения. Министерство водных ресурсов отвечает за развитие инфраструктуры внутренних водных путей и портов, учитывая национальные, провинциальные и муниципальные планы (Aritua et al., 2020).

2. Финансирование реформы ВВТ Китая. Ориентация на масштабное развитие водных путей КНР требовала огромных капиталовложений для строительства и технического обслуживания создаваемой транспортной инфраструктуры. Китаю за время реформы удалось создать многоканальную разветвленную систему финансовых источников для инвестирования в развитие ВВТ, которая, несмотря на свою многоэлементность, имела встроенные меха-

Рис. 3. Основные источники финансирования развития внутренних водных путей Китая

Источник: (Aritua et al., 2020).

низмы контроля над целевым использованием средств (рис. 3).

В целом реформа ВВТ Китая ориентирована на использование ряда источников финансирования проектов (Aritua et al., 2020; Lu, Aritua et al., 2023):

- государственные (центральные и местные) бюджетные фонды;
- целевые фонды министерства транспорта, формировавшиеся за счет налога на покупку транспортных средств, платы за строительство портов и специальных ассигнований на развитие внутренних водных путей;
- кредиты, предоставляемые отечественными (в основном государственными) и иностранными банками;
- средства бюджетов местных органов власти;
- фонды предприятий и учреждений.

Возможности многоканального сбора средств были широко использованы китайским правительством на провинциальном уровне управления, что сформировало политику преференций и модель смешанного финансирования для финансирования навигационно-энергетических решений на основе совместного инвестирования, разделения рисков и прибыли. С этой целью финансовые организации и правительство использовали концессионные модели. Выгоды от подобных междисциплинарных проектов распределялись пропорционально доле участия каждой стороны в инвестициях. Опыт оказался удачным и в ряде мест начали создаваться инвестиционные платформы местных органов власти для инвестирования в строительство местных водных путей (Aritua et al., 2020).

Средства органов власти являются определяющим финансовым источником поддержки развития ВВТ. В Китае применяется иерархическая модель управления водными путями, в которой центральные государственные органы несут ответственность за содержание навигационных средств и маяков на магистральных водных путях рек Янцзы, Хэйлуцзяна (Амура) и государственных прибрежных магистральных водных путях; местные власти ответственны за содержание водных путей и навигационных средств в пределах своей юрисдикции. Основными источниками средств на содержание водных путей являются плата за обслуживание водных путей, доходы предприятий, местные финансовые субсидии, другие транспортные и портовые сборы за перевозку грузов (Lu et al., 2023).

В августе 1992 года министерство транспорта совместно с министерством финансов и государственным бюро Китая по контролю за ценообразованием издали «Меры по сбору и использованию платы за техническое обслуживание внутренних водных путей». В документе уточнен объем платы за обслуживание водных путей, скорректирован стандарт сбора, указано, что плата за обслуживание водных путей взимается и управляется отделами транспортных департаментов, что усилило контроль над целевым использованием сборов на содержание и развитие водных путей. Активное создание целевых фондов для развития внутреннего водного транспорта в Китае началось в рамках Девятого пятилетнего плана (1996–2000 гг.), когда центральное правительство учредило целевые фонды для развития ВВТ, обязав министерство

транспорта выделять часть средств из налога на покупку транспортных средств и платы за строительство портов на строительство водных путей и развитие ВВТ¹³.

Следует отметить гибкость политики китайского правительства в части конструкции портовых сборов за обслуживание. В 2020 году в условиях ковидного кризиса министерство транспорта снизило существующие сервисные портовые сборы на 20% с целью помощи обновлению бизнес-среды и перезапуску работы логистических компаний¹⁴.

Объем иностранного капитала, привлечение которого также началось в годы девятой китайской пятилетки (1996–2000 гг.), составил к 2019 году около 1 млрд долларов США. Кредиты международных финансовых институтов ускорили реализацию инфраструктурных проектов в Китае и способствовали стандартизации и модернизации управления внутренними водными путями. Всемирный банк, Азиатский банк развития и другие международные финансовые организации осуществляли управление проектами и внедряли стандартизированные системы и практики с момента подготовительной работы по проекту, проектную реализацию (включая проведение торгов и управление тендерами) и постпроектную оценку для обеспечения бесперебойной реализации проектов. Внедрение передовых международных концепций управления и опыта сыграло важную роль в приведении управления строительством и техническим обслуживанием внутренних водных путей Китая в соответствие с мировой практикой (Lu et al., 2023).

Роль центрального правительства заключается в разработке и осуществлении политики и мер, а также в поощрении и поддержке сторон,

¹³ В 2005–2007 гг. на цели строительства внутренних водных путей ежегодно инвестировалось 150–200 млн долларов США. С 2008 года ежегодные инвестиции выросли до 300 млн долларов США, а в 2018 году министерство транспорта инвестировало более 1,5 млрд долларов США в целевые фонды для развития строительства внутреннего водного транспорта. При этом местные органы власти привлекли порядка 1,14 млрд долларов США (Aritua et al., 2020, p. 57).

¹⁴ Агеев А. Китай снижает портовые сборы за обслуживание, чтобы стимулировать логистические цепочки. URL: <https://glavpaluba.ru/ports/1271-kitaj-snizhaet-portovye-sbory-za-obslyuzhivanie-chtoby-stimulirovat-logisticheskie-cepochki> (дата обращения 11.02.2024).

инвестирующих в строительство водных путей. Для строительства местных водных путей действуют многоуровневые и многоканальные механизмы финансирования проектов. Примерами таких многоканальных источников финансирования выступают займы банков (чаще всего государственных, осуществляющих политику финансирования экономического и торгового развития в части проектов с государственными инвестициями), средства коммерческих банков, государственные средства, создание инвестиционных платформ и прямые инвестиции предприятий.

Примеры региональных инициатив финансирования строительства и поддержания внутренних водных путей в Китае многочисленны¹⁵.

Инвесторам, вкладывающимся в строительство внутренних портов и водных путей, разрешается одновременно осуществлять комплексное освоение земель с помощью мелиорации, а вырученные средства использовать для развития ВВТ. Компенсационные сборы за любой ущерб или занятие водных путей и ограждающих конструкций, а также средства на техническое обслуживание, зарезервированные для строительных проектов, должны быть использованы для восстановления, строительства и технического обслуживания водных объектов.

3. Реформа в области образования и подготовки кадров для ВВТ Китая оказалась напрямую связана с реформированием рынка водного

¹⁵ Так, правительство провинции Гуандун ежегодно выделяет около 70 млн долларов США на строительство и техническое обслуживание водных путей, что покрывает значительную долю работ, связанных с содержанием водных путей в провинции; в провинциях Ганьсу и Цзилинь основные расходы на содержание водных путей и управление ими напрямую включены в бюджеты провинций; центральное правительство разрешает создавать специальные компании ВВТ, которые отвечают за финансирование, оперативное управление активами и погашение кредитов проектов ВВТ (в провинциях Цзянси и Хунань были созданы группы по инвестициям и развитию портов и водных путей, отвечавшие за инвестиции и финансирование, строительство и оперативное управление инфраструктурой ВВТ); центральным правительством рекомендуется канализировать водные пути путем строительства плотин, оснащенных как средствами выработки электроэнергии, так и средствами навигации, направляя доходы от выработки электроэнергии на дальнейшее улучшение водных путей (подробнее см. Aritua et al., 2020, p. 59).

транспорта в 1980-х гг. Открытие внутреннего рынка привело к резкому росту числа частных судовладельцев, экипажам которых не хватало опыта маневрирования судами и умения технического обслуживания двигателей. Это, наряду с модернизацией сектора ВВТ, ростом международной торговли и внедрением новых информационно-коммуникационных технологий, увеличивало потребность в менеджменте логистики и управленческом персонале среднего и высшего звена в компаниях внутреннего судоходства. Модернизация отрасли требовала постоянного повышения квалификации персонала и экипажей компаний внутреннего судоходства. Для расшивки возникших проблем потребовалась реформа в системе подготовки кадров для ВВТ, которая «наложила» на общую модель развития высшего образования в Китае с точки зрения слияния университетов (Ли и др., 2023).

Университеты Китая и профессиональные школы всех уровней были переориентированы на удовлетворение растущего спроса на квалифицированный персонал ВВТ. Важным моментом явилось то, что в рамках процесса реформ центральное правительство увеличило автономию учебных заведений по водному транспорту, оставив за собой только рекомендательные функции.

Чтобы более активно адаптироваться к потребностям развития отрасли водного транспорта, министерство транспорта изменило структуру учебных заведений по водному транспорту и создало новые высшие учебные заведения. В 1992 году Уханьский морской инженерный колледж объединился с Уханьским институтом водных ресурсов транспорта, официально сменив свое название на Уханьский транспортный университет. Затем Даляньский морской колледж изменил статус на Даляньский морской университет. Создание и развитие двух университетов создало благоприятные условия для повышения качества образования до академического уровня в области судоходства и инженерии водного транспорта в Китае (Aritua et al., 2020).

Министерство транспорта и местные органы власти совместно создали несколько профессионально-технических училищ водного транспорта, включая Морской институт Гуанчжоу, Морской колледж Университета Цзимэй

и профессионально-технический колледж водного транспорта Уханьского транспортного университета.

Сформировавшаяся китайская система университетов и школ внутреннего судоходства уникальна. Китай стал единственной страной в мире, где есть университеты внутреннего судоходства. В других государствах мира образование в области внутреннего судоходства обычно ограничивается профессиональными школами и учебными заведениями (Lu et al., 2023).

Фактически Китаю за последние четыре десятилетия удалось возродить ВВТ, реализуя долгосрочную политику центрального правительства, которое четко ориентировалось на достижение постулируемых целей, координируя деятельность центрального и провинциальных правительств при сильном центральном руководстве, четкой поддержке многоканальности и диверсификации финансовых ресурсов, реформируя систему образования и подготовки кадров для ВВТ.

Дискуссия

Анализируя развитие ВВТ России, следует отметить отсутствие реальной преемственности и последовательности в решении проблем по этапам. Нерешенные проблемы советского периода в условиях глубокого системного кризиса 1990-х гг. не позволили ВВТ полноценно перейти от первого этапа развития на второй, где основной целью являлось совершенствование всех структурных элементов по мере роста объема перевозок. Третий этап развития ВВТ, как и второй, лишь частично соответствует набору необходимых условий (развитие сервиса транспортных услуг), поэтому его с трудом можно назвать завершенным. Четвертый этап подразумевает формирование магистралей для развития внутренних и международных перевозок. Однако для реализации данного этапа необходимо выстроить необходимую опорную инфраструктуру, которая отвечала бы современным потребностям экономики страны. Таких очевидных шагов нет, поэтому не приходится говорить о том, что в России создана сбалансированная единая транспортная система ВВТ.

Ситуацию осложняет и тот факт, что российский ВВТ, в отличие от китайского, долгое время находился в «тени» стратегических приоритетов транспорта страны. Как следствие, проблемы ВВТ в значительной мере лишь

декларировались и плавно «перетекали» из одной стратегии в другую¹⁶, в силу чего приобрели системный характер.

В рамках Транспортной стратегии в настоящее время отрабатывается идея круглогодичной навигации на внутренних водных путях юга. Прежде всего, это так называемая «Южная подкова»: Каспийский, Азово-Донской и Волго-Донской бассейны. Полностью реализовать инициативу планируется к 2030 году¹⁷. Для этого потребуются провести «ряд больших технических разработок». Перспективы развития ВВТ в основном связаны с модернизацией инфраструктуры и обновлением флота, устранением лимитирующих участков на ЕГС¹⁸.

Основной акцент в развитии ВВТ РФ смещается на развитие международных транспортных коридоров в рамках ЕГС. Именно этим объясняется стремление к организации круглогодичной навигации на внутренних водных путях на Каспийском, Азово-Донском и Волго-Донском бассейнах к 2030 году¹⁹. В то же время потенциал внутреннего водного транспорта Сибири и Дальнего Востока по-прежнему недооценивается в стратегических документах и недостаточно эксплуатируется в действительности, в силу чего перспективы развития транспорта Сибири и Дальнего Востока в значительной мере замыкаются на планы дальнейшего хозяйственного освоения этих макрорегионов.

Однако в стратегическом плане интересы ВВТ Сибири и Дальнего Востока могут реально кооперироваться с развитием международных транспортных коридоров. Именно такая идея заложена в новом Плане развития Северного

морского пути до 2035 года²⁰, где к транспортным задачам впервые добавлен блок «речные транспортные коридоры», которые должны образовать «транспортную решетку», соединяя Транссиб и СМП. Фактически это означает признание факта, что перспективы развития ВВТ Сибири и Дальнего Востока подвержены триединой задаче: дальнейшее хозяйственное освоение этих макрорегионов, демпфирование недостаточного развития здесь других видов транспорта и формирование транспортных связей между Северным морским путем и Транссибом (Леонов, Заостровских, 2023; Бакланов и др., 2023).

Важным вопросом, не решенным в РФ до настоящего времени, остается возможность возвращения на ВВТ грузопотоков, ранее освоенных внутренним водным транспортом, но утраченных в постперестроечный период, а сейчас обслуживаемых другими видами транспорта. Так, Транспортной стратегией на 2016–2030 гг. предусмотрена поставка, млн кубометров: песка – 1700, песчано-гравийной смеси – 760, щебня – 880, цемента – 520. Это традиционные грузопотоки внутреннего водного транспорта, которые до 1990 года составляли в общем объеме перевозок до 400 млн т ежегодно. Их возврат на внутренний водный транспорт можно обеспечить за счет льготного налогообложения судоходных компаний и речных портов, подобно тому, как это практикуется в Китае, имеющем развитый внутренний водный транспорт.

Сложившееся положение в российской речной отрасли показывает, что речной транспорт уже практически абстрагировался от транспортной системы России и значимого влияния на экономику страны не оказывает. Более того, он продолжает сдавать свои позиции и, если в ближайшее время не будут приняты кардинальные меры, ВВТ фактически может прекратить свое существование, что недопустимо для России как страны, имеющей самую протяженную, наиболее разветвленную и в недалеком прошлом весьма совершенную сеть внутренних водных путей.

¹⁶ Подпрограмма «Внутренний водный транспорт» ФЦП «Модернизация транспортной системы России (2002–2010 годы)», 2004; Стратегия развития внутреннего водного транспорта Российской Федерации до 2030 года от 29.02.2016 № 372-р; Транспортная стратегия Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года от 27.11.2021 № 3363-р.

¹⁷ Транспортная стратегия РФ до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года от 27.11.2021 № 3363-р.

¹⁸ Сидоров А. Для ВВТ готовят комплексное решение // Морские вести. 20.04.2021. URL: <https://morvesti.ru/analitika/1690/89290> (дата обращения 11.02.2024).

¹⁹ Транспортная стратегия РФ до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года от 27.11.2021 № 3363-р; Проект Концепции развития внутренних водных путей РФ на период до 2024 года (<https://mintrans.gov.ru>).

²⁰ План развития Северного морского пути на период до 2035 года от 01.07.2022 № 2115-р.

Как было показано выше, Китай за последние четыре десятилетия сумел возродить свой ВВТ в силу ряда причин: во-первых, он продемонстрировал последовательную, устойчивую, предсказуемую и адаптируемую политику центрального правительства, которое устанавливало долгосрочные цели и задачи экономического и промышленного развития в соответствии с пятилетними планами страны и ориентировало долгосрочную политику государства на достижение постулируемых целей и задач; во-вторых, осуществлял синхронную координацию деятельности центрального и провинциального правительств на всех уровнях при сильном центральном руководстве; в-третьих, выполнялась четкая поддержка поэтапной реализации целей планирования ВВТ многоканальностью и диверсификацией необходимых финансовых ресурсов, привлекаемых для развития ВВТ; в-четвертых, была реформирована система образования и подготовки кадров в интересах долгосрочного развития внутреннего водного транспорта Китая.

Выводы

Выполненный анализ показал, что за последние 45 лет в РФ внутренний водный транспорт в целом потерял позиции мирового лидера, уступив их Китаю. Накопились и до настоящего времени продолжают умножаться проблемы в развитии ВВТ.

В отличие от России, Китай за этот же период сумел превратить свой ВВТ из малозаметной инфраструктурной отрасли в самую загруженную систему внутреннего водного транспорта в мире, фактически сделав ВВТ одним из ключевых видов транспорта в обеспечении перевозок грузов внутри страны (17%), обогнавшим по объемам перевозок даже железнодорожный транспорт (10%).

Главным уроком, извлеченным из опыта развития китайского ВВТ, следует признать то, что речной транспорт, являющийся во всем

мире самым экономичным, наиболее экологичным и самым безопасным видом транспорта, должен вновь стать таким в России, вернув себе утраченные позиции, тем более что принципиальные условия для этого сохраняются.

В целях решения накопившихся в России проблем речного транспорта необходимы кардинальные меры, направленные на разработку и системное продвижение четко продуманной, последовательной, адаптируемой государственной политики в сфере речного транспорта и внутренних водных путей; совершенствование системы управления речным транспортом; создание диверсифицированной системы привлечения финансовых ресурсов для развития российского ВВТ; повышение конкурентоспособности речных судов и оптимизацию их структуры, учитывающей мировой опыт и реальные условия судоходства по водным путям России; развитие системы подготовки кадров для ВВТ, восстановление отраслевой науки для выполнения поисковых и перспективных научно-исследовательских разработок.

Для превращения российского внутреннего водного транспорта в реальную силу территориального развития страны необходимо использовать китайский опыт организации финансирования проектов ВВТ, опыт развития системы подготовки кадров, борьбы с межвидовой конкуренцией на транспорте и завершить проведение широкомасштабных давно декларированных и реально ожидаемых дноуглубительных работ.

Научная значимость исследования заключается в выполнении теоретического анализа и сравнительной оценки степени развития внутреннего водного транспорта России и Китая. Практическую значимость имеют предложения в части решения накопившихся проблем российского речного транспорта на базе использования опыта Китая по стимулированию деятельности ВВТ страны.

Литература

- Аксёнов И. А. (1980). Единая транспортная система. М.: Транспорт. 213 с.
- Бакланов П.Я., Мошков А.В., Ткаченко Г.Г., Шведов В.Г. (2023). Большое дальневосточное транспортно-экономическое кольцо: структура и функции в пространственном развитии региона // Вестник Московского университета. Серия 5: География. Т. 78. № 2. С. 73–88. DOI: 10.55959/MSU0579-9414.5.78.2.7

- Белов И.В., Персианов В.А., Волков Б.А. [и др.] (1987). Транспорт Страны Советов. Итоги за 70 лет и перспективы развития / под общ. ред. И.В. Белова. М.: Транспорт. 311 с.
- Белый О.В. (2009). Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: транспортная составляющая // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. № 2-3. С. 44–49.
- Бугроменко В.Н. (2009). Что стоит за сменой парадигм? // Транспорт России. № 46. С. 5–18.
- Григорьев Е.Г. (1982). Формирование единой водохозяйственной системы страны // Методологические вопросы учета водного фактора в развитии и размещении производительных сил: сборник научных трудов. Москва. С. 3–27.
- Гончаренко С.С., Прокофьева Т.А., Есикова Т.Н. (2017). Транспортно-логистическая система национальных и международных транспортных коридоров «Северный морской путь – Енисей – Северо-Российская Евразийская магистраль – Транссиб» как фактор управления интенсивным развитием регионов Азиатской России // Управление развитием крупномасштабных систем MLSD'2017 / под общ. ред. С.Н. Васильева, А.Д. Цвиркуна. Т. I. Москва: Институт проблем управления им. В.А. Трапезникова РАН. С. 405–415.
- Дмитриева Е.В., Маслова А.П. (2023). Реки Арктической зоны как вектор развития Северного морского пути. Проблемы и потенциал эксплуатации внутренних водных путей регионов Сибири и Дальнего Востока России // Транспортное дело России. № 4. С. 57–59.
- Егоров Г.В. (2021). Обоснование создания контейнерных судов для водного транспорта России // Судостроение. № 3 (856). С. 9–24. DOI: 10.54068/00394580_2021_3_9
- Заостровских Е.А. (2017). Комплексные транспортные исследования в России // Экономика Востока России. № 1 (7). С. 92–101.
- Золотарёв В.И., Примачёв Н.Т., Чекаловец В.И. (1986). Экономика морского порта. М.: Транспорт. 240 с.
- Исаев А.Г. (2015). Транспортная инфраструктура и экономический рост: пространственные эффекты // Пространственная экономика. № 3. С. 57–73. DOI: 10.14530/se.2015.3.057-073
- Кишин П.М. (1980). Теоретические и методологические проблемы применения региональных межотраслевых балансов // Межотраслевые балансы в исследовании регионального воспроизводства Дальнего Востока и Сибири. Институт экономических исследований. Владивосток. 136 с.
- Костыгина Л.В. (2004). Речной транспорт России в условиях рынка: современное состояние, проблемы и пути их решения // Вестник транспорта. № 2. С. 19–29.
- Краснопольский Б.Х. (2018). Дальневосточная Арктика: роль инфраструктуры в экономическом развитии и системообразовании опорных зон // Пространственная экономика. № 3. С. 165–181. DOI: 10.14530/se.2018.3.165-181
- Кривошей В.А. (2010). О речном транспорте России // Недвижимость и инвестиции. Правовое регулирование. № 4. С. 99–102.
- Леонов С.Н., Заостровских Е.А. (2021). Влияние портов Северного морского пути на формирование очаговых зон освоения восточной Арктики // Арктика: экология и экономика. Т. 11. № 1. С. 6–18. DOI: 10.25283/2223-4594-2021-1-6-18
- Леонов С.Н., Заостровских Е.А. (2023). Северный завоз как триггер развития транспорта Арктической зоны Якутии и Дальнего Востока в целом // Арктика: экология и экономика. Т. 13. № 4 (52). С. 601–612. DOI: 10.25283/2223-4594-2023-4-601-612
- Ли М., Цинь Б., Бай Я. (2023). История и реальность «китайской модели» развития высшего образования с точки зрения слияния университетов // Historia provinciae – журнал региональной истории. Т. 7. № 2. С. 527–575. DOI: <https://doi.org/10.23859/25878344-2023-7-2-4>
- Мельников Р.М. (2019). Инфраструктурная обеспеченность как фактор экономического роста в российских регионах // Региональная экономика: теория и практика. Т. 17. № 4 (463). С. 615–633. DOI: 10.24891/re.17.4.615
- Милославская С.В., Троценко Р.Н. (2007). Особенности развития речного транспорта и его место в хозяйственном комплексе России // Вестник транспорта. № 5. С. 18–27.
- Персианов В.А., Сакульева Т.Н. (2014). Сущность системного подхода и его применение на транспорте // Вестник университета. № 12. С. 64–66.
- Щербанин Ю.А. (2011). Транспорт и экономический рост: взаимосвязь и влияние // Евразийская экономическая интеграция. № 3 (12). С. 65–78.

- Щербанин Ю.А., Голубчик А.М. (2017). Перевозка грузов по внутренним водным путям России: стратегия развития до 2030 года и некоторые новые возможности для нефтегазового сектора // Проблемы экономики и управления нефтегазовым комплексом. № 11. С. 14–17.
- Amos P., Dashan J., Tao N., Junyan S. (2009). *Sustainable Development of Inland Waterway Transport in China. Theme I of a World Bank Project: Comprehensive Transport System Analysis in China*. Available at: <https://documents.worldbank.org>
- Aritua B., Lu C., van Liere R., de Leijer H. (2020). *Blue Routes for a New Era: Developing Inland Waterways Transportation in China. International Development in Focus*. Washington, DC: World Bank. DOI: 10.1596/978-1-4648-1584-3
- Fujita M., Mori T. (1996). The role of ports in the making of major cities: Self-agglomeration and hub effect. *Journal of Development Economics*, 1, 93–120.
- Lu C., Aritua B., Leijer H., Liere R., Tae-Woo Lee P. (2023). Exploring causes of growth in China's inland waterway transport, 1978–2018: Documentary analysis approach. *Transport Policy*, 136, 47–58.
- Notteboom T.E., Ducruet C., De Langen P.W. (Eds). (2009). *Ports in Proximity: Competition and Coordination among Adjacent Seaports*. Aldershot: Ashgate.
- Park J.S., Seo Y-J. (2016). The impacts of seaports on the regional economies in South Korea: Panel evidence from the augmented Solow model. *Logistics and Transportation Review*, 85, 107–119. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.tre.2015.11.009>
- Witte P., Wiegman B., Frank van Oort F., Spit T. (2014). Governing inland ports: A multi-dimensional approach to addressing inland port–city challenges in European transport corridors. *Journal of Transport Geography*, 36, 42–52. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.jtrangeo.2014.02.011>
- Xiao R., Pan L., Xiao H., Zhu Z. (2022). Research of intelligent logistics and high-quality economy development for Yangtze River cold chain shipping based on carbon neutrality. *J. Mar. Sci. Eng.*, 10, 1029. DOI: <https://doi.org/10.3390/jmse10081029>

Сведения об авторах

Сергей Николаевич Леонов – доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт экономических исследований Дальневосточного отделения РАН (680042, Российская Федерация, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, д. 153; e-mail: Leonov@ecrin.ru)

Елена Анатольевна Заостровских – кандидат экономических наук, научный сотрудник, Институт экономических исследований Дальневосточного отделения РАН (680042, Российская Федерация, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, д. 153; e-mail: Zaost@ecrin.ru)

Leonov S.N., Zaostrovskikh E.A.

Development of Inland Waterway Transport in Russia and the Experience of China

Abstract. In Soviet times, inland waterway transport played a decisive role in the exploration of the country's remote areas. The year 1985 witnessed the peak of its development, when the world's highest volume indicators were achieved. Currently, China is the world leader in this sector, having managed to transform inland waterway transport from an inconspicuous economic sector into a dynamically developing means of transport within 45 years. China's achievements deserve attention, especially in terms of the scale and speed of the process. While Russia and China differ significantly in population density, production volumes, and seasonality of water transport, they have certain similar characteristics as well (vastness of territory, length and configuration of inland waterways, possibility to reach poorly developed areas). The article identifies four stages in the development of inland waterway transport, differing in goals, objectives, financing mechanisms and tools for the implementation of development goals set for a specific stage. It is shown that the development of inland waterway transport in the Russian Federation is determined by the complex economic and geographical characteristics of the country and by accumulated system-wide problems in the development of the sector. The latter include insufficient

financing of inland waterways; shortage of modern vessels; low investment attractiveness and insufficient investment in the industry; poor interaction with other means of transport, which deprives inland waterway transport of part of the cargo base; shortage of modern transshipment complexes; outflow of skilled personnel from the industry. In order for the Russian inland waterway transport to regain its influence on the country's territorial development, it is necessary to use China's experience in organizing financing projects in this area, developing a training system, and combating interspecific competition in transport. Scientific significance of the study lies in the theoretical analysis and comparative assessment of the level of development of inland waterway transport in Russia and China. Proposals for addressing the accumulated problems of Russian river transport based on the use of China's experience in promoting the activities of inland waterway transport are of practical importance.

Key words: inland waterway transport, backbone network of inland waterways, Russia, China.

Information about the Authors

Sergey N. Leonov – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Leading Researcher, Economic Research Institute of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (153, Tikhookeanskaya Street, Khabarovsk, 680042, Russian Federation; e-mail: Leonov@ecrin.ru)

Elena A. Zaostrovskikh – Candidate of Sciences (Economics), Researcher, Economic Research Institute of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (153, Tikhookeanskaya Street, Khabarovsk, 680042, Russian Federation; e-mail: Zaost@ecrin.ru)

Статья поступила 03.05.2024.

Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества

Продолжая сложившуюся традицию нашего издания, приводим результаты мониторинговых оценок общественного мнения о состоянии российского общества, выполняемых ФГБУН ВолНЦ РАН в Вологодской области¹.

Нижеследующие таблицы и графики показывают динамику ряда параметров социального самочувствия и общественно-политических настроений населения региона по результатам последней «волны» мониторинга (июнь 2024 г.), а также за период с июня 2023 по июнь 2024 г. (последние 7 опросов, то есть почти год).

Дается сопоставление результатов исследований со среднегодовыми данными за 2000 (первый год I президентского срока В.В. Путина), 2007 (последний год II президентского срока В.В. Путина, когда были достигнуты наиболее высокие оценки президентской деятельности), 2011 (последний год президентства Д.А. Медведева) и 2012 (первый год III президентского срока В.В. Путина) годы.

Представлена годовая динамика данных за 2018, 2020–2023 гг.²

В апреле – июне 2024 года уровень одобрения деятельности Президента РФ существенно не изменился и составил 67–68%. Доля отрицательных суждений – 20–21%, что заметно ниже, чем позитивных³.

За последние 12 месяцев (с июня 2023 по июнь 2024 г.) доля положительных оценок деятельности главы государства увеличилась на 6 п. п. (с 61 до 67%)⁴.

¹ Опросы проводятся 6 раз в год в Вологде, Череповце, в Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Тарногском, Кирилловском, Никольском муниципальных округах и в Шекснинском муниципальном районе области. Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Объем выборочной совокупности – 1500 человек в возрасте 18 лет и старше. Выборка целенаправленная, квотная. Репрезентативность выборки обеспечена соблюдением пропорций между городским и сельским населением, пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города), половозрастной структуры взрослого населения области. Ошибка выборки не превышает 3%.

Более подробную информацию о результатах опросов, проводимых ВолНЦ РАН, можно найти на сайте <http://www.vsc.ac.ru/>.

² В 2020 г. было проведено четыре «волны» мониторинга. Опросы в апреле и июне 2020 г. не проводились в связи с карантинными ограничениями в период распространения COVID-19.

³ Здесь и далее во всех таблицах и в тексте: **зеленой заливкой** отмечаются **позитивные изменения**, **красной заливкой** – **негативные**, **синей** – **отсутствие изменений**. В связи с тем что изменения +/-3 п. п. попадают в пределы ошибки выборки, они считаются незначительными и отмечаются синим цветом.

⁴ Здесь и далее по тексту в рамке выделены результаты сравнительного анализа данных опроса, проведенного в июне 2024 г., с результатами «волны» мониторинга, осуществленной в июне 2023 г.

Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность..? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	Динамика среднегодовых данных									Динамика данных за последние 7 опросов							Изменение (+/-), июнь 2024 к	
	2000	2007	2011	2012	2018	2020	2021	2022	2023	Июнь 2023	Авг. 2023	Окт. 2023	Дек. 2023	Фев. 2024	Апр. 2024	Июнь 2024	июнь 2023	апр. 2024
Президент РФ																		
Одобрю	66,0	75,3	58,7	51,7	66,4	52,3	51,5	57,0	61,4	61,3	60,3	63,1	62,1	63,7	66,5	67,5	+6	+1
Не одобряю	14,8	11,5	25,5	32,6	21,7	32,6	32,0	25,7	22,5	23,3	22,3	20,5	22,5	20,8	20,0	20,2	-3	0
Председатель Правительства РФ																		
Одобрю	-	-	59,3	49,6	48,0	38,7	39,9	45,4	50,1	49,2	50,8	51,3	51,9	52,7	53,7	53,5	+4	0
Не одобряю	-	-	24,7	33,3	31,6	40,4	37,6	32,0	27,6	27,1	26,1	28,6	27,9	26,2	24,3	23,4	-4	-1
Губернатор области																		
Одобрю	56,1	55,8	45,7	41,9	38,4	35,0	36,7	40,9	48,1	48,7	48,1	47,5	49,1	50,8	51,7	51,6	+3	0
Не одобряю	19,3	22,2	30,5	33,3	37,6	42,5	40,5	35,8	30,9	30,7	29,7	29,7	29,9	27,5	30,1	28,0	-3	-2

Формулировка вопроса: «Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность...?»

Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность Президента РФ? (в % от числа опрошенных, данные ФГБУН ВолНЦ РАН)*

Изменение (+/-), июнь 2024 г. к		
Вариант ответа	июнь 2023	апр. 2024
Одобрю	+6	+1
Не одобряю	-3	0

* Здесь и далее во всех графиках представлены среднегодовые данные за 2000, 2018, 2020, 2021, 2022, 2023 гг., а также среднегодовые данные за периоды 2000–2003, 2004–2007, 2008–2011, 2012–2017 гг., соответствующие периодам президентских сроков.

Для справки:

По данным ВЦИОМ, уровень одобрения деятельности Президента РФ за период с апреля по начало июня 2024 г. не изменился и составил 78–79%. Удельный вес негативных отзывов значительно ниже (13%).

Положительная динамика в уровне поддержки деятельности главы государства фиксируется в июне 2024 года по отношению к тому же периоду 2023 года: доля одобрительных ответов выросла на 4 п. п. (с 75 до 79%).

Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Президента РФ?
(в % от числа опрошенных; данные ВЦИОМ)

Формулировка вопроса «Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Президента России?».

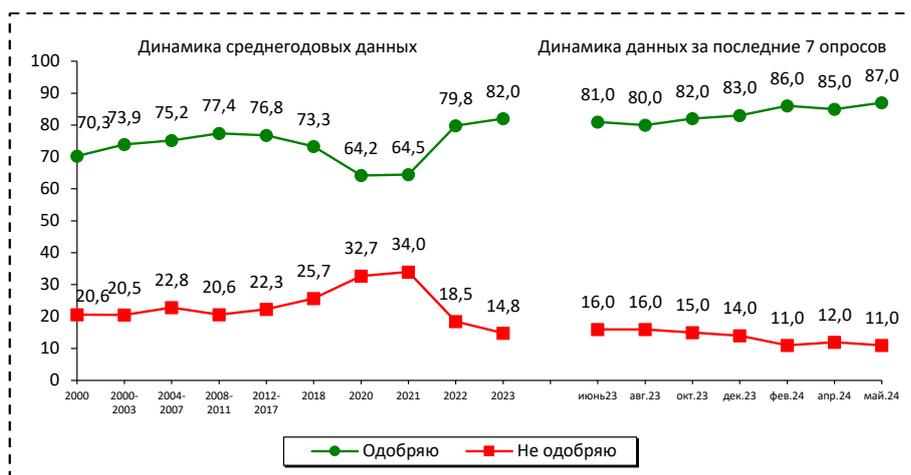
Данные за июнь 2024 г. – среднее за три опроса: от 02.06.2024, 09.06.2024 и 16.06.2024.

Источник: данные ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/>

По данным Левада-Центра, оценки деятельности Президента РФ за апрель – май 2024 г. существенно не изменились: уровень одобрения составил 85–87%. Удельный вес негативных оценок 11–12%.*

По сравнению с июнем 2023 г. уровень поддержки деятельности Президента РФ в мае 2024 г. увеличился на 6 п. п., с 81 до 87%.

Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Владимира Путина на посту Президента России? (в % от числа опрошенных; данные Левада-Центра*)

Формулировка вопроса: «Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Владимира Путина на посту президента России?»

Источник: данные Левада-Центра*. URL: <https://www.levada.ru/>

* Внесен в реестр иностранных агентов.

Доля жителей области, считающих успешными действия Президента РФ по укреплению международных позиций России, в апреле – июне 2024 г. составила 53%. Удельный вес тех, кто придерживается противоположной точки зрения, значительно меньше (29%).

По сравнению с июнем 2023 года в июне 2024 года доля положительных оценок увеличилась на 6 п. п. (с 47 до 53%), отрицательных – уменьшилась на 5 п. п. (с 34 до 29%).

Насколько успешно, на Ваш взгляд, Президент РФ справляется с проблемами...?
(в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

Укрепление международных позиций России

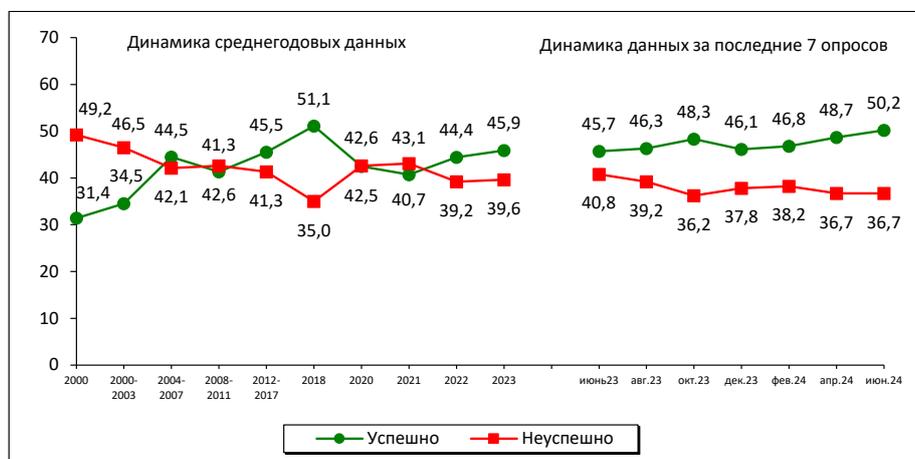

Изменение (+/-), июнь 2024 г. к		
Вариант ответа	июнь. 2023	апр. 2024
Успешно	+6	+1
Неуспешно	-5	-2

За последние два месяца мнение жителей области о деятельности главы государства по наведению порядка в стране осталось прежним: доля положительных суждений составила 49–50%, отрицательных – 37%.

За последние 12 месяцев наблюдается положительная динамика: увеличение удельного веса одобряющих работу главы государства по наведению порядка в стране с 46 до 50%. Доля негативных оценок снизилась на 4 п. п. (с 41 до 37%).

Наведение порядка в стране

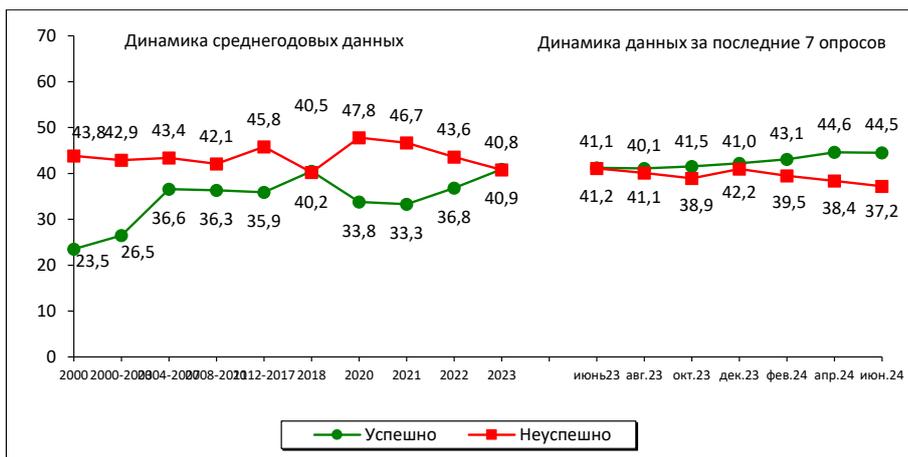

Изменение (+/-), июнь 2024 г. к		
Вариант ответа	июнь. 2023	апр. 2024
Успешно	+5	+2
Неуспешно	-4	0

В апреле – июне 2024 г. доля жителей области, позитивно оценивающих деятельность Президента РФ по защите демократии и укреплению свобод граждан, составила 44–45%; удельный вес противоположных суждений – 37–38%.

В июне 2024 г. оценки населения чуть лучше, чем в июне 2023 г. (доля позитивных характеристик увеличилась на 3 п. п., с 41 до 44%). Доля отрицательных суждений снизилась на 4 п. п. (с 41 до 37%).

Защита демократии и укрепление свобод граждан

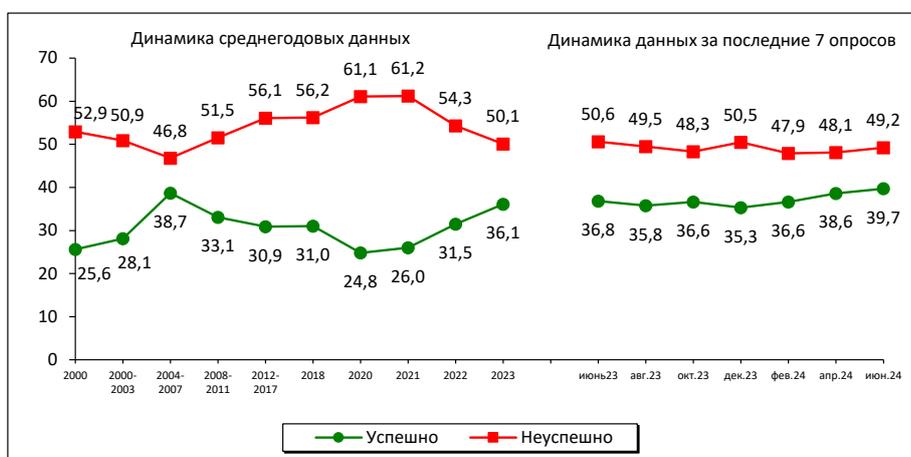

Изменение (+/-), июнь 2024 г. к		
Вариант ответа	июнь 2023	апр. 2024
Успешно	+3	0
Неудачно	-4	-1

Доля положительных оценок успешности решения Президентом РФ проблемы подъема экономики и роста благосостояния граждан за апрель – июнь 2024 г. не изменилась и составила 39–40%.

В годовой динамике (июнь 2023 – июнь 2024 года) оценки населения незначительно улучшились: на 3 п. п. (с 37 до 40%) вырос удельный вес жителей, отмечавших успешность работы Президента РФ по решению экономических проблем.

Подъем экономики, рост благосостояния граждан

Изменение (+/-), июнь 2024 г. к		
Вариант ответа	июнь 2023	апр. 2024
Успешно	+3	+1
Неудачно	-1	+1

Структура партийно-политических предпочтений жителей области в апреле – июне 2024 г. оставалась стабильной. Доля людей, чьи интересы выражает партия «Единая Россия», составила 44%, КПРФ – 8%, ЛДПР – 7%, «Справедливая Россия» – 2%, «Новые люди» – 2%.

В период с июня 2023 г. по июнь 2024 г. возрос уровень поддержки населением партии «Единая Россия» (с 39 до 44%). Доля сторонников других партий осталась без изменений.

Какая партия выражает Ваши интересы? (в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

Партия	Динамика среднегодовых данных													Динамика данных за последние 7 опросов							Изменение (+/-), июнь 2024 к	
	2000	2007	2011	Выборы в ГД РФ 2011 г., факт	2012	2016	Выборы в ГД РФ 2016 г., факт	2018	2020	Выборы в ГД РФ 2020 г., факт	2021	2022	2023	Июнь 2023	Авг. 2023	Окт. 2023	Дек. 2023	Фев. 2024	Апр. 2024	Июнь 2024	июнь 2023	апр. 2024
Единая Россия	18,5	30,2	31,1	33,4	29,1	35,4	38,0	37,9	31,5	49,8	31,7	35,2	39,5	39,3	39,0	40,3	41,7	42,7	44,5	43,7	+4	-1
КПРФ	11,5	7,0	10,3	16,8	10,6	8,3	14,2	9,2	8,4	18,9	9,3	10,1	9,6	9,5	9,8	9,8	9,8	9,0	8,5	8,2	-1	0
ЛДПР	4,8	7,5	7,8	15,4	7,8	10,4	21,9	9,6	9,5	7,6	9,9	7,3	7,0	6,7	7,8	7,9	6,5	6,6	6,5	7,1	0	+1
«Справедливая Россия – Патриоты – За правду»	-	7,8	5,6	27,2	6,6	4,2	10,8	2,9	4,7	7,5	4,7	4,9	4,4	4,7	4,5	4,5	3,5	3,6	2,8	2,7	-2	0
Новые люди*	-	-	-	-	-	-	-	-	-	5,3	2,3	1,5	1,9	2,1	2,3	1,5	1,9	1,4	1,9	2,3	0	0
Другая	0,9	1,8	1,9	-	2,1	0,3	-	0,7	0,5	-	0,2	0,3	0,1	0,0	0,2	0,0	0,3	0,1	0,1	0,1	0	0
Никакая	29,6	17,8	29,4	-	31,3	29,4	-	28,5	34,2	-	33,9	30,6	26,5	26,5	25,2	24,6	26,6	25,2	24,2	26,1	0	+2
Затрудняюсь ответить	20,3	21,2	13,2	-	11,7	12,0	-	11,2	11,1	-	10,0	10,1	11,1	11,4	11,2	11,4	9,9	11,4	11,4	9,8	-2	-2

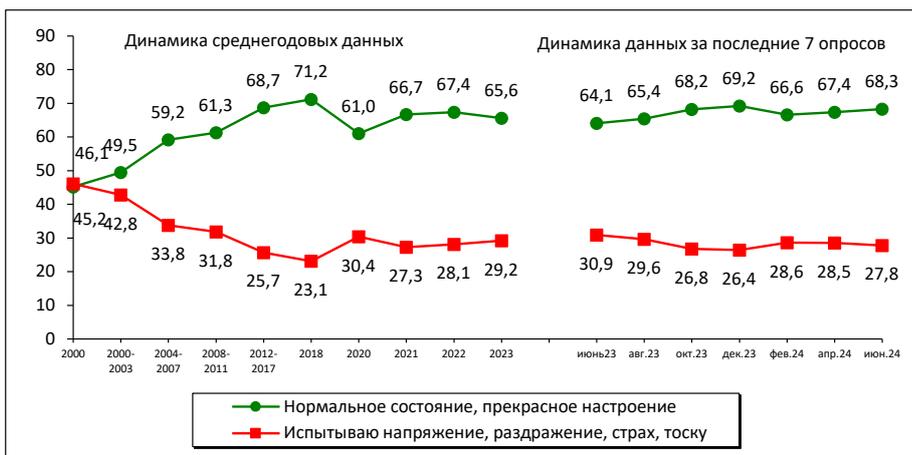
* Партия «Новые люди» впервые получила место в Государственной Думе РФ по итогам выборов, прошедших 17–19 сентября 2021 года.

Оценка социального состояния (в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

За последние два месяца удельный вес положительных оценок социального настроения составил 67–68%; доля негативных характеристик – 27–28%.

За последние 12 месяцев доля людей, характеризующих свое настроение как «нормальное, прекрасное», увеличилась на 4 п. п. (с 64 до 68%). Удельный вес тех, кто чаще испытывает «напряжение, раздражение, страх, тоску», снизился на 3 п. п. (с 31 до 28%).

Социальное настроение

Изменение (+/-), июнь 2024 г. к		
Вариант ответа	июнь 2023	апр. 2024
Нормальное состояние, прекрасное настроение	+4	+1
Испытываю напряжение, раздражение, страх, тоску	-3	-1

Запас терпения сохраняется на стабильно высоком уровне: 76% жителей области в апреле – июне 2024 г. отметили, что «все не так плохо и можно жить». Доля тех, кто считает, что терпеть их бедственное положение «уже невозможно», составила 14–15%.

Аналогичные оценки запаса терпения жителей области наблюдались в июне 2023 г.

Запас терпения

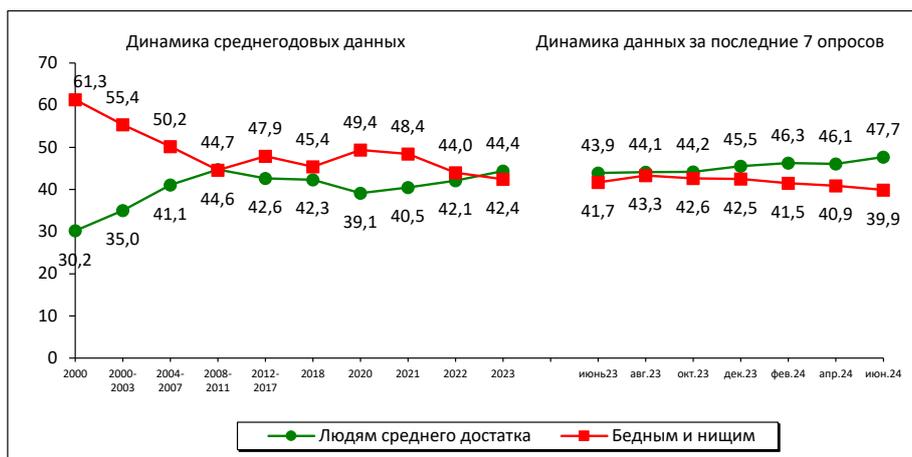

Изменение (+/-), июнь 2024 г. к		
Вариант ответа	июнь 2023	апр. 2024
Все не так плохо, и жить можно; жить трудно, но можно терпеть	+1	0
Терпеть наше бедственное положение уже невозможно	-1	-1

Как и в апреле, в июне 2024 г. доля жителей области, субъективно относящих себя к категории людей «среднего достатка», составила 46–48%. Удельный вес «бедных и нищих» также не изменился (40%).

За последние 12 месяцев доля людей «среднего достатка» увеличилась на 4 п. п. (с 44 до 48%). Доля считающих себя бедными и нищими осталась на прежнем уровне.

Социальная самоидентификация*

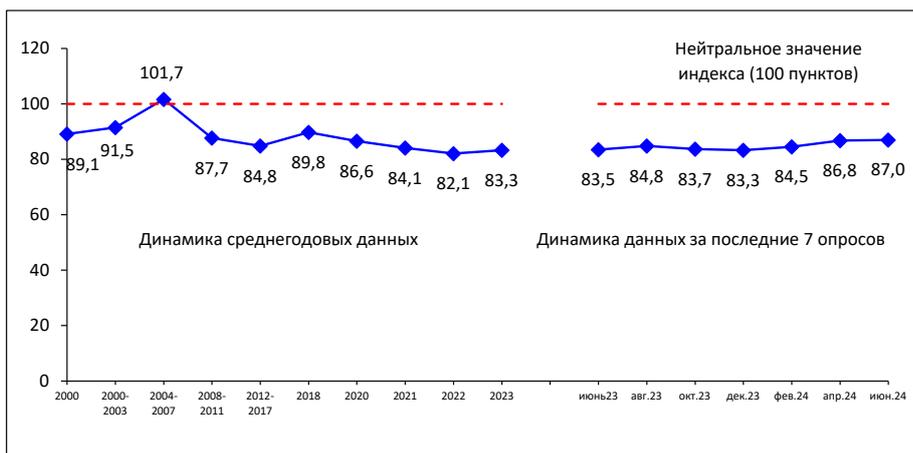
Изменение (+/-), июнь 2024 г. к		
Вариант ответа	июнь 2023	апр. 2024
Доля считающих себя людьми среднего достатка	+4	+2
Доля считающих себя бедными и нищими	-2	-1

* Формулировка вопроса: «К какой категории Вы себя относите?»

Индекс потребительских настроений (ИПН) в апреле – июне 2024 г. составил 87 пунктов.

Положительная динамика ИПН наблюдается по сравнению с июнем 2023 г.: индекс возрос на 4 п. п. (с 83 до 87 пунктов).

Индекс потребительских настроений
(ИПН в пунктах; данные ФГБУН ВолНЦ РАН по Вологодской области)

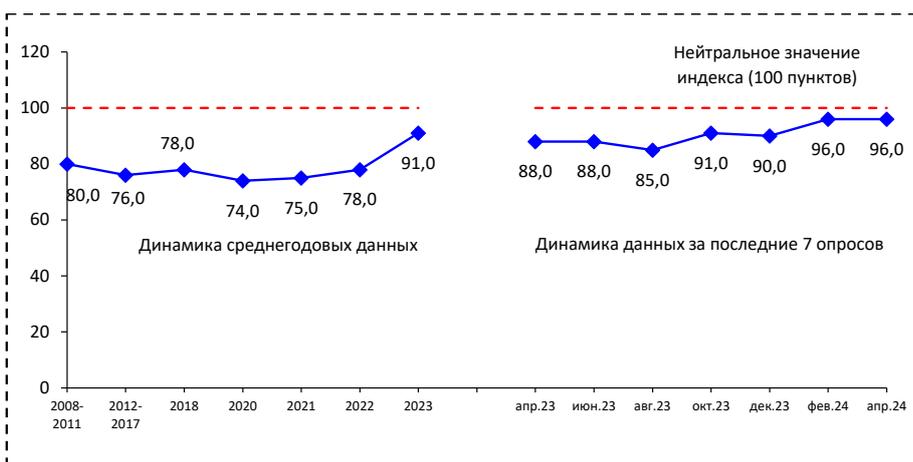
Изменение (+/-), июнь 2024 г. к		
ИПН	июнь 2023	апр. 2024
Значение индекса, в пунктах	+4	0

Для справки:

По последним данным общероссийских опросов Левада-Центра* (за период с февраля по апрель 2024 г.), индекс потребительских настроений составил 96 пунктов.

Ощутимые позитивные изменения наблюдаются за последние 12 месяцев (ИПН возрос на 8 пунктов, с 88 до 96 п.).

Индекс потребительских настроений (ИПН в пунктах; данные Левада-Центра* по России)

Изменение (+/-), апрель 2024 г. к		
ИПН	апр. 2023	фев. 2024
Значение индекса, в пунктах	+8	0

Последние данные – за апрель 2024 г.

Индекс рассчитывается с 2008 г.

Источник: данные Левада-Центра*. URL: <https://www.levada.ru/indikatory/sotsialno-ekonomicheskie-indikatory/>

* Внесен в реестр иностранных агентов.

За период с апреля по июнь 2024 г. существенных изменений в динамике доли позитивных оценок социального настроения не наблюдается в 10 из 14 основных социально-демографических категорий населения. **Возрос удельный вес людей, положительно характеризующих свое повседневное эмоциональное состояние, среди женщин (на 5 п. п., с 67 до 72%), лиц с высшим и незаконченным высшим образованием (на 6 п. п., с 70 до 76%). Отмечается ухудшение настроения в группе лиц в возрасте до 30 лет (на 6 п. п., с 78 до 72%), а также среди мужчин (на 4 п. п., с 68 до 64%).**

В период с июня 2023 по июнь 2024 г. доля позитивных оценок социального настроения увеличилась в 8 из 14 основных социально-демографических групп, особенно среди женщин (на 7 п. п., с 65 до 72%) жителей старше 55 лет (на 7 п. п., с 55 до 63%), с высшим и неполным высшим образованием (на 8 п. п., с 68 до 76%) и населения г. Вологды (на 7 п. п., с 58 до 65%). В остальных группах ощутимых изменений не наблюдается.

Социальное настроение в различных социальных группах (вариант ответа «Прекрасное настроение, нормальное, ровное состояние», в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

Категория населения	Динамика среднегодовых данных									Динамика данных за последние 7 опросов							Изменение (+/-), июнь 2024 к	
	2000	2007	2011	2012	2018	2020	2021	2022	2023	Июнь 2023	Авг. 2023	Окт. 2023	Дек. 2023	Фев. 2024	Апр. 2024	Июнь 2024	июнь 2023	апр. 2024
Пол																		
Мужской	50,1	65,9	64,5	69,1	72,8	60,8	65,7	66,8	65,5	63,4	65,4	66,9	69,6	66,5	67,7	63,5	0	-4
Женский	43,3	61,7	62,0	65,8	69,8	61,2	67,4	67,9	65,7	64,7	65,3	69,4	68,9	66,5	67,1	72,1	+7	+5
Возраст																		
До 30 лет	59,1	71,3	70,0	72,3	80,0	67,6	73,5	77,6	75,0	72,9	76,2	79,4	78,0	75,1	77,5	71,8	-1	-6
30–55 лет	44,2	64,8	62,5	67,9	72,6	61,8	69,5	69,4	68,8	68,6	69,2	71,1	72,3	69,9	70,0	71,8	+3	+2
Старше 55 лет	37,4	54,8	58,3	62,1	65,2	57,4	60,5	61,1	58,2	55,4	56,3	60,5	62,0	59,2	60,7	62,7	+7	+2
Образование																		
Среднее и н/среднее	41,7	58,4	57,4	57,2	64,8	56,1	62,1	64,6	62,0	61,6	63,2	64,4	65,5	63,9	64,7	65,5	+4	+1
Среднее специальное	46,4	64,6	63,6	66,7	72,2	63,5	66,7	68,3	66,1	63,7	65,1	70,1	69,1	66,0	67,9	65,2	+2	-3
Высшее и н/высшее	53,3	68,6	68,3	77,0	76,8	63,3	71,5	69,5	68,8	68,2	67,4	70,0	72,8	69,4	69,8	76,0	+8	+6
Доходные группы																		
20% наименее обеспеченных	28,4	51,6	45,3	51,5	57,3	43,4	54,6	57,0	50,1	50,4	49,6	52,5	54,2	52,2	53,0	51,3	+1	-2
60% средне-обеспеченных	45,5	62,9	65,3	68,7	71,9	62,6	67,3	68,1	67,4	65,7	67,9	71,0	73,1	66,9	68,5	70,0	+4	+1
20% наиболее обеспеченных	64,6	74,9	75,3	81,1	82,9	75,6	79,9	78,3	73,9	72,1	70,3	73,2	75,9	74,4	77,5	78,5	+6	+1
Территории																		
Вологда	49,2	63,1	67,1	73,6	71,0	60,9	60,3	59,8	59,6	57,8	60,8	63,8	64,8	62,5	64,2	65,2	+7	+1
Череповец	50,8	68,1	71,2	76,2	75,8	60,4	71,0	71,2	68,1	67,9	66,4	69,4	70,6	67,2	68,2	69,4	+1	+1
Районы	42,2	61,6	57,1	59,8	68,7	61,4	67,8	69,5	67,7	65,6	67,3	70,2	70,9	68,5	68,8	69,4	+4	+1
Область	46,2	63,6	63,1	67,3	71,2	61,0	66,6	67,4	65,6	64,1	65,3	68,3	69,2	66,5	67,4	68,3	+4	+1
																	8/6	2/10
положительные изменения / нет изменений / отрицательные изменения																	/0	/2

РЕЗЮМЕ

Очередная «волна» мониторинга общественного мнения проходила в мае – июне 2024 г. на фоне формирования в России нового политического цикла. Ключевые внутренние события этого периода: инаугурация В.В. Путина на должность Президента РФ (7 мая 2024 г.), назначение нового состава Правительства РФ и Администрации Президента РФ (14 июня 2024 г.), определение среднесрочных показателей национального развития на период до 2036 г. («майские указы» Президента РФ от 7 мая 2024 г.).

Учитывая значимость данных событий для развития страны, регионов, личного благополучия граждан, важно отметить, что результаты измерений показывают стабильность оценок населением ключевых индикаторов эффективности государственного управления.

В июне 2024 года уровень одобрения деятельности Президента РФ оставался стабильно высоким, составляя 67–68%. Доля положительных оценок увеличилась за последний год на 6 п. п., что говорит об устойчивой тенденции роста поддержки главы государства среди населения региона.

Положительные оценки населения региона относительно деятельности главы государства подтверждаются общероссийскими данными. 6 мая 2024 г., накануне инаугурации, ВЦИОМ представил результаты мониторингового опроса об общественном восприятии деятельности В.В. Путина на посту Президента РФ. По результатам измерений отмечено, что за последние два года уверенность россиян в способности В.В. Путина обеспечить в России стабильность и ее развитие возросла на 13 п. п. (с 67% в январе 2022 г. до 80% в мае 2024 г.). Укрепился образ В.В. Путина как руководителя, имеющего продуманную экономическую программу и лучше других политиков способного управлять страной⁵.

Партийно-политические предпочтения жителей области остаются стабильными, партия «Единая Россия» – в лидерах (44%). В период с июня 2023 по июнь 2024 года уровень поддержки этой партии возрос на 4 п. п., в то время как поддержка населением других партий не изменилась (2–8%).

Не отмечается негативных сдвигов в динамике оценки уровня жизни (доля «бедных и нищих» сохранилась на уровне 40%, людей «среднего достатка» – на уровне 46–48%) и перспектив его развития (индекс потребительских настроений составил 87 п.). Наблюдается улучшение показателя по сравнению с предыдущим годом, когда индекс составлял 83 п., что указывает на позитивные изменения в отношении материального благополучия населения региона и ожиданий от будущего.

Стабильно высокими остаются оценки социального настроения (доля тех, кто испытывает преимущественно положительные эмоции, составила 68%; удельный вес людей, считающих, что «все не так плохо и можно жить; жить трудно, но можно терпеть», – 76%).

Однако следует обратить внимание, что за последние два месяца в некоторых социально-демографических категориях населения снижается доля позитивных оценок социального настроения, прежде всего в группе лиц в возрасте до 30 лет (на 6 п. п., с 78 до 72%), в также среди мужчин (на 4 п. п., с 68 до 64%). Изменения в данных группах невозможно интерпретировать вне контекста продолжающейся специальной военной операции, так как мужчины в возрасте до 30 лет относятся к категории призывного возраста, что вызывает у них тревожные ожидания относительно мобилизации в зону военных действий СВО. Тем не менее Президент РФ В.В. Путин в ходе пленарного заседания Петербургского международного экономического форума (ПМЭФ) заявил, что необходимость в проведении мобилизации в России отсутствует и мобилизация не планируется⁶.

Кроме того, начало приемной кампании в вузы и период сдачи экзаменов могли повлиять на социальное самочувствие молодежи, приводя к снижению доли положительных оценок, вызывая у молодых людей чувство неуверенности и беспокойства.

⁵ Президент Путин: оценки и отношение граждан // ВЦИОМ. 06.05.2024. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/prezident-putin-ocenki-i-otnoshenie-grazhdan>

⁶ Путин объяснил, почему России не нужна новая мобилизация // РБК. 07.06.2024. URL: <https://www.rbc.ru/politics/07/06/2024/6663238e9a79474c3c7a8890>

В целом по социально-демографическим группам населения показатели социального настроения остаются стабильно положительными, что вызвано в том числе периодом отпусков и каникул, когда можно отвлечься от работы и учебы, посвятить время отдыху, любимым занятиям и близким людям. Однако психологическое самочувствие в разрезе групп требует дальнейшего мониторинга ситуации, а также более пристального внимания со стороны органов власти с целью предупреждения развития негативных тенденций.

Приведенные данные мониторинга свидетельствуют о том, что в обществе сохраняется высокий потенциал устойчивости, поддержки главы государства и выбранного им внешнего и внутреннего политического курса. Несмотря на тревожную внешнеполитическую обстановку, связанную с давлением стран НАТО, органам власти удается поддерживать тренд на развитие экономики в целом и сохранение благосостояния населения в частности. Принятые «майские указы» Президента РФ (7 мая 2024 года) свидетельствуют о том, что государство не забывает о текущем положении дел, продолжая активно принимать управленческие решения по повышению качества жизни граждан, а также по укреплению «государственного, культурно-ценностного и экономического суверенитета»⁷.

Материалы подготовили: К.Е. Косыгина, И.М. Бахвалова

⁷ Указ о национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года // Официальный сайт Президента РФ. 07.06.2024. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/73986>

ПРАВИЛА

приема статей, направляемых в редакцию научного журнала

«Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз»

(в сокращении; полная версия размещена на сайте <http://esc.vscs.ac.ru/info/rules>)

Журнал публикует оригинальные статьи теоретического и экспериментального характера, тематика которых соответствует тематике журнала, объемом не менее 16 страниц (30 000 знаков с пробелами). Максимальный объем принимаемых к публикации статей – 25 страниц (50 000 знаков с пробелами). К публикации также принимаются рецензии на книги, информация о научных конференциях, хроника событий научной жизни. Статьи должны отражать результаты законченных и методически правильно выполненных работ.

Требования к комплектности материалов

В электронном виде в редакцию предоставляются следующие материалы.

1. Файл со статьей в формате Microsoft Word с расширением .docx. Имя файла должно быть набрано латиницей и отражать фамилию автора (например: Ivanova.docx).
2. Данные об авторе статьи на отдельной странице, включающие Ф. И. О. полностью, ученую степень и ученое звание, место работы и должность автора, контактную информацию (почтовый адрес, телефон, e-mail), идентификатор ORCID, идентификатор Researcher ID.
3. Отсканированная копия обязательства автора не публиковать статью в других изданиях.
4. Цветная фотография автора в формате .jpeg/.jpg объемом не менее 1 Мб.

Комплект материалов в электронном виде может быть прислан по электронной почте на адрес esc@volnc.ru

Требования к оформлению текста статьи

1. **Поля.** Правое – 1 см, остальные – по 2 см.
2. **Шрифт.** Размер (кегель) – 14, гарнитура – Times New Roman (если необходимо применить шрифт особой гарнитуры (при наборе греческих, арабских и т. п. слов, специальных символов), нужно пользоваться шрифтами, устанавливаемыми системой Windows по умолчанию). Если в работе есть редко используемые шрифты, их (все семейство) нужно предоставить вместе с файлом. Интервал – 1,5.
3. **Абзацный отступ** – 1,25. Выставляется автоматически в MS Word.
4. **Нумерация.** Номера страниц статьи должны быть поставлены автоматически средствами MS Word в правом нижнем углу.
5. **Оформление 1 страницы статьи.** В верхнем правом углу страницы указывается индекс УДК. Далее через полуторный интервал – индекс ББК. Далее через полуторный интервал – знак ©, отступ (пробел), фамилия и инициалы автора статьи. Применяется полужирное начертание. После отступа в два интервала строчными буквами приводится название статьи (выравнивание по центру, полужирное начертание). После отступа в два интервала приводится аннотация (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в один интервал приводятся ключевые слова (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в два интервала приводится текст статьи.
6. **Требования к аннотации.** Объем текста аннотации должен составлять от 200 до 250 слов. В обязательном порядке в аннотации должна быть сформулирована цель проведенного исследования; лаконично перечислены образующие несомненную научную новизну отличия выполненной работы от аналогичных работ других ученых; перечислены использованные автором методы исследования; приведены основные результаты выполненной работы; определены области применения полученных результатов исследования; кратко сформулированы перспективы дальнейшей НИР в указанной области.
7. **Требования к ключевым словам.** К каждой статье должны быть даны ключевые слова (до 8 слов или словосочетаний). Ключевые слова должны наиболее полно отражать содержание рукописи. Количество слов внутри ключевой фразы – не более трех.

8. **Требования к оформлению таблиц.** В названии таблицы слово «Таблица» и ее номер (при наличии) даются без выделения (обычное начертание). Название таблицы выделяется полужирным начертанием. Выравнивание – по центру. Таблицы должны быть вставлены, а не нарисованы из линий автофигур. Не допускается выравнивание столбцов и ячеек пробелами либо табуляцией. Таблицы выполняются в табличном редакторе MS WORD. Каждому пункту боковика и шапки таблицы должна соответствовать своя ячейка. Создание и форматирование таблиц должно производиться исключительно стандартными средствами редактора, недопустимо использование символа абзаца, пробелов и пустых дополнительных строк для смысловой разбивки и выравнивания строк.

9. **Требования к оформлению рисунков, схем, графиков, диаграмм.** Название и номер рисунка располагаются ниже самого рисунка. Начертание слова «Рис.» обычное (без выделения). Название рисунка приводится с полужирным выделением. Выравнивание – по центру. Интервал – одинарный.

Для создания графиков должна использоваться программа MS EXCEL, для создания блок-схем – MS WORD, MS VISIO, для создания формул – MS Equation. Рисунки и схемы, выполненные в MS WORD, должны быть сгруппированы внутри единого объекта.

Не допускается использование в статье сканированных, экспортированных или взятых из Интернета графических материалов.

10. **Оформление библиографических сносок под таблицами и рисунками.** Пишется «Источник:», «Составлено по:», «Рассчитано по:» и т. п. и далее приводятся выходные данные источника.

11. **Оформление постраничных сносок.** Постраничные сноски оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. – 2008.

12. **Оформление и содержание списка литературы.** В списке литературы должны быть приведены ссылки на научные труды, использованные автором при подготовке статьи. Обязательно наличие ссылок на все источники из списка литературы в тексте статьи. Список литературы составляется в алфавитном порядке (сначала русскоязычные источники, затем – англоязычные). Ссылки на русскоязычные источники оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. – 2008. Ссылки на англоязычные источники оформляются в соответствии со схемой описания на основе стандарта Harvard. Если статья имеет DOI, его указание в выходных данных является обязательным.

В соответствии с международными стандартами подготовки публикаций рекомендуемое количество источников в списке литературы – не менее 20, из которых не менее 30% должны быть зарубежными. Количество ссылок на работы автора не должно превышать 10% от общего количества приведенных в списке литературы источников. Ссылка в тексте статьи на библиографический источник приводится в скобках с указанием фамилии автора и года публикации. Возможна отсылка к нескольким источникам из списка, которые должны быть разделены точкой с запятой (например: (Иванов, 2020), (Иванов, 2020; Петров, 2018), (Smith, 2001) и пр.).

Статьи без полного комплекта сопроводительных материалов, а также статьи, не соответствующие требованиям издательства по оформлению, к рассмотрению не принимаются!

ИНФОРМАЦИЯ О ПОДПИСКЕ

При Вашей заинтересованности Вы можете оформить подписку на журнал одним из следующих способов:

- 1) через объединенный каталог «Пресса России», подписной индекс журнала – 41319;
- 2) на сайте <http://www.akc.ru>;
- 3) в редакции журнала (контактное лицо – Артамонова Анна Станиславовна, тел.: 8 (8172) 59-78-32, адрес электронной почты: esc@volnc.ru).

Редакционная подготовка
Оригинал-макет
Корректор

И.А. Кукушкина
Т.В. Попова
Н.В. Степанова

Подписано в печать 27.06.2024.
Дата выхода в свет 28.06.2024.
Формат 60×84¹/₈. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 33,6. Тираж 500 экз. Заказ № 21.
Свободная цена.

Журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз / Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство ПИ № ФС77-71361 от 26 октября 2017 года.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук» (ФГБУН ВолНЦ РАН)

Адрес редакции, издателя и типографии:
160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а
Телефон (8172) 59-78-03, факс (8172) 59-78-02
E-mail: common@volnc.ru